

Викинг

ЭДИСОН МАРШАЛЛ

Викинг

EDISON MARSHALL

THE VIKING 1951

Викинг

ЭДИСОН МАРШАЛЛ

Героическая сага о Любви и завоеваниях

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1997

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)
М30

Редколлегия серии
Любовь Горлина
Сергей Кондратов
Наталия Будур
Ирина Шурыгина

Перевод с английского
Леонида Маневича
Под общей редакцией
Марии Ждановой

Художники
Нонна Алёшина
Татьяна Хрычёва

Серия «Викинги»
подготовлена Издательским центром «ТЕРРА»
совместно со Скандинавским культурным центром «НОРД»

ISBN 5-300-01566-0

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю

7

Э. Маршалл

Героическая сага о Любви и завоеваниях

перевод Л. Маневича

9

К ЧИТАТЕЛЮ

В середине IX века в Ирландию вторгаются даны, но норвежцы не спешат уступать им своих территорий, и в 853 году конунг Олав Белый захватывает Дублин, который, как показали археологические раскопки, был основан все теми же викингами, и создает там свое «королевство», которое просуществует более двух столетий. Именно с этого «плацдарма» и происходит постепенная колонизация норвежцами западных областей Англии.

Осенью 865 года в Восточной Англии высаживается несметное число датских викингов, во главе которых стоят сыновья знаменитого Рагнара Кожаные Штаны — Ивар Бескостный и Хальвдан. Через год они совершают поход в глубь страны на Йорк. Считается, что сыновья приехали отомстить за своего отца, который погиб в змеином колодце правителя Йорка. Но как бы там ни было, а 1 ноября 866 года даны входят в Йорк.

Так Западная Англия оказывается под властью норвежских викингов, а Восточная — датских.

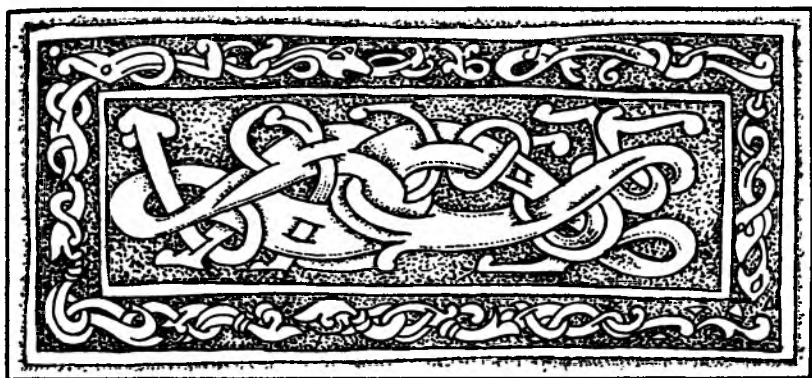
Вот об этом периоде эпохи «викингов» и пойдет речь в очередном томе нашей серии, в который включен знаменитый роман «Викинги», известный россиянам по одноименному голливудскому фильму с Кирком Дугласом в главной роли.

Счастливого плавания на викингских драккарах!

Героическая сага о Любви и завоеваниях

ПРОЛОГ

Земля осталась далеко позади. Дул свежий ветер, сияло чистое небо, синие волны темнели под вскипающими барашками.

Голова дракона на носу корабля то ныряла в волну, то высоко поднималась вверх на следующем гребне.

Седой человек с горящим взором, сидевший у мачты, бережно положил арфу и достал из-за уха остроотточенное гусиное перо. Окунув кончик в сажу, смешанную с водой, он написал свое имя — Алан — на верху свитка пергамена.

Он вывел его не по латыни, как писали все ученые люди в то время, а по-английски.

Затем его перо двинулось дальше, выводя букву за буквой. «Его повествование о правдивых приключениях Оге Дана».

Он взглянул в лицо Хёвдингу:

— Оге Кречет, через полгода может не быть в живых ни тебя, ни меня, — сказал он, — и, конечно, нас разлучат.

— Тем больше причин для того, чтобы ты пел, а мои люди и я тебя слушали, — ответил Оге.

— Ты уже слышал все мои песни, и я хочу успеть

сложить новые до того, как ты нас покинешь. С тот поры, как мне пришлось петь для всех, сердящихся без причины, я вынужден менять и смешивать материал, из которого слеплены мои песни, пока наконец не отличу быть от небылицы.

Еще не родившиеся барды услышат их и сами станут продолжать, и твоя несчастная душа будет смущаться, не зная, ходил ли ты с Рагнаром в морские походы или сражался на суше с Роландом.

Ты молод, ты едва разменял двадцать шестую зиму и легко помнишь правду, но если ты проживешь вдвое больше, а тем более, втрое, тогда то, что ты забудешь, напомним воображение.

И я приказываю тебе сесть поудобнее на эту медвежью шкуру с чашей меда в руке и каждый день вспоминать историю своей жизни.

Это поможет скоротать время гребцам в дни, когда мы не сможем идти под парусом, а записывая твой рассказ, я изменю свое мнение об этих водах, которые мне, честно говоря, не нравятся.

— Если бы ты писал рунами, они повели бы то, что я сказал, но я не уверен, что христианские буквы не изменят смысл моих слов.

— Английская грамота происходит от твоих рун. Я запишу твои слова так, как ты их молвишь. Начни с тех времен, когда ты был рабом на Длинном Проливе, там, где пел белый лебедь.

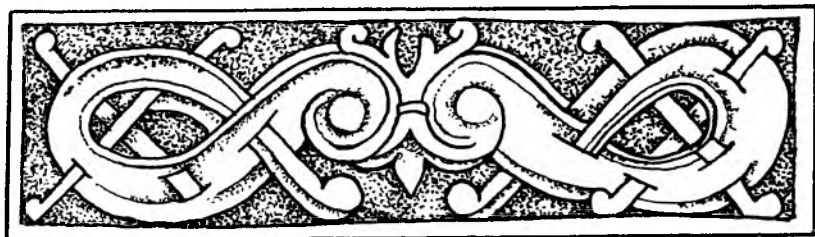
— Я был рабом Рагнара Лодброка — Рагнара Кожаные Штаны. А его слава известно всему миру...

— Хороший пергамент, такой же, как тот, который я унес из горящего Барденийского Аббатства, долговечен, — перебил его Алан. — Я смыл целую историю о Самосатенской Ереси, написанную на плохой латыни четыре века назад, дабы записать твои похождения. Четыре века спустя даже слава Рагнара может оказаться забытой. Освежи и укрепи память людям.

— Рагнар был двоюродным братом Харальда Норвежского и наместником Хорика, короля данов. Его земли простирались на четыре морских перехода от усадьбы Хорика в Шлезвиге, да еще у него были обширные владения на Скагерраке. Он и сам жил как король, и пирувал в огромном зале, увешанном коврами, с сотнями своих танов. А рабов и слуг у него было без счета. Среди его доблестных сыновей были Ивар Бескостный, Бьёрн и Хастингс Юный, прозванный так для того чтобы отличать его от Хастингса Жестокоего. Я не всегда

был свободным. Китти, женщина из Лапландии, рассказывала мне, что через тридцать лет после смерти Карла Великого...

— Остановись, Оге Кречет, — закричал Алан, — предоставь Реке Памяти течь так, как ей хочется, и нарисуй нам всем вид побережья. Покажи нам события прошлого так, как Норны показывают будущее. Иди дорогой Берсерка. Кричи и грызи свой шит!

Глава первая СТРЕЛА ОДИНА

Вы не поверите, но молодой раб с заклепанным ошейником может познать смех.

Его одели мне на шею, когда я был еще мальчишкой. Он был достаточно широк и позволял мне расти, и пять фунтов его веса добавлялись к каждой ноше.

Честно говоря, мой смех был громче, чем гром Тора в последнюю летнюю грозу, потому что смеялся я редко. А мое сердце взлетало, как на крыльях дикого лебедя.

Когда мне сравнялось шестнадцать зим, как утверждала Китти, в крови моей разгорелся огонь — огонь юной жизни.

В то утро меня освободили от тяжелой молотьбы в пыли на солнце и отправили на бычьей упряжке с едой и пивом для Рагнара и трех его сыновей на холмы, куда они отправились на охоту. А в ящике у моих ног...

Я рассказываю слишком быстро! Откуда скальду знать, где начало и конец истории? Нужно вернуться почти на девять месяцев назад. Я нашел тогда замерзавшего сокола необычной породы. Это была самка, белая в коричневую крапинку, больше и яростней, чем самый крупный из соколов моего хозяина, за которых платили серебром по весу. Ее принесло на наше побережье сильным юго-западным ветром, и я подумал, что Один, бог ветров и воинов, решил улыбнуться и мне, рабу.

Мортон, французский барон и свинопас Рагнара, посоветовал мне натаскивать ее отдельно. Иначе, сказал он, я могу никогда не приручить ее.

Урывая немного времени от работы и гораздо больше от сна и еды, я научил соколицу охотиться и подчиняться мне, как будто я сын короля.

Я дал ей гордое имя Стрела Одина. Я вставал до рассвета и ложился затемно. Мое сердце щемило от радости, которую она мне дарила. В тот день я решил дать ей полетать на глазах у Рагнара, едва смея мечтать о славе, которую она могла бы снискать.

Вышло так, что Рагнар с Иваром и Бьёрном преследовали стаю куропаток в долине, поросшей кустарником.

Я шел с сыном Рагнара Хастингсом, и к его великому удовольствию мы выследили на заросшем камышом озере уток-нырков, одни из которых плавали, а другие летали взад и вперед.

В то время я любил Хастингса меньше всех остальных сыновей Рагнара. И, конечно же, я сказал бы об этом богу Тору в своих молитвах, так как, по его закону, закону рабов, работавших в поле, я должен был любить своего хозяина и его сыновей. И все-таки, Хастингса я ненавидел сильнее других сыновей Рагнара Лодброка. И я не могу объяснить, почему. Мы с ним были почти одного возраста, его рука была не так тяжела, как у некоторых других, хотя он громче смеялся над моей неуклюжестью и неловкостью.

Но я забыл об этом, едва завидев дичь. По правде сказать, мы с ним были разгорячены так, будто только что осушили изрядный боценок крепкого хмельного эля.

Я испытывал сильное искушение сказать ему, что у меня в ящике, чтобы он смог разделить мою гордость за соколицу, как я — за его чудесного сокола, второго после сокола Рагнара. Он скоро освободит их от кожаных клубочков, и мы увидим их стремительный взлет, миг, когда они заметят добычу, а затем разделим с ними их жгучую радость.

Утки были самыми быстрыми из плавающих птиц и хорошей наградой охотнику — не горсть перьев, как обычная дикая утка, а толстошеие, мясистые, — прекрасная еда для воина. У них были короткие, но очень сильные крылья. Иной раз, когда они бросались в озеро с высоты, казалось, будто сам Тор уронил свой молот Мьельнир.

Вышло так, что красоту этой сцены заметил лишь я один. Я сказал бы об этом Хастингсу, если б смел. Глаза рабов быстро мутнеют,

но мои были еще достаточно остры. Это была красота норвежской весны, еще глубже ранящей сердце своей быстротечностью.

Лето едва-едва показывается в Норвегии, с трудом освобождаясь от ледовых пут.

Вокруг озера стеной стоял сосновый бор, такой густой, что казался черным. Сюда часто приходили волки, медведи и огромные сохатые лоси.

Вода в озере была более синей, чем небо в погожий день, за исключением тех мест, где рос изумрудно-зеленый камыш. Когда же солнечные блики играли на серых спинах уток, казалось, что и они, и вода вокруг них отливали серебром.

— Посмотри, как сияет на солнце оперение птиц! — воскликнул я шепотом.

— Оно не будет так сверкать, когда мои соколы омоют в их крови когти, — проворчал в ответ Бьёрн, не удостоив меня взглядом.

Зато он посмотрел на своего слугу Горма и четырех подлиз — вольноотпущенников, шедших за ним по пятам, словно хвост за змеей. Они смеялись над каждой его шуткой, едва он открывал рот...

Своего сокольника Сигурда он не одарил взглядом, а из всех людей Бьёрна он единственный был настоящим мужчиной.

Известно, что девы вод часто посещают одинокие озера, и наверное, одна из них обосновалась здесь и слышала похвальбу Хастингса. Во всяком случае, его соколы напрасно поднялись в небо. Один так едва не упал в воду позади утки, рванувшейся вверх.

Горм сказал, что какой-нибудь недруг отравил его, но и другой сокол так же позорно промахнулся. Почти все утки нырнули и спаслись от нападения.

— Господин, у меня есть сокол, которого я хочу испытать, — сказал я.

Хастингс ничем не показал, что услышал меня. Я уже давно заметил, что он часто делал вид, будто не расслышал сказанных слов, когда хотел выиграть время, чтобы принять решение.

Я наблюдал за ним, как раб за кнутом, я давно научился распознавать, когда он хитрит, по движению его густых рыжих ресниц. Только посадив своих соколов с клубочками на головах в клетки, он мельком взглянул на меня:

— Ты, кажется, что-то сказал, Оге? — спросил он милостиво.

Я уже пожалел, что заговорил. В мои планы входило продемонстрировать свою белую соколицу лишь после того, как Рагнар услышит мой рассказ о ней и потребует показать птицу.

Рагнар был жестокий хозяин, и его надсмотрщик со стальными мускулами мог засечь до смерти пятьюдесятью ударами, но я старался не вызывать его гнева.

Китти как-то сказала мне, когда я подрос настолько, чтобы Хастингс приметил меня, что из старого медведя и молодого воина, она бы выбрала медведя.

Хастингс был самым красивым из сыновей Рагнара. Его волосы, брови и ресницы золотисто-рыжего цвета и белоснежные зубы прекрасно сочетались с северным загаром. Сила и грациозность младшего сына Рагнара напоминали об изяществе, красоте и мощи оленя. И, без сомнения, его синие глаза, чистые и смелые, заставляли биться сильнее многие девичьи сердца.

И хотя боги дали ему все, чтобы наследовать земли Рагнара, судьба распорядилась иначе — он был младшим сыном, а, значит, последним в очереди.

— Господин, я заговорил, но я не должен был этого делать, до того, как мне прикажут.

— Ты не сделал ничего плохого. Что ты сказал?

— Мои слова похожат на орехи без ядер.

— Тем не менее, я разгрызу их.

— Я говорил, господин, что у меня есть сокол, и он может взлететь, если желаете.

— Вот это новость! Раб с соколом! Как же ты заполучил его?

— Я обнаружил ее на дереве. На высокой сосне. Она сидела, сложив крылья, и замерзала. Сперва я подумал, что это лишь небольшой пятнистый сугроб. Я залез на дерево и спас ее.

— Ты приручил и натаскал ее сам, или она улетела от какого-нибудь знатного хёвдинга?

Тут он посмотрел на своих подпевал. Я не знал, что было в его взгляде, но я разглядел, что появилось в их глазах — обещание не насмехаться надо мной.

Ни один из сыновей Рагнара или даже сам великий Викинг не смогли бы этого сделать.

Я был красным, но не от ярости, а от стыда. Ярость не подобает

рабу. Чем меньше в нас ее, тем дольше мы живем. Я же не был свободным. Я не был даже домашним рабом — треллем. Я был рабом с ошейником. Но, с другой стороны, он защищал меня от насмешек и оскорблений, как уши защищают осла, а вой — собаку.

Было бы правильным сказать Хастингсу, что мой сокол, наверно, улетел от какого-то хёвдинга. Тогда он забрал бы его, заявив, что найдет этого хёвдинга, настоящего владельца, а сам бы оставил его у себя, да, быть может, бросил бы мне несколько костей со своего стола.

— Господин, всему, что она знает, обучил ее я сам в свободное время. — И я почувствовал, как холод пробежал по спине, когда я добавил: — Правда, она очень быстро училась.

— Ну что же, открой ящик, и мы посмотрим на твою соколицу.

Было бы куда лучше для меня, окажись она обычным соколом или кречетом. Внезапно я осознал весь ужас того, о чем с надеждой мечтал: что мой сокол с тех западных островов за горизонтом, о которых рассказывают моряки. И я не сомневался, что мой сокол был лучше тех, что Хастингс, Сигурд Сокольниковый или сам грозный Рагнар видели в своей жизни.

Я открыл пыльный ящик. Соколица сидела, поблескивая начищенными острым клювом перышками. И судьбой мне было предназначено поднять ее на вытянутой руке вверх и снять с ее головы кожаный клобучок.

— Убей! — скомандовал я, когда большие золотистые глаза взглянули в мои.

И она взлетела так высоко, что казалась не больше ласточки.

Вынырнувшие утки клевали мелкую рыбешку и личинок в холодной прозрачной воде, не замечая охотницу.

— Как ты зовешь ее, Оге? — по-прежнему милостиво спросил Хастингс.

— Стрела Одина, — ответил я.

— Я не знал, что твой бог — Один. — Он подразумевал, что я не был воином и не мог молиться богу воинов, так как мне полагалось взывать к Тору.

— Но я думаю, что Один — бог этого сокола.

— Хороший ответ, и я не отрицаю, что она достойна своего имени.

Неожиданно соколица устремилась вниз, наши сердца не успели трижды стукнуть, мы не могли понять, кто станет ее добычей, так велика была высота. И в тот миг она оправдала свое имя. Она была послана Судьбой, казалось, я слышал пронзительный свист ее падения. И видел белый след в небе. К озеру летела стая нырков. Я заметил их в тот момент, когда они обнаружили прямо над собой Стрелу Одина. Птицы выгнули крылья, скользнули в стороны и с невиданной быстротой помчались назад, стараясь укрыться от когтей и клюва хищника. Но одна из птиц, чье оперенье блестело на солнце ярче других, отстала от стаи. Это был старый селезень, удар его крыла вполне мог перебить руку взрослому человеку. Ему уже сотню раз удавалось улететь от соколов за свою долгую жизнь, и он гордился этим по праву. Но теперь он был обречен, и знал это. Не обращая внимания на испуганную стаю, Стрела Одина преследовала только его одного.

— Ты говоришь, что учил ее лишь в свободное время? — тихо спросил Хастингс, следя за погоней.

— Да, господин. — Я хотел повторить, что она быстро училась, но не стал.

Охотник и его жертва летели так же, как раньше. Быстрые взмахи их сильных крыльев были красивее и изящнее танца девушек у костров Бальдра. Когда между птицами осталось расстояние в рост человека, Стрела Одина рванулась вперед, как молния, словно из тугого лука, чтобы подарить селезню поцелуй смерти. Но он сумел увернуться, этот король кричащих в камышах птиц. Он бросился в сторону, и сильные когти соколицы лишь вырвали несколько перьев из его серебристой спины.

Селезень вновь повернулся, на этот раз против ветра. Он разорвал воздух, как могучий бурав.

Теперь его преследователь не мог прижать жертву к земле, зато летел он чуть ниже, оттесняя селезня от озера.

— Она позволит надеть на себя клобучок после того, как убьет? — все так же тихо спросил Хастингс.

— Да, господин.

— Почему она гонит селезня прочь?

— Она не дает ему лететь к озеру. Я видел, что многие дикие соколы поступают именно так.

— Да, я тоже видел такое. Что скажешь, Оге? Ты вправе гордиться своей воспитанницей. Что-нибудь беспокоит тебя?

— Ничего, кроме рабства.

— Клянусь богами, я и не подозревал!

Тем временем селезень изменил направление и летел прямо на нас. Это выглядело так, словно соколица гнала его сюда, чтобы положить к моим ногам. Стрела Одина метнулась вверх, словно прыгун, оттолкнувшись крыльями. Ее клюв и когти вонзились в селезень. Две падающие звезды — белая охотница и ее серебристая жертва — начали стремительный полет вниз. Они опустились на землю, словно любовники, не разжимающие пылких объятий.

— На руку! — скомандовал я, подставляя руку.

И, сильно взмахнув крыльями, Стрела Одина плавно подлетела ко мне и опустилась на руку. Но я не стал закрывать соколицу. Какой бы ни была ее судьба, я хотел, чтобы она видела ее.

— Ты отлично вышколил птицу, — сказал Хастингс.

— Ей было суждено убивать и летать. Я только сумел заставить ее делать это для меня.

— Ты бы не смог выучить ее в свободное время, если она из обычных перьев и мяса. Или ты обманул моего отца Рагнара и тогда должен умереть под плетью, или это оборотень. Если так, то в ее жилах нет крови и ей нельзя причинить вред. Что ж, проверим!

Хастингс потянул меч из ножен, и солнце вспыхнуло на клинке. Мы были обречены на смерть, но не шелохнулись. Тем временем сверкающая сталь направилась в нашу сторону. Но она не срубила голову соколице и не вонзилась в мое сердце. Вместо этого острое лезвие скользнуло по боку птицы. Ее крыло упало, и капли крови алыми бусинками покатались по перьям.

Она повернула ко мне голову, и большие желтые глаза взглянули на меня.

— Убей! — сказал я.

Стрела Одина ударила, как из Лука Одина. Моя рука была как дубовая ветвь, которая не шелохнулась от удара.

Ее единственное крыло раскрылось в могучем взмахе, а кровь брызнула из обрубленного в суставе крыла, и Хастингс засмеялся над увечьем, которое нанес его меч.

Но потом он выронил меч, недооценив мощь ее броска. Девять

острых наконечников Стрелы Одина глубоко впились в его лицо. Четыре когтя вонзились в каждую щеку и раздирали плоть, увеличивая рану. Девять — священное число Одина, и девятое острие, более страшное, чем остальные, могло легко разорвать его веки и погасить свет его глаз. Но ей было сказано убить, а не ослепить. И, хотя это было ей не по силам, она старалась изо всех сил. Так же, как и тогда, когда ее когти впивались в тела птиц и клюв бил в их головы, ударила она в лицо Хастингса.

Не обращая внимания на крик боли, вырвавшийся у Хастингса, его дружина, за исключением Горма, разразилась хохотом. Он дал им свободу, но не смог сделать из них норманнов. Никто из них не помог ему, их охватило веселье, а он тщетно пытался оторвать соколицу от лица.

Затем он оторвал ее за ноги, сломав ей колени, и выдрал ее клюв. Хастингс бросил птицу на землю, и, казалось бы, вольноотпущенникам можно и утихомириться при виде его окровавленного, изодранного когтями и клювом лица. Но они не смогли, ибо оторванные ноги сокола продолжали торчать из его щек, словно сломанные стрелы.

Сигурд уставился на своего господина, что-то мыча, потом оглянулся на остальных. Те продолжали веселиться. Внезапно открытый рот Сигурда закрылся, а его прищуренные глаза расширились. Его лицо стало белым, как снег, и он умолк.

Он стоял так же тихо, как и я, пораженный в самое сердце.

Один за другим весельчаки замечали страх на лице сокольника и, увидев причину страха, умолкали.

Великий Рагнар, Великий Викинг, подошел к нам сзади незамеченным и теперь стоял рядом.

Он был очень бледен, я впервые видел его таким. Никто другой не видел, как бледнел Рагнар. Или не пережил этого зрелища, чтобы рассказать о нем.

На Рагнара было странно и страшно смотреть. Люди расступились перед ним, когда он пошел к сыну. Они смотрели на него в мертвой тишине, пока он вытаскивал один за другим восемь когтей из лица сына.

Кровь текла из каждой раны, и восемь ручейков слились с потоком из его растерзанного носа. Я с удовольствием взирал на эту реку.

В любом случае меня ждала смерть, и я радовался, что умру отмщенным.

— Мы соберемся сейчас в зале, — сказал Рагнар, повернулся и пошел к дому.

Хастингс одарил меня слабой улыбкой, выглядевшей очень странно на его обезображенном лице.

Люди потянулись к усадьбе. Я поднял Стрелу Одина. Она не могла ни летать, ни ходить, но ее голова была поднята высоко, и ярко горели ее глаза. Никто не остановил меня. Я положил ее в ящик.

И снова я шел позади всех.

Я нашел Стрелу Одина на дереве, а теперь меня повесят на дереве. Она почти замерзла тогда от зимнего холода, а меня скоро скует холод Смерти. Боги решили все за нас, и, значит, так суждено. И я громко засмеялся.

В огромном пиршественном зале, увешанном коврами, горели жировые лампы и дубовые факелы. Рагнар поднялся на свое место, почетное сидение, вырезанное из деревьев, посвященных Одину. Его одежды были из прекрасной шерсти из Дорстада и украшены застежками из золота и серебра. На руках красовались массивные золотые обручья в виде двух сплетенных змей.

Ниже Рагнара, на скамьях, с одной стороны сидели его знатнейшие таны. Их было двадцать человек. Напротив у стены стояло двадцать вольноотпущенников. Между ними на табурете стоял Хастингс. Его раны уже не кровоточили. Я занял место неподалеку от него, окровавленный, прижимая мертвую соколицу к груди.

— Пока Оге мой раб, я буду поступать с ним так, как сочту нужным, — провозгласил Рагнар.

Я не думал, что кто-нибудь будет это оспаривать. Не было необходимости собирать суд, когда какой-нибудь раб чинил насилие над свободным, тем более, над сыном хозяина.

Голос Рагнара наполнял уши людей как низкий рокочущий гром, а его присутствие ощущалось во всем. В коричневых одеждах, похожий на огромного горного медведя, он был так же громаден и лохмат. Народ не уставал удивляться — даже говорить об этом, когда мед развязывал языки, — что у него родился такой учтивый и

светловолосый сын, ведь сам он был темен и груб, как медведь. Сын же унаследовал красоту матери, младшей жены Рагнара, Эдит, которая уже умерла.

И я был очень удивлен, когда богато одетый человек высокого рода, сидевший немного в стороне от остальных, встал со своего места. В тусклом свете я узнал Эгберта из Нортумбрии, из Английского королевства, расположенного много южнее, куда Рагнар ходил в поход семнадцать зим назад. Эгберт был выслан из Англии, а здесь с помощью Рагнара построил большой дом в стиле, новом для данов, дальше по реке, на краю Дома Акре. По праву рождения и по праву богатства он был у себя на родине очень знатным эрлом, если не претендентом на трон

— Говори! — сказал ему Рагнар.

— Я могу говорить сейчас только с твоего позволения? У нас не было такого договора, Рагнар Лодброк. Ты позвал меня на суд своего раба. Если у меня нет права голоса здесь и я могу только слушать твой приговор, словно немой пес на пожаре, я, пожалуй, поеду к себе ловить лосося.

— Что до меня, то с раба надо содрать кожу, — сказал Эрик, самый знатный из всех ярлов Рагнара, без его позволения.

Рагнар не мог скрыть своего раздражения и насупился, услышав насмешку.

В тот день он был в ярости, он был настоящим конунгом, но Эрик и другие ярлы настаивали на соблюдении старых дедовских обычаев. Они служили ему, делили с ним еду, мед и добычу, но не платили ему дани и не обнажали перед ним головы. Самый лучший из всех предводителей викингов, он действительно стоил того, чтобы гордиться им и идти с ним на смерть. Но в их голубых глазах он не был богом.

— Когда ты услышишь, к чему я приговорю его, я попрошу тебя высказаться, — сказал Рагнар.

Затем он повернулся ко мне.

— Оге, ты нарушил три закона, и за каждое нарушение тебя следует предать смерти. Во-первых, ты пренебрег работой ради увлечения или безделья. Во-вторых, ты присвоил себе право соколиной охоты, имеющееся лишь у хевдингов и ярлов. В-третьих, ты держал сокола, натаскивал его и позволял ему охотиться. И если твоя вина

была лишь в этом, я окажу тебе милость. Вместо того, чтобы повесить тебя на первом же суку, я посвящаю тебя Одину в Священной Роще и принесу тебя ему в жертву.

— И ты назовешь это милостью, Рагнар? — раздался тихий голос и, притом, без позволения. Но Рагнар услышал и повернул свою бычьей голову.

— Это сказал ты, Эгберт из Нортумбрии?

— Извини, но я сомневаюсь, что норманнам известно это слово. Парню только шестнадцать.

— И что?

— Тебе подскажет святой Уилфрид. Я всего лишь плохой христианин. Я, честно говоря, в замешательстве.

— Оге, — снова зазвучал громоподобный голос викинга, — когда мой сын, Хастингс Юный, обнаружил твоё пренебрежение долгом, ты бросил сокола ему в лицо, желая ослепить.

— Нет, господин, я не делал этого.

— Я видел это собственными глазами, когда поднялся на холм.

— Тебя подвели глаза, господин. Стрела Одина бросилась сама с моей неподвижной руки.

— Это с одним-то крылом! — И Рагнар засмеялся.

— Смейся, если хочешь, Рагнар, — сказал старый сокольник, — но это так.

— А что ты ей приказал? — спросил Рагнар, и его голос был ниже, чем обычно.

— Убей.

— Я не знаю сокола, который был так же хорошо тренирован. Наверняка тебе помогала Китти Лапландка.

В комнате воцарилась напряженная тишина.

Китти, как и многие ее соплеменники, могла предсказывать судьбу и владела другими знаниями.

Хотя я помнил ее с самого рождения, я никогда не думал о ней как о колдунье. Но она умела многое, что я не мог ни понять, ни соразмерить, например, успокоить и укрепить мое сердце, когда мне было плохо и я чувствовал, что слабею. Во владениях Рагнара она была единственным человеком, которого я любил и которая, надеюсь, любила меня.

— Нет господин, она не помогала мне, — ответил я.

— А ты пошли за ней, Рагнар, и вели ей говорить за себя самой, — предложил Эгберт.

Рагнар кивнул треллю, и тот выскочил из залы. Я обрадовался этому вызову, ведь Китти была слишком изобретательна, чтобы попасть в ловушку, и к тому же единственным человеком, способным мне помочь.

— Раб, поднявший руку или оружие на свободного, заслуживает поездки на Коне Одина, — провозгласил Рагнар.

Это значило, что раба должны вздергивать на виселице вверх-вниз, пока он не умрет.

— Раб, посягнувший на жизнь господина или членов его семьи, должен умереть под пыткой, — продолжил Рагнар. — Мне пришло в голову, что наказание должно соответствовать преступлению. Так завещали нам наши предки. Ты поразил моего сына белым соколом. Так умри же от Красного Орла.

Смерть от Красного Орла доставалась убийцам знатных датских ярлов и хевдингов. Убийце острым ножом быстро отрезают ребра от позвоночника и выгибают наружу, в виде летящего орла. Таким образом, мститель добирается до легких жертвы. Лишь однажды я видел такую казнь — Хастингс Жестокий расправлялся с человеком, убившим его друга. Я был тогда мальчишкой. Я убежал, и меня тошнило, под громкий хохот викингов. Мне казалось, что они бледнеют под своим загаром, и смех их уже слышен повсюду.

— А ты сильно его ненавидишь, — воскликнул Эгберт, — клянусь Христом, умершим за меня!

Я не сводил взгляда с Рагнара и увидел, что и он посматривает на меня. Разум мой был холоден. Под рукой я почувствовал слабое бие-ние сердца Стрелы Одина.

— Клянусь дубом Одина, Эгберт! Ты считаешь, что я трачу свою ненависть на раба? — произнес Рагнар.

— Тогда почему ты хочешь убить его именно этим способом?

— Посмотри на лицо моего сына и поймешь.

— Оно милее, чем лицо девушки, — закричал Эрик и хлопнул себя по ноге.

Когда стих хохот сорока мужчин, Ивар Бескостный, старший сын Рагнара, произнес:

— Теперь и впредь будем называть его Хастингс Девичье Личико.

И ярлы весело заревели и дружно затопали ногами.

— Рагнар Лодброк, ты советовался с ведуньей? — спросил седовласый викинг.

— Я говорил с Меерой, которая, как вы знаете, мудрее многих колдуний. Она сказала, что смерть от Красного Орла научит всех рабов уважать законы, и что такая смерть милосерднее и быстрее, чем смерть под кнутом.

— А что скажет Хастингс Девичье Личико, если только его щеки удержат воздух, чтобы говорить?

— Что ж, я смогу обнажить меч, чтобы вырвать его лживое сердце и бросить воронам, — ответил Хастингс и тихо и злобно улыбнулся.

— Великий господин, я могу ответить на вопрос, заданный ярлом Эгбертом, если ты позволишь мне говорить, — раздался голос, который здесь еще никто никогда не слышал.

Китти вошла незамеченной, но теперь все взоры были прикованы к ней, к ее желтому лицу.

Маленькая угловатая женщина, одетая в оленьи шкуры, стояла перед собранием. Ее черные волосы были собраны в тугой хвост. Она никогда не говорила, сколько ей лет. Она считала, что это может причинить ей зло; и никто не мог быть уверенным, что не ошибся лет на десять. По мне, так на все двадцать.

Но даже Рагнар не смел возвысить голос на эту женщину, жрицу Одина, ведьму, чье светлое слово могло открыть судьбу конунга. Рабыня-лапландка принадлежала Меере, она никогда не получала достойного места на обряде Середины Лета, но ярлы и воины слушали ее, боясь проронить хоть слово.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, Китти, — ответил Рагнар, — но ты можешь продолжать.

— Ярл из Англии спрашивал тебя, почему ты назначил своему рабу Оге Смерть Красного Орла: я скажу тебе, почему. Хотя ты не знаешь, как родился Оге, ты веришь, что он сын великого ярла. И потому ты выбрал для него эту смерть, какую высокородные даруют высокородным убийцам своих отцов и сыновей.

— Китти, ты всего лишь старая желтолицая пастушка северных оленей. Был ли его отец ярлом или троллем, держу пари на свои золотые браслеты, что он родился в хлеву.

Рагнар зашагал по залу тяжелой походкой. Теперь мне показалось, что голос у него гремел. Я знал уже, что я на волосок от Смерти Красного Орла.

— Несмотря на это, Рагнар, ты думал потешить Эдит на небе великой кровавой жертвой за раны ее сына, — продолжала Китти. — Это, должно быть, потому, что ты боишься ее молитв христианскому богу.

На этот раз тишина воцарилась надолго. Некоторые ярлы смотрели в пол, некоторые разглядывали ноги.

— Почему же я боюсь христианского бога? — покраснев, спросил Рагнар. — Потому что он выйдет против меня в бою? Я, Рагнар, сын Ринга, происхожу от бога Битв.

— Нет ни бога, ни человека, которого ты бы испугался в бою, Рагнар, вождь викингов. Но, в глубине души, норманны боятся христианского бога сильнее, чем Хель, богиню мертвых.

Рагнар сел, вытянул ноги, как всегда, когда думал, и забыл о нас. Ярлы наблюдали за ним, ошеломленные и сбитые с толку. Они были похожи на мальчишек, пытающихся понять руны и высунувших от усердия языки.

— На это я скажу тебе вот что, — великий вождь нарушил молчание, — Бог христиан — самый великий Бог из всех, каких я знаю, и нет стыда в том, что мы боимся Его, если мы искренне верим в своих богов и нашу судьбу.

Он остановился и замолчал, и тогда заговорил его сын Ивар Бескостный, возвысив голос.

— Какова же эта судьба, отец мой Рагнар?

— Такова, что мы опустошаем христианские земли во всех концах мира, берем звонкое золото и блестящее, как зимняя Луна, серебро, и привозим драгоценные, сверкающие на солнце, камни.

Присутствующие взревели во все горло. Не орали лишь трое. Одним из трех был Эгберт, другим — Хастингс Девичье Личико, который редко кричал или повышал голос, и третьим был я. Я бы тоже закричал, если бы не думал о том, что обречен умереть.

— Но что с того, что перед этим Богом свалены груды золота, серебра и драгоценных камней? — спросил огромный Эрик.

— Этим мы покажем, что мы не боимся ни Белого Христа, ни Его жрецов в длинных одеждах.

Ярлы закричали еще громче.

— В христианских королевствах есть нечто большее, чем золото и драгоценности, — тихо промолвил Хастингс.

— Клянусь богами, да он может внятно говорить, несмотря на дырявые щеки! — сказал его брат Бьерн Железнобокий.

— Это то, что нашел Олав Белый, — продолжал Хастингс. — Сейчас он король Ирландии, и его таны живут в крепких усадьбах, и у них откормленные стада, а хлеба его на полях в рост человека.

— Клянусь бородой Тора, — перебил Эрик, — я думаю, что какой-нибудь пахарь добрался до ложа Эдит и подарил ей мальчишку с красивым личиком. Что должны делать морские соколы со свиньями и коровами христиан? Я бы предпочел уйти, захватив их сокровища и прекрасных девушек.

— В словах Хастингса есть смысл, — быстро сказал Рагнар. — Англия будет принадлежать нам прежде, чем земля вновь покроется снегом. И ей будет править король, посаженный мной, а мои ярлы станут английскими эрлами. Ты будешь носить корону, Эгберт, и с этого момента меня будут интересовать все твои мысли. Китти сказала, что я хочу потешить Эдит кровавой жертвой. Разве я дурак?

— Похоже Эрик прав, и один из вас — сын пахаря, — осмелел Ивар, сын Рагнара от его первой жены Торы.

На длинных лицах ярлов появились ухмылки.

— Да, характерами мы с Хастингсом не схожи, но едва ли это можно счесть за доказательство измены, — ответил Рагнар. — Ивар, а ведь ты сам больше похож на дрожащего раба, чем на меня.

— Рагнар не меня имеет в виду, — сказал я, когда Ивар глянул в мою сторону, — я ведь не дрожу.

— Еще задрожешь, и очень скоро, — пообещал Рагнар. — Ладно, хватит буянить. Что же ты скажешь, Эгберт?

— Прости мой медленный язык, Рагнар Лодброк. Честно говоря, между твоим и английским двором есть разница. Мы не допускаем шуток о верности наших жен.

Он произнес эти слова надменно, заставив Рагнара опустить голову. Некоторых ярлов возмутил этот урок хорошего тона, но тут поднялся старый Эрик:

— Мне больше верится в то, что у вас просто нет повода для шуток, или же, что вы не опоясываете их поясами верности, отправляясь воевать, — рявкнул он.

Ярлы, вскочившие было с мест, успокоились и уселись.

— Я отвечу тебе, Рагнар, — продолжил Эгберт, когда в зале стих шум. — Я слушал священников и думаю, они не правы. Эдит не могла попасть в рай, если она избавилась от своих грехов, от жажды мести, например. Она зарывает над ранами Хастингса, но разве ты не захочешь пощадить его обидчика? Ведь способность прощать превыше всего ценится на небесах. Мы должны прощать наших обидчиков — если хотим, чтобы другие прощали нас.

— Но я совсем не желаю, чтобы другие прощали мои грехи, — яростно возразил Рагнар, — если я их совершаю, то мне и платить за них.

И ярлы согласно закивали, ибо это им было понятно.

— Как вы думаете, какое наказание придумать Оге за его преступление? — спросил Рагнар.

— Я думаю, наказание должно быть таким, чтобы оно стоило жизни, но давало шанс выжить. Зачем убивать, если можно получить за голову человека золотое кольцо? Если ты сомневаешься, то я куплю его здесь и сейчас, и избавлю тебя, Рагнар, от его присутствия.

И Эгберт стянул с пальца прекрасное золотое кольцо.

— Нет, я не продам его, хотя и купил себе на горе. Это все Мее-раведьма, она посмеялась, увидев, что я купил Китти на рынке в Дорстаде, потому что она выкармливала своим молоком какого-то чужого мальчишку и не было другой кормилицы. Работоторговец ютов отдал мне его за сломанный моржовый клык. В ту ночь я слышал, как Меера смеется во сне, а все люди знают, что это предвещает беду, и я разбудил ее. Она видела сон о нем. Даже если я продам его, я умру в доме человека, купившего его у меня. Поэтому я кинул его на съедение чайкам в море, но тогда одежда удержала его на плаву, а чайки бросились от него врассыпную, и какой-то полоумный странник выудил его и вернул мне.

— Тогда тебе есть за что ненавидеть его, — пробормотал Эгберт.

— По правде говоря, его вид меня раздражает. В его лице есть что-то, что вызывает у меня поток мыслей, которые крутятся и тянутся, словно нитка на веретено. Мне кажется, что его отец — мой

смертельный враг. Но я не продал его после сна Мееры, самой правдивой прорицательницы из всех, кого я знаю. Она считала, что лучше всего избавиться от него — заставить его выполнять долгую и тяжелую работу и заморить плохой едой — она очень скупа, как вам известно. Но он каким-то образом выжил.

Рагнар замолчал и долгим взглядом посмотрел на меня.

Я вспомнил, как Стрела Одина гордо держала голову, хотя умирала и ноги ее были сломаны, а крыло обрублено, и я старался держаться так же смело. И я поднял голову.

И встретил взгляд Рагнара.

— Оге, ты получишь то, что Эгберт называет милостью. Это будет смерть не от Красного Орла и не собачья смерть под кнутом. Я не ослеплю тебя и не стану отрубать тебе руки. Я помню, как чайки не захотели клевать твою рабскую плоть, но посмотрим, так ли поступят крабы.

Он повернулся к Отто Одноглазому — ярлы тяжело вздохнули — и велел ему выполнять приказ.

— Свяжите этому великому сокольничему руки и ноги и оставьте его на берегу, куда рабы из поварни приносят объедки. Если он выживет после прилива, любой ярл может забрать его себе.

Я сидел тихо, как Стрела Одина у меня в руке. Ее голова теперь печально свисала и качалась взад-вперед. Отто Одноглазый послал за льняными веревками, которые причиняют боль, если их долго не снимать, а затем велел двум треллям связать меня. Я видел, как связывали перед смертью других людей.

Вся разница между ними и мной заключалась в том, что теперь другие наблюдали, как вяжут меня. У меня кружилась голова, я был словно в жару. Но это должно было отвлечь меня от вида снующих вокруг крабов.

— Рагнар Лодброк, что мне делать с соколом? — спросил Отто, когда мне связали ноги и уже собирались вязать руки.

— Как ты с ней поступишь, Оге? — спросил Рагнар. — Она еще жива, но жизнь понемногу оставляет ее. Что ты решил?

— Вот это честно, — заметил какой-то ярл. — Оге уже довольно заплатил за нее.

— Я хочу, чтобы ее оставили со мной, — заявил я.

— Но она не сможет забраться тебе на плечо без ног... Отто, свяжи ему руки впереди, чтобы можно было положить ее ему на руки.

Так и было сделано, и я укрыл соколицу на своей груди, пока Оффа Бычья спина, финн, взваливал меня на спину. Таны начали подниматься со скамей, и те, у кого были лошади, направились к выходу, дыбы увидеть, как будут кормить крабов. Они задержались, чтобы посмотреть на процессию из кладовой: Меера из Кордовы несла большой серебряный рог Рагнара, а два трелля согнулись под тяжестью окованной железными обручами бочки. Отто Одноглазый освободил путь для несущих веселье, и моему «скакуну» ничего другого не оставалось, кроме как остановиться, тяжело дыша.

— Меера, я не просил эля, — сказал Рагнар, немного удивившись.

— Я подумала, что твоя глотка может пересохнуть.

Она ждала смеха, который так и не последовал. Как бы остроумна она ни была, я не заметил, чтобы дрогнула хоть одна борода.

— Все вы довольно дразнили меня моей скупостью; я приготовила это для вас, сочтите сами, сколько чаш вы сегодня опорожните.

Я смотрел на нее, как тогда я думал, в последний раз. И смотрел поэтому внимательнее, чем обычно, а, возможно, и потому, что просто боялся думать о судьбе, которая меня ждала. Меера досталась Рагнару примерно восемнадцать лет назад. Тогда ей, должно быть, еще не было двадцати. Она словно сошла с иконы в христианском храме. Но ее красота отличалась от красоты христианских девственниц. Пожалуй, лишь ее светлые волосы напоминали о франкском или саксонском происхождении, зато кожа была смуглой. Ее черные глаза сверкали над резко очерченным носом. Я слышал, что многие таны не отказались бы скоротать с ней длинные зимние ночи. Но они ни за что не осмелились бы сказать об этом Рагнару, а служанки в доме клялись, что хёвдинг ни разу не спал с ней с тех пор, как похитил ее из Кордовы. Он ценил ее за мудрые советы и хитрость, доверял ей торговые дела во многих городах и связку ключей.

— Ну что ж, это неплохое угощение в такую холодную ночь! — проговорил Рагнар.

— Должен пройти час, если не больше, пока крабы осмелеют, — продолжала женщина, — пускай льется мед и звучит смех.

Она протянула ему рог, а мы вышли за дверь. Я повернул голову, чтобы посмотреть, не идет ли кто за нами. И увидел ту, что, как я был уверен, останется со мной до конца. Когда мы добрались до освещенного луной берега, приземистая квадратная фигура ускорила шаги и добралась до залива раньше нас.

Вообще-то, это была ложбина на берегу, обычно сухая при низком приливе и едва ли в рост человека глубиной — при высоком. Сейчас воды было не больше фута. И там плавал мусор, накопившийся за день: рыбные потроха и прочие отходы. И тот, кто увидел бы свободного человека среди всего этого, понял бы, что он совершил преступление, которое можно смыть только кровью. Но я был всего лишь раб Рагнара. И я был невиновен.

— Ты оставишь его здесь, — приказала Китти Отто Одноглазому, указывая на место, до которого можно было дотянуться рукой с крутого берега.

— Тогда ты сможешь дать ему руку, когда прилив достигнет ошейника, — возразил Отто.

— Сомневаюсь, что вода доберется до этой высоты. А если и доберется, то никто не сможет запретить мне подать ему руку. Если же нет — он останется там до отлива. И тогда ярлы подберут его останки.

— Да, так сказал Рагнар. Но откуда я знаю, что ты его послушаешь.

— Если бы он был свободным, то мог сам выбрать свою судьбу.

— Чтобы раб выбирал судьбу? Не стану спорить; но ты ошибалась в одном, желтая женщина. Рагнар приказал бросить его туда, а не доставать, как ты собираешься это сделать. Ну-ка, Оффа Бычья Спина, забрось его подальше.

Я отдал Стрелу Одина Китти, а затем Оффа так толкнул меня, что я пролетел порядочное расстояние и шлепнулся на спину среди коровьих костей на дно грязной ямы. И я не мог высунуть голову из зловонной жижи, пока не перевернулся на живот и не отжался на руках. И я трижды едва не падал, потому что затекшие ноги не держали меня. В это время Отто уже спешил за своей порцией эля, а Оффа торопился следом. Хотя все тело сводили судороги и я дрожал от холода после купания, голова была не удивление ясной. Ни один краб не укусил меня, пока я плескался. Пиявки тоже меня не трогали. И

угри не вились вокруг. Я думал, что все хищники соберутся на пир, едва я окажусь в этой луже. И даже прилив не старался утопить меня, лишь накатил на меня из глубокого соленого ледяного моря и охладил мое разгоряченное тело и смысл грязь с одежды.

Китти потянулась с берега и передала Стрелу Одина в мои связанные руки.

— Я буду занята некоторое время, — сказала она.

И стала собирать сухой плавник, который не заметили рабы с поварни, и складывать в кучу на берегу. Я наблюдал, как она ходит в лунном свете. Ее движения были плавными, без всякой спешки. Но работа быстро продвигалась. Я повернулся и посмотрел на огромную реку, которая медленно поднималась из-за прилива. Две луны успели родиться и исчезнуть со дня середины лета. И ночи опять были достаточно длинны для пиров, а звезды крупны и яркие. Хотел бы я вновь увидеть зимние костры.

Раздались удары топора, и вскоре подошла Китти, неся два столбика, которые она вколотила в мягкую землю. Затем она ушла и вскоре вернулась с черной палкой в одной руке — и я потом понял, что это длинная кочерга из кузнецы, и железным котлом — в другой. Прodeв кочергу в ручку котла, она укрепила ее на столбах. Котел весом около пятидесяти фунтов, да еще наполовину наполненный водой, — такую ношу не унесешь одной рукой. Но Китти дышала спокойно, выкапывая ямку и устраивая в ней костер.

Затем она вновь исчезла в темноте и вернулась с глиняным горшком и телячьей задней ногой.

Было похоже, что она собирается готовить обед для целого драккара воинов, да еще по особому рецепту. Разведя сильный огонь, она порезала мясо длинным ножом, всегда висевшим у нее на поясе, и сложила его в котел. Я наблюдал за ее квадратным желтым лицом с носом-пуговицей, прямыми губами и узкими глазами. И хоть руки ее так и мелькали, лицо оставалось бесстрастным.

— Ты дрожишь, Оге?

— Начинаю.

— Что у тебя болит?

— Только ноги.

— Как ты думаешь, сколько длится прилив?

— Часа три-четыре.

— Почти четыре. Хотела бы я знать, как ускорить его, но эта тайна мне не известна. Я бы хотела попросить Одина, бога Ветров, выдуть воду из залива, но не знаю как.

— Чем ты сможешь мне, Китти?

— Вот этим, — она указала на котел, который лизали языки пламени.

— Ты это делаешь для меня или назло Рагнару?

Кончики ее губ поползли вверх, а лицо стало круглым, как луна.

— Что?

— Ты и сама знаешь, Китти.

Она погрузила руку в котел и облако пара окутало ее лицо. Она сразу наполнила деревянную кружку, принесенную под накидкой и, с трудом дотянувшись, поднесла ее к своим губам.

Это был всего лишь крепкий мясной бульон, я выпил его с благодарностью, хотя дрожь пробирала меня сильнее и боль в ногах усилилась.

Неожиданно я был потрясен ужасной мыслью.

— Китти! Ты надеешься поддержать во мне жизнь с помощью супа?

— А на что еще мне надеяться? Я же не могу остановить прилив.

Я никогда не считал ее красивой. Я чуть не рассмеялся, подумав об этом — скиталец должен думать о смерти, о путешествии в неизвестное, о ледяном дыхании, которое настигает мужчин, кто обречены совершить девятидневное странствие в Хель. Сейчас Китти казалась мне красивой, потому что впервые на моей памяти ее раскосые глаза блеснули от слез, а уголки губ кривились от жалости.

Я едва не расхохотался из-за ее попытки оттянуть мой смертный час при помощи супа. Приливу осталось пройти еще полпути, чтобы утопить меня. Или же чудовищу из морских глубин заплывать в устье реки и пожрать меня. Я страстно желал умереть в битве.

Были известны случаи, когда сильного и смелого раба освобождали от ошейника и полевых работ и брали на борт боевого корабля, отправлявшегося в набег на христианские страны. Тогда меня могла бы выбрать валькирия, которая отнесла бы мое окровавленное тело в Вальгаллу.

Прибрежный ветер доносил крики и смех. Чаши наполнялись до краев, и длинные усы становились белыми от пены...

...Ужас наполнял сердце, высоко вздымались языки пламени. Сколько желтого золота, сияющего серебра и сверкающих самоцветов можно было вывезти из христианских стран. Дети Одина грабили монастыри и убивали священников в белых балахонах. Потом они возвращались лебединой дорогой, и вода заливалась в отверстия для весел — так глубоко сидели в воде корабли.

Китти ушла и вернулась, волоча за собой древесный ствол.

Она дала мне еще одну порцию бульона, на этот раз более крепкого. Затем обрубила ветви на стволе и протянула мне третью чашку.

— Я больше не могу, — сказал я.

— Пусть все идет своим чередом.

Китти вырезала шест длиной около семи футов и заострила один конец. Затем она сняла свою одежду из оленьих шкур и, оставшись в одной рубашке, вошла в воду. Она вогнала шест глубоко в дно возле меня.

— Зачем это? — спросил я.

— Чтобы продержаться ночь.

— Я должен держаться ради Стрелы Одина.

— Да. Положи руки на шест и прижми его к груди.

Она вылезла, оделась и протянула мне очередную чашку супа.

Шум веселья усилился, но через некоторое время начал постепенно стихать. Тем временем прилив сжал мой живот ледяным кольцом.

Вода морозила сильнее, чем ошейник зимним утром. На лице и на груди выступил пот. Ноги онемели, словно их заколдовал злой колдун.

Китти увидела что-то на другом берегу и стала торопливо рубить дрова. Вскоре к нам приблизилась женская фигура, и Китти встала с топором в руке, ожидая ее. Эта женщина была Меера, казавшаяся тенью в лунном свете.

— Ты взяла мясо и принесла сюда котел без моего позволения, — сказала она Китти.

— Да.

— Я знала, что ты делаешь и могла помешать тебе, но не стала. Напротив, я рада, что ты помогаешь рабу и облегчаешь его страдания. Как думаешь, ты сможешь удержать в нем жизнь, пока не закончится прилив?

— Нет, госпожа.

— Сколько еще будет продолжаться прилив?

— Пока рукоять Большого Ковша не скроется за деревьями.

— Так долго?

Меера побежала легко, словно девочка, по берегу.

С тех пор, как я пил бульон в последний раз, прошло немало времени. Я уже чувствовал, как холод смерти опутывает меня и пальцы его тянутся к моему сердцу, но тут Китти вновь поднесла мне чашку. И сразу живительное тепло заставило холод отступить.

— Зачем ты солгала Меере? — спросил я. — Прилив продолжается долго, но не настолько.

— Почему она пришла сюда?

— Что я знаю об этой женщине?

— Зачем она принесла здоровенную бочку эля танам? Для того, чтобы они перепились и уснули? Но один пропускал чашу, когда она предлагала. Нет, он поднимал ее, но пригубливал только пену. Он поднимется, пока другие будут спать. Который из них?

— Хотелось бы, что бы это был Эгберт. Он бы не стал выживать меня назло данам, но если все даны спят...

— Нет, между Эгбертом и Меерой нет ничего общего.

— Что же делать? Когда прилив спадет, меня уже не будет в живых. Я обречен.

— Нет, потому что с тобой умрет великая соколица с острова на Западе.

Птица лежала на моих руках так тихо, что я давно уже считал ее мертвой. Но когда я провел пальцем по перьям, то ощутил слабое биение ее сердца.

— Если я выживу и ни один ярл не выловит меня отсюда, если я сумею выбраться — я так и останусь рабом Рагнара. Это лучше, чем стать рабом любовника Мееры?

— У Мееры нет любовника. На ней лежит проклятие: мужчина, чей огонь любви коснется ее, получит взамен лишь ледяное объятие. Но я думаю, что лучше быть рабом Рагнара, чем того, кого она прочит тебе в господины.

— Пожалуй, мне лучше всего умереть и не быть ничьим рабом. — Но на самом деле я не хотел, чтобы слова мои сбылись.

— Наверное, есть еще кто-то, кто хочет считать тебя своей соб-

ственностью и кто, как она боится, придет сюда за тобой, а иначе зачем сегодня они выкатили столько эля?

Это был пустой разговор. Холод смерти вновь начал сжимать мое сердце, атакуя со всех сторон, словно северный ветер, ищущий щель в стене.

Иногда летом, казалось мне, звезды горят теплым ласковым светом, но сейчас они блестели холодно, как клинки врага.

Один задул в море с берега, но вряд ли у меня хватит сил продержаться до отлива.

Я говорил это и раньше, но в душе не верил. Теперь же все во мне повторяло: «Да, да!», и я знал, что так и будет.

Сладость теплого питья снова вернула меня к жизни. Был конец лета. Этой ночью зима начала свой поход, на месяц раньше срока. Ледяные великаны шагали по горам, лесам, через поля, и уже завтра траву покроет иней. И уже завтра мои кости будут лежать среди бычьих костей на дне этой лужи.

Мы умрем вместе, Стрела Одина и я. В моих руках на шесте лежало ее тело, но смерть еще не взяла ее.

— Тор, позволь душе Стрелы Одина присоединиться к моей душе. Рыжебородый бог грома, позволь нам обоим сойти на Землю в образе двух больших соколов с клювами, способными ослепить человека, и когтями, которые могли бы вырвать у него сердце.

Я прислушался, желая уловить звон молота Тора по его наковальне. Но вместо этого услышал тихое пение откуда-то из северного неба.

Пение становилось все громче и красивее, но мелодия была незнакома. Она была печальней, чем песня женщины, оплакивающей великого воина, который уходил в далекие походы и возвращался с червонным золотом, белым серебром и самоцветами, горящими всеми цветами радуги, а теперь бездыханный лежал на берегу. Возможно, это была песня женщин — прекрасных дев на белых конях, летающих над полями сражений. Они носят серебряные брони и шлемы, их мечи вспыхивают, как молнии. Глаза их синее неба, а волосы ярче золота. Каждая с песней на устах бросается в битву, чтобы унести с собой изрубленного и окровавленного героя.

Быть может, одна из них взглянула вниз и, из любопытства, спустилась на землю. Но нет. Раб в ошейнике, умирающий от холода

в грязной вонючей луже, — не герой. Что ему делать в чертогах ее властелина Одина? Он никогда не приносил ему жертв и не молился в священном лесу, никогда не танцевал в пляске мечей перед богом битв. Предоставьте ему молиться Тору, богу рабов-земледельцев, который пробуждает громы и орошает дождями жаждущую землю.

Валькирии пролетели, и их дикая песня стал стихать. Это были всего лишь лебеди, как сообщила Китти.

— Я и не говорил, что это валькирии.

— А я думаю, что именно это ты и подумал. Ты уже начинаешь презить, Оге, и я боюсь, что тебе недолго осталось.

— Я вернусь обратно большим соколом. Я буду великим Драконом Длинного Пролива. Стрела Одина, позволь мне присоединить твою душу к моей. Умру я, или останусь в живых, дай мне остроту и силу твоих когтей и клюва, огонь твоих глаз и ярость сердца!

И мой сокол приподнял голову и задрожал.

— Слушай меня, Стрела лука Одина, Крылья ветра, Стрела с девятью жалами. Ты отметила своей печатью моего врага Хастингса, и он не забудет меня ни живого, ни мертвого. Соедини свою душу с моей, чтобы я мог нанести и Рагнару девять кровавых ран, глубоких, смертельных. Пусть твоя жизнь вольется в мою!

Я не понимал, что говорил до тех пор, пока Стрела Одина не забилась, вытягивая шею и пытаясь взмахнуть крылом, в моих руках. Ее клюв широко раскрылся, и я знал, что это позволение взять ее жизнь и присоединить к своей. Алая струйка крови потекла из клюва — ее жизнь, и я поднес ее ко рту и поцеловал, и ее душа не улетела на небо, а перешла ко мне в ту минуту, когда я ощутил вкус ее крови.

Великая соколица Стрела Одина была теперь бездыханной мертвой плотью и перьями.

— Я Оге Кречет, — сказал я Китти.

— Ты сходишь с ума...

— Теперь я молюсь Одину, богу Битв!

— Боюсь, он пришлет огромного Волка сожрать нас обоих.

Но я закричал так, как кричат в бою воины, призывая его:

— Один! Один!!!

После моего крика повисла глубокая тишина.

— Слушай! Он скачет на своем восьминогом коне.

Сперва я не слышал ничего, кроме шума прилива. Но затем из-

далека, с холма, поросшего лесом, послышался звук, напоминающий гул, с которым волны медленно катятся на берег.

Воздух ожил, и в нем почувствовалось какое-то движение. Повсюду слышались стоны, вздохи и рыдания, вода забурлила, и в ней появились неясные тени, стремительные, точно охотящиеся лососи. Шелест сосен слился с шуршанием волн.

Из поднебесья доносился пронзительный свист, словно огромный скакун несясь быстрее, чем нападающий сокол.

А над землей разносился вой, будто гигантский волк разевал на луну свою пасть.

— Это северный ветер, — сказала Китти, — он гонит прилив назад.

Высокий человек в развевающихся одеждах бежал по берегу. Эгберт поглядел на меня и на воду, доходившую мне до подмышек, а затем обратился к Китти:

— Я спал у окна и услышал, как кто-то зовет Одина.

— Это был Оге Кречет и прилив повернул вспять.

— Это невозможно. Он всего-навсего раб, который может взывать лишь к Тору. Юный Хастингс был тоже разбужен этим криком, он отправился поглядеть в лес.

— Одина звал Оге Кречет, и мы оба еще живы. Вытаскивай его поскорее.

— Его разум помутился от холодной воды.

— Вытаскивай его побыстрее. Вон Хастингс бежит сюда.

— Клянусь Христом, распятым за меня, я его вытащу.

Протянув длинную руку, он вытащил меня на берег. И я свалился к его ногам, довольный, что могу расслабиться. Эгберт повернулся к подоспевшему Хастингсу.

— Я заявляю, что этот человек — мой раб, — сказал своим тихим голосом Хастингс.

— Нет, он был еще жив, когда прилив обратился вспять, я вытащил его, и теперь он мой.

— Я оспариваю твое право на него. Ведь ты не ярл Рагнара.

— Рагнар не запрещает рыбалку даже своим собственным ярлам, а я — ярл Осберта, короля Нортумбрии. Прошу тебя, уйди с миром. Иначе я встречу твой вызов мечом.

Хастингс постоял несколько мгновений, а затем произнес своим мелодичным голосом:

— Видно, мне придется уступить.

Я с трудом понимал, что они говорили. Мне казалось, что Эгберт был рад миром закончить встречу с Хастингсом, сыном вождя викингов. Мне казалось, он уже жалеет о том, что спас меня, и я, раб, должен противостоять ненависти Хастингса и мести Рагнара.

— Я могу покаяться, что кто-то совсем недавно звал Одина.

— Это был крик лисицы или другого зверя, — ответил мой новый хозяин.

Затем он велел Китти снять с меня мокрую одежду и усадить к костру. Очередная чашка бульона укрепила тело и вернула сознание, когда группа викингов, разбуженных воем ветра и светом огромного костра, пошатываясь, прибрела по песчаному берегу. Отвечая на вопросы, Эгберт рассказал, что его сюда привело любопытство и он успел как раз вовремя, чтобы выудить меня, едва живого, из воды уходившего прилива.

— Хастингс Девичье Личико почти не пил, но ты-то надрался как следует, — заметил седой ярл Эгберту. — Почему же ты не оказался под скамьями вместе со всеми нами?

— Когда датчанин перепьет англичанина, король Осберт поцелует Рагнару ноги.

— Я полагаю, что он все равно это сделает, и очень скоро, — лениво заметил Хастингс.

Большинство ярлов были слишком пьяны, чтобы расслышать его, а Эгберт слишком умен, чтобы отвечать.

— Я бы охотно поцеловал задницу хорька, — пробормотал какой-то упившийся викинг.

Это вызвало дружный взрыв смеха, и ярлы пустились в пляс и принялись играть в кнаррлейк*.

Они были могучими воинами, размышляя я, обсыхая у костра. А я слаб и гол, как только что вылупившийся птенец. Но они уже не казались мне огромными словно горы.

Я был жив. Жизнь, едва не покинувшая меня, возвращалась. И я чувствовал первые слабые толчки крови в венах. Я повернул голову,

* Игра типа лапты.

чтобы взглянуть на Китти в отблесках костра, и подумал, что это самая великая ведьма из всех жриц Священной Роши.

Но возможно, это были лишь сны, каких прежде я не осмеливался видеть.

Двое рабов Эгберта принесли мне сухую одежду. Она была сильно поношена. Мне сказали, что я должен добраться до сарая рабов сам или спать на земле. С легким сердцем и страшной тяжестью в ногах, я двинулся в путь. Я заметил, что мой новый хозяин тайком переговорил с Китти, и знал, что она по-прежнему рядом со мной.

Глава вторая БРАТ РАГНАРА

Утром управляющий Эгберта отправил меня чистить скот. И я провел целый день на скотном дворе, а затем он приказал мне вымыться с головы до ног и проводил меня в покои хозяина. Эта была необычная для нас — датчан — комната, выходившая в огромный зал, и с отдельным очагом, обнесенным каменной стеной и с надстроенной башенкой, которая называлась дымоходом. Никто из его нахлебников не заходил к нему, и зал был заброшен, пуст и холоден. Но хозяин был одет так же роскошно, как и на вчерашнем пиру.

В тени стояла Китти, и с трудом верилось, что прошлой ночью я видел две узкие щелочки на ее желтом лице, блестящем от слез.

— В моем присутствии ты должен стоять на коленях и не вставать, пока я не прикажу тебе.

Хоть я и видел, как рабы делают это, я опустился на колени очень неуклюже. Китти не смогла удержаться и раздался ее смех, резкий, точно крик чайки. Я был рад, что никого из данов не было рядом. Они бы лопнули от смеха. Никогда не мог похвастаться, что видел коленопреклоненного норманна, неважно какого звания.

— Англичане просто невежественные пахари по сравнению с франками. Франки и в подметки не годятся римлянам. Но датчане — просто свиньи, — вызывающе обронил Эгберт.

— Хорошо бы уничтожить Англию, — процедил я, стиснув зубы.

— Это невежливо, но очень умно. Если бы ты пошутил так год назад, ты бы получил двадцать ударов. Но теперь я поступлю так, как поступил бы римлянин. Клянусь небом, я дам тебе еще одну попытку. По сравнению с нами, цивилизованными людьми, датчане — шелудивые псы.

Я почесал голову, поймал и раздавил вошь, а тем временем придумал ответ:

— В таком случае, было бы неплохо забраться в какую-нибудь кладовую и стащить окорок.

Китти завизжала от восторга, а Эгберт слабо улыбнулся:

— Интересно, кто же крал мясо у твоей матери, если ты и впрямь ублюдок, каковым я тебя считаю. Ты высок и довольно силен. Китти, что ты имела в виду, когда называла этого борова сыном ярла?

Китти зататорила шепотом:

— Господин, я впервые увидела его, когда работорговец в Дорстаде пришел в мою хибару и увел меня. В моей груди еще было молоко после недавно умершего ребенка. Но по тому, как он шумно сосал, уткнувшись в грудь, будто поросенок, я поняла, что его отец — великий вождь и любимец женщин.

— Хм. Это не доказательство. Как он был одет?

Взгляд Китти окаменел:

— Как я могу вспомнить? Ведь прошло столько времени. Но одежда была из отличной шерсти.

— Торговец не сказал, как он попал к нему?

— Ютский торговец получил его вместе с грузом в Шлезвиге. Кроме всякой всячины — рабы и дети, проданные родителями с равнины, где в том году был неурожай.

— Безусловно, он язычник, но что, кроме твоего сердца, может доказать его благородное происхождение?

— Он был толстым и хорошеньким и привык больно сосать грудь до того, как его привез в Шлезвиг датский торговец. Его корабль проделал долгое путешествие. У ребенка была срезана прядь волос, видно, на память.

— Любая кормилица могла сделать это.

— Датский торговец очень спешил отплыть, словно боялся преследования. Еще он купил новые паруса и снасти, в которых не нуждался. Он явно хотел изменить вид своего корабля. И если ребенка продали бедные родители с равнины, то почему никто из других детей не знал его? Вот доказательство того, что его принесли на корабль тайно.

— Ха, теперь я не сомневаюсь, что это — пропавший внук Карла

Великого! — сказал Эгберт со смехом. — Который теперь пасет сви-ней на севере.

— Высокорожденный я, или нет, господин, но я — датчанин, — сказал я горячо и быстро.

— Датский или ирландский свинопас, ты — мой раб. Как это случилось, я и сам не очень понимаю, я не был таким трезвым, как хвастался перед этим дубоголовым. И мне бы очень хотелось узнать, почему Меера подстроила все так, чтобы отдать тебя Хастингсу. Китти, она любит Хастингса как сына, но позволит ли она ему расквитаться за утерянную красоту?

— Она любила что-то давным-давно, — ответила Китти.

— Это то, что она ищет по торговым городам от Готланда до Тулузы?

— Она ходит по кораблям Рагнара, торгуя для него. Часто серебряную статуэтку можно продать на вес золота. Она знает цену каждой вещи, которая продается и покупается, и в каком городе выгоднее это сделать. И если есть у алмаза малейший изъян, а мех соболя слишком блестит на солнце, то глуп тот торговец, что попытается скрыть недостаток. У Рагнара имущества больше, чем у Хоринга, и он может купить сколько угодно мечей, кораблей и людей.

Тем временем я тарачился на Китти, едва не разинув рот. В моем животе было пусто, и меня пробирала дрожь.

— Что с тобой, Оге? Ты выглядишь так, будто проглотил живую змею, — удивился Эгберт.

— Ты мой господин, и я должен говорить с тобой на одном языке. Кожа Китти отличается от нашей, и она молится другим богам. Мне уже приходилось слышать, как она рассказывает тайны своей госпожи.

— Ой, я сейчас умру от смеха! Раб в железном ошейнике, невесть от кого рожденный, читает нам проповедь похлеще какого-нибудь пикардийского епископа! Датчанин, как ты себя величаешь, это самое верное название грабителя, убийцы и насильника. И ты еще придираешься к болтовне какой-то служанки.

— Мы, даны, не предаем своих хозяев и слуг, я подумал, что следует сделать исключение для Рагнара и его сыновей, не прогневив наших рабов. — Затем я продолжил спокойнее: — И мы не убиваем мужчин и не насилуем женщин.

— Если вам платят хороший выкуп, — вставил Эгберт.

— Оге, Меера мне больше не госпожа, — воспользовавшись наступившей паузой, сказала Китти, — Эгберт сегодня купил меня.

— Ну что ж, я рад, — сказал я, утирая пот со лба.

— Этот рыжий варвар Рагнар думает иначе, — задумчиво заметил Эгберт. — Он сказал мне, что раз работорговец из Дорстада продал вас с Китти за сломанный моржовый клык, то он уступит вас за медвежью шкуру. Не сомневаюсь, что он был рад отделаться от вас. Теперь, Оге, если ты в порядке, я допрошу ее. Скажи, желтокожая, как хочет Рагнар распорядиться своим богатством?

— Соберет войско, ограбит Англию и приумножит его в десять раз.

— Еврейские, армянские и греческие купцы вместе взятые и в подметки не годятся одному датчанину. Англичанам нужна земля, и воля одного народа стоит воли другого. Я буду править Нортумбрией! Зачем говорить об этом с датским шутом и желтокожей ведьмой! Китти, Меера сообщает Рагнару все, о чем узнает?

— Моряки говорят, будто она покупает что-то, что нельзя положить в сундук. Но цена не велика, и Рагнар ей не запрещает.

— Что же это? Сплетни?

— Людская молва, рыночные слухи и тайны конунгов. Она платит серебром за новости о неурожае в Аквитании, о громадном улове сельди у Фризского побережья или о любовнике невесты какого-нибудь принца при христианском дворе. Много или мало она рассказывает Рагнару, я не знаю. Но мне известно, что она славится своей осведомленностью и управляет всем в доме Рагнара.

— Я уже окупил свою медвежью шкуру. Тебя, Оге, я выудил как леща, но ты можешь принести мне прибыль еще до того, как я получу трон. — И он громко захохотал.

— Ловля лещей всегда была выгодной, — сказал я ему.

— Предупреждаю, если англичанин будет говорить со своим королем так же прямо, как датский раб со своим господином, то его могут убить — я-то уж знаю. Я дал волю твоему языку, но не ради твоей грубой откровенности и жестоких насмешек, и даже не ради того, чтобы увидеть испуг на лице Хастингса, а ради собственной выгоды. Ты знаешь толк в соколиной охоте, и я назначаю тебя сокольничим, а если будешь зазнаваться, то опять вернешься в хлев.

Да, имей в виду, я не уверен, что ты не нищенское отродье. Но довольно болтать. Тебе еще далеко до воина, хоть ты призывал бога Войны, которого, — Эгберт быстро перекрестился, — мы, христиане, называем дьяволом.

Затем он заставил меня вновь встать на колени и взял мои руки в свои. Так англичане клянутся в верности. Если бы он приказал мне поцеловать его босую ногу, пахнувшую ничуть не лучше, чем у пахаря, то я, без сомнения, сделал бы и это, потому что иначе я бы попал к Хастингсу.

Затем я приступил к своим обязанностям, и для меня началась новая жизнь.

У Эгберта было право охотиться на большой территории, граничащей с землями Рагнара, и достаточно места, чтобы натаскивать соколов. И более чем достаточно возможностей для состязания в остроумии за столом.

После моей клятвы Эгберт никогда не разговаривал со мной податски. Вместо этого он использовал наречие Нортумбрии, поясняя его знаками, а если я чего-нибудь не понимал, то добрыми пинками и затрещинами.

Сперва его речь была понятной не более, чем бляенье овцы. И только после нескольких болезненных уроков я обнаружил, что больше половины слов очень похожи на наши, только произносились по-другому. Гадание над смыслом непонятных слов превратилось из тяжелого труда в забаву. И через полгода я мог разговаривать с ним не хуже, чем с Китти по-лапландски, чему я научился еще в детстве.

Другие рабы с удивлением прислушивались к нашему разговору: я говорил им, что мы беседуем по-латыни.

Когда я поблагодарил его за науку, он хлопнул меня плащом мечом: «Если все мои труды пропали даром, то я глупец, но все же надеюсь, что они окупятся. Это может пригодиться, если я возьму тебя в Нортумбрию. Там соколы, собаки и скот понимают лишь по-английски».

Тем временем я кое-что узнал о ветрах и течениях. Чтобы найти хорошие места для охоты на побережье и вблизи соленых ручьев я

экономил время и силы, исследуя местность на лодке. Сперва это был одновесельный холкер, и я со своими птицами походил скорее на торговца дичью. Затем Эгберт выделил мне лодку побольше — с парусами, и Китти была моим помощником. Эгберт не знал, как иначе использовать эту посудину, которую он назвал «Женевьева» в честь христианской святой. Я же называл ее «Игрушкой Одина». Но он не разрешил бы нам взять ее, если бы узнал, как Один играет с ней на пастбище морских коней.

На самом деле мы рисковали перевернуться, отправляясь в море. Она была шестивесельной и вмещала двенадцать человек. Поэтому мы с Китти могли управлять ей лишь при попутном ветре, а он нам удивительно благоприятствовал.

Если мы не могли добраться до устья ручья до начала шторма, нас относило в какую-нибудь бухту на острове, и мы оставались там. Мы натягивали парус над палубой и, когда на огне жарился жирный береговой гусь, а нам было тепло и сухо, чувствовали себя не хуже, чем на обеде у Эгберта.

Частенько мы возвращались после пятидневной отлучки, дрожа от ужаса перед гневом Эгберта. Однако он всегда равнодушно относился к таким поездкам.

Как он нам и приказывал, мы не выходили за пределы голубых прибрежных вод и нас могли видеть с лодок, снующих между поселениями, так что мы были не так одиноки, как в лесной чаще. Корабли виднелись со всех сторон и уплывали неведомо куда. Китти родилась на побережье Ледового моря и оттого не выносила темного цвета, поэтому я обычно доверял ей управление лодкой, а сам стоял на носу. Мое тело и ум охотника привыкли не нарушать тишину.

Мое тело окрепло, а чувства обострились. Я научился незаметно подкрадываться к любой дичи на какой угодно местности. Если дичь была слишком велика для ястребов Эгберта, то даже матерый олень не чувствовал себя в безопасности от моего Тисового Сокола с его длинными когтями — моим луком и стрелами.

Как они у меня оказались? По правде сказать, длинный тисовый лук, великолепно сработанный английским умельцем, висел в зале Эгберта. Но нам, рабам, было запрещено трогать его под страхом смерти. Это не помешало мне измерить его взглядом и запомнить форму до мелочей, и в глухой чаще я сделал такой же. Мои стрелы из

ясеня я снабдил орлиными перьями и железными наконечниками. И после тысячи промахов по разным мишеням первая стрела, пролившая настоящую кровь, пропела победную песню.

У моего Тисового Сокола был приятель — Железный Орел. Его клюв длиною в фут, был остер, словно клык змея, и блестел, как серебро. Никто не узнал бы в нем грязный ржавый наконечник копья, когда-то найденный мною в лесу. Стрелы, правда, летели дальше, чем копье, но оно могло ударить стремительнее рыси. После тысячи тренировочных бросков оно вонзилось точно в сердце чернобокого лося.

Была середина зимы, и, когда я освеживал его и повесил мясо на дерево, у меня появилась собственная кладовая. Китти и я с тех пор были сыты, потому что мой Тисовый Сокол и Железный Орел не отлынивали от работы. Одного лишь обладания оружием было достаточно, чтобы повесить меня, а за убийство оленей или лосей у меня вырвали бы внутренности. Но я не думал об этом, радуясь тому, что обрел жизнь вместо смерти. Кроме того, я частенько утаивал от Эгберта добычу, подбитую его ястребами.

Мне было всего двадцать лет, и я еще не омывал руки в волчьей крови. Демон тьмы не подходит близко к человеку и редко являет ему свой ужасный лик в надежде выманить человека из круга костра. Из медведей мне удалось убить лишь медвежонка в жаркий летний день.

А вот первого матерого медведя я повалил в преддверии зимы, когда большинство его сородичей нашли уже пристанище на зиму.

Наверное, он теперь принимал лесной сумрак за сон, предвещающий смерть. И я нашел его следы, ведущие к пещерам в холмах. Я уже знал, на что способен шатун. Он двигался, прокладывая путь сквозь сугробы. За ним тянулась глубокая борозда, я скользил через это белое море на лыжах, похожих на маленькие корабли с высокими носами.

И вскоре я подобрался на расстояние выстрела к его огромной чудовищной туше. Он шествовал среди белого безмолвия величаво, словно бог. Мое сердце зашло от радости, ибо я думал, что он в моих руках. Преследуя шатуна по оголенному ветром склону холма, я кружил вокруг него, как волк вокруг загнанного оленя, и всаживал в него стрелу за стрелой и уворачивался от его яростных бросков.

Медвежий рев разбудил лес. И снег срывался с деревьев, и в конце концов среди белого моря появился красный остров. И тогда медведь бросился на меня.

И я увидел его морду и словно окаменел: лед и пламя пронзили мое сердце. Он недавно потерял глаз в какой-то схватке, и это делало его еще ужаснее. Я подумал об Одине, который бродит по миру в образе одноглазого человека в длинном сером плаще.

Никогда я не был в таком молчаливом лесу, и таком высоком. Здесь росли сосны с яркой длинной хвоей. Их ветви сгибались под тяжестью снега. Меня осенило, что это одна из Рощ Одина, и возможно, я был первым человеком, посетившим ее, и моя встреча с этим медведем была предначертана судьбой. И вдруг я придумал для него имя — Брат Рагнара. Он был темен, как Рагнар, и его космы, даром их было в сотни раз больше, напоминали гриву Рагнара. Он стоял согнувшись и вытянув лапы.

И я вспомнил Рагнара, стоявшего так же, когда он приказал бросить меня в тот заливчик.

Я отступил в тень, зверь постоял, глядя на меня, опустился на четыре лапы и продолжил свой путь в пещеру на плоском гребне холма. Он будет спать там до тех пор, пока его не разбудят крики лебединых стай, возвращающихся по весне домой.

Тогда и я повернул домой и, войдя в дом Эгберта, попросил позволения поговорить с ним.

Он в это время рисовал картинку на пергаменте, что мне уже не раз доводилось видеть. Это было изображение не человека и не животного, понятное любому, а чередующиеся прямые и волнистые линии. Позднее он призовет своего управляющего англичанина Генри, и они примутся рассматривать и чесать затылки. Как я понял по их разговору, такие знаки стояли в Нортумбрии на дорогах, мостах и в городах. Когда я опустился на колени, он как раз грунтовал пергамент.

— Встань, — сказал он ворчливо.

Я поднялся на ноги одним прыжком.

— Англ может встать на колени изящно, — продолжил он, — но если это делает датчанин, он похож на чурбан. Ну да ладно. Я вижу, ты стал тяжелее фунтов на пятнадцать. Что же ты ешь, приятель? Не иначе, что-то еще, кроме той пищи, что получаешь здесь. Смотри! Я уже отдал за тебя шкуру медведя и не хочу платить еще и за веревку, на которой тебя повесят за то, что ты бьешь дичь. Я об этом не должен знать.

— И не узнаешь, господин.

— Так чего же ты хочешь? Говори, но покороче, у меня не так много времени.

— Ты можешь добыть медвежью шкуру побольше, чем та, которую ты дал за Китти. Я думаю, тебе захочется возместить потери.

И я рассказал ему о Брате Рагнара. Конечно, я не говорил ни об имени, ни о размерах матерого зверя, но охотничий азарт охватил Эгберта, и он твердо решил выйти на охоту завтра же.

— Ты можешь попытаться выманить его, а затем утыкать его боевыми стрелами с сотни шагов, — сказал я, — но было бы куда лучше, если бы трое-четверо охотников взяли его рогатинами.

— И впрямь, так будет лучше. Мы не возьмем собак, чтобы они не подняли его раньше времени. Генри это как раз подойдет. Еще пару вольноотпущенников...

— У меня нет сомнений, что Рагнар и его сын Хастингс Девичье Личико захотели бы принять участие в этой игре.

— Но я бы не хотел этого. Я и не подозревал, что тебе нравится их компания.

— Я хочу увидеть, как твое мастерство посрамит их.

Но у меня были и другие надежды.

В предвкушении завтрашней забавы он был добрее, чем обычно:

— А как велик медведь?

— Даже издалека было видно, что он средних размеров, но с отличным мехом.

Мне было трудно лгать ему, и потому я выпалил это единым духом.

— Тогда я отправлю к Рагнару трелля сейчас же.

— Господин, позволь мне нести еще одно копье для тебя на всякий случай.

— Можешь взять и рогатину, а когда придем на место, воткнешь ее в снег где-нибудь на виду. Но я не возражаю, если и ты захочешь принять участие в схватке. Можешь взять кистень или секиру.

Мы отправились утром. Я показывал дорогу, старательно пряча гордость, не присущую рабу. На плече я нес копье, и оно лежало, словно мотыга.

Рагнар верховодил, а я внимательно следил за его ногами. К мо-

ему величайшему удовольствию, оказалось, что на лыжах он беспомощен как ребенок. Все его движения были сильны и резки, тогда как лыжи требуют мягкости и едва ли не нежности, словно невинные девушки при первых любовных объятиях. Правда, о последних я знал меньше, чем о лыжах.

Над тем, как ходил на лыжах Рагнар, долго посмеивались вольноотпущенники, про себя, разумеется. Эгберт владел этой наукой не лучше. Они с Рагнаром составили отличную пару. Ведь Эгберт у себя на родине и в глаза не видывал никаких лыж.

Зато Хастингс скользил на лыжах не хуже, чем скользят утки по водной глади.

— В первый раз за долгое время мы охотимся вместе, — заметил Хастингс, обращаясь ко мне.

Голос его был все так же тих. На мгновение я пожалел, что мне уже никогда не найти Стрелы Одина, замерзающей на дереве. Но теперь я был должен быть дважды рабом — душой и телом. В глазах — лишь пустота, мысли настолько скудны, что не родится и мечта о свободе, подобно тому, как слепой от рождения не ведает о сиянии солнца.

Затем мое сердце наполнилось горячей благодарностью Судьбе. Если бы я попытался свернуть сегодня с этой тропинки, она бы удержала меня за руку, ибо в этот день была за меня.

Затем Хастингс улыбнулся мне в лицо. Так как один из когтей Стрелы Одина впился ему в уголок губы и оставил бесформенный шрам, улыбка вышла отвратительной. У меня сложилось странное ощущение, что своей улыбкой Хастингс хотел показать, каким он стал уродом, — так некоторые шуты строят безобразные рожи. Я понимал, что он запугивает меня, но я испытывал странный страх: я не мог полностью расслышать шепот Судьбы, и я знал лишь, что душа Хастингса изменилась вместе с лицом.

— Я горжусь оказанной мне честью и тем, что ты помнишь тот случай. — Мой язык произнес ответ раньше, чем я опомнился.

— Что делать рабу с честью? Хотя на твоём месте я возблагодарил бы Тора.

— За что?

— За то, что твой хозяин тебя защищает.

На это нечего было ответить. И в душе мне было стыдно.

Мы прошли сквозь лесную чащобу как призраки. Когда мы карабкались по обнаженному склону холмов, солнце спряталось в низкие облака, и его тусклый свет отражался от снега как лунный.

Я был рад этому, поскольку охотников вряд ли обрадует вид одноглазой морды медведя, а в таком сумраке разглядеть что-либо затруднато.

Мы подобралась к самой берлоге. Длинная снежная борозда тянулась ко входу. Глаза Рагнара загорелись подобно самоцветам.

— Хозяин, когда медведь вылезет, он наверняка рванет в ольховник. — Я сказал это Эгберту достаточно громко, чтобы услышал Рагнар.

— Тогда мы застрелим его из луков отсюда, у меня есть в Англии кое-какие дела.

У Рагнара в Англии также были дела, правда требующие кровопролития. Но это не остановило его. И он подобрался еще ближе, причем так же неуклюже, как и шел до этого. Вторым в цепочке крался Генри, за ним — Эгберт и последним — Хастингс. Я знал, что он был самый беспощадный из них, и, пожалуй, самый бесстрашный. И я пожелал, чтобы Стрела Одина направила свой клюв в его холодное сердце.

Но задуманное мной зависело от Рагнара. Если бы он был убит, как я того хотел, то кошмарные воспоминания о смертельном холоде в зловонной луже оставили бы меня. Я назвал медведя Братом Рагнара, и судьба его была известна лишь норнам, и для Рагнара было бы лучше не приближаться к зверю. Южане не понимают знаков судьбы и силы кровной мести. Как может найти покой призрак, помнящий смертельный удар, нанесенный брату или братом? Я свел сегодня в схватке здорового человека и могучего медведя, и боги знали про их родство.

Чего не ведали Рагнар и другие охотники, так это то, что зверь одноглазый, и не заметит опасности, приближающейся с незрячей стороны, а если ветер будет дуть в сторону охотников, то он вообще не узнает о них.

Рагнар, Эгберт и Генри стояли с натянутыми луками, рогатины они воткнули в снег, — все ждали своего часа. Хастингс тоже ждал, но с опущенным луком.

— Крикни ему, Рагнар, — воскликнул Эгберт. — Твой голос разбудит его смерть.

Не думаю, что зверь спал. У него была слишком долгая ночь. Не сомневаюсь, что он вскочил, услышав голос Рагнара:

— Эй ты, выходи...

Хёвдинг не успел договорить. Прямо на него из норы вышел его «брат» — огромное медведя я не видел. В тусклом свете он казался черным, а зубы его белели ярче снега. Это было ужасное зрелище. Четыре жаждущих крови стрелы полетели в зверя. Но стрела Эгберта ушла в сторону. Промахнулся и Генри, и лишь стрелы Рагнара и Хастингса достигли цели. Одна прошила бедро до кости, а вторая вонзилась чудовищу в бок, пробив мохнатую шкуру. Хастингс поднял лук, прицелился и спустил тетиву таким плавным и красивым движением, полным силы и легкости одновременно, точно прыжок волка.

Я следил за ним лишь краем глаза: я запрещал себе долго смотреть на Хастингса.

Здоровенный и сильный медведь учуял мой запах и повернул массивную голову в мою сторону. У всех медведей по два глаза, а у Брата Рагнара был только один, и я старался помочь ему найти нас. В это время стрела Хастингса уже вовсю пила его кровь, и зверь взревел, словно огромный волшебный рог. Теперь он должен был убить. Никогда ему уже не положить голову на лапы, засыпая на зиму, клыкам его не расколоть мозговых костей, а когтям не провести кровавых борозд на трепещущей плоти. Он устремился прямо ко мне сквозь снежную пелену, словно сумасшедший убийца.

Снег здесь был не так глубок, как в долине. Брат Рагнара шел убивать, склонив морду, он бросился вперед из снежного облака. Он несся на меня, словно снежная лавина. Я помчался на лыжах вниз. Никогда еще мои снежные змеи не несли меня с такой быстротой. Это зрелище заставило Рагнара расхохотаться. Я не слышал смеха, но прекрасно видел, как хёвдинг трясся, едва удерживаясь на ногах.

Но вот Рагнар перестал смеяться. Я поднялся на гребень холма и помчался по направлению к нему. Что же ты не смеешься, Рагнар? Что же ты закрыл рот и стиснул зубы? Что же ты престал трястись и тянешься за копьем? Разве ты не знал, что я приведу твоего брата к тебе, чтобы он прижал тебя к сердцу? Я-то ускользну от него, как

птица с обрыва, а ты покатишься вниз, в снег, в жарких и тесных объятиях.

Так я с удовольствием представлял себе. Но я просчитался. Я умел заставить соколов лететь, куда нужно, но боги отказали мне в умении указывать путь медведям. Я привел его к Рагнару слепой стороной. Что толку, что стрела Эгберта глубоко вонзилась в его бок? Он жил теперь, лишь чтобы убивать. Но он не мог видеть ни Рагнара, ни Эгберта.

Его могучий прыжок был ужасен. Целый фонтан крови взлетел из его бока, когти взрывали снег, огромные мускулы перекатывались под мехом. Игра черного, коричневого и красного цветов мутила разум. Расстояние между зверем и Эгбертом сокращалось. Потом я увидел, как огромная туша устремилась к англичанину, и в тот же миг, словно в полусне, моя рука сама собой дернулась, и копье, словно нападающий сокол, устремилось вперед. Оно с размаху вонзилось в живот чудовищу, медведь рванулся, древко вылетело из моих рук и повисло, точно весло в бортовом люке драккара, когда погибает гребец.

Брат Рагнара, оправдывая свое имя, встал на дыбы и попытался избавиться от копья. В этот момент просвистела рогатина Рагнара, и медведь продолжил танец смерти на залитом кровью снегу. Тут подошел Генри и нанес зверю новую рану. И струя крови напомнила Рагнару мраморный фонтан, который он видел при каком-то дворце в Миклагарде. Но только вместо прозрачной воды текла ярко-алая кровь. Рагнар засмеялся, глядя на бьющегося в агонии гиганта. Но я молчал, не смея потешаться над умирающим бойцом. Возможно, я не мог забыть, что Рагнар и его сладкоголосый сын все еще живы.

Медведь приподнялся, застонал и испустил дух. Мы застыли неподвижно, как и он, пока мягкий, словно впадающий в горное озеро, ручеек, голос Хастингса Девичье Личико не прервал молчания:

— Когда Оге был рабом моего отца, он урывал время от работы, чтобы возиться с соколом. Теперь же, будучи рабом Эгберта, он смог оторвать время от натаскивания соколов и научиться владеть копьем

Эгберт ответил не сразу, и слова его зазвенели над телом Брата Рагнара:

— Вообще-то, ты прав, но кое в чем ошибаешься.

— Буду благодарен, если ты поправишь меня.

— Оге больше мне не раб. В тот миг, когда он ударил медведя, я освободил его.

Рагнар вытаращил глаза так, будто хотел увидеть всю Норвегию. Колени мои подогнулись, и все закружилось перед глазами.

— Что ж, я рад слышать это, — заключил Хастингс Девичье Личико. — Теперь, Оге, у тебя будет столько славы, сколько добудешь. Конечно, кое-что ты потеряешь, ты знаешь, о чем я говорю.

— Я помню об этом, Хастингс.

— Почему ты не называешь меня полным именем?

— Настоящий викинг не станет хвастаться прозвищем, ведь так?

— Клянусь моим богом Девяти Рун, я рад, что ты свободен, Оге.

Глава третья ПРИЗЫВ К ОДИНУ

Вскоре Эгберт вызвал меня к очагу в своей личной комнате. Я преклонил перед ним колени, как меня учили, и он не остановил меня, потому что теперь я был вольноотпущенником. И тут он, к моему недоумению, больно ударил меня по лицу палкой.

— Чем я заслужил это, Эгберт из Нортумбрии? — спросил я.

— Ты же спас меня от медведя, — подмигнул он мне.

— Я не могу разгадать твою загадку, — но в душе я успокоился.

— Это потому, что ты не знаешь латыни. Я тоже, разумеется, но мне рассказывали, что у них был закон, старый как Рим: когда раба освобождали, его ударяли по лицу. Таков был обряд. Мы, христиане, часто пользуемся латинским правом. Легионеры Рима ушли с нашей земли пятьсот лет назад, но мы до сих пор пользуемся их дорогами и обычаями. Ты будешь вставать передо мной на колени, пока ешь мой хлеб. Так мы поступаем в Нортумбрии, и не станем брать пример с тупых данов.

— Думаю, это все же вероятнее, чем то, что мы будем учиться у вас.

— Король Артур говорил, что женитьба и казнь назначаются Судьбой. Но его придворный шут заорал, что для полного счастья нужны двое казненных и один, оставшийся в живых. Королева подмигнула Ланселоту, и ее служанки хохотали до упаду. Я говорю это к тому, что если тебя не вздернут за твой язык, то ты не умрешь холостым. Теперь давай поговорим о соколах и псах, так что слушай внимательно. Лучшие ястребы — те, что выросли на свободе а лучшие

псы — выросшие в неволе. Самую прекрасную гончую, с которой я охотился, вырастил презренный простолюдин.

— Я внимательно слушаю тебя, господин.

— Никогда не видел, чтобы копыта метали быстрее и точнее. А еще я слышал, как Хастингс Девичье Личико пытался насмеяться над тобой и как ты ему достойно ответил. Я начинаю думать, что ты мог бы отлично служить и мне и себе. Чтобы получить ответ нужно задать вопрос. Теперь ты знаешь, что твоя страна — лишь малая часть большого мира. Может, тебе известно, что Карл Великий заслужил свое прозвище, когда люди и не ведали о норманнах, живших тогда у своих скованных льдом морей, среди медведей, за густыми лесами. Но норманнов становилось все больше и больше, и все труднее им было прокормиться, у каждого землевладельца было полно сыновей от жен, наложниц и рабынь. И вскоре христиане, на свое горе, узнали, кто такие норманны. Как, Оге, это произошло?

— Мы приплывали на драккарах и грабили христианские берега, и увозили червонное золото, светлое серебро и сверкающие камни.

— А ты знаешь, как молятся, блея от страха, священники и люди: «От ярости норманнов спаси нас, Боже!» А в последнее время они не только грабят, жгут и уплывают назад, на Север. Олав Белый правит всей Ирландией, а его жена произносит языческие пророчества, сидя в кресле архиепископа. Норманны захватили Оркнейские и Гибридные острова, а поскольку кровь Карла Великого не так густа в жилах нынешних правителей, то норманны стали зимними лагерями на Эльбе, Луаре и Сене, и даже осмелились напасть на Париж. Они ограбили и сожгли Лондон и растворились в тумане Темзы. Вот уже несколько лет они не тревожат Англию, но если мы заглянем в мысли любого викинга, какое намерение мы обнаружим?

— Не намерение, Эгберт, а твердое решение завоевать Англию.

— Само собой, собрать огромную армию и неисчислимый флот. И конечно, они будут грабить монастыри и дворцы и красть красавиц, но это в счет не идет. Но только дикарь Рагнар и ему подобные вернуться к своим проклятым снегам. Половина, а то и больше осядет там, построят крепости, обратят людей в рабство и примутся распахивать плодородную землю. В этих условиях, Оге, — и Эгберт поглядел на меня, словно лис, — я подыщу тебе подходящее местечко.

Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— Господин, я не могу быть среди воинов, если я сам не воин.

— Что же тебя удерживает?

— Бог Войны не выбрал меня.

— Ты можешь голосовать за Восточный Союз, но не пить за него.

— Я никогда не буду ни пить за Рагнара, ни служить ему.

— А разве он единственный хевдинг? И ты ведь можешь плавать и на торговых судах. Однако у меня есть план получше. Но прежде чем поведать его тебе, я кое-что спрошу. Ты слышал что-нибудь о Эгберте, короле Западных Саксов?

— Он отвадил норманнов от своих берегов и умер до моего рождения.

— Он был моим сеньором и качал меня в колыбели. Он завещал мне корону Нортумбрии, родины моей матери. Но Осберт, принц Нортумбрийский, завладел престолом и изгнал меня. Теперь выскочка Аэла покушается на него. Запомни это имя хорошенько. Аэла Йоркский. Ты не раз еще услышишь о нем. Я прожил у Рагнара семь лет, и вот пришла пора возвращаться.

И я подумал, что Эгберт неплохо бы смотрелся на украшенном камнями троне, в короне из червонного золота. Ему было не более тридцати — самый расцвет сил. По правде говоря, он был привлекательнее любого дана, не считая Хастингса, до того как он получил свое прозвище, и мало кто мог сравниться с ним в искусстве верховой езды. Но картина была бы неполной, если бы за его троном не стоял вооруженный до зубов здоровяк, командующий его воинами.

— Ты расскажешь мне о своих планах, Эгберт?

— Да, поскольку ты мне нужен в этом предприятии. Ты знаешь наш язык и сможешь обвести вокруг пальца и английского тана, и датского хевдинга. А это уже само по себе большая удача, потому как любой из них сперва замахнется топором, и лишь потом протянет руку. Ты будешь говорить им то, что я скажу и склоню их к дружбе со мной. А так как ты ненавидишь Рагнара всей душой, ты поквитаешься с ним к нашей общей выгоде.

— Ты хочешь, чтобы Рагнар погиб? — спросил я.

— Нет, только он один способен возглавить войско данов, но после высадки и захвата земли он вернется домой или отправится

еще куда-нибудь. Ведь он не сможет усидеть спокойно, и тогда пробьет мой час.

— Он смирится с тем, что ты станешь королем Нортумбрии?

— Он предложит корону одному из своих сыновей, скорее всего, Ивару Бескостному. Но наши таны возненавидят его, как и Рагнара, и мы повесим его.

Эгберт говорил со мной долго и откровенно, я о таком и не мечтал. Осушив чашу рейнского вина, он не очень следил за своим языком, а я запоминал все, что могло мне пригодиться.

— Почему таны Нортумбрии так ненавидят Рагнара?

— Примерно двадцать лет назад, когда его волосы еще не были седыми, он привел тринадцать кораблей в залив Хамбер. Он захватил много драгоценностей, но было кое-что и подороже. Я имею в виду леди Энит, жену эрла и мать Аэлы, которому тогда было всего три года. Он схватил ее у городской стены и унес в свою палатку, а утром отпустил. Старый эрл и Аэла, вся знать и простой люд ненавидят Рагнара сильнее, чем Сатану.

Это была обычная история.

— Рагнар убьет их обоих, когда захватит Нортумбрию.

— Я избавлюсь от них его руками.

— Но ты же не можешь одновременно быть и дичью, и охотником.

— Если Рагнар не будет грабить Нортумбрию, я помогу ему получить всю Англию. Ему достанутся южная часть земель пиктов и восточные склоны Уэльльских холмов. Я покажу ему лучшие порты и плодородные земли, броды, крепости и дороги, какой город брать штурмом, а какой — измором. Я могу уговорить многих танов бросать золото вместо копий. Поверь, такой поход опаснее, чем представляют себе викинги. Но Рагнар предпримет его в этом или в следующем году, и я должен ковать железо, пока горячо.

Среди людей Эгберта был вольноотпущенник свей, по имени Гудред. Когда посерело черное ночное небо, он отправился в лес, взяв с собой сорок рабов, двенадцать воловьих упряжек и шесть длинных саней. Хотя мне и не было приказано, я шел впереди, указывая путь к ближайшему могучему дубу с высоким прямым ство-

лом. Его срубили железными топорами, и он упал, словно молот Тора на железную гору, с грохотом, перебудившим всю округу и распугавшим ночных хищников. После того как мы обрубили верхушку и сучья, и ободрали кору, длина его составила шестьдесят футов. Мы взгромоздили его на сани, связанные цепью, и покорные воли повлекли исполина домой. И вот, день за днем, стал расти длинный корабль.

Словно ребра к позвоночнику мы крепили шпангоуты и покрывали их досками внахлест. Под килем был специальный брус, предохраняющий его при волоке.

А с обоих концов вздымались высокие штевни — на носу в виде головы дракона с торчащим острым языком и клыками, а на корме — в виде хвоста чудовища.

Все сооружение было больше кита, в бортах были прорезаны отверстия для восемнадцати пар весел — дважды девять — магическое число.

На палубе высились опоры, чтобы устроить навес для гребцов в случае непогоды.

Несколько десятков воинов могли повесить щиты на борта. Щиты были защищены от сырости чехлами из промасленной кожи. На эти чехлы пошли шкуры полусотни коров.

Венчал корабль большой красный квадратный парус. Дыхание Одина наполняло его, и викингов радовало это зрелище, как округлившийся живот впервые беременной жены радует мужа. Когда парус развернулся на мачте, тридцать шесть ног дракона смогли отдохнуть.

Но у корабля не было души, и он оставался мертвым до дня летнего солнцеворота, когда мореходы Рагнара собрались в его усадьбе. С полными трюмами проплывали они по лебединой дороге и голубая вода залива пестрела красными и белыми парусами, словно мантия короля — драгоценными рубинами и жемчугами. Среди них были старые морские волки, которые грабили Антверпен тридцать лет назад и их рослые безбородые внуки, ни разу еще не ходившие этой дорогой.

Они прибыли воздать почести богине плодородия, которая посетила наш берег в образе пышнотелой красавицы, выбранной из дочерей местных жителей. Ее лодка в виде лебедя, с рабами за весла-

ми, отплыла от берега на полполета стрелы, и после того как посвященного Фрейе раба бросили в море, мы устроили большой пир.

Я не посрамил на воинских играх ни себя, ни Эгберта, и многие хевдинги похлопывали меня по плечу в знак того, что не прочь были бы видеть меня в своей дружине. И хоть я не пил ни за одного из них, но поднимал руки вместе с другими береговыми девственниками — молодежью от пятнадцати до двадцати зим от роду, которых еще ни разу не сбивали с ног волны открытого моря.

Потом все зашумели — подошло время испытания перед посвящением в воины. Викинги выстроились в две шеренги — кто с веслом, а кто — с лопатой, а подбежавшие девушки под шутки и хохот стащили, краснея, с нас штаны. Мы должны были на четвереньках бежать между шеренгами, а они — лупить нас так, чтобы наши зады стали пунцовыми, как у мартышек, которых, по рассказам, продают в Кордове. Даже Рагнар принял участие в этой забаве, избражая простого моряка, забыв о достоинстве вождя. Когда он втиснулся в шеренгу, раздвинув плечами двоих викингов, воины заорали от восторга. Я подумал, что он гораздо хитрее, чем все считают, если только, накачавшись эля, не стал добродушнее. Возможно, в тот раз он угрожал мне Красным Орлом, только чтобы напугать. Но если нет, и если это не эль Мееры бросился ему в голову, то скоро меня найдут мертвым на мусорной куче.

Честно говоря, оружие Рагнара было самым внушительным. Это была доска, широкая и толстая, и, скорее всего, он взял ее для смеха, а не для дела. В худшем случае — он хотел проверить, запросят ли у него пощады орлята, чья ярость и вера в него добывали хевдингу богатство и славу.

Мы заняли место в начале узкого прохода между рядами воинов. Крики, смех и звучные шлепки возвестили о начале гонки. Многие слишком пьяные викинги промахивались, а другие били в пол силы, хохоча над нашими голыми задками. Уворачиваясь, делая обманные движения, а, главное, действуя быстро, я сумел пробежать треть пути, получив не более дюжины ударов. Передо мной замаячили коричневая борода и широкие плечи Рагнара. Его доска была слишком длинна в такой тесноте, и хотя он выглядел сущим берсерком, мне казалось, что он только развлекается. Ведь это была лишь забава, и я был уверен в этом. Мне и в голову не пришло спрятать лицо во время бега.

Я решил, что настало время для очередного рывка и бросился вперед под одобрительные вопли воинов. И в тот момент я видел, что Рагнар что-то говорит своему соседу, держа доску на плече и даже не глядя в мою сторону.

Когда же я оказался ближе, то с ужасом увидел, что он резко отпрянул назад, а его соседи расступились, освобождая место. Я не успел даже стиснуть зубы, как страшный удар поверг меня на землю.

Боль была ужасна, но я ждал, что она сейчас пройдет. Однако Рагнар выпустил доску из рук, и она не упала на землю: в мое тело впился торчавший из нее шип, причинив муки, которые не могли и присниться. Я пытался вытащить острое, но не мог. Я понял, что жало, вонзившееся в мою плоть — это гарпун.

Викинги смешали ряды и столпились вокруг меня. С концов шеренг они бежали бегом. Смех каждого вновь прибывшего увеличивал общее веселье: они ревели, топали и прыгали, словно медведи, потешаясь над моими попытками освободиться. Я был одинок, как в кошмарном сне. Я не мог завести руки назад и выдернуть доску, и меня душил такой стыд, что душе хотелось расстаться с поруганным и осмеянным телом. Не было никакой возможности броситься на Рагнара к вящему удовольствию зрителей. И я изо всех сил сдерживал желание утопиться в море.

Я увидел Эгберта, прокладывавшего путь ко мне через толпу. Я не стал ждать его помощи, а изогнулся назад и изо всех сил стал толкать доску за края. Огромный шип вышел из меня, и когда хлынула кровь, взрывы смеха быстро стихли. Большинство смеющихся лиц приняли озадаченное выражение, а некоторые заблестели от выступившего пота.

— Рыба, которую ты выловил в моей мусорной яме, вновь попала на крючок, — сообщил Рагнар Эгберту в наступившей тишине.

— Да, но только она сорвалась и теперь плывет домой, — ответил Эгберт, беря меня за руку.

Я хранил молчание, если не считать хриплого дыхания, но в моей голове зрела мысль. Наконец она стала такой ясной, что пронизала все мое существо. За это, Эгберт, за этот небольшой отпор моим врагам — ты станешь королем Нортумбрии.

Я буду конунгом.

Так клялся я себе, лежа в темной хижине, после того, как прошел первый мучительный приступ болезни. Она не отпускала меня трое суток, и трое суток моя душа была разлучена с телом и путешествовала в стране снов, в десять раз более загадочных, чем обычные сны. Мне казалось, я уже нахожусь на берегу мертвых у врат в Хель, хотя умершие добираются туда за девять дней скитаний в непроницаемом мраке и обжигающем пламени. А еще девять дней требуется некоторым на возвращение к жизни.

Когда моя душа наконец соединилась с телом, последнее тут же потянулось к чаше воды. Я почувствовал тепло от вынутого из печки горшка и чад. Почти сразу же вошла Китти, и ее желтое лицо засветилось в полумраке. Она улыбнулась, когда я заговорил с ней на ее языке и пошла выполнять мою просьбу. Она вернулась с чашкой горячего молока, и мой живот принял его с радостью, и мускулы почувствовали первый прилив силы.

— Я сообщила людям, что у тебя началась чума, поэтому никто не приходит навещать тебя, — весело сказала она.

— Никто бы не пришел и так. Кому какое дело, жив я или нет? И почему тебя это волнует?

— Доить больше одной коровы одновременно и обсуждать сразу две вещи нельзя. Все люди Эгберта пришли бы тебя навещать, да и вся молодежь, что бежала тогда с тобой, тоже. Хотя они и смеялись, когда твой зад посадили на шип, но они видели, как ты вырвал его, ни разу не пикнув. Однако некоторые становятся болтливыми, как сороки, и от кружки пива, и я не хотела, чтобы они слышали твои слова.

— И что же я говорил?

— Что ты будто бы станешь конунгом и сделаешь Эгберта королем его страны, а Рагнара, да и Хастингса в придачу, скормишь воронам. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь услышал твою похвальбу. Трудно поверить в угрозы новоиспеченного вольноотпущенника, не нюхавшего как следует соленого морского ветра.

— Трудно поверить, но это не хвастовство. Тащи-ка сюда мясо, да побольше.

Она отсутствовала несколько минут и вернулась с толстым куском жареной лосятины, вырезанной из горба. Любой охотник, не задумываясь, рискнул бы жизнью, чтобы добыть такое.

— Где ты взяла это, Китти? — спросил я, насытившись, но продолжая с наслаждением жевать мясо.

— Я попросила Мееру оставить немного. На случай, если ты не умрешь.

— Тогда оно отравлено.

Я с сожалением выплюнул последний кусок. Китти издала птичью трель, заменяющую ей смех:

— Эта птичка упорхнула из силка. — Она сказала это совершенно спокойно.

— Меера не возражает против желания Рагнара вырезать мне Красного Орла. Она принесла ярлам столько пива и эля, что они уснули под лавками...

— Я думаю, ей просто интересно, чем это кончится. Но ни один игрок не будет ломать фигуры, пока игра не окончена. Теперь спи.

Когда она разбудила меня, из-под двери пробивалась полоска света. И я был голоден, словно не ел с самого рождения.

— Чем же я болен, если только это не яд и не сглаз?

— Думаю, ты застудил рану.

— А чем ты меня лечишь?

— Чем только можно горячим. Надеюсь, жар прогонит холод.

— Чем это так несет от очага?

— А, это старые кости оленя. Мы в Лапландии сжигаем все кости, ведь если их кидать волкам, они спокойно переживут зиму, и через год их станет вдвое больше. А люди думают, что так пахнет твое больное тело и держатся от хижины подальше.

— Что-то я не видел на празднике Хастингса Девичье Личико. Ты не знаешь, где он?

— Он уплыл на своем корабле «Огненный Дракон». И с ним был еще один драккар. Они уплыли, когда до Биллинга и Деллинга было одинаковое расстояние.

Биллинг и Деллинг — альвы заката и рассвета, которые встречают Солнце с красными факелами.

— Что он задумал? — Мне до всего было дело.

Китти сплунула, чтобы в ее слова случайно не закралась ложь, и я понял, что этот рассказ стоит послушать.

— Меера отправилась в Шлезторп покупать ткань. По возвращении она рассказала Рагнару, что дочь одного христианского коро-

ля повезут на фризском корабле и уже назначен день и час. Короля зовут Родри. Страна, которой он правит, называется Уэльс. Это на западе Англии. Дочь зовут Моргана. Ее должны отвезти в Йорк, столицу Нортумбрии, и выдать замуж за принца Аэлу. Ты это имя знаешь. С ней отец шлет богатое приданое. Меера сказала, что если Рагнар перекроет залив Хамбер до полнолуния, то легко выследит корабль под серым парусом, с десятью парами весел, и с лебедем на носу. Тогда он мог бы захватить сокровища, а если доставит Моргану в целости и сохранности к себе в усадьбу, то потом сможет получить за нее огромный выкуп у ее жениха или отца. Все это Меера поведала Рагнару. Но Рагнар еще раньше решил отплыть с тридцатью кораблями на Эльбу, и он ответил Меере, что не возьмется за это дело. А она настаивала, сердито и громко, и они поссорились. Наконец Рагнар так ударил ее, что вышиб зуб. Зуб она с достоинством убрала в шкатулку. Рагнар опомнился и сбавил тон, проворчав, что хоть и не поедет сам, но пошлет кого-нибудь из сыновей.

Само собой разумеется, он не доверит Моргану старшему сыну. Поэтому и послал Хастингса Девичье Личико.

Китти умолкла.

— Для такого дела лучше Хастингса никого не найти. Ради своей выгоды он способен пролежать рядом с девушкой, прекрасной, как Изольда, сто ночей подряд, не тронув ее и пальцем. И потом мне кажется, увидев его лицо, Моргана сама не захочет искушать.

— Ты говоришь и умно и глупо. Хастингс и впрямь умеет владеть собой, не то что Рагнар или ты. Но неправда, будто девять шрамов заглушат женское желание искушать. Некоторые девушки и многие женщины хотели бы, чтобы у него их стало больше.

Мое сердце забилося быстрее, а лицо потемнело. Китти плюнула мне в глаза и заботливо растерла слюну.

— Правду своих уст я подарила твоим глазам, — сказал она.

Она вышла, а я стал размышлять над ее подарком. Причина отплытия Рагнара была ясна — преуменьшить богатства процветающего Гамбурга, так как расходы на завоевание Англии все росли. Что меня заинтересовало всерьез, так это то, что девушка, за которой охотился Хастингс, была невестой именно Аэлы, а не какого-нибудь другого принца. Вообще-то Меера, натравившая Хастингса, имела отношение к очень многим вещам.

Когда на следующее утро Китти принесла мне хлеб с мясом, я осматривал лук, стрелы и копье, несмотря на головокружение и слабость в ногах.

— Это неплохое оружие, — заметила она, — но я знаю и получше.

— Да, меч и секира. Скоро у меня появятся и они.

— Я имела в виду оружие Мееры: ум и хитрость. Думаю, ты умеешь пользоваться и тем и другим. Если они у тебя есть, тебе не нужны ни гребцы, ни воины.

— Ерунда. Лиса хитра, но честный волк и прямодушный медведь правят в лесом, и равниной! Однако, насколько я помню, Один — бог не только рун, но и войны. Когда я буду избран... — Что-то в лице Китти привлекло мое внимание. — Что ты скрываешь от меня?

— С чего ты взял? Мне нечего скрывать.

— Рассказывай, или я вытрясу из тебя все!

— Нет. Я уже подарила правду своего рта твоим глазам. Сегодня корабль Эгберта выходит в море. Он христианин, и для него это всего лишь охота на моржей и испытание парусов. Но Гудред Кормщик знает, что корабль отправляется искать свою душу.

— Что же ты молчала! — И я зашарил в поисках обуви из тюленьей кожи.

— Эгберт отдал приказ только что, когда услышал, что сюда движется огромная льдина, черная от моржей. Но Гудред знает, что пока корабль — лишь дерево да кожи. Он стремится покинуть берег гавани, чтобы родился морской дракон. И Гудред не пропустит свой ветер и волну. Корабль хочет породниться с морем и, блестя чешуей щитов, уплыть вдаль вместе со своими братьями, чтобы привозить домой богатство и пленниц. Гудред позволит ветрам играть с кораблем, он разрешит ему заигрывать со смертью.

Я понимал все это да и еще многое другое, но никогда не мог облечь свои чувства в слова, и холодный пот выступил у меня на лице от страха перед богами.

Китти продолжала, скрестив руки на груди, словно ей было больно:

— Это испытание для корабля, но также и для всей дружины. А ты еще слишком слаб после лихорадки. Она может вернуться, и ты отправишься к берегу мертвых, а все твои мечты умрут. И еще я знаю, что ты все равно уйдешь, и мне не удержать тебя.

Поверх шерстяной рубахи я одел куртку из тюленьей кожи и

туго перепоясался. Когда я взял в руки своего Тисового Сокола, тетива радостно зазвенела. Ведь Сокол знал, что вонзят свои железные когти в плоть длиннозубых морских животных. Когда я поднял Железного Орла, он вспыхнул в полумраке комнаты, будто отражая летнее солнце. И он знал, что скоро распорет воздух в полете. Что ж с того, что у меня не было меча Кровопийцы и щита Насмешника Над Вражескими Ударами и Скальда Воинских Кличей? Я заслужу их, когда Один станет моим богом.

— Не торопись, — прошептала Китти, — Эгберт не уйдет раньше отлива.

Это тоже была идея Гудреда. Я отлично это понимал. Эгберту было не ведомо, что корабль не сможет найти свою душу, если выйдет во время прилива.

— Ты можешь дать мне что-нибудь подкрепиться? — спросил я.

Китти кивнула и вышла. Легко ступая, она вернулась с большой увесистой флягой, содержимое которой напоминало французское красное вино. Однако оно не было ни крепким, ни сладким. Это было не то вино, которое заставляет воинов задира́ть друг друга, а девушек — плясать.

— Крепкий напиток, — сказал я, осушив флягу. — Кто поделился им со мной?

— Это подарок от мужа десяти жен и отца пятидесяти детей.

— Должно быть, у него порядочный рог.

— Это удачная шутка. И не одна девушка не сочтет ее непристойной. Ведь у оленей и впрямь не маленькие рога. Когда я держала чашу в одной руке, а другой перерезала ему горло, я желала тебе иметь такую же семью. А теперь пошли. Не волнуйся, Эгберт нам не откажет.

Этого и впрямь не следовало бояться. Любой хёвдинг почел бы за счастье иметь такого моряка.

Глядя с пристани на корабль, я заметил на нем человека, казавшегося великаном. Он производил такое впечатление своей осанкой, хотя на самом деле был не самым высоким и широкоплечим в команде. Это явно был кто-то из семьи Рагнара. На мгновение слабость и головокружение охватили меня.

— Ты не говорила, Китти, что Бьёрн Железнобокий отправляется в море.

— Нет.

— Я думал, он ушел с Рагнаром.

— Нет, у него какие-то дела далеко на Востоке. Он хочет развлечься и сплавать вместе с нами. Гудред будет командовать гребцами.

— Если ты умрешь на борту, нам придется бросить твое тело акулам, — приветствовал меня Гудред. — Плохая примета, если корабль привезет мертвеца из первого же похода.

— Лучше бросьте меня воронам на берегу.

Люди переглянулись. Вороны, пожиратели трупов, принадлежат Одину. А я принадлежал Тору. Бьёрн не подал вида, что слышит.

— Делай вид, что гребешь, но не налегай на весло, — прошептала Китти.

Наша дружина была поделена на две команды по сорок человек. В каждой было по тридцать шесть гребцов, два кормщика и два их помощника. Мы должны были менять друг друга, Гудред назначил меня в свою команду — в первую очередь. И мне было трудно выполнять наставление Китти и не впрягаться в полную силу вместе с товарищами, выводя корабль из прибрежной пены. И все же я берег себя; соседние гребцы это поняли, однако никому не раскрыли мой обман.

Я побывал и на зеленой, и на синей воде вместе с юным кораблем. Никто из нас не был знаком с серыми водами за отмелями, которые окружают Линдеснес и текут дальше через весь мир. Я единственный на корабле впервые вышел в море, и мне казалось, что неопытность объединяет меня и корабль. Мы словно совершали свадебное путешествие на неизвестный остров.

Но кораблю предстоял лучший брак, если ему понравится новая жизнь и походы по лебединой дороге к христианским берегам.

Опустилась ночь, и мы передали весла нашим сменщикам. Поужинав хлебом и козьим сыром, я повалился спать на палубу вместе с моими товарищами.

Тьма еще не совсем отступила, когда нас разбудили и дали солонину. И тут я во всей красе увидел то, что не дано увидеть сухопутному человеку: бархатную густую черноту восточного неба, растворяющуюся в столь же черном море пред самым наступлением рассвета. Мы наблюдали пробуждение утра.

Всплыло вверх величавое солнце, и море заблестело.

Весь день и всю ночь, и половину следующего дня корабль несли вперед тридцать шесть пар рук.

Но едва мы миновали Дальний Залив, как ветер с Северного моря посвежел и окреп, и за работу взялась мачта, а парус зашуршал и надулся, и мы втянули весла внутрь. Мы резво плыли навстречу сиянию воды, праздновавшей победу весеннего солнца над умирающим льдом. Чайки ныряли позади нас, и ширококрылые альбатросы летали над нами огромными кругами, неторопливые и безмятежные, как облака в летнем небе. Мы были в открытом море, но не серое было вокруг, а бесконечная синева.

Быстро же наш корабль, «Белая Дева», оставил отчий дом. Долго ждало Серое Море, наблюдая за ее прекрасными формами, с нетерпением ожидая момента, когда шняк попадет в его объятия. Странно, что Океан не поднялся со своего ложа, не схватил и не унес его. Это был час его торжества, и пойманная им «Белая Дева» лежала на его могучей груди.

Сперва она испугалась и, холодна и неподвижна, неохотно подчинялась его воле. Но потом отбросила свои страхи, чувства пробудились в ней, и теперь она задрожала в сладкой истоме и заплакала и застонала от ни с чем не сравнимого удовольствия.

Мы чувствовали холод ледяного поля и слышали его тяжелое дыхание. Туман стучался и рассеивался над его многочисленными трещинами, то низко стелясь, то облачками уносясь прочь. Трещины постоянно меняли форму и между сталкивающимися и ломающимися льдинами выступала вода, бирюзовая на солнце, или белая, словно фонтан кита. С ледяного Севера двигался ледяной флот, неся на себе целую армию клыкастых моржей.

В этой черной массе спали сотни и сотни животных. Один зверь устроился на огромном айсберге, и никто из сородичей не решался нарушить границы его владений. Тысячи подняли головы и взревели, завидев нас, и гром сотряс воздух. Льдины сталкивались и наезжали друг на друга, когда здоровенные туши взволновали море, соскользнув в воду. Мы наблюдали, как черные тени двигались в глубине, иногда с шумом выныривая прямо перед носом корабля, словно желая присоединиться к нам.

Гудред, стоявший у рулевого весла, направил корабль в самую гущу. Мы, гребцы, согнули спины, и мокрые весла, двигаясь вверх и вперед, вспыхивали на солнце одно за другим так, что казалось, будто холодное золотое пламя бьется среди огромных черных туш.

Наш дракон стремительно неся, чтобы вступить в бой со зверями. И хотя мой Железный Орел был снабжен восьмидесятифутровой веревкой, я мало думал о том, как буду пользоваться им во время охоты, да и вообще особых надежд на это не питал. Вместе со своей командой я должен был грести. Это не означало, что я не мог наблюдать за охотой. К тому же мне доставляла удовольствие слаженная работа команды, когда корабль исполнял малейшее желание Гудреда. Но тут в моем сердце зажглась надежда.

— Торхильд, возьми весло Оге, — закричал Гудред. — Оге, давай вперед.

Я быстро привязал конец веревки копыя к столбу и, когда мы подошли к льдине, мой Железный Орел со свистом понесся в громаду ревущего самца. Но я не принял во внимание вес веревки, и наконецник вонзился в лед. Едва я вытащил его обратно для следующего броска, как корабль получил звучный удар в борт. Я глянул вниз и увидел огромного седого моржа, бьющегося в воде с копьём Бьёрна в бок. От его ударов корабль содрогался от носа до кормы, и люди кричали от возбуждения.

— Мне подождать, пока ты загарпунишь его? — крикнул я Бьёрну.

— Нет, клянусь всеми богами, — заорал он. — Тащи другого, даже если они развалят корабль пополам.

И мой Железный Орел вновь взвился в воздух и на этот раз вонзился в плечо огромной моржихи. Веревка натянулась и заскрипела, когда зверь попытался добраться до края льдины. Но его ласты скользили по льду, а рывок корабля опрокинул его и, потянув через льдину, сбросил в воду у борта, и высокий фонтан брызг окатил гребцов. Раздался взрыв громкого смеха, но тому была и вторая причина: падая, зверь сломал два весла, и обломок одного из них оглушил гребца, швырнув его на палубу.

Теперь корабль напоминал повозку, запряженную парой волов. Но они не тянули дружно, как вышколенная упряжка: моржи были гораздо менее послушны. Дерево гнулось и трещало, и я боялся, что

звери вырвут опоры, к которым были привязаны загарпунившие их копыя. Иногда один из них резко нырял в глубину. Веревки были коротковаты, и мы боялись, что неистовство раненых животных перевернет корабль.

В последнем приступе ярости зверь Бьёрна атаковал корабль и попытался вонзить клыки в борт. Три крепких весла разлетелись в щепы, прежде чем Эгберт и еще несколько человек поразили его мечами.

Зверь Бьёрна быстро ослабел, и, видя, что морж теперь не уйдет, Бьёрн занялся другим.

Истекающее кровью животное гребцы подтянули к борту. Теперь оно не могло причинить никакого вреда. Тем временем Эгберт пускал стрелы в стадо, лежащее на соседней льдине, и один из моржей был уже мертв. Покончив с первым моржом, я воткнул копьё в громадную самку, которая продолжала яростно атаковать корабль. И тут, наконец, Эгберт разбил ей голову секирой.

Битва продолжала бушевать. Бьёрн призывал Одина, гребцы торжествующе хохотали, а Эгберт выкрикивал имя Христа. Но вольноотпущенник еще не воин, и я страдал от невозможности взывать к богу Войны. А потому я метал копьё и бился со зверями молча.

— Неплохо для человека, выросшего в железном ошейнике, — поздравил меня Бьёрн, когда все было кончено.

В трюме корабля лежало четыре десятка клыков и двадцать туш — четыре тонны мяса и жира.

Конечно, не сравнимо в том, что викинги привозили из набегов, но все же мы были очень довольны, погружая весла в воду и направляя корабль к дому. Шняк двигался легко и ходко, и ветер дул с запада, и весь путь от Дальнего Залива до Гримстада мы прошли под парусом.

Китти говорила, что это слишком хорошо, чтобы продолжаться долго. Рождение корабля — совсем не обычная вещь. Превращение массы дерева и шкур в живую невесту моря требует пристального внимания богов. Возможно, ее ласковое покачивание, ее весело хлопающий парус и задорное кивание головы дракона указывали на то, что боги колдуют над ней, и боги же определяют ее судьбу.

Бухта Диких Гусей осталась позади, когда ветер стих. Его долгие вздохи прекратились, и мы слышали свои собственные звонкие го-

лоса. Парус безвольно поник, его тугой живот сморщился. Бег корабля замедлился, и умирающие волны лениво плескались в борта.

Гудред внимательно посмотрел на небо, а потом на острова Диких Гусей, которые лежали перед нами, будто три зеленых яйца в голубом гнезде. Странно было видеть, как быстро надвигается берег, словно сильный ветер наполнял парус. Гудред открыл рот от удивления: ведь не было никакого ветра. Мы расхохотались, услышав его встревоженный крик: «Весла в воду!», словно мы могли врезаться в далекий берег. Затем мы изумленно переглянулись, тщетно пытаясь отвернуть от берега. Только после долгих усилий корабль развернулся к морю.

— Никогда не видел такого сильного прилива, — закричал Бьёрн Железнобокий.

Мы не обращали внимания на течение и гребли без остановки. Вдруг нас охладил сильный порыв встречного ветра. Все лица посерьезнели. Над водой стал сгущаться белый туман. На расстоянии он казался неподвижным и безопасным, нежным, как шелк. Затем мы увидели, что он медленно окутывает нас, сворачиваясь в тысячи густых клубков. Не успели мы перевести дух, как почувствовали его холодное влажное прикосновение.

Непостижимое дело: у тумана не было веса, его нельзя было поймать рукой, сквозь него можно было беспрепятственно пройти, но для человека в тумане мир становился призрачным. Можно было сколько угодно тереть глаза, безуспешно пытаясь разглядеть берег, отчетливо видный всего мгновение назад. Казалось, туман не в состоянии причинить вреда и блохе, но у меня сразу заболела голова и задрожали руки.

Давным-давно, когда мир был молод, Один загадывал загадки, испытывая мудрость короля Хедрика, своего сына от вёльвы, провидицы, и над одной Хедрик как следует поломал голову.

— Какой великан накрывает землю и море и глотает горы, но его самого разносит в клочья ветер и убивает солнце?

Тогда вёльва, мать Хедрика, заговорила из своей густо заросшей могилы на тайном языке, так что только сын мог слышать ее: «Туманный великан», — ответила она.

И вот он предстал перед нами. Он был липким и холодным, как кожа покойника. Суровым голосом Гудред приказал грести в откры-

тое море в полную силу. Туман продолжал окутывать корабль. Порыв ветра я почувствовал сначала шеей, потом щекой. Затем его дыхание вновь окутало мою шею в густом тумане. В этот миг Рольф, воин из Хордаланда, поднял свое весло.

— Гудред, — проговорил он медленно и спокойно, — либо ветер меняется, либо мы меняем курс.

— Нас крутит прилив, Рольф, — ответил Гудред.

И вновь ветерок налетел с другой стороны.

Мы дружно гребли, надеясь, что туман рассеется. Вместо этого он еще гуще укрыл нас, словно ледяной дым.

Порой, когда мы до боли в глазах высматривали землю, нам казалось, что туман редет, но в следующее мгновение он только плотнее стискивал нас в своем ледяном объятии. Он висел над водой, и его клубы принимали форму чудовищных кораблей и великанских башен. Это было объятие смерти, ослепившее и отделившее нас от остального мира.

— Бьёрн, в какой стороне открытое море? — спросил Гудред.

Бьёрн стоял, вертя головой, словно бык, отгоняющий слепней. Он вытянул руки и поворачивался то вправо, то влево. Наконец он застыл и сказал, тяжело роняя слова:

— Ты кормщик, Гудред, но я скажу тебе свое мнение. Я думаю, что ветер сместился к северу, и открытое море там. — Бьёрн вытянул руку через правый борт.

— Клянусь Христом, — вскричал Эгберт, — я считаю, что море там. — И он резко выбросил руку в сторону кормы.

— Вы поймете, что ошибаетесь, когда прибой кинет нас на скалы, — горько усмехнулся Рольф.

— Поднимите весла и крикните погромче, — скомандовал Гудред, — может, мы услышим береговое эхо.

Раздался дружный рев, быстро стихший в тумане, но только волны своим плеском вторили ему.

Затем полтора десятка человек закричало: «Один! Один!»

Им ответило лишь завывание ветра. Я втянул весло, подошел к Эгберту и встал перед ним на колени.

— Поднимись и говори, — сказал он.

— Я был твоим рабом. Теперь я свободный человек, и я ни разу еще не шел дорогой берсерка и ни разу не приносил жертву в Свя-

щенной Роще. Но возможно, мой неизвестный отец был воин, и его душа нашептывает мне: «Призови Одина!»

— Это не мое дело! Я преклоняю колени в христианском храме.

— Почему бы не воззвать к Тору, — сказал кто-то. — Он бог Гроз, и, может быть, его молнии укажут нам путь.

— Нет. Я буду звать только Одина, бога Битв, Ветров и Рун. Или я буду молчать.

— Что же, зови, — согласился Бьёрн. — Если он откликнется, будем считать, что ты под его покровительством, и неважно, умрем мы или нет. Но если он промолчит, мы сочтем, что он гневается на ложь раба и выкинем тебя за борт.

Я набрал полную грудь воздуха и издал пронзительный крик: «Один!!!»

Мы затаили дыхание, и было слышно, как колотятся сердца людей. Многие закрыли глаза, думая, что так они лучше расслышат. Мы различали плеск волн о борта корабля, их рыдание и стоны, и легкий свист ветра. И когда все разочарованно вздохнули, а я уже приготовился к свиданию с Пожирателем Трупов, отвергнутый Одином и отвергнувший Тора, мы услышали слабый шум далеко за границей тумана.

— Это стая воронов, посланных вывести нас в открытое море! — хриплым голосом крикнул Бьёрн. — Гудред, правь на их крик.

Мое сердце болезненно сжалось. Вороны так кричат, опускаясь на засеянное поле, или гоняя сову. Вряд ли их послали в ответ на мой зов. Мы поворачивали к берегу, ведь с него доносилось карканье. Я вспомнил, что восточный берег бухты Диких Гусей густо порос буквым лесом — излюбленным местом обитания птиц в это время года.

Но кто не поверит мне, если я расскажу это? Может, Китти, да еще Эгберт. И все. Викинги уверены в правоте Бьёрна — ведь он сын Рагнара, ярл, не раз бороздивший морской простор, воин, ходивший дорогой берсерков, и его судьба интересует самого Одина.

Затем простая мысль закралась, словно змея, в мой мозг. Все внимательно следили за Гудредом, который разворачивал корабль по ветру. Я незаметно подошел к Китти и прошептал ей на ухо несколько слов.

— А что говорит прорицательница? — закричал я в общем шуме.

— Говори, желтокожая! — приказал Бьёрн.

Она повернулась к Бьёрну и заговорила своим мелодичным голосом:

— Правда, воронов послал Один. Но не для того, чтобы указать нам путь, а чтобы предупредить о берегу мертвых. С него они кричат. Поворачивайте живее, а то мы налетим на скалы. Ведите Дракона по ветру!

— Должно быть, она права. Но если нет...

— Я разделю судьбу Оге, сына вождя, в жизни и в смерти.

— Плыдем по ветру, Гудред! — закричал Эгберт.

Но Гудред уже изо всех сил орудовал кормовым веслом, а гребцы на скамьях дружно помогали ему. Их удары взбили белую пену, и корабль, набирая ход, рассекал волну за волной.

Оставалось только ждать, а это у меня всегда получалось неплохо. Примерно через час ветер усилился и в теле Туманного великана стали появляться пятна света. Словно аисты поворачивали мы свои натруженные шеи, и наконец одноглазый викинг радостно закричал, указывая проем в клубах тумана.

Берег остался далеко позади, жадные прибрежные волны разочарованно бросались на скалы, и белая пена, словно руна Радости, славила жизнь.

Глава четвертая ЗАЛОЖНИЦА

Теперь у меня было время поразмыслить над рассказом Китти о делах Хастингса в Нортумбрии. Отчего-то я знал, что это сыграет большую роль в моей судьбе. Но я не очень понимал, как можно обернуть все во вред Хастингсу. Поэтому я отправился к Эгберту и изложил ему рассказ Китти. Эгберт выслушал мою историю с большой тревогой.

— Я говорил, что ты не раз услышишь имя Аэлы, коль у тебя есть уши, — молвил он первым делом, — но я никак не думал, что он стал достаточно знатен для брака с дочерью Родри.

— Разве Родри такой уж могущественный король?

— Высочка, но человек с головой. Теперь ему принадлежит почти весь Уэльс. Аэла же хитер, как змея. Я говорил тебе, что он спит и видит себя королем Нортумбрии. Возможно, он уже заполучил трон, сожги его Хель!

Эгберт не в первый раз произносил название Берега Мертвых, но мертвецов там пожирали чудовища, они не горели в пламени, как грешники христиан.

— Замыслы Мееры могут идти дальше приданого и выкупа, — продолжал Эгберт. — Что если она захочет оставить себе заложницу королевской крови? Аэла даст хорошую цену, чтобы вернуть свою невесту. Но, клянусь Небесами, она может стоить дороже, чем мы себе представляем! Чем заплатит Родри за жизнь горячо любимой дочери? Если он смирится, то Рагнар сможет использовать Уэльс как неприступную горную крепость, из которой и начнет завоевание Англии.

— Что с тобой? — воскликнул я, когда Эгберт вдруг разинул рот и смертельно побледнел.

— Если Рагнар захватит Уэльс, то дальше он обойдется без меня, и мне не быть королем Нортумбрии.

— Ты будешь коронован.

— Кто ты такой, чтобы обещать мне это? — надменно фыркнул Эгберт. — Но вот обменяет ли Родри королевство на жизнь дочери?

— Пожалуй, никто, кроме Мееры, не сможет тебе ответить. Хотя, возможно, скажет его дочь, когда ее привезут сюда, — ответил я. — Ты бы хотел поговорить с ней прежде Мееры? Я мог бы это устроить.

— Языком трепать все горазды. Как?

— Перед возвращением домой Хастингс обязательно остановится на острове Скаеф, чтобы заплатить вельве за попутный ветер и принести жертвы в Священной Роще.

— Да, не сделав этого, он не поднимет чашу за свое возвращение.

— Можно нанять дровосека, который сообщил бы тебе о приближении корабля. Самому тебе нельзя находиться на острове, ведь это священная земля. Но никто не запретит тебе поглядеть на добычу. Язык пленницы никто не знает, и ты предложишь себя в качестве переводчика. Они не догадаются, если ты заговоришь с ней о чем бы то ни было.

Из глубины моей души всплыла гордость за такой хитрый план, но Эгберт прихлопнул ее, как муху.

— Ты, Оге, не имеешь никакого представления об Англии. Саксы и англй не смогли покорить Уэльс, и люди там говорят на своем собственном языке, который сам черт не разберет. Хоть некоторые из них и христиане, вряд ли они знают латынь.

— Вот уж не думал, что тебе она известна, — обиделся я.

— Да десяток слов знаю. Но что толку. А вот ее, пожалуй, могли подучить английскому. Должна же она уметь позвать Аэлу в постель. Чтоб я сдох! Сломанный меч ничуть не лучше разбитого щита. Хотел бы я услышать, как Аэла заскрипит зубами, узнав о похищении невесты! Но мне ненавистна мысль, что Родри покорится Рагнару. Ненависть сильнее любви, и я поквитаюсь с Аэлой, когда стану королем Нортумбрии!

— Славное будет времечко, — согласился я.

— Но мы делим шкуру неубитого медведя. Сомневаюсь, что нежная девушка доберется сюда в целости и сохранности на корабле,

полном викингов, а если и доберется, то Родри трижды подумает, за какую цену ее выкупать. Меня, однако, успокаивает мысль, что у Хастингса только два корабля. Девять против одного, что он не спустит с нее глаз.

Зная Хастингса лучше, чем Эгберт, я бы не дал жертве и этого единственного шанса. Если бы я был отцом или женихом девушки и имел возможность выбирать, я бы предпочел видеть ее похитителем Рагнара, а не его расчетливого сына. Засаду Хастингса фризский корабль обнаружит в последний момент, когда поздно будет что-либо предпринять, а за девушкой он будет следить без усталости с неистощимым терпением.

В один из дней я побывал неподалеку от острова Скаеф. Местные кузнецы выплавляли лучшую руду в округе, и никто не мог сравниться с ними в искусствековки. Там, на золото, подаренное мне Эгбертом и дюжину рогов, добытых на охоте, я купил себе меч. Он был ничем не примечателен с виду, но мне понравились его пропорции и прочность. Интересно, скоро ли он обогрится кровью?

Из кузницы я рассматривал остров Скаеф, где, по древней легенде, похоронен великий воин. Он научил людей обрабатывать железо вместо хрупкой бронзы. Теперь над его курганом возвышается усадьба Владычицы Ветров, вельвы по имени Гримхильда. Хотел бы я, чтобы она рассказала, что выйдет из нашей с Эгбертом затеи. Ну вот, теперь осталось лишь нанять дровосека, чтобы он предупредил о прибытии Хастингса Девичье Личико. Это заняло времени не больше, чем покупка меча.

После этого я сокрушался лишь об отсутствии боевого топора, Раскалывателя Черепов, Грозы Доспехов, Сокрушителя Костей. Однако опытный старик-кузнец, смерив меня взглядом, наотрез отказался от заказа. Он говорил, что бог кузнецов Вёланд накажет его — ведь оружие должно соответствовать воину. Он заявил, что я недостаточно плотного сложения, чтобы как следует владеть секирой. Я был скорее волком, чем медведем. Один хороший удар секирой обрывал жизнь любого ратника, закованного в доспехи. Но ведь и меч делал то же, если быть поточнее.

Как правило, норманны давали имена только знаменитым мечам. Неопытный юноша, лишь вчера ставший свободным, дающий звучное имя дешевому, неиспытанному клинку, вызвал бы всеобщий

хохот. Но я не мог удержаться и дал мечу имя — Клык Одина. Я не думал, что великому богу это понравится, но поклялся, что он воплется в сердца многих христиан прежде, чем я паду в битве, и кровь, словно горный ручей, будет течь по его желобку. Однако Китти я открыл это имя, и, к моему облегчению, лапландка воздержалась от своего птицеподобного смеха и даже не улыбнулась. Вместо этого ее глаза подернулись пеленой, словно ей было видение.

Мои глаза и руки уже ловко обращались с луком и копьем. Когда зима закончилась и на пастбищах появилась первая травка, Эгберт начал учить меня владеть мечом, почитая себя мастером в этом искусстве. Но я-то видел, что все его изящные приемы будут бесполезны против ревущего берсерка, у которого прием только один — рубить тебя пополам. И я как можно больше внимания уделял скорости и точности.

Готовя меня в помощники кормщика на своем корабле, Эгберт дал мне срисовать карту, найденную им однажды в древней башне на берегу Хамбера. Она была на двух свитках пергамента в три фута шириной и почти в двадцать длиной. На ней было изображено все побережье от юга Британии до севера Ютландии. Я попросил месяца на работу, но мне потребовалось вдвое больше, прежде чем я научился понимать загадочные знаки. К моему изумлению, я научился за это время большему, чем если бы плавал по морю всю жизнь. Сотни крошечных стрелок тянулись одна за другой, сливаясь в очертания побережья, и каждая отмеряла расстояние в десять миль. Они ясно и точно изображали острова, устья рек, мысы, заливы и бухты. В некоторых я узнавал земли, о которых рассказывали старые викинги. Название нашей страны было написано по-латински. Эгберт прочитал его мне: *Ультима Туле*. Север обозначался белым медведем, Восток — встающим солнцем.

Однажды утром мою работу с картой прервал гонец с острова Скаеф:

— Прибыл Хастингс. Он захватил девушку, но на вашем месте и бы не стал с ней связываться.

— Это еще почему?

— Вы еще спрашиваете? Я скажу. Она ведьма.

— Ты хотел сказать, прорицательница, вэльва?

— Вот уж нет! Вэльва-то живет в усадьбе, вы ее знаете, и я часто

вижу, как она прыдет, греясь на солнышке, как любая другая женщина. И она точно женщина с головы до ног. На нее приятно посмотреть. Ведьма же — это совсем другое дело. Они живут в христианских землях, они хитры и могут превращаться в волчиц.

Взволнованный, я за два часа пересек мыс, желая хотя бы взглянуть на девушку, а если повезет, то и поговорить с ней. Увидев меч на моем поясе, рабы вёльвы не стали спрашивать, имею ли я право ступить на священную землю, и безропотно переправили на лодке через пролив. Я шел по Священной Роще. Земля была густо усеяна костями. Ничто не нарушало ее полумрак, разве что парочка черепов, белевших на ветвях; меня охватил страх.

Я миновал усадьбу, в которой жила наша колдунья, никогда не покидавшая свой двор в телесной оболочке, хотя некоторые путники клялись, что видели ворона, вылетающего из ее окошка на рассвете, и возвращавшегося на закате с перемазанными кровью перьями.

Два корабля Хастингса стояли в бухте, безмолвные, словно суда мертвецов. Ни одного возгласа радости не доносилось из-под кованых шлемов при виде родных берегов; воины стояли на насыпи молчаливыми группами. Нигде не было видно их хёвдинга. Я подумал, что Хастингс направился в башню или в рошу на торжественный обряд.

Насыпь была рукотворной и не считалась священной землей. И все же я не думал, что христианской принцессе позволят покинуть корабль. В лучшем случае я надеялся увидеть ее заплаканное лицо над бортом. Поэтому я не поверил своим глазам, увидев две женские фигуры, переминающиеся с ноги на ногу на мокрых мостках. Когда я разглядел их чужеземный наряд, мое изумление достигло предела.

Они резво вышагивали взад и вперед, держась за руки. Приблизившись, я решил, что высокая девушка с золотыми косами была дочерью Родри, а другая, с развевающимися черными волосами, ее служанка из того же народа, что и Китти. До этого я не видел черных волос ни у кого, кроме лапландцев. Затем я обнаружил, что у девушки пониже платье было намного богаче, и к тому же расшитое золотом, а на шее — изящная цепочка. Я перестал уже чему-нибудь удивляться, когда девушки резко повернулись ко мне.

Кроме черных волос принцесса Моргана ничем не походила на Китти. Кожа ее была белоснежной, если не считать румянца, а весе-

лое выражение лица более подходило беззаботной путешественнице, чем пленнице викингов. Что ж, молодость не любит грустить, ее нелегко повергнуть в уныние. Она всегда видит свет среди тьмы и легко обманывается. Если я не ошибся, девушке было не больше пятнадцати зим.

Принцесса была совсем не похожа на Китти с ее желтой кожей, носом пуговицей и прямым, тонким ртом. Глаза ее были ярко-синими, а подбородок — отнюдь не квадратным. Кончик носа чуть-чуть загибался, а губы были алее, чем у любой девушки данов. Одним словом, это было самое странное лицо, какое я когда-либо видел. Неудивительно, что наш гонец принял ее за ведьму! Я тоже был сбит с толку ее необычностью и, как я подумал, уродством.

Я никак ни мог прийти в себя от внешности принцессы. Ее спутница была симпатична и очень похожа на наших девушек. Я решил, что она из страны саксов, граничащей с королевством Родри.

Я отступил в сторону, чтобы дать им пройти, и тут произошла странная вещь. Я вдруг понял, что не считаю Моргану уродливой. Она, конечно, по-прежнему казалась странной, но она была красивой! И я подумал, что никогда еще не видел такой стройной фигуры. Ее глаза сияли, словно сапфиры, под черными ресницами. Черные, слегка вьющиеся волосы составляли разительный контраст с белой кожей.

Вдруг мне захотелось поцеловать ее ярко-красные губы, и это было самым сильным и самым дурацким желанием за всю мою жизнь.

Тут я вспомнил, что Китти рассказывала мне о молодых женщинах и девушках, и я понял, почему она была так весела и осмеливалась прогуливаться на виду у всех. Я понял, почему она румяна, а не бледна. Я сожалел, что она не досталась акулам.

— Моргана, — позвал я тихим голосом, сделав шаг навстречу паре, когда девушки в очередной раз проходили мимо.

Она остановилась и глянула на меня взором невинного младенца, затем заговорила на чужом языке. Хотел бы я, чтобы она оказалась слепой и немой.

Какая разница, что я говорил ей: она отвечала на языке Уэльса и не понимала меня. Мне хотелось, чтобы Хастингс вызвал меня на поединок, и один из нас был бы убит. Напоследок я сказал ей по-

английски, и меня не заботило, что служанка могла понять мои слова:

— Ясно, что вы с Хастингсом поладили в первую же ночь, — сказал я, — но будет нелегко очаровать старину Рагнара, и ты запоешь по-другому.

Она засмеялась, откинула голову, плюнула мне в лицо и ушла.

Когда Хастингс вышел от вельвы и ему донесли, что я разговаривал с его пленницей, ему захотелось повидать меня. Я ведь был уже воином Одина, а не жалким рабом, который мог бежать или просить пощады, и я был просто обречен на встречу с ним. Даже если бы я находился где-нибудь с поручением, мне оставалось бы только ждать, что он окликнет меня или пройдет мимо. Тем не менее я направился к Священной Роще.

В этот момент меня и окликнул мелодичный голос. Я хорошо его знал и стиснул пальцы на рукояти меча.

У насыпи стоял Хастингс, и я понимал, что он смеется надо мной — ведь мне приходилось идти назад. Но на лице его была лишь обычная улыбка.

Я опасался его не меньше, чем раньше, а ненавидел гораздо сильнее. Вся ненависть, которую я питал к нему раньше, казалась детской забавой по сравнению с тем, что теперь разгоралось в моей груди. Отвратительные шрамы на его лице больше не вызывали во мне злорадства. Перед моими глазами стояло другое лицо, которое я только что видел и уже не хотел увидеть вновь — ее губы прижимались к его губам, ее белые руки обвивались вокруг его шеи, и глаза ее сияли.

Яд разъедал мою фантазию, и я воображал невесту что: вот Хастингсу надоели поцелуи его пленницы, и он тут же забыл о ней, но она не жалуется, она терпеливо ждет его ласк. Он может наслаждаться каждым дюймом ее тела. Сколько бы он не требовал от нее, она всегда готова предложить больше. Если он делает ей больно, она твердит, что это сладкая боль, и он может приказывать ей целовать свое лицо, потом губы...

— Боюсь, ты собрался вытащить меч, — дружески сказал Хастингс.

— Великий Хастингс боится? — спросил я, от ненависти забыв об осторожности.

— Конечно, ведь тебя может увидеть вельва. А если один воин угрожает другому на священной земле, его сжигают на костре.

— Знаю, — стыдясь самого себя, сказал я. — Я забыл, где нахожусь.

— Вполне естественно для новичка, впервые попавшего в Священную Рошу. Ты был человеком Тора, когда я уезжал отсюда. Теперь ты воин Одина и должен научиться многим вещам. Одна из них — это хорошенько выбирать добычу. А то как же узнать, что забирать у христиан, а что выбрасывать? Например, что ты скажешь о моей девице?

— Она уродлива, словно ведьма.

— Я видел, как ты говорил с ней, и надеялся, что она будет рада поболтать с кем-нибудь, кроме своей служанки Берты. Девушке было очень одиноко на корабле, и я обещал ей, что Эгберт и ты развлечете ее. Должен заметить, что умение говорить по-английски — верх образованности для уэльской девушки, и малютка очень гордится этим. Но я боюсь, что ты ее обидел.

Возможно, из-за того, что я уже не раз подвергался опасности, я научился распознавать ее. Пока Хастингс разглагольствовал, я прислушивался к его интонациям, вникал в смысл слов и пристально следил за ним. И внезапно я понял, что он не похож ни на одного известного мне норманна, — я не мог предугадать, что он сделает в следующий миг. Я даже не понимал, что он задумал.

— Спроси об этом у своей уэльской девчонки, — ответил я на его насмешку.

— Это будет трудновато сделать на языке жестов.

— А я думал, она понимает твои жесты.

— Например, когда щекочешь ладошку? — Хастингс громко засмеялся. — Оге, если ее не доставить домой в целости и сохранности, Аэла, ее жених, вряд ли заплатит хороший выкуп. Дело прежде всего.

— Она пыталась соблазнить тебя, но не смогла.

— И вновь ты не прав, Оге. Должен признаться, что я был почти соблазнен. Разве ты не заметил, какая она изящная? Не сомневаюсь, что она девственница. Я лично могу гарантировать это Аэле. И не скажешь, что очень уж смела или ведет себя вызывающе. Но я ду-

маю, что, когда Берта описала ей некоторые прелести нашего путешествия, она начала слегка ревновать. Кельтская кровь горяча, как я слышал, и судя по ее желанию учиться всему, чему я мог ее научить, так оно и есть.

Хастингс задумчиво щелкнул пальцами и весело зашагал прочь. Хотел бы я, чтобы это была безлюдная равнина, где только птицы да звери могли видеть, как я беру своего Железного Орла, заношу его над плечом и отправляю в полет в быстро удаляющуюся спину Хастингса.

Меня не заботило, что его мать Эдит увидит с небес, как он споткнется и зашатается будто пьяный и рухнет в покрасневшую вдруг траву. Если она пожалуется своему христианскому Богу, мне на это наплевать.

Когда я разыскал Китти, то попросил ее рассказать мне все, что она знает о происхождении Хастингса. Но она ничего не могла добавить к тому, что я уже знал.

Эдит была дочерью Реджинальда, графа Нантского. Архиепископ Гунбард служил мессу в честь святого Иоанна, когда Рагнар ворвался в собор и убил графа. Были убиты все, кто там находился, кроме девушки Эдит, которая привлекла взгляд Рагнара; она попросила убить ее, стоя среди трупов. Это случилось двадцать три года назад. Следующей весной родился Хастингс.

Эгберт спокойно выслушал, что Хастингс вернулся с добычей и тщательно расспросил меня.

— Хастингс замышляет то, чего я и опасался: держать девушку заложницей. Он хочет выкуп от Родри?

— Хастингс говорил лишь о выкупе от Аэлы.

— Он никогда не уплатит, если с ней что-нибудь случится. Как ты думаешь, она в порядке?

— Понятия не имею.

— А как на твой взгляд, она стоит большого выкупа?

— Я думаю, она безобразна. И волосы у нее черные...

— А как ее здоровье?

— Полна сил.

— Не сомневаюсь, что она уже была с ним. И она скорее отправится с Хастингсом в военный лагерь, чем воротится во дворец к Аэле. Велико ли приданое, которое захватил Хастингс? Если достаточное, то никто не осудит его. Но Родри может заплатить столько, сколько пожелает Рагнар. Даже после того, как она надоест Хастингсу, Родри будет пытаться выкупить ее. Ведь он любящий отец. Я не очень-то верю, что он позволит Рагнару укрепиться в Уэльсе в обмен на ее жизнь, но все же это возможно. Мне будет трудно заснуть, пока она будет во власти Рагнара.

— Не буди лихо, пока спит тихо, — предостерег я.

В этот миг вошел Генри с запиской от Хастингса. Меере очень хотелось поговорить с девушкой — Морганой Уэльской. Но ни она, ни Хастингс не разумели по-английски, тем более, по-уэльски. Если ярл Эгберт не занят, то не придет ли он к ним помочь? А если занят, то, может, пришлет своего воина Оге, который уже познакомился с ней?

— Меера догадывается о моих планах и подозревает о том, что я играю двумя щитами, — быстро сказал Эгберт. — Если случится что-нибудь неожиданное, например, она умрет от оспы или сбежит на фризском корабле, я не хочу, чтобы меня обвинили в этом. Скажи посланнику Хастингса, что я обьелся жареных угрей и посылаю своего воина Оге вместо себя.

Огромный зал был тускло освещен дюжиной свечей, и они казались корабельными огнями в вечерней гавани. Когда я привык к полумраку, то заметил в высоких креслах четырех человек: Мееру, саксонскую девушку Берту, Моргану и Хастингса. Мне приказали сесть на низкую скамью напротив пленниц. Хастингс отдал распоряжение небрежным тоном. Когда я уселся, в окно заглянуло солнце.

Меера выглядела моложе и привлекательнее, чем я ожидал. Я чувствовал, что она рада мне, и это радовало и пугало одновременно.

Берта была симпатичной девушкой в полном расцвете сил, вполне подходящей в жены юному викингу. Она была ласковой и работающей, как мне показалось. Я бы с удовольствием взглянул на нее, но не мог придумать предлога. Вдруг я понял, что она — живое

доказательство лжи Хастингса. Он не мог овладеть ей во время путешествия, ибо она не оставила бы госпожу ради объятий викинга.

Но это не означало, что Хастингс лгал и о Моргане. Насколько я знал, она кормила Берту беленой во время пути, чтобы та хорошо спала. Она бы скорее выбросила служанку акулам, чем пропустила хоть час встречи со своим любовником.

Я глядел на принцессу, не показывая, что видел ее раньше. Она не обращала внимания на меня и сидела с отсутствующим выражением на лице. Я вспомнил, что назвал ее безобразной и испугался, что боги услышали меня и даже успели кое-что предпринять. Моя рука сама поползла за ворот, нащупала и сжала оберег. Тогда я уловил тихий шепот. Моргана обращалась к Берте: «Он пытается поймать блоху».

Хастингс расчесывал свои золотистые волосы черепаховым гребнем. Я надеялся, что хоть парочка блох выпрыгнет оттуда на глазах у Морганы, но блохи не оказались настолько любезны. Раздумывая о его чистоплотности, я почувствовал, что от него исходит сладкий запах. Без сомнения, он пользовался бесценными арабскими благовониями из Кордовы. В отличие от большинства викингов он не носил усов и, спокойно глядя на него, я впервые понял, почему. Он не желал прятать ни один из девяти шрамов, оставленных Стрелой Одина.

Мы все ждали, пока Хастингс закончит охорашиваться. Вскоре он безразличным взором оглядел нас и обратился к Меере:

— И чего мы ждем? Это твоя затея, а не моя. Начинай.

— Ну что ж, — приветливо начала Меера. — Спроси-ка, Оге, принцессу Моргану, сколько у нее братьев и сестер.

Когда я задал вопрос, взор девушки встретился с моим и застыл. Ее глаза отличались от наших, северных глаз. Никогда я не видел такой синевы.

— У меня четверо братьев и шесть сестер, а еще у моего отца много побочных детей от наложниц, которых от тоже любит, — ответила Моргана.

— Сколько жен и наложниц у Аэлы?

— Он христианин, и у него может быть только одна жена. Я не слышала, что у него есть наложницы.

Меера засмеялась, когда я повторил эти ответы:

— Оге, попроси принцессу не говорить глупостей. Ее второй от-

вет был правдив. У меня не такие уж маленькие уши, но я никогда не слышала, что Аэла содержит наложниц. Но ее первый ответ ложь. У нее два брата, а не четыре, и нет сестер. У ее отца, может быть, и есть парочка незаконных детей, но никто из них не живет при дворе.

Я повторил, и сперва мне показалось, что выражение лица Морганы не изменилось. Если бы я не приглядывался к лицам всю свою жизнь, как это делают рабы, я бы не заметил, что ее зрачки чуть расширились, а на белой шее забилась жилка.

— Теперь я буду говорить правду.

— Спроси, почему она солгала, — улыбнувшись, сказала Меера.

— Я сказала нарочно, — ответила Моргана.

— Я скажу, почему. Ты хотела заставить нас поверить, что твой отец, король Родри, имеющий столько дочерей, не станет платить большой выкуп за твое благополучное возвращение в Англию. Дочери обычно не очень берегут отцовское золото.

Я сообщил это как можно короче, чтобы добавить и кое-что от себя. Я говорил ровным тоном, дабы меня ни в чем не заподозрили.

— Ты влюблена в Хастингса и хочешь быть его любовницей?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — проговорила она смущенным тоном, и толкнула меня ногой под столом.

Я повернулся к Меере:

— Она говорит, что не знает, о чем ты ведешь речь.

— Спроси ее снова, почему она солгала.

— Ответь женщине, что я собиралась лгать, сколько смогу, — твердо сказала Моргана.

— Это вполне естественно, Меера, — сказал Хастингс, нарушив затянувшееся молчание. — Не забывай, что она христианская принцесса, пойманная варварами, и к тому же у нее упрямый характер.

— Ты прав, это естественно, но не так уж умно. Оге, спроси, сколько отец заплатит за ее безопасное возвращение в Уэльс.

— Отец направлял меня в Нортумбрию с неплохим приданым. Путь туда по морю далек, а по земле опасен. Поэтому он поцеловал и благословил меня так, будто прощался навсегда. Мое место за его столом уже занято. Моя матушка больше не заботится обо мне. Эти заботы он передал Аэле, моему жениху. Богатства, которые остались у моего отца, пойдут на содержание двора, плату воинам и прочие расходы. Вряд ли он откроет свои сундуки, чтобы выкупить меня из плена.

Когда я повторил это Меере, она нахмурилась, и на лице ее появились признаки гнева, хотя черные глаза оставались спокойными и хитрыми.

— Ты когда-нибудь видела Аэлу, принца Нортумбрии? — спросил я по приказу Мееры.

— Нет, но его посол описывал его как человека удачливого и сказал, что таким мужем можно гордиться.

— Ты знаешь, что в его жилах не течет королевская кровь?

— Знаю. Но и мой отец такой же.

— Почему Аэла выбрал жену из Уэльса, когда гораздо ближе есть принцессы с приданным побогаче? Ему рассказывали о твоей поразительной красоте?

Но я передал Моргане эти слова без насмешливой интонации. Не знаю, почему. Ведь я все еще ненавидел ее за распутство с Хастингсом.

— Аэла выбрал меня, чтобы их союз с моим отцом стал еще крепче.

Мне показалось, что она легонько коснулась меня ногой под столом.

— Что за союз?

— Мы торгуем во всем мире и помогаем друг другу во время войны.

— Кто-нибудь из вас собирается воевать с королем Уэльса?

— Нет, но оба готовятся к войне с норманнами. Они договорились охранять побережье и биться до смерти.

Сонное состояние Хастингса было прервано. Его глаза широко открылись, а лицо покраснело от гнева. Ноздри Мееры затрепетали от ярости. Я и сам встрепенулся, услышав, как нежный девичий ротик произносит такие слова. Мне приходилось следить за голосом, чтобы не выдать переполнявших меня чувств, в которых я самому себе боялся признаться. Мое сердце болезненно сжалось, как в тот момент, когда я увидел Китти, решительно и спокойно варившую суп, чтобы противостоять моей злосчастной судьбе и стоявшую с топором в руке, когда Меера говорила со мной.

Другая сцена, вырванная из памяти, встала пред моим мысленным взором: это был предсмертный танец Брата Рагнара, громадного, косматого, пытающегося вырвать из брюха мое копьё, его стоны

и рев, наполовину заглушаемый хохотом Рагнара. Я не смеялся и не знал тогда, какая сила сдавила мою грудь. Однако я не смог бы объяснить, что за связь между свирепым зверем, умирающим в лесу и нежной девушкой, отвечающей на вопросы Мееры в зале Рагнара. Я знал, что она покинула замок отца для долгого путешествия к жениху. И в самом конце путешествия, когда казалось, будто все опасности позади, и она уже предвкушала приветственную песню скальда, из засады вылетели два морских дракона, стремительные и ужасные, словно чудовища, поднимающиеся из черных глубин. Весла пенили воду, оружие викингов блестело, и их победный рев несся над водой.

«Твои воины стояли насмерть?» — вопрос бился у меня в горле, но я не задал его: мне-то что за дело?

Если да, то викинги получили двойное удовольствие.

Когда пал твой последний защитник, рыдала ли ты?

Да, ты плакала, если только ты не злая ведьма, как говорил го-нец. Ведьма может обладать неземной красотой: я слышал, такие встречаются. Они заманивают странников и обрекают их на ужасную смерть. Но губы земной женщины не могу быть столь сладкими, у них не бывает таких ясных глаз, если только они не коварнее черного оборотня в глухом лесу в полнолуние.

Если мое готовое разорваться сердце говорит правду, то тогда Хастингс лжет.

— Что с тобой, Оге? — прервал мои мысли резкий и нетерпеливый голос Мееры. — Уже дважды я прошу тебя задать вопрос. Какой выкуп заплатит Аэла за свою пропавшую невесту, а ты сидишь с таким видом, словно перед тобой дух.

Мозг напрягся, будто тело воина в момент опасности, и я подумал, что смогу помочь Моргане.

— Но я в самом деле вижу духа.

— Что?

— Она стоит за креслом Морганы.

Меера вцепилась в край стола так, что побелели костяшки.

— Она разодета в шелка и на голове у нее обруч желтого золота, а волосы так светлы, что кажутся почти белыми.

Точно такими словами Китти описывала Эдит, мать Хастингса.

— У нее есть еще украшения? — помолчав, спросила Меера.

— Нет, только на груди серебряный крест.

Тем временем я уголком глаз следил за Хастингсом.

Он сжал потемневшие губы, шрамы на лице почернели, а глаза заблестели.

— Оге, дух пытается защитить Моргану? — спросил он.

— Да. Похоже на то.

— Боюсь, несколько поздновато. Если бы она и впрямь хотела, чтобы Моргана досталась Аэле, она бы укрыла фризский корабль в густом тумане.

Он помолчал, буравя глазами полумрак за креслом Морганы.

— Она все еще там, Оге?

— Нет, она отступила назад.

— Далеко?

— Шагов на пять.

Из его руки, спокойно висевшей вдоль тела, вырвалось серебристое пламя, рассекло воздух и тускло заблестело на стене. Нож проткнул место, на которое я указывал.

— Если увидишь ее вновь, Оге, — сказал Хастингс, пока Меера ошеломленно молчала, — прикажи ей возвратиться в ее забытую могилу.

— О, Хастингс, ты самый великий викинг! — выкрикнула Меера, спрыгивая с кресла.

Она подбежала, чтобы обнять его, но он изо всех сил оттолкнул ее.

— Убирайся со своим восхищением.

— Зачем ты так со мной? У меня приятные новости. Ты получишь награду, достойную лишь тебя. Не думай о неприкосновенности девушки ради выкупа. Ты получишь ее этой ночью.

Хастингс отложил свой гребень, и его пушистые волосы сияли. Он посмотрел на Моргану долгим взглядом, и его яркие глаза посерьезнели.

— Что ты имела в виду, Меера, отказываясь от выкупа за принцессу? Мой отец Рагнар не согласится с этим, можешь быть уверена.

— Я объясню. Слушай. Она ведь сказала, что Аэла укрепляет побережье против нас. Дурацкая и дорогая затея. Да и трон его не так уж крепок. Ему постоянно нужны большие суммы на содержание

воинов и поддержание расположения могущественных эрлов. Много ли он может потратить на выкуп принцессы? Хорошо, коли наскребет фунтов пятьдесят серебра. Это слишком мало за нее. — Меера вытянула руку и коснулась груди Морганы.

— Но и Аэла может думать также.

— Он никогда не видел ее, а то, пожалуй, он мог бы стать мотом. И он не осмелится оскорбить Родри своей скупостью — Уэльс все же не столь отдален от его земель. Но ежели он не заплатит достаточно, то как насчет Родри? Имей в виду, Хастингс, он заплатит и завтра, и через полгода. Для него этот товар не портится со временем.

— С чего ты взяла? У тебя ведь никогда не было детей.

Меера на миг задохнулась. Видно было, что она испытывает боль сильнее, чем от глубокой раны.

— Тебе доставляет удовольствие издеваться надо мной?

— Честно говоря, небольшое.

— Я сказала, что ты самый великий викинг. Ты единственный, кто не боится христианского Бога, единственный, кто ничего не делает зря. Ты можешь добыть все, что пожелаешь. Ты сдержал свое слово и привез ее сюда в целости. Больше ты ни в чем не клялся, и твоя ли вина, что Рагнара здесь нет?

Мне хотелось быть слепым и глухим, как дубовая скамья, на которой я сидел, и равнодушным, как камень. И похоже, Хастингс и Меера таковым меня и считали, обсуждая при мне свои дела. Затем я вспомнил, как Стрела Одина вонзила когти в лицо Хастингса и понял, что он никогда не сможет забыть о моем присутствии. Даже если я буду прахом в могиле. Да и Меера, пожалуй, имела на меня зуб. Казалось, оба меня не замечали, но от меня не укрылась их тайная радость. Я понимал, чему радовалась Меера, но явно не тому, чему Хастингс.

— Ты права, я никогда не забываю о себе. Тут я всегда держу слово и не уклоняюсь от цели. С собой я честен и порядочен. Я не боюсь христианского Бога, как многие норманны. Это здорово помогает грабить монастыри и убивать священников.

— А они что, воображают, будто Один станет защищать их? Но прости, я тебя вновь перебила.

— Они так не считают. Вот в чем загадка и насмешка Судьбы. Есть лишь одна мера храбрости — сколь многим ты согласен риск-

нуть ради желаемого. Меера, есть по крайней мере один человек, которого я боюсь. Ты знаешь, кто он.

К моему изумлению, Меера побледнела.

— Рагнар.

— Он не обрадуется, если я присвою неподеленную добычу. Он, видите ли, считает себя справедливым и придерживается Правды воина. И он не поверит, что Аэла посягнется с выкупом. Ведь ты, Меера, сама убеждала его в обратном. Потому он и послал меня. Ты заставила его поверить, будто Аэла даст двести фунтов серебра — невозможную сумму! Почему?

— Известия об этом пришли слишком поздно и надо было действовать быстро. Не было возможности продумать все как следует.

— Не могу оказать тебе любезность, Меера, выслушивая подобную чушь. Ты знала, что Аэла ненавидит Рагнара больше всех на свете. — Хастингс повернулся, поглядел на меня и промолвил: — Но я окажу любезность тебе, Оге. Твои большие уши интересуются всяким, кто ненавидит Рагнара. Хотя я не понимаю, почему. Опустошив Нант и захватив мою мать, Рагнар поднялся вверх по реке Хамбер в Англии и провел несколько незабываемых часов с леди Энит, женой Йорского эрла и матерью Аэлы, который тогда еще только учился ходить. Эрл поклялся страшно отомстить, правда, я подозреваю, что Энит не слишком возражала против такого развлечения. Возможно, она попала в плен нарочно. Мой огромный косматый отец, пропахший потом и покрытый кровью, всегда нравился самым изнеженным женщинам. — Он поглядел на Мееру: — Ты тоже это заметила?

Меера была похожа на говорящую статую, когда открыла рот:

— Ты самый великий викинг! Зачем снова спрашивать.

— Но если ты спросишь Моргану, она скажет тебе, что я не обладаю подобными достоинствами.

— Я спрошу ее, — влез в разговор я, пытаюсь использовать шанс. И затем произнес по-английски: — Моргану, Хастингс хочет, чтобы ты стала его любовницей. Ты рада?

— Я бы охотнее легла с псом или с тобой, на худой конец, — и она толкнула меня ногой под стол.

Когда Хастингс услышал это, он весело рассмеялся. Я никогда не видел его таким довольным.

— И ты смеешься, когда раб ведет себя так нагло? — возмути-

лась Меера. — Ты же не приказывал ему спрашивать. Почему бы тебе не огреть его мечом?

— Так ведь он даст мне сдачи. Он ведь теперь свободный человек, воин Одина и обладает всеми правами. Скорее всего, я с ним справлюсь, но вдруг нет?

Он повернулся ко мне и кротко продолжал:

— Вернемся к моей истории. Так вот, муж Энит поклялся страшно отомстить, и его сын Аэла унаследовал кровавый долг. Ты можешь представить себе человека, который отсчитает двести фунтов серебра осквернителю матери и похитителю невесты?

Он вновь повернулся к Меере.

— Ты прекрасно знала, что Аэла скорее позволит скормить Моргану акулам, чем хоть на волос обогатит Рагнара. И Рагнар тоже понимал это. Очевидно, ты ведешь большую игру. Тебе нужны сокровища, которые превосходят всякое воображение. Откуда ты хотела их получить, Меера?

— Скажи-ка мне сам.

— Со всей Англии. Из королевских сокровищниц и сундуков эрлов, из подвалов монастырей и с алтарей соборов и храмов. Рагнар получит все, когда Родри позволит вторгнуться в Англию через Уэльс. Ты считала, что именно такую цену заплатит Родри за свою дочь?

— Я не была уверена.

— Но почему ты не сказала об этом Рагнару, а стала выдумывать про Аэлу?

— Потому что он уже решил атаковать из Нортумбрии и не захотел бы менять свои планы так быстро.

— Почему? Разве он не понял бы всей выгоды от покорности Уэльса?

— Потому что иногда он просто глуп. Он ни за что не нарушит обещания Эгберту сделать его королем Нортумбрии и наградить за помощь. Глуп он и в более серьезных делах. Прежде всего он хочет ограбить и сжечь богатое аббатство на Восточном берегу англов, гробницы английских святых и священные места Англии. Почему? Он считает, что они под защитой христианского Бога. В глубине души Рагнар боится его, а значит, он пойдет и схватит этого Бога за бороду на его же земле.

— Ты не совсем права. Ты чужеземка, и тебе не понять души викинга. Я и сам понимаю ее лишь умом, а не сердцем. Ты подстрекаешь меня овладеть Морганой, и если я хочу найти тому причину, я не должен забывать о твоей главной страсти: доставив мне этим удовольствие, ты бы сделала меня своим должником. Но какую выгоду ты хотела получить еще? Помнится, ты сказала, что Родри с готовностью заплатит выкуп. Ты думаешь, Меера, что получив несколько тайных посланий от Морганы, скажем, вместе с фризскими торговцами, он сможет заплатить больше?

— Я думала, что со временем он поймет, что другого выхода нет. Хастингс насмешливо фыркнул:

— Ты думала, что, побыв несколько месяцев моей любовницей, глядя в упор на мое лицо и получая тысячи поцелуев и нежностей, она станет отправлять отцу все более красноречивые послания?

— В крайнем случае, я могла бы подделать парочку.

— Это замечательный план, жаль только, что он не сработает. Во-первых, Родри — храбрый король и не подчинится грубому варвару. Во-вторых, Моргану вряд ли попросит его сделать такое, и, боюсь, не потому что полюбит меня, а потому что предпочтет смерть. Спроси-ка ее, Оге, и поглядим.

— Моргану, сейчас или потом — неважно, будешь ты наложницей Хастингса или нет — ты попросишь своего отца Родри заплатить ту цену, которую назначит за тебя Рагнар?

Ее нога слегка коснулась моей.

— Если цена не очень велика, а я останусь девственницей, он заплатит без моих просьб, — ответила девушка, прямо глядя на Хастингса. — Само собой, он узнает, как со мной обращались. Но если варвар сделает то, что задумал, мой отец не станет платить за обесчещенную дочь. И он поймет, что все мои послания — подделка.

Мое сердце бешено колотилось, но я обратился к Хастингсу спокойным голосом.

— Я не очень понял. Спрошу-ка еще, — затем, глядя в глаза Моргане: — Я хочу помочь тебе бежать.

Она так сильно двинула меня в голень, что я на миг запнулся.

— И помогу, если смогу, — продолжал я, — но особых шансов нет. И я прошу, не призывай своего христианского Бога, чтобы он не помешал мне.

— Я не буду тебя проклинать, если ты об этом. Нам нельзя ругаться.

Я пересказал ответ Морганы на вопрос Хастингса ровным голосом, хотя в ушах звенело, а перед глазами плыли круги. Еще недавно она сидела за столом своего отца, а теперь ее место было занято. Она произнесла это, едва разжимая губы, пухленькие алые губки, и если бы я мог поцеловать их, я бы счел себя равным богам. Один добровольный поцелуй был бы достойной наградой славному подвигу, а за один поцелуй любви я согласился бы переплыть Ядовитое море против северного ветра. Я бы не испугался отправиться в Хель. Что-бы помочь, я протянул бы ей руку и в эти ворота царства мертвых. И если бы валькирия уносила меня из кровавой битвы на белом своем коне, я бы бросил ее и вернулся бы к Моргане. Однажды я слышал песню валькирии высоко в небе, дикую и странную, когда она мчалась на какое-то поле битвы, залитое по колено кровью, или возвращалась с бледным обескровленным героем, выбранном ею.

Я мечтал, что когда-нибудь он заберет меня, после достойной смерти. Моя уснувшая душа услышит хор прекраснее любого сна, еще не ведая, что именно меня и моих павших товарищей унесут в небо прекрасноволосые всадницы. Валькирия, я отвергну мечту и отправлюсь в Хель на берег Пожирателя Трупов, если черноволосая девушка поведет меня туда.

— Видишь, ты ошиблась в своих расчетах, — спокойно сказал Хастингс Меере, — но ты права, я хочу ее без особых причин. Теперь я знаю ее характер и хочу ее еще больше. Ненависть и отвращение тоже могут возбудить страсть, и притом очень сильную. Ты думаешь, что мне нужна шлюха? Которая будет смотреть на мое «девичье личико» и позволит мне прикасаться к ней? Гляди хорошенько, Меера, наблюдай за лицом Морганы.

Хастингс поднялся и зашел за спинку кресла Морганы, и запустил руку в вырез ее платья. Материя натянулась, и я заметил, как напрыглось и приготовилось к броску тело ее служанки Берты. В это мгновение раздался быстрый голос Морганы:

— Сидеть спокойно. Молчать. Не двигаться.

Я понял, что она обращается не только к Берте, но и ко мне. Затем она повернула голову и с быстротой рыси вонзила зубы глубоко в его руку.

Так что посмотреть стоило как раз на лицо Хастингса.

Оно покрылось смертельной бледностью, и на несколько мгновений все застыли. Затем Хастингс стал поднимать руку вверх. Но ему не удавалось разомкнуть челюсти девушки. Лишь голова Морганы отгибалась назад, и она была похожа на прекрасного морского вампира. Думаю, Хастингс поднял бы ее и вместе с креслом... Но когда он выгнул ее слишком сильно, Моргане пришлось разжать челюсти, и она отерла кровь со своих губ.

— Почему ты не ударил ее? — спросила Меера. Глаза ее метали молнии.

— Если ты еще раз так скажешь, я ударю тебя. Ты внимательно смотрела, как я и просил?

Меера произнесла имя, которое я раньше не слышал, что-то вроде «Эли».

— Ты обратила внимание, что ее кожа покрылась мурашками? — продолжал Хастингс. — Но ее не вырвало. Ты видела ужас на ее лице, но вместо того, чтобы упасть в обморок, она сопротивлялась. Заметь, Меера, мои шрамы здесь ни при чем. Они лишь выделяют меня. Пока соколица не нанесла их мне по команде Оге, никто не знал, что я за человек, да и я сам еще не был тем, кем мне суждено было стать. Чего-то не хватало злу в моей душе. Большинство лиц отражают характер их владельцев. Теперь моей душе придется сравняться с лицом. — Он взмахнул рукой, чтобы стряхнуть заливавшую ее кровь.

— Это не мысли норманна, — промурлыкала Меера. — В Италии есть люди, читающие старые пергаменты, вот они могли бы так думать.

— Убирайся в Хель со своими трусливыми падуанцами! Они ничего не делают, а лишь плятятся в тарелки, когда приходит пора еды. Теперь мой черед возглавить викингов в походах. И я не могу подарить мою любовь девчонке, которая смотрит без страха в мое лицо. Когда я коснулся ее в первый раз, она встретила меня зубами и ногтями, но будет ли так всегда? Вот для чего еще стоит жить, а не только для покорения Европы!

Он остановился, его глаза расширились:

— Боги!

— Что с тобой? — испугалась Меера.

— Неужели я окажусь в долгу перед моей матерью Эдит? Я знаю,

что она не упала без чувств, когда Рагнар обнял ее, и, умирая, она призывала своего христианского Бога, но сопротивлялась ли она Рагнару всю жизнь? Надеюсь, что так, клянусь Девятью Рунами. Я бы больше верил в себя, если бы знал, что во мне бушует неукротимое пламя ее души. Тогда посмотрим, Моргана Уэльская, что произойдет, если мой огонь будет сражаться с твоим! Вот это будет забавой, достойной богов!

— Мне перевести ей это? — услышал я свой собственный голос.

— Она уже это знает. Возможно, она даже догадывается, что ей суждено стать матерью величайшего повелителя Европы — основателя новой династии! Меера, я подожду возвращения Рагнара до середины лета. Если он вернется до срока, я обменяю на пленницу свою долю добычи. А если он не успеет, то просто возьму Моргану себе. Все равно мы окончим с ним дело миром. Не считает ведь Рагнар, что его сын терпеливее улитки?

— Ты превосходишь Рагнара, — воскликнула Меера.

— Это покажет время, а пока не обойтись без его помощи. Оге, скажи Моргане, что в ночь перед серединой лета я возьму ее в жены. Если она предпочитает христианский обряд перед тем, как мы разожжем костры Бальдра, то у меня найдется священник среди христианских рабов.

И я рассказал ей все это, а что оставалось делать? Я пытался смягчить слова, но смысл не становился от этого лучше. Мое лицо пылало, словно маяк, а громоподобные удары сердца, казалось, разносились по всему залу.

Я спасу тебя, Моргана. Я, Оге, когда-то бывший рабом, а до этого часа последним воином Одина, теперь стану твоим защитником, хитрым, неутомимым, с нестигаемой волей. Разве осмелится какой-нибудь ярл противостоять мне? Пусть только посмеет бросить мне вызов. Этот день назначен судьбой, чтобы я познал себя. Ради этого Стрела Одина связала свою жизнь с моей. Ради этого я убил Брата Рагнара и разорвал ошейник раба, ради этого я взывал к Одину в ледяном тумане.

Моргана, если ты умрешь, я рука об руку пойду с тобой, но только не попасть мне в ваш христианский рай, и придется нам расстаться. Если же умру я, то унесу бессмертную славу с собой в Вальгаллу. Один! Один!

Я взывал, беззвучно шевеля губами, и только я один слышал ответ из темных лесов и от серых морей.

Со своей низенькой скамьи я мог, почти не нагибаясь, дотянуться до пола, и Моргана заметила, что я подобрал связку прутьев. Я забавлялся с ними, ломая сухие стебли на палочки длиной с ладонь. Я привлек ее внимание, легонько толкнув ногой.

— Ты будешь продолжать допрос? — спросил Хастингс Мееру презрительным тоном.

— Да, и, надеюсь, с большей пользой.

— Ведь сегодня день Солнца — святой день для всех христиан, и ее ответы будут правдивы, — рискнул вмешаться я, — великий грех лгать в день Солнца.

Последнее слово я выделил, так как оно звучало одинаково и по-английски и на языке данов. Одновременно я взял палочку и отложил в сторону.

— Можно подумать, ты в Риме побывал, — удивился Хастингс.

Я положил вторую палочку к первой, и одними губами произнес название следующего дня — день Луны. Следующая палочка должна была обозначить день Тора, еще две — день Одина и день Тора. Шестую палочку я сломал пополам, и одну половинку положил рядом. Я хотел, чтобы она поняла нужное время — вечер дня Фрей.

Она приложила руку к груди — должно быть, какой-нибудь христианский жест. Меера пожелала закончить разговор. Моргана коротко поклонилась ей, затем обратилась ко мне:

— Все золото и серебро у меня отняли, и мне нечем вознаградить тебя за то, то ты служил моими ушами и языком.

— Что она говорит? — спросил Хастингс. А когда я стал переводить, прервал меня: — А ты что, язык проглотил? Ну-ка, выдай ей достойный ответ.

Я думал недолго:

— Мне бы хватило поцелуя твоих алых губ.

— При дворе моего отца прекрасные женщины именно так благодарят вождей, оказавших им услугу. Но мне кажется, что ты незаконнорожденный.

— Когда я впервые узнал, что у меня есть шея, она уже была в ошейнике.

— Значит, от тебя дурно пахнет. И я тебя поцелую в щеку.

Через несколько мгновений я понял, что она доверяет мне и хочет перехитрить Хастингса. Она грациозно встала с кресла, обошла скамью и склонилась надо мной. Ее губы легонько коснулись моей щеки, и тихо-тихо, словно еле слышный комариный писк, раздался шепот:

— Хастингс понимает английский.

Мне показалось, что я вновь упал лицом вниз в канаву Рагнара. Сигналы Морганы предостерегли меня от Мееры, которая всегда знала больше, чем показывала. Но мысль о том, что Хастингс видит все мои уловки, ни разу не приходила мне в голову.

Сделанного не исправишь. Ничего не оставалось, кроме как попридержаться язык и убраться отсюда. Я и не пытался разобраться в происходящем, покуда мое сердце не успокоится, а в голове не прояснится.

Стараясь держаться непринужденно, я распрощался с Меерой и Хастингсом и поспешил к Эгберту с предложением рискованного плана. По крайней мере можно было не опасаться, что Родри примет Рагнара с распростертыми объятиями.

Гудред оставался кормщиком, как и раньше. Мое место по-прежнему было среди гребцов. Вся наша команда из восьми десятков человек предвкушала предстоящий набег. Мы могли бы ограбить какой-нибудь небольшой христианский порт. И добыча трижды окупила бы расходы на подготовку рейда.

Возле дома Эгберта я наткнулся на Рольфа, одного из викингов, и попробовал рассказать ему о своей затее, но язык не слушался меня. И я решил сперва поделиться с Китти.

— Я хочу спасти христианскую девушку из неволи, — сказал я, пытаюсь придать своему голосу величие. Это не произвело ни малейшего впечатления, и я прибавил грозный взгляд.

Никакого ответа. Только узкие глазки почернели еще больше.

— Я не знаю, как это лучше устроить, — продолжал я, — может быть, Эгберт захочет рискнуть своим драккаром.

С губ Китти сорвался птичий писк, который заменял ей смех.

— Я не совсем то хотел сказать, — быстро поправился я. — Конечно, он не станет оскорблять Хастингса, и тем более Рагнара. Но в

его собственных интересах спасти девушку — здесь замешаны троны и скипетры, короче, тебе этого не понять, но если он не вмешается в дело сейчас, то может проморгать собственную мечту. Что скажешь, женщина? Или ты думаешь, что я не в своем уме?

— Сейчас так оно и есть, но не всегда же надо быть мудрым. Избыток ума отравит и убьет душу.

— Разве не может Эгберт притвориться, что отсылает нас с поручением, а мы прикинемся пьяными и украдем девушек?

— Кто? Гудред? Рольф? Они что, согласятся отправиться по лебединой дороге без надежды на возвращение? Ради прихоти одного сумасшедшего викинга они навсегда распрощаются с пирами на берегу и с северным летом? Заруби себе на носу, Оге: тот, кто пойдет на это, не сможет вернуться. В лучшем случае он найдет службу в какой-нибудь отдаленной стране. Если бы у тебя было достаточно времени, ты мог бы сговориться с рабами-христианами, пообещав им свободу или быструю смерть. Но все они либо пастухи, либо обрабатывают землю. Смогут ли они грести во время бури?

— Их можно научить, однако это отнимет слишком много времени. Ты пристыдила меня, Китти, за слабый ум и глупый язык.

— Твои мысли затуманены великим нетерпением и великой страстью. Они слишком сильные противники. Лишь достойный может их познать. Именно они делают людей конунгами.

— Я стану действовать тайно и один. Я отведу ее в лес, буду добывать для нее дичь, построю шалаш, пока отец не заберет ее, — я перевел дух и продолжал: — Или пока ее жених, король Нортумбрии, не придет за ней.

— А она ест сырое мясо? Ей понравится дым костра? Ты можешь спрятать ее на день, на неделю, может, даже на месяц. Но скажи, она полетит между деревьев или оставит след, который найдут собаки? У Рагнара добрая сотня ярлов, и у всех есть псы.

— Неужели они все выйдут на охоту? Я не верю, что они так жестоки.

— Они не считают это жестокостью. Для них это такое же развлечение, как травить зайцев и убивать их дубинками. Лес будет звенеть от смеха.

— Я не вынесу этого. Лучше убить себя, чем терпеть такой позор. Раз я не могу спасти девушку, я ее убью. Я вонжу копьё в ее тело,

и увижу, как прольется кровь. Второго удара не потребуется. Мне не придется падать на свое копьё. Мои глаза закроет тьма...

Китти отвесила мне пару оплеух, крича:

— Вернись! Вернись!

Моя душа не успела отлететь далеко, так что боль и пронзительный голос Китти вернули ее в тело. Злые духи не успели утащить ее.

— Для викинга не позор покориться судьбе, — успокаивала меня Китти, внимательно глядя мне в глаза.

Мысли ворочались в моей голове, словно прилив в узком фиорде. Когда он достиг наивысшей точки отметки, я придумал:

— На причале есть наша старая лодка, — сказал я.

— Да, она сохнет на берегу, — ответила Китти.

— Я назвал ее «Игрушка Одина». Иногда мне казалось, что он играет с ней, словно могущественный конунг с маленьким котенком. Она могла грациозно танцевать на волнах среди каменных объятий скал. Она была крепка, но напоминала не медведя, а выдру — своей легкостью и поворотливостью. Она была бы не прочь пойти вновь на риск, выискивая неизвестные бухточки, прокрадываться в устья небольших рек, плыть ночью и отдыхать днем.

— На ней было хорошо охотиться, — промурлыкала Китти. — Спустив парус, можно было прятаться за низким мысом и выслеживать диких береговых гусей

— А как она шла под парусом! А когда мы стояли на якоре и растягивали парус над бортами, внутри не смог бы выпрямиться и карлик, но зато там было сухо и тепло, возле горшка с углями.

— Да.

— У нее шесть длинных весел, и с крепкими гребцами она вполне могла бы выйти в открытое море. Но в ней было бы трудновато во время свирепой бури и тяжело грести против сильного прилива. Если бы нас было хотя бы четверо, мы бы могли идти под парусом при попутном ветре, пришвартовываться при встречном, грести в штиль и стоять на якоре вдали от берега во время шторма, если б не успели укрыться где-нибудь. Если же шторм застигнет нас у берега, путешествие закончится, — я остановился, приказав себе прекратить болтовню, — но нас с тобой только двое.

— Помнится мы вдвоем управлялись с ней, и она повиновалась твоей воле.

— Та девушка, Берта, сильна и высока. Она будет третьей.

— А у меня есть племянник. Он недавно приехал сюда продавать гагачий пух. В худшем случае, он подарит мягкую постель твоей принцессе. Его зовут Куола. У него сильная спина и опасности привлекают его больше, чем женщины. Он станет четвертым.

Вопрос так и вертелся на кончике языка, и я задал его:

— Китти, как ты думаешь, все ли из нас отправятся на берег мертвых к середине лета?

— Ты, Куола и я, может, и отправимся вниз. Если же умрет принцесса, ее вознесут вверх на небеса. И Берту, конечно, вместе с ней. Христиане говорят, там все счастливы. Но она не будет счастливой, если посмотрит вниз и увидит нас, наши тела, пожираемые чудовищами. Поэтому ангелы не позволят ей смотреть вниз.

— Я не хочу, чтобы она смотрела вниз.

— Живые или мертвые, вы двое вскоре расстанетесь. Ты должен завоевать какой-нибудь город за лебединой дорогой и распротиться со своими мечтами. Так почему бы тебе не проститься с ними сейчас? Завоеывай и живи.

— Как мне жить? Милостью богов?

— Я думала, что след от рабского ошейника все еще виден на твоей шее, и значит, ты мог бы принять их жалость, а, может, и покровительство.

— Ты так не думала. Ты говорила в прошедшем времени, и, значит, ключ судьбы повернут, мосты сожжены. Разве можно, упав на колени перед Одним, сложить руки и умолять его изменить мою судьбу, словно христианин перед своим Богом? Нет, когда я говорю с ним, мой яростный крик летит в небо, и мое дыхание смешивается с ветром, и я у него ничего не прошу, я только призываю его и жду ответа. Я хорошо знаю, что он не в силах изменить мою судьбу. Судьба превыше него, так же, как река выше своего ложа, а Небо выше Земли. Но он все равно мой бог. Возможно, христианский Бог способен изменить судьбу человека к лучшему или к худшему, и потому-то мы страшимся его больше, чем всех чудовищ Хель. Но у меня закружилась голова.

— А у меня болит сердце, — просто сказала Китти после долгого молчания. — Я ведь не воин Одина, а только жертва богов или судьбы, которой я страшусь сильнее всего. Это очень дорогая цена за

мечту — вечная разлука с домашним очагом в изгнании или в смерти, а затем и расставание с самой мечтою заодно. Эта цена была высока и за то, что я выкормила тебя своим молоком. Твои губы тогда были мягкими, но если теперь они стали жесткими, то вправе ли я разрывать наши узы? Мои груди были полны и круглы, и если теперь они высохли, оттолкнешь ли ты меня?

— И все же я скорее брошу тебя за борт во время бури, чтобы облегчить лодку, чем позволю ей затонуть и утопить мою мечту. Такова моя судьба. Но правда в том, что твоя судьба неразрывно связана с моей.

Тогда она подошла ко мне и вытащила у меня из-за пазухи то, что я называл своим оберегом, талисманом и носил на шнурке из оленьей кожи на груди.

Это был полированный круг шириной в три пальца, а толщиной — в один, сверкавший как агат и наполненный, казалось, золотыми искрами. Как-то я подумал, что он, должно быть, драгоценный, но потом узнал, что это, хоть и достаточно редкий, но вовсе не столь драгоценный кварц, называющийся «золотой камень». В центре круга было отверстие шириной в полпальца.

Мой разум осмелел, выбрав судьбу, и я решился произнести то, на что не решался прежде.

— Ты часто смотришь на мой оберег, Китти, почему?

— Я увидела его, когда впервые взяла тебя на руки. Он висел на простом шнурке, и был тяжелым грузом для детской шейки. Что еще тут скажешь?

— И что ты думаешь об этом, желтокожая?

— Ничего особенного. Это оберег, который носят на шее, и он, должно быть, не из здешних мест.

— Ты ни слова не сказал о нем, когда пыталась убедить Эгберта в моем благородном происхождении.

— Ну что ж, теперь можно объяснить. Это не драгоценный камень, а просто симпатичная безделушка. Некоторые называют такой камушек «золотом дурака». Самое тоненькое серебряное колечко, и то стоит дороже, даже заколками для волос можно гордиться больше. Не может быть, чтобы знатная женщина повесила его на шею своему ребенку.

— Тогда почему бы не швырнуть его в море?

— Потому что для бедной женщины этот камень мог быть самой ценной вещью в ее хижине, и она могла повесить его тебе на шею в знак огромной и горячей любви. Ты не помнишь ее нежные руки, теплое дыхание и ласковый голос, свет ее глаз. Но мне кажется, что об этом помнит твое сердце. Оно знает о долге перед матерью, который выше всех долгов на свете.

— Где мы достанем одеяла, без которых не обойтись в холодную ночь? — спросил я.

— Мой народ пользуется шкурами оленей, легкими, как пух, и теплыми, словно медвежий мех. Я попрошу у них несколько штук.

— Мы возьмем флягу с водой и будем пополнять ее в ручьях, впадающих в море. Еще нам нужно два глиняных горшка — один может разбиться или утонуть. Пусть Куола заготовит запас древесного угля. Сегодня я пообещаю Эгберту настрелять жирных гусей, и завтра мы с тобой отведем лодку к Тюленьему ручью. Там я наверняка подстерегу лося, а может, и парочку оленей. Тебе придется разделить мясо и закоптить его над костром.

— Можно сделать проще. Надо сходить в лагерь моих родственников, к Куоле. У них мы купим или выменяем довольно мяса.

— Это сэкономит нам уйму времени. Когда мы переплывем Скагеррак...

— То окажемся вне пределов Ютландии, земли конунга Хорика, которому подчиняется Рагнар. Но у тебя так горят глаза, словно ты заколдован!

Горящий взор и впрямь почитали признаком колдовства, но я посмеялся над Китти.

— Сушеное мясо, козий сыр и тюлений жир, конечно, пища здоровая, но, боюсь, неподходящая для принцессы, — сказала Китти совсем другим голосом.

— Я буду ловить рыбу и стрелять гусей... — и остановился, увидев на ее лбу обильные капли пота.

— Постель жестка, несмотря на одеяла, море укачивает, ветер продувает насквозь. Эта девушка слишком изнежена, и даже христиане, хоть и смотрят все время не небо, не особо торопятся умирать. Возможно, если Хастингс все же завладеет ею, он будет разочарован.

— Что ты говоришь, Китти? Да краше ее на свете нет...

— Может, ее легче сломить, чем кажется на первый взгляд? Не спорю, у нее гордый вид, но в темноте все кошки серы.

— Ты считаешь, что она не захочет бежать. Ты думаешь, что она покорится Хастингсу, и они вместе посмеются над моей глупостью?..

Я запнулся, увидев, что Китти сжала виски и прикрыла глаза.

— Я видела ее всего один раз, на причале, — нараспев произнесла она, — но тебя я вижу каждый день вот уже много лет. И я, и она — женщины до мозга костей.

Она положила руки мне на плечи.

— Теперь ясно. Это не глупости, это не напрасно. Сердце женщины всегда сопротивляется злу. Она придет.

— Мне нужно услышать это из ее уст.

— Когда?

— Сегодня вечером. Разве сможет мой Железный Орел поразить завтра цель, если его хозяин колеблется? Если я не буду уверен в ее решимости, я буду не в состоянии готовиться к походу.

Я дрожал, словно охваченный лихорадкой.

— Почему бы и нет? Я пойду поищу Мееру, которая покупает резьбу по кости, бивни нарвала и белые шкурки северных лисиц у моих соплеменников. А заодно и новости обо всем, что происходит на земле от Готланда до Вислы. Я смогу пробраться к девушке, но разговаривать с ней придется только знаками. Так что научи меня знакам, которые будут ей понятны.

Нетрудно было найти сухие стебли, выметенные из зала Эгберта, и приготовить пять палочек длиной с ладонь, и еще одну покороче. Я наметил тропу к берегу реки в двух сотнях шагов от дома Рагнара. Там росло дерево, громадный дуб с могучими ветвями; вряд ли кто из людей Рагнара рискнет оказаться там в безлунную ночь — рабы-христиане вырезали на нем крест, чтобы поклоняться своему Богу, и викинги избегали этого места.

Мертвенно-бледная луна висела в колдовской ночи. Мерцали звезды, и сова, ворон и черный волк отправились исполнять свою страшную работу. Гагара разорвала спокойную тишину своим беззвучным воплем.

Так случилось, что старый Мортон, франкский барон, сыновья

которого не могли выкупить его, обладал роскошной белой бородой и длинными волосами. Его поймали с поличным, когда он похищал овес, и Рагнар приказал повесить его за ноги, — болтающиеся волосы старика представляли нелепое зрелище. Плоть его давно склевали вороны, но жилы и хрящи еще связывали мертвые кости, и руки скелета качались на ветру, сталкиваясь с глухим стуком. Это усугубляло ужас мрачного пейзажа, освещаемого луной.

Вдруг меня осенило, — это тоже может послужить моим целям. Конечно, душа Мортонна на небесах ненавидит Рагнара как и прежде, когда пребывала в теле старого франка, и, без сомнения, поможет мне спасти девушку, чтобы отомстить своему мучителю.

Луна поднималась все выше, а ночной ветер усиливался, и порой белые длинные руки мертвеца раскачивались в разные стороны так, словно повешенный плыл над землей. Затем из тени возникли три фигуры, издали казавшиеся серебристыми, и я похолодел, как труп. Первая из фигур была высокой и, несомненно, женской. Во второй, пониже, я узнал Китти. Они приостановились, пропуская вперед третью. И я с трудом узнал в ней Моргану. И узнал я ее скорей по походке, чем по черным прядям волос в лунном свете. Она остановилась в десяти шагах от меня, и я, словно заколдованный, не мог пошевелиться.

— Оге?

— О, Моргана!

Она ускорила шаги и почти побежала. Я протянул ей руку. Она схватила ее и не желала выпускать. Ее маленькие пальчики были холодны от страха. И мне остро захотелось согреть их всем жаром моего сердца.

Смотрящая вниз Луна засияла с удвоенной силой, чтобы весь мир смог увидеть красоту Морганы, и, должно быть, Мортонна на секунду оживил Один — Великий Скиталец, потому что его кости загремели и закрипели.

— Зачем ты позвал меня? — спросила она и, опомнившись, отняла свои руки.

— У меня есть лодка, и если ты хочешь, я отвезу тебя домой.

— Хастингс будет преследовать нас на своих кораблях?

— Да, он будет гнаться за нами упорно и долго, а с ним — многие ярлы Рагнара. Но может случиться...

— Если они поймают нас, они пощадят Берту и меня, ведь мертвые наши тела ничего не стоят. Но что будет с тобой?

— Я буду драться до конца, вызывая к Одину. Мой меч напьется крови, и акулы насытятся, а вороны, терзающие выброшенные на берег тела, так растолстеют, что не смогут летать. Когда я паду, прекрасная дева в доспехах найдет меня среди убитых. Она унесет мое окровавленное тело на белом коне в Вальгаллу, и ее пение будет парить в небе.

Моргана задумчиво сложила руки на груди; мои руки дрожали.

— Так ты благородного происхождения или нет? Ты говорил, что был рабом, но то, что ты сказал сейчас, может произнести лишь высокорожденный. Я решила довериться тебе.

— Если это так, то я высокорожденный.

— Даже если ты родился в хлеву, я пойду с тобой.

— Тогда в день Фрейи, когда начнет темнеть.

— Нет!

— Как нет?

— Я имела в виду не день Фрейи, а сегодня. Если мы вернемся, то уже не сможем убежать. Завтра наш тюремщик обнаружит сломанный замок.

Сбитый замок нашли немного раньше. В лунном свете я разглядел человека, крадущегося как волк. Каким-то образом я угадывал каждую его мысль. Это был Горм, любимец Хастингса, который доверял ему больше, чем любому другому из своей дружины. Горм выполнял любые, самые сложные поручения младшего сына Рагнара. До этого момента. Очевидно, случайно проходя мимо, он заметил три фигуры, направляющиеся по узкой тропке к берегу, и его зоркий глаз успел отметить белый шелк в лунном свете. А если пес Хастингса увидел полуночных путниц, то он должен сам разобраться, что к чему. Не стоит поднимать тревогу и делить награду за поимку трех пташек с другими викингами. И Горм незаметно крался в темноте. Ведь поспешишь — людей насмешишь. Пленницы, скорей всего, собирались спрятать какое-нибудь остававшееся у них сокровище, а может, и встретиться с кем-нибудь.

Горм на миг потерял их из виду. Когда же его взгляд отыскал их вновь, в лунном свете стояли только две девушки, очевидно, поджидая третью. Прячась за деревьями, он подобрался на пятьдесят ша-

гов. И тут же понял, что Моргана куда-то исчезла. Перестав скрываться, он бросился к ним.

Я дернулся было на встречу, но Моргана повисла у меня на руке, шепча:

— Подождем удобного момента.

Самым удобным было незаметно подкрасться и нанести смертельный удар. Мой Железный Орел не должен был в открытую лететь сквозь лунный свет, ему надлежало незаметно клюнуть Горма в сердце, чтобы тот не успел и пикнуть. Но судьба может не захотеть ждать. Иногда она движется медленно, словно равнинная река, а иногда несется, как стремительный водопад.

Подбежав ближе, Горм убедился, что не зря волновался.

— Где Моргана? — яростно прошипел он. — Если скажете не медленно, быть может, останетесь живы.

А сам-то ты останешься жив, пес Хастингса? Судьба рванулась, устремившись к своей цели. Возможно, она выбрала тебя еще сегоднешним утром. Не оглядываясь, Горм. Моргана здесь. И когда твои глаза увидят ее, ты станешь смотреть на нее и говорить с ней, и не заметишь тень смерти среди других теней. Она подкрадывается все ближе, и Железный Орел дрожит от нетерпения. Я уже рядом. Судьба приготовилась к броску.

Судьба атаковала, но мой Железный Орел остался недвижим.

Едва глаза Горма увидели Моргану, их закрыла пелена смерти. В руке Берты мелькнуло тусклое пламя и устремилось вперед. Вот почему закатились глаза Горма.

Горм, тебе плохо? Почему ты вдруг зашатался и упал? Почему ты корчишься в траве?

Что теперь ты собираешься рассказать своему хозяину? Ведь он даже не знает, что ты здесь. Ты можешь звать его, но он не услышит.

Мы с Морганой бросились друг к другу. Затем, взявшись за руки, поспешили к озаренной лунной воде, и спутницы Морганы следовали за нами.

Глава пятая

ПОБЕГ

Мы вышли из темного леса на пустынный берег. Вода казалась холодной и мертвой в лунном свете. Только бы Моргана перенесла ужасы этой ночи, только бы устоял ее дух. Мне самому было страшно. Моргану была сильная дрожь. Она в ужасе прислушивалась к шорохам, глаза ее бегали.

— Кто-то идет по берегу, — хрипло шепнула она мне.

Эта была высокая худая фигура, медленно бредущая вдоль воды. Подавив первый приступ паники, я узнал идущего, так как часто видел его на берегу по ночам. Это был Кулик; мы звали его так за привычку в одиночестве бродить по берегу, и за свист, который он временами издавал. Других звуков никто от него не слышал.

Ему когда-то вырвали язык и отрезали уши, и он не мог с тех пор ни слышать, ни разговаривать. Он попал на «Великого Змея» — корабль Рагнара — во время похода по Луаре. А так как он был на диво силен, его посадили на весла на обратном пути. Но у пленника оказался упрямый характер, а у Рагнара — вспыльчивый нрав. И в конце концов невольнику пришлось влачить жалкое существование калеки, перебивающегося объедками.

Он не представлял для нас опасности, а мог даже и оказаться полезен, и я жестом предложил ему следовать за нами. Он послушался, быстро подойдя к нам.

Найти лодку было не трудно. Обе пленницы спрятались на дне, мы с Китти сели на весла, и я попросил жестом Кулика оттолкнуть ее.

Он столкнул лодку, залез, не встретив возражений, внутрь и стал умело работать кормовым веслом. И мы с Китти вспомнили наши недавние походы. Равномерные сильные удары весел успокаивали меня.

Если бы сейчас подняли тревогу, то залив наполнился бы десятками лодок, и наше путешествие закончилось, едва начавшись. Страшно было подумать об этом. Гораздо веселее было представлять, как утром Хастингс увидит сломанный замок и поймет, что птички упорхнули из клетки.

У нас уже не было выбора. Все или ничего, как угодно будет судьбе.

Наконец, мы добрались до причала и стали готовить наш маленький шняк к отплытию. Я признавал, что придется потратить много времени. Мы не могли работать без пищи, спать без одеял и драться без оружия. Пробравшись к усадьбе, Китти и я помчались за необходимым снаряжением. Я вынес лук и несколько десятков стрел, пару острог, ножи и свою самую теплую куртку. Затем я осторожно забрал одеяло, топор и оленью шкуру. Китти вышла, нагруженная тремя оленьими шкурами, двумя ведрами и разной мелочью. Ее била мелкая дрожь.

Мои руки сводило от боли, но я греб не преставав против поднимающегося прилива. Мы направлялись к невысоким холмам за устьем ручья. Там располагались шалаши лапландцев, недавно прибывших с далеких берегов Балтики, чтобы обменять янтарь, изделия из кости и шкуры на орудия из железа. Их убежища из шкур и веток были черны, и только угли слабо мерцали в пепле, оставшемся от костров. Тишину нарушал лишь шорох прилива да шелест ветра. Но, когда Китти позвала Куолу тихим голосом, занавеска из шкуры, служившая дверью, в одном из шалашей отодвинулась, и приземистые, черноволосые люди с глазами, словно щели, обнаженные по пояс, выскользнули наружу.

— Я говорю от имени великого воина Оге, — сказала им Китти на своем языке. — Его боги повелели ему отправиться в долгое путешествие, и он пришел попросить у вас сушеное мясо, олений жир и сыр. Он возьмет еще несколько шкур и не тронет ни янтарь, ни бивни нарвала. Ему нечем заплатить и нечего дать взамен. Но вы не умрете, если расстанетесь с этими вещами, он же погибнет, если не добудет их. Так что ему придется убить вас, если вы откажете.

Слушатели вздохнули — странный звук средь лунного безмолвия. Затем старик с несколькими волосками вместо бороды ответил:

— Скажи, что мы не будем возражать, но попроси его не обе-

щать заплатить нам за вещи и еду потом. Тогда мы сможем сказать Рагнару, что мы подчинились из страха за свою жизнь.

Китти повернулась к молодому лапландцу, стоявшему поблизости.

— Куола, воин Оге приказывает тебе пойти с нами. Если будет нужно, ты отдашь свою жизнь за него. Передай свою жену своему младшему брату и собирайся побыстрее!

Куола кивнул и обратился к брату:

— Забери ее в свое жилище и докажи свою любовь ко мне, став отцом ее следующего ребенка.

Тем временем Китти положила кусок торфа на горящие угли. Когда он вспыхнул, она переложила его в выдолбленную из камня чашу, наполненную жиром. Этим факелом она осветила изнутри ближайшую хижину, и я смог выбрать все, что хотел. Затем женщины перенесли отобранные вещи к лодке. Кто-то подбросил веток в костер, и при его свете мы закончили погрузку. Куола, в куртке из оленьей шкуры, принес гарпун, моток веревки и длинный железный нож. Последней в лодку залезла Китти, захватив кожаный бурдюк с водой.

Мы оттолкнулись от берега, и в моей памяти навсегда осталась картина — полуобнаженные мужчины и женщины, стоящие вокруг костра. Луна карабкалась все выше и выше в небо, отражаясь в темной воде, и ее холодный свет, словно иней, лежал на земле. В последний раз взметнулись вверх языки костра, и в этой вспышке проступили очертания хижин, олененок, привязанный к колышку, и странные черноволосые люди. Конечно, мы были такими же странными для них. И еще я подумал, что если лопнет терпение наших многочисленных врагов, и они, объединившись, истребят наш народ завоевателей, то лапландцы все равно будут жить на берегу своего холодного моря, строить невысокие хижины и жечь яркие костры.

Начался отлив, который помогал нам, но встречный ветер был против нас. Мы радовались припасам, которых должно было хватить на несколько дней, если погоня не даст нам возможности охотиться. Я не трогал свой оберег — ведь могло показаться, будто я не доверяю судьбе, — но мне было приятно, что он легонько бьет меня в грудь при каждом гребке.

Куола взялся за весло, сев на свободную скамью. Увидев это, Берта решительно заняла место гребца у противоположного борта. Наша скорость увеличилась, хотя ветер продолжал дуть навстречу. Мы поравнялись с гаванью. Но никто не бегал по берегу с факелами, и лодки не разрезали воду бухты. Наше путешествие не походило на вспыхнувший и пропавший язык яркого пламени. Мы, все шестеро, были живы и полны сил.

— Осторожнее, не заденьте веслами за борта. Гребите как можно тише, — скомандовал я спутникам. Повернувшись к Кулику, я приложил палец к губам.

Моргана встала со связки шкур, на которые я ее усадил, и подошла ко мне, грациозная, словно танцующий огонь. На сердце у меня потеплело, и тень смерти, казалось, уже не так леденила душу. Не таким чужим казалось и море, которое могло поглотить нас, не таким ярким стал лунный свет, который осветил бы выброшенные на берег тела.

— Мне нужно что-нибудь делать? — спросила она.

— Нет.

— Если ты погибнешь, Берта своим кинжалом убьет меня, а потом себя. И я буду молить Бога, чтобы Он взял тебя на Небеса.

— Не стоит.

— Ты не хочешь, чтобы мы молились за тебя?

— Нет, я воин Одина.

— Кто он по сравнению с тем, кто правит вечностью?

— Он бог Ветра, Моря и Девяти Рун. — Я помолчал, а затем с усилием выговорил: — И я не хочу, чтобы ты умерла, если можно жить.

Она молчала, я изо всех сил работал веслом. Вскоре мы миновали мыс, и я в последний раз кинул взгляд на гавань.

— Можно подумать, что ты хочешь взять меня с собой в Хель, — наконец сказала она. — Лучше отправимся вместе на Небеса.

— Мы не будем вместе — ведь мы поклоняемся разным богам. Поэтому я хочу, чтобы ты жила. Тогда, возможно, ты вновь сможешь бежать, или же отец освободит тебя. Мне не вынести вида твоего окровавленного тела.

Она преклонила колени в христианской молитве. Мне рассказывали, что христианский Бог слышит даже слабый шепот того, кто

обращается к нему. Более того — к нему можно взывать мысленно. Я никогда не верил в это. Но сейчас я был уверен, что ее Бог слышит ее и откликнется на ее жаркую мольбу.

Мне было все равно, если она молилась за Берту, себя или несчастного калеку Кулика. Если она просила за Китти и Куолу, мне тоже не имело смысла вмешиваться. Лапландцы были удивительными людьми, которые могли поладить с любым богом, кроме бога Войны. Но я понял, что Моргана молится и за меня. Она просила христианского Бога сохранить жизнь и благословить оружие воина Одина. Это было все равно, что просить его изменить мою судьбу.

Берег по-прежнему безмолвствовал. Тишину нарушал только плеск весел да невнятный шорох волн. Даже резкие крики ночных птиц не прерывали ночное спокойствие. Неужели никто так и не узнает о том, что мы бросили вызов судьбе? И помимо моей воли из груди у меня вырвался крик:

— Один! Один!

Мы как раз проплывали мимо дома Рагнара. Кто-то зажег факел и вышел из двери. Глаза различили неясный силуэт человека, который быстро потушил свой факел, чтобы можно было смотреть вдаль.

Я попытался представить, что же ему видно. Лунный свет, словно иней, покрывал берег, и небольшие волны лепили постоянно меняющийся узор на воде, а скалы отбрасывали на море длинные тени. Легче было разглядеть белого зайца на снегу в сумерках, или волка, притаившегося в густом лесу, чем низкий силуэт лодки на воде. Может, человек решит, что крик ему приснился. Если это раб, то он не осмелится будить воина из-за такой мелочи. Но рабы не спят так чутко — сон их единственная отрада. Возможно, это был сам Хастингс. Я бы не удивился, если бы его зрение и слух оказались острее, чем у любого другого викинга. Такова уж была его натура — добиваться превосходства во всем.

Мы пересекали залив — призрачная иголка в плаще лунного света. Отсюда течение должно было быстро понести нас в открытое море. Дальше многое зависело от погоды. Однажды это течение помогло спастись от драккаров целому стаду китов. А как-то раз принесло стаю тюленей прямо на гарпуны охотников.

Шло время, и небо начало светлеть перед рассветом.

— Как ты считаешь, Китти, пора искать место для укрытия? — спросил я.

— Ты помнишь соленый ручей, где как-то раз от тебя скрылись выдры? Там, на первый взгляд, негде спрятать лодку, если не знать про крошечную бухту, которую скрывают прибрежные деревья.

Я взглянул на Моргану, и, когда мое пересохшее горло позволило говорить, обратился к ней:

— Лодки, которые погонятся за нами, очень быстры. Мы могли бы оторваться от них только при сильном ветре, но день, похоже, будет ясным и тихим. Поэтому к рассвету мы должны оказаться в укрытии, где останемся до темноты. Укромнее места не найти, но если кто-нибудь из наших преследователей знает о нем, то обязательно заглянет туда. Тогда мы окажемся в ловушке. Но у нас нет выбора.

Моргана пристально посмотрела на меня.

— Что толку в укрытии, если ты вновь издашь свой ужасный крик, когда наши враги будут близко? — спросила она.

— Не стану, если ты перестанешь молиться своему Богу за меня. Молись за свою подругу и всех остальных, если хочешь. Можешь просить для них все, что угодно.

— Ты считаешь, если я прошу своего Бога за тебя, то твой бог рассердится и покарает тебя?

— Нет, но это нечестно.

Она задумалась, глядя на воду, а затем кивнула. То, что было естественным для меня, могло казаться ей странным, но не более, чем все происходящее.

Ее служанка, Берта из народа саксов, продолжала усердно грести. Ее золотистые волосы загадочно блестели в лунном свете, и она напомнила мне богиню Фрейю, которая иногда посещает наш берег в лодке, похожей на эту.

Она живет на острове далеко на востоке, в смертном теле прекрасной девушки, которую избирают среди свободнорожденных. Рабы гребут на ее лодке. Возвращаясь домой, они набирают воду в реке и греют ее в огромном котле. Пока вода не нагреется, они наслаждаются девушкой. Затем купают ее, смывая грязь с божественного тела. После этого рабов умертвляют.

Если бы у Берты был возлюбленный, он бы считал ее тело боже-

ственным. Он ласкал бы ее трепетными руками, и она родила бы ему ребенка. Я знал, что тело Морганы божественно. От мысли, что я могу прикоснуться к ней, кружилась голова. Если бы она была Фрейей, а я ее рабом, то я бы не думал о том, что меня убьют. Это было бы справедливо. Человек, испытавший неземное блаженство, не сможет жить дальше.

Я взглянул на Моргану, а затем вверх, на бледнеющую луну. Она ласково освещала принцессу, Берту, Куолу и Кулика. Но странен и холоден был свет, падающий на меня и Китти. Она так непохожа на меня — так почему она здесь, рядом со мной? Ведь ей, невиновной, возможно, уготована смерть, и морские чудовища пожрут ее тело. Если так, то какая же участь ждет меня, по чьей воле происходит все это?

Странные события случились этой ночью. Ни один правитель не мог бы заставить своего подданного свершить такое дело. Его могла поручить только судьба выбранному ею воину. То есть мне. И мое имя — Оге.

Великие боги наблюдают. Они перешептываются и смотрят на землю.

От воды доносились странные звуки. Я раньше никогда не слышал таких. Звезды загадочно мерцали, и ветер издавал горестные стоны. Весла мерно зарывались в воду и взлетали на поверхность. Их бесконечное движение приковывало взор.

На мне словно лежало ужасное проклятие, насланное призрачной луной, зло горящими звездами и колдовским морем. Возможно, оно было сродни безумию, охватившему Роланда в лесу, из-за чего он принялся рубить мечом деревья. Я не мог сопротивляться этому без помощи Китти.

За чудовищными образами — порождением своего воспаленного сознания — я не замечал, что происходит вокруг.

Не сейчас вознаградит меня за безвременную кончину благодарный поцелуй алых губ Морганы. Даже прощальное прикосновение ее уст не принесет покой моей душе, когда она отправится вниз, на берег мертвых, или когда наполнится моя Поминальная Чаша в Вальгалле. Я уведу свою принцессу в лес, и, пока греется вода в ог-

ромном железном котле, устрою постель из мягких еловых лап и пушистых шкур.

Меня вывел из оцепенения пронзительный крик чайки. В мутном предутреннем свете все казалось нереальным, и мы потратили много времени, напряженно всматриваясь вперед в поисках нашего укрытия.

Когда мы, наконец, проскользнули в свое убежище, было почти совсем светло. Оставив пятерых спутников в лодке, я взобрался на вершину холма, чтобы взглянуть на море. Я был похож на лису, из безопасного места наблюдающую за потерявшими след гончими. Часто меня охватывал страх, когда какая-нибудь лодка проплывала слишком близко, но никто не смог обнаружить наше убежище, и я всякий раз сдерживал смех.

Несомненно, все лодки, находившиеся в заливе, были снаряжены для охоты за нами. Я любовался кораблем Эгберта, но судно, скорее всего, просто радовалось случаю поспорить с волнами, а Эгберт молился своему христианскому Богу о нашем спасении. И еще я надеялся, что и Гудред, и Рольф, и другие мои товарищи не забыли нашу дружную охоту на клыкастых моржей. Но если они наткнутся на нас, им придется забыть обо всем, что нас связывало, и они убьют нас. Славно быть викингом, но иногда и печально.

Когда люди закончили безуспешные поиски в заливе и отправились дальше, я вернулся на «Игрушку Одина». Четверо спали на дне лодки, прижавшись друг к другу, словно котят. Кулик неподвижно сидел на корме. Я стоял и смотрел на лицо Морганы, румяное, будто у ребенка. Наконец меня одолел сон. Я боялся лечь возле нее, чтобы не разбудить, но мне приснилось, что она рядом. Мой сон прервал голос:

— Оге, проснись! Да вставай же!

В голосе не было тревоги, поэтому я позволил себе возвращаться к действительности медленно. Мне хотелось продлить свои грезы. Но в тот момент, когда я понял, что еще сплю, сон исчез, превратившись в явь. Передо мной была Моргана со странным выражением в глазах, ее рука лежала на моем плече. Увидев, что я открыл глаза, она сразу одернула руку и улыбнулась.

— Тебе снился кошмар, — сказала она.

— Нет, это только сон. И я мечтаю, что он сбудется.

— Ты будешь спать дальше? Уже полдень.

— Нет, давай будить остальных. Надо перекусить.

— Мы уже поели мясо с сыром перед сном. Китти отложила порцию для тебя.

Моргана протянула мне еду и с удовольствием наблюдала, как я ем. Я уже утолил жажду из родника на берегу, поэтому не стал доставать бурдюк с водой.

— Нам надо поговорить, Оге. А поскольку придется разговаривать шепотом, чтобы не разбудить спящих, то ты можешь сесть поближе.

Это было сказано тоном принцессы, но выражение лица у нее было, как у шаловливого ребенка.

— Вряд ли мы разбудим Китти с Куолой. Они словно собаки — спят, когда нечего делать. Но чтобы не проснулась Берта, давай сойдем на берег.

Моргана поднялась и подала мне руку. Если бы я это предвидел, то оставил бы лодку как можно дальше от берега, чтобы мне пришлось нести принцессу на руках и чувствовать, как ее руки обнимают мою шею. Впрочем, тогда бы мы упали в воду, потому что у меня наверняка бы закружилась голова от прикосновения ее тела. Но мне пришлось всего-навсего подать ей руку, и она одним прыжком оказалась на берегу. Затем она самостоятельно взобралась на крутой откос, и мы углубились в густой кустарник, чтобы нас нельзя было заметить с воды. Я не позволил ей остановиться, пока между нами и берегом не оказалась густая зеленая стена. Я легким движением смахнул с ее платья несколько листьев и веточек.

— Если я буду носить это платье все время, оно превратится в нищенские лохмотья, — заметила она. — Как ты знаешь, другого у меня нет, так же как и денег на него. Лучше всего его убрать, чтобы потом одеть для приема у моего жениха, Азлы, а сейчас я буду носить одежду из оленьих шкур.

— У Китти хранится достаточно шкур, чтобы одеть и тебя, и Берту, и у них очень мягкий мех. Выверните из мехом внутрь и шкура не оцарапает вашу нежную кожу.

— И ничего не поддевать под нее? — промурлыкала он немного удивленно, испытывая детское удовольствие от этой мысли.

— Если носить так, то будет теплее.

— Мы с Бертой уже говорили обо этом, пока вы с Китти была на холме. Мы подумали, что если я одену оленьи шкуры и заплету косы, а потом испачкаю лицо и руки ореховым соком, то сойду за дочь Китти. Тогда если мы встретим разбойников, они подумают, что у нас нечего взять и не тронут нас.

— Но они никогда не поверят, что Берта — лапландка.

— Если она тоже переоденется, ты сможешь сказать, что она — твоя жена. В таком виде мы даже не будем похожи на христиан. Это большой стыд и, боюсь, великий грех, но так как мы сделаем это по необходимости, то Бог простит нас.

Моргане он простит все, подумал я.

Я боялся посмотреть ей в глаза, чтобы она не увидела моих глаз и не поняла, как перепутались мысли у меня в голове и как застыло мое сердце. Нет, я не могу взять никакой платы за услуги, только подарок от чистого сердца.

— Лучше всего было бы избежать таких встреч, — сказал я ей. — Но если нас поймают, держись с высоко поднятой головой, скажи им, что ты Моргана Уэльская, и мы останемся в живых как твои слуги. Скажи им, если упадет хоть один волосок с твоей головы, то Родри захватит их и предаст смерти, твой Бог проклянет их души и отправит гореть в вечном пламени. Они, конечно, тоже будут держать тебя в плену, но обращаться с тобой станут гораздо лучше. Вряд ли эти люди окажутся лучше Хастингса, но они будут бояться.

— Хастингс не боится никого и ничего, — сказала она, поразмыслив. — Это правда.

— Если ты им так сильно восхищена, то могла бы остаться.

Она повернулась ко мне и посмотрела в глаза, и смущение ее постепенно превращалось в радость.

— Если разбойники поймают меня, оставят ли они тебя в живых?

Я покачал головой.

Она широко раскрыла глаза, поскольку привыкла мне верить. Я удивился, что она спросила об этом, ведь все и так было ясно.

— Ты храбрее Хастингса

— Нет, ты ведь и сама говорила иначе. Я боюсь многих вещей. Я боюсь выглядеть глупо перед лицом людей и богов.

— Каких богов?

— Прежде всего, Одина. — Я запнулся и взглянул на нее, подумав, что, возможно, воины Одина больше бояться выглядеть глупо перед лицом христианского Бога.

— Вот это гордость! Ты что-нибудь слышал о Сатане?

— Нет.

— Это Князь демонов. Бог сбросил его с Небес за его необъятную гордыню. И он падал девять дней, прежде, чем попал в Хель.

— Один путешествовал девять дней по дорогам тьмы, чтобы попасть в Хель, и вынес оттуда Девять Рун.

— Наверное, Один и Сатана — разные имена Князя демонов. Если ты тоже так считаешь, то, может быть, ты станешь христианином?

— Как ты посмела предложить мне это? Мне следует ударить тебя по лицу.

— Чего ж ты? Давай. Я не могу дать тебе сдачи. То, что мой Бог может покарать тебя, не остановит твоей руки. И зная это, ты лишь сильнее меня ударишь.

— Этого я не сделаю, я не хочу видеть кровь на твоем лице. Ты не хотела обидеть меня. Но я не подниму руку на тебя не из-за этого, а потому что ты так прекрасна. Я скорее убью себя, чем обижу тебя. Ты когда-нибудь слышала о драгоценной чаше, которую франкский король Хлодвиг захватил в Суассоне?

— Нет.

— Он страшно желал завладеть ею, но один из вождей нарочно разрубил ее. Хлодвиг дождался своего часа и снес ему полчерепа секирой. «Я сделал с твоей головой то же, что ты с моей чашей в Суассоне», — сказал он. И я отрублю себе руку, если ударю тебя.

— Что это значит, Оге? — спросила она, нарушив долгое молчание.

— Это значит, что я люблю тебя.

— Молодые бароны в замке моего отца ухаживали за мной и служили мне; они говорили мне о любви, но они совсем не похожи на тебя.

— Да, они благородного происхождения, а не рабское отродье.

— Они очень рыцарственны, это правда, но я имею в виду, что их любовь не была такой страстной и дикой.

— Их не кидали чайкам в детстве, и крабам в зрелые годы. Они не клялись убить Рагнара и его сына.

— Но ведь ты обещал вернуть меня Аэле.

— Если доживу.

— Может, ты и не говорил это прямо, но все же ты дал мне понять, что я останусь достойной невестой короля.

— Ты хочешь знать, поступлю ли я с тобой так же, как Рагнар с матерью Аэлы?

— Матерь Божия! Если Рагнар отец Аэлы...

— Аэла родился раньше.

— Слава Богу! — она с благодарностью возвела очи к небу. Но затем на ее лицо вновь вернулось озабоченное выражение. — Ты говоришь, что любишь меня, Оге, и я тебе верю. Ты ежечасно рискуешь жизнью ради меня, и я не знаю... да, пожалуй, и не говори мне сейчас, как ты собираешься вернуться. Я откликаюсь на твою любовь, хоть ты и был рабом, но лишь душой, не телом. И я прошу тебя, Оге, и буду молить об этом небо — храни любовь внутри себя и не позволяй ей разбудить желания тела.

— Можно ли поймать утря за хвост?

— О чем ты?

— Слишком поздно! Как только я увидел тебя, в моем сердце проснулась страсть, какую ты не можешь и вообразить. Если бы хоть нечто подобное пылало в груди твоих христианских баронов, они сгорели бы дотла. Такая страсть подобна буре, швыряющей беспомощный корабль.

— Но это грех! Я христианка, обрученная с другим, а ты поклоняешься иным богам, — воскликнула со слезами на глазах Моргана. — Оге, ты можешь справиться с ней?

— Я господин своих чувств, а не раб. Мой железный ошейник уже давно на дне моря.

Я давно знал, что «Игрушка Одина» быстрее драккара при сильном ветре.

На третий день преследования, когда все малые суда Хастингса повернули назад, словно поджавшие хвост щенки, предоставившие охоту полудюжине опытных гончих, такой ветер поднялся с севера незадолго до заката.

Укрывшись за мысом в ожидании темноты, мы увидели, как три

драккара расправили крылья и превратились из гончих в ястребов. Другие три все еще рыскали вдоль побережья, выискивая наше убежище.

Мы выжидали, пока ближайший охотник не оказался в миле от нас с наветренной стороны, и подняли мачту. Наш белый парус тут же наполнился ветром, и мы стрелой вылетели из-за мыса. Нас заметили сразу. Громкие крики викингов раскатились над морем. Но я знал, что один, лучший из них, не будет кричать ни после самой великой победы, ни от самой отстрой боли.

Им надо было получше смазать кили. Дочери Эгира — морские девы — могли любоваться славной гонкой: как «Игрушка Одина» спасалась от шести хищников. Мы неслись, едва касаясь воды, а наши преследователи являли грозное зрелище — драконы с шипением разрезали волны грудью, покачивая клыкастыми головами.

Как я и рассчитывал, расстояние между нами постепенно увеличивалось. Но все же я еще не был уверен в нашем спасении. Слишком уж часто бывало, что ветер ослабевал вместе с заходом солнца.

К счастью, ветер усилился. Солнце, напоследок раскрасив море и облака в золотисто-багряный цвет, удалилось на покой в свой дом за краем моря. Когда умирающий день выпустил на волю первые бледные звезды, мы сыграли веселую шутку над преследователями.

Со всей скоростью, на которую были способны, мы повернули поперек ветра. Мы убрали мачту и гребли изо всех сил. Вскоре в сумерках показались проплывающие мимо верхушки парусов драккаров Хастингса. Когда они миновали нас, мы вернулись к последнему мысу, который перед тем проплыли.

Когда Хастингс потерял нас из вида, мы были уже далеко впереди, и я подумал, что вряд ли Хастингс станет искать нас у себя за спиной.

Три последующих дня повозка находилась перед лошадьёю. Мы держались позади рвущихся вперед драконов, там, где они не могли увидеть нашу маленькую лодку, а мы различали лишь верхушки мачт да края парусов.

Это была самая веселая игра, в которую мы когда-нибудь играли с Китти. Улыбки не сходили с лиц лапландцев.

Это прекратилось в один из дней, когда густой, холодный туман окутал все вокруг. Исчезли высокие береговые скалы, земля и море слились в одно целое.

Нам пришлось встать на якорь у какого-то острова, чтобы нас не вынесло на риф.

Тут Кулик, у которого, как я считал, отродясь не водилось никакого имущества, вытащил из-под своих лохмотьев маленькую железную полоску в форме рыбки. К ней была привязана тонкая веревка. Кулик принялся раскачивать свою рыбку и всецело погрузился в это занятие. Я решил, что это, должно быть, его оберег.

Внезапно из тумана раздались голоса.

— Хастингс! Хастингс! Где ты?

— Здесь!

— К востоку или к западу?

— Идиот! Я прямо перед тобой! — Грянул дружный хохот.

— Кто-нибудь скажет, где берег?

— Этого не знает даже Один, будь проклят его единственный глаз.

— Хастингс! Хастингс Девичье Личико! — вдруг прозвучал неземной голос.

— Кто это?

— Поворачивай! Плыви обратно! На твоих кораблях проклятие.

— Да кто это?

— Мыс фризского корабля, который ты потопил в устье Хамбера, когда похищал принцессу.

— Возвращайтесь обратно и продолжайте кормить акул!

— Наши тела наполовину обглоданы морскими чудовищами, но мы нашли тебя.

— Ну и где же вы? Я не боюсь вас. Я вырву ваши остекленевшие глаза и сделаю бусы для своей девушки.

— Хастингс! Хастингс!

— Это ты, Бьерн?

— Нет, это твой воин Горм, убитый саксонкой под волчьим деревом. В моей спине широкая рана, кровь быстро вытекла сквозь нее. — И рядом в тумане раздался жуткий кашель.

Моргана вскочила и прижалась к моей груди. Я обнял ее и, прежде чем осознал, что я делаю, прижался своими губами к ее. Свер-

шилось то, о чем я мечтал. Она теснее прижалась ко мне, словно ребенок, ищущий защиты. Затем опомнилась, и тело ее напряглось.

— Ты не боишься? — спросила она, отступив назад.

— С чего бы это? Викинги так шутят.

— Ты хочешь сказать, что...

— Они часто прикидываются призраками в тумане, хотя на самом деле верят в призраков. Многие хорошо умеют подражать голосам своих товарищей. Хастингс вскоре догадается, кто это шутит, и тогда все здорово повеселятся.

— Хастингс! Хастингс! — позвал пронзительный голос.

— Кто это? Руперт Бездельник? — так звали одного из вольноотпущенников Ивара.

— Я няня принцессы, плывшая с ней на фризском корабле. Помнишь, как ты отрубил мне голову? Поворачивай, если не хочешь отправиться в Хель!

Вновь раздался дружный хохот. Тут мне пришла в голову мысль, и я повернулся к Берте, которая вцепилась в борт, ни жива, ни мертва.

— Ты крикнешь то, что я попрошу?

— Да.

— Когда стихнет смех, позови Хастингса, да погромче.

— Хастингс! Хастингс!

— Кто это?

— Эдит, твоя мать!

Берта выговаривала слова с акцентом, но ведь так же говорила и наложница Рагнара.

— Чего тебе, старуха?

— Возвращайся! Возвращайся!

На этот раз не было никакого хохота. Мы снялись с якоря и доверились отливу, который вынес нас в открытое море. Лишь однажды промелькнули перед нами смутные очертания одного из драккаров. Люди разговаривали тихими голосами.

Глава шестая ДЕВА МОРГАНА

Мы еще не осмеливались пересечь пролив Скагеррак. Ветры все время меняли направление и своей непостоянностью словно вынуждали нас сдать на милость Хастингсу. В это время года часто случались сильные бури, и они запросто могли разбить нас о скалы или вынести так далеко в открытое море, что мы никогда бы уже не вернулись назад. Часто нас задерживал туман, надолго скрывавший все вокруг. Поэтому мы медленно продвигались вдоль побережья на северо-восток, до Осло-фьорда, а затем повернули на юг.

После того как мы миновали Марстренд, наше положение улучшилось. Горы задерживали северные ветра, и мы могли плыть при любой погоде. Мы двигались на юг вдоль Зеландии — путь очень длинный, но зато берег изобилует многочисленными укромными местами, где можно было легко спрятаться. Имей мы вдоволь еды, этому пути мы бы, пожалуй, и отдали предпочтение. Нас радовало, что Хастингс понятия не имеет, какой маршрут мы выберем. На его месте я бы поджидал нас где-нибудь возле Ско.

Поэтому, когда отлив вынес нас в море, и сильный восточный ветер разнес туман в клочья, мы подняли парус и со всей быстротой понеслись вперед. Я надеялся миновать Ско прежде, чем Хастингс успеет устроить там засаду. И, судя по всему, мы могли успеть. Наша лодка неслась стремительно. Мы с облегчением и удивлением восхищались своим судном. Небо было голубым, словно яйцо малиновки, море — синее, точно бирюза, оправленная в бриллианты. И даже взгляд Морганы просветлел.

В последнее время она казалась ко всему безучастной: мало ела, много спала, а в часы бодрствования сидела неподвижно, почти ничего не говоря. С грустью смотрел я на ее бледное лицо, так изменившееся с первого дня побега. Чтобы как-то ее утешить, я предупредил, что к ночи мы войдем в воды, омывающие Англию. Я не стал уточнять, что до самой Англии будет еще очень далеко.

— Я думала о твоём предупреждении, — сказал Моргана, задумчиво перебирая прядь волос.

— Раскрой свои мысли за поцелуй! — храбро попросил я.

— Нет, я расскажу их тебе бесплатно. И не потому, что боюсь твоих поцелуев. Они мне не кажутся такими уж опасными. Мне было приятно, когда ты поцеловал меня.

— Но ты тоже поцеловала меня.

— Разве? Я была напугана и подумала о тебе, своём защитнике, как об отце.

— Тогда мне можно целовать тебя сколько угодно?

— Я этого не говорила. Хотя, не отрицаю, твои губы оказались не такими твердыми, как можно было ожидать у грубого моряка.

— Но и не такими мягкими, как у какого-нибудь барона при дворе твоего отца.

— По правде говоря, разница не так уж велика. Ты мне и вправду нравишься больше, чем любой из них. Я буду в вечном долгу за все, что ты делаешь для меня...

Но она не совсем это хотела сказать, и начала заново:

— Я пыталась объяснить, что твоё предупреждение было лишним. Но ты желал мне добра, и я благодарю тебя.

— Благодарить будешь после окончания путешествия.

— Что ты имеешь в виду?

— Может, ты решишь, что ничем мне не обязана.

— Я не передумаю, но, пожалуй, в самом деле подожду, и тогда мой жених присоединит свою благодарность к моей.

— Можно подумать, тебе не терпится отведать его страстные поцелуи.

— Он столько ждет меня, что они, наверное, сожгут меня, — Моргана весело отодвинулась.

— Скорее, они потухли от такого долгого ожидания, — возразил я.

Я был рад ее оживлению, хотя последняя моя шутка сильно по-

ходила на правду. Если измерять наше путешествие не временем, а пройденным расстоянием, то оно едва началось. Плывя вдоль берега, в основном при помощи весел, мы обрекали себя на долгий путь. Даже большие корабли викингов редко плавали в Англию через открытое море из-за частых сильных штормов и гибельных густых туманов. Если бы мы рискнули сократить наш путь, то могла бы сбыться моя угроза: мне пришлось бы выбросить Китти за борт, чтобы облегчить вес лодки.

Итак, обогнув Ско, мы направились на юг вдоль пустынного побережья. К концу дня мыс стал похож на облако в северном небе. Утром нашему взору предстало бескрайнее море справа и бесчисленные песчаные дюны на берегу слева, и множество островков, среди которых могла бы легко спрятаться маленькая лодка, вроде нашей.

За весь этот день мы ни разу не заметили чужих парусов. Мы решили, что Хастингс окончательно потерял наш след. Но я настаивал на том, чтобы двигаться без остановки, а Моргана была опять бледна и печальна.

— Может, стоит отдохнуть чуток, а не грести с рассвета до заката? — как-то спросила Китти.

— Надо как можно скорее доставить Моргану, принцессу Уэльса, к Аэле Йоркскому, ее жениху! — горько усмехнувшись, ответил я.

— Сомневаюсь, что она дотянет до конца путешествия.

— Может, ты подскажешь, как двигаться быстрее?

— Ее убивают не малая скорость, а голод и жажда.

— Сушеное мясо и жир еще не закончились, но нельзя же заставлять ее есть!

— Добудь ей нормальную еду, подходящую для принцессы. В каждом заливе полно жирных уток, а в ручьях кишат угри.

— Ты считаешь, она согласится на задержку ради охоты?

— Клянусь Уллем, богом охотников, я разговариваю с глупцом?

— Ты упоминала и про жажду, но ведь у нас всегда свежая вода из ручьев. Что ты хотела этим сказать?

— Принцессы привыкли к вину.

— И где же здесь можно достать вино?

— Да есть одно; с ним не сравнится и то, что пьют короли. Но оно чересчур опьянит вас, и расставание, которого не избежать, при-

чинит слишком мучительные страдания. Так что ты все же не глуп, не предлагая ей этот напиток.

— Выражайся проще, желтая ведьма!

— Как, ты до сих пор не понял? Это Вино Жизни. Ни одна шестнадцатилетняя девушка не откажется попробовать его.

Я трижды погрузил весло в воду, затем еще трижды, и еще три раза, прежде чем ответил:

— Объясни еще раз.

— Займи для начала ее работой. Она мается, сидя на одном месте. Конечно, ей необязательно грести, но она может ухаживать за твоим оружием, сплести тетиву для лука. Когда ты принесешь дичь, она сможет потрошить ее. Если ветер встречный, можно высаживаться на берегу — ты же видишь, ее укачивает при сильном волнении.

Я согласился с Китти и направил лодку в устье ближайшего ручья. Причалив к берегу, я высадился со своим Тисовым Соколом. И быстро подстрелил жирного гуся.

— Займитесь пока рыбалкой, надо пополнить наши запасы, — предложил я, честно пытаюсь исполнить план Китти.

Три пары рук споро взялись за дело, только Кулик не услышал, а Моргана не обратила внимания на мои слова.

— Не согласится ли принцесса помочь нам в минуту необходимости? — со всей вежливостью спросил я.

— Что я должна делать? — капризно сказала Моргана.

— Брось конец этой бечевки в воду. Не трогай ее, пока рыба не дернет ее как следует. Вот тогда хватай и тяни изо всех сил.

— Я постараюсь, — честно пообещала она.

— Прости, — продолжал я гнуть свое, — но нам всем некогда насадить наживу вот на этот железный крючок.

Она хотела обидеться, но, пересилив себя, гордо ответила:

— Извинение принято. Даже ребенок справится с этим. Ты увидишь, что христианский Бог посрамит твоего, язычник!

— Что ж, попробуй и поглядим!

Незаметно я подсунул ей лучшую наживу. Ее нежные пальчики уверенно насадили гусиные потроха на крючок, и она ловко забросила бечевку в воду. Буквально через мгновение она уже яростно сражалась с розовым пятифунтовым окунем.

— Сукин сын! — визжала она в ореоле белых брызг, а рыба отчаянно была по воде, пытаясь вырваться.

Это было самое захватывающее зрелище, какое я когда-либо видел в жизни.

— Вот! — торжественно сказала Моргана, сверкая глазами и указывая на красавца, бывшего на дне лодки. И тут же отодрала новую порцию потрохов для наживки. Я мог поклясться, что она скорее съест их, чем попросит у меня помощи.

Я порадовался за нее, но удовольствие, которое растеклось до кончиков пальцев, неожиданно переросло в сладкую истому, и я уже пожирал ее глазами. Она тяжело дышала, и я вообразил, что это от менее невинной страсти, чем рыбалка. Эти мысли отвлекли меня, и я упустил свою рыбу. Тем временем Берте попался окунь поменьше, но прежде, чем она успела втащить его в лодку, Моргана уже вовсю костерила заглотившую приманку камбалу, которая была редкостью в наших водах.

Через полчаса мы решили, что наловили достаточно. Моргана гордо предъявила девять крупных рыб. У Берты оказалось шесть, у Китти и Куолы — по две на каждого. Я с грустью признал поражение, продемонстрировав толстую жабу, крошечного ската и трех хилых крабов.

— Китти, я не могу смотреть на Моргану без страсти, — пожаловался я своей мудрой кормилице, — как ты считаешь, может, таким коварным способом христианский Бог хочет переманить меня на свою сторону?

— Переманить тебя при помощи всякой дряни со дна морского? Если его мощь так велика, как боятся викинги — хоть они скорее дадут отрезать себе языки, чем признаются в этом, — то ему проще щелчком смахнуть на тебя какую-нибудь гору. Моргана, пожалуй, по душе своему Богу. Хоть ты и воин Одина, он вряд ли рассердится на страсть, разбуженную красотой его творения. Без нее тебе, наверное, было бы скучновато.

У Морганы было замечательное настроение — еще бы, она доказала свое превосходство надо мной. Она с радостью согласилась провести на берегу и весь следующий день, который, как я надеялся, будет счастливейшим в моей жизни. Мы просушили постели, выбросили мусор из лодки и застелили дно свежим тростником. Затем

женщины ушли за дюны. Там Китти обработала их одежду из шкур тюленьим жиром, чтобы убить блох, поселившихся в меху. Затем я усадил Моргану оттачивать наконечники моих стрел. И она трудилась без отдыха до самого вечера, пока полные животы не заставили нас устраиваться на покой. Она отложила работу, когда я подсел к ней, и озабоченно стала рассматривать свои руки:

— Аэле вряд ли понравится, если они огрубеют от работы, — невесело заключила она.

— Если он не возьмет тебя, мы снова отправимся в путешествие, — утешил ее я.

— К-куда?

— В Уэльс, где я попрошу короля Родри соединить эти самые огрубевшие руки с моими.

Она засмеялась, но без издевки.

— Ты воображаешь, что он отдаст меня сыну раба, не имеющего ничего за душой? Хотя, впрочем, ему нужны корабли для защиты побережья от норманнов. Если ты умеешь строить их, он хорошо заплатит тебе.

— И тогда я построю большой легкий корабль и какой-нибудь летней ночью ворвусь в твою спальню, схвачу тебя, не обращая внимания на крики, унесу в драккар и отплыву прочь... — Я сделал паузу, старательно представляя ее в прозрачной льняной рубашке в полной своей власти.

— Ну и куда? — зевая, поинтересовалась она.

— На запад. За западное море. Рассказывают, что за Исландией лежит огромный остров. Там, правда, холодновато, но мы отправимся южнее, вслед за солнцем. Может быть, мы доберемся до края Мира, где море низвергается в бездну с таким ревом, по сравнению с которым гром — просто комариный писк. Там мы можем погибнуть, но зато увидим то, чего не видели глаза смертных. И когда мое тело пожрут чудовища, а твое — гигантские черви, наши души гордо отправятся в страну теней. Мы расстанемся, ведь ты попадешь на Небеса, а я в Хель, но мы будем вспоминать наше путешествие, и нам позавидуют и твои ангелы, и мои демоны.

— У нас, и правда, может оказаться много общих воспоминаний, — задумчиво согласилась она.

— Какое нам дело до этого мира — до королей и воинов, до ко-

рон и рабских ошейников, до конунгов и торговцев? Никто не разлучит нас, пока мы живы. Мы больше не принцесса и сын раба, не христианка и язычник. Мы стали частью друг друга. Мне будет принадлежать твоя красота, а тебе — моя сила. Мы будем вместе, наши души и тела сольются в огненном порыве.

Она протянула мне руку, и я схватил ее.

— Это только мечта, — возразила она, — мы будем разлучены через несколько дней. Этого желают мои святые. Я должна выйти замуж за христианского принца и зачать христианское дитя.

— Почему бы не одурaczyć всех и не пожениться сегодня? — предложил я. — Море нашепчет слова, которые обвенчают нас. Нужно будет только встать на берегу, и мы услышим их. Песни лебедей красивее, чем хор кастрированных мальчиков в христианском храме. Затем мы зажжем большой костер, нагреем воды и искупаем друг друга, смывая все нарушенные нами законы, а потом...

— Постой, постой. Это очень коварные слова, а ты слишком смел...

— А разве мы плохо знаем друг друга? Ты маленькая и изящная, твоя кожа нежнее и мягче шелка. Но если ты выдержала путешествие из Уэльса в Хамбер на корабле фризов, а оттуда в страну данов на драккарах, то тебе по плечу и переезд через бескрайнее море.

— А знаешь ли ты, какое море шире всех?

— Нет.

— Между язычником и христианином.

— Но ведь мы сидим здесь, держась за руки.

— Вместе только плоть, а не души.

— Значит, наши души безгрешны перед своими богами. Пускай сольются только тела.

— Ты хитрее и коварнее, чем я считала.

— Я стал таким благодаря тебе.

— Ты, наверно, имел возможность поупражняться, обманывая робких девушек своей бешеной страстью.

— Ни одна девушка не отдавалась мне. Впрочем, я и не просил.

— Значит, ты имел дело с опытными женщинами.

— Я всего раза три заигрывал с рабынями на кухне, и то, когда был подростком. С тех пор я охотился только на пернатую и мохнатую дичь, и стремился лишь в море да к оружию. Если не считать

всего этого да еще сновидений, то я тоже девственник. Коли в тебе проснулась страсть, то это не распутство.

— Что же это тогда?

— Мать-Земля совершила чудо в твоём сердце.

— Твоя Мать-Земля — языческая богиня, которой наплевать на добрую репутацию честной девушки. Но ты прав, это не распутство. Это скромное чувство благодарности за то, что ты делаешь для меня.

Не очень-то мне это понравилось, но особо спорить я не стал.

— И все же у меня есть желание утешить тебя, — попыталась исправиться Моргана, — и даже какое-то стремление к тебе. Хотя это и грех, но я не могу этому противиться. Скажи правду, Оге, неужели ты низкороджденный?

— Раз уж я тебе покровительствую, то мало кто сравнится со мной знатностью.

— Я поцеловала тебя, несмотря на это. Сначала в щеку, а затем, испугавшись голосов в тумане, и в губы. И потом мне почему-то не было стыдно. Словно ты христианский барон. Смотри-ка, ты и впрямь не особо отличаешься от саксонского рыцаря, правда, волосы посветлее, да в лице что-то ястребиное.

— Это душа великой соколицы вселилась в мою, — попытался объяснить я.

— Вот когда ты выражаешься в таком духе, я и вспоминаю о бездонной пропасти между христианством и язычеством. Когда-нибудь ты расскажешь мне эту историю. Наверное, это злой дух, который овладел тобой. Но сейчас, даже помня о том, кто ты и на что способен, я думаю, будет несправедливо, если я лишу тебя небольшого удовольствия.

— Неплохая мысль.

— Если тебе нравится целовать меня...

— А тебе самой нравится? Если нет, я не буду.

— Если ты не станешь распускать руки и не обидишь мою девичью скромность, то я буду находить удовольствие в твоём удовольствии.

— Если твоё удовольствие — отражение моего, то готов поклясться, ничто в жизни не понравится тебе больше.

Через несколько минут я уже сравнивал наш маленький огонек с большими кострами Бальдра в ночь праздника середины лета.

Кстати, до этого события оставалось не так уж много. В эту ночь молодежь со всей округи собиралась на мысе, чтобы исполнить приятный ритуал. После богатого пира танцев и песен молодежь принималась заигрывать друг с другом. Повсюду бродили целующиеся парочки, девушки, обнажив грудь, водили хороводы вокруг костра, и частенько веселье заходило слишком далеко. Но, хотя после своего освобождения я ни разу не упустил случая принять участие в подобного рода забавах, мне всегда не везло до конца. Возможно, страсти моих светловолосых подруг не давало разгореться воспоминание о моем ошейнике раба. Да и меня сковывало сомнение, и я уговаривал себя подождать, пока не добуду известность и славу.

Я полагал, что удовольствие будет не слишком отличаться от развлечений на подобных праздниках, но поцелуи Морганы оказались во сто крат слаще и более волнующими.

Я ни разу не видел раскрывшейся могилы и ожившего мертвеца, выходящего из нее по заклинанию вельвы, и поэтому не очень-то верил в подобное. Я сомневался в правдивости сказок о блуждающих ведьминых огнях и о живых деревьях. Но теперь я обладал тайной, более притягательной, чем эти. Поцеловав меня, Моргана подарила мне всю свою красоту. До сих пор я только любовался ей, и томление разрывало мне грудь. Теперь же она была внутри меня, такой же неотъемлемой частью, как дыхание или биение сердца. И теперь она всегда будет жить в моей душе.

Дух мой обрел крылья и закружился в танце, похожем на тот, который устраивает Древний Народ, выходя лунной ночью из своих курганов.

Моргана не стеснялась своих поцелуев. Раскрасневшись, она продолжала дарить их мне. Ее руки обвились вокруг мое шеи; даже чудесное ожерелье, сработанное подгорными мастерами-гномами для королевы фей, не способно было бы совершить подобное волшебство. Мы были двумя молниями, слившимися в единой вспышке.

Я радовался больше, чем гребцы, спасшиеся с разбитого бурей корабля и добравшиеся до берега. Пускай я сын раба — какой король не позавидует мне?

Я был уверен, что вскоре умру. Нельзя быть настолько счастливым и не заплатить за это.

Я забирал только то, что свободно отдавала Моргана. То, что она вдруг вскочила и побежала к лодке, произошло ни из-за того, что я нарушил данное ей обещание. Я смел надеяться, что причиной ее побега стала собственная сладкая истома и охватившее ее неизведанное доселе желание, а не страх перед моей страстью.

На следующее утро погода начала меняться. Взошло кроваво-красное солнце. Море было тихим, словно лесное озеро. Ветер пропал совсем, так что подброшенное перышко падало ровно вниз. Еле заметная рябь оживляла поверхность воды. Чайки пронзительно кричали, носясь над морем, а бакланы, как бешеные, ныряли за рыбой.

Позже с запада показались первые рваные края облаков, будто их армия была разбита в чудовищном сражении, и они неслись, спасаясь бегством. К полудню поднялся порывистый ветер, и на берег стали накатывать длинные ряды волн. Потом ветер еще усилился, вода приобрела зловещий цвет, исчезли все птицы.

Мы уже несколько часов торопливо плыли вдоль берега, заглядывая в каждую бухточку в поисках надежного укрытия от надвигающегося шторма. Наконец мы нашли подходящее устье ручья, и прилив помог нам войти в него. Выбранная мной стоянка не была защищена дюнами только с юга. Я бросил оба якоря и привязал пару веревок к скальным выступам.

Присутствие утесов было необычно для этого побережья, и я был благодарен великану, зашвырнувшему их сюда во время древней битвы за право повелевать миром. Так, по крайней мере, объясняли существование скал среди бескрайних песков, вдали от всяких гор, скальды. Китти возразила, что давным-давно, когда еще и в помине не было великанов, громадная льдина съехала с Севера и накрыла всю землю, ворочая исполинские камни, словно семечки. И уже тогда ее народ жил здесь.

Куола и Китти собрали сухой плавник и развели костер. Моргана с Бертой наполнили меха водой, вычистили кухонную утварь и привели ее в порядок. Мы с Куликом трудились в поте лица, как можно прочнее закрепляя края паруса, натянутого над бортами, пытаясь предугадать силу ударов надвигающегося урагана. Ко времени, когда

мы закончили приготовления, море посерело от ярости, а ветер завывал, словно гигантская стая волков. Остаток рыбы я завялил у костра, чтобы Моргана потом не жаловалась, что ее кормят сырой пищей.

Небо приняло угрожающе черный цвет; мы заползли под натянутый над лодкой парус через маленькое отверстие у кормы, оставив берег таким же заброшенным, каким он был до нашего прихода.

— Злой ветер вырвет нас с корнем, — жаловался тростник.

— Море вздымается, оно отравит мою воду, — плакал ручей.

— Надвигается буря — она унесет нас неведомо куда, — стонали пески.

Я закрыл отверстие, через которое мы забрались внутрь, и наша команда стала похожа на гномов в подгорной пещере. Было темно, и только угли в горшках призрачно мерцали, отдавая нам свое тепло. Мы долго лежали, прислушиваясь к разгулявшейся непогоде, затем постепенно уснули.

Проснувшись около полуночи, я еще мог отличить яростное шипение ветра от стога волн. Но спустя немного времени все смешалось в одном чудовищном реве. Хоть нас с трех сторон защищали ряды дюн, ветер всюду хлестал лодку, и она дергалась и трепетала на натянутых веревках. Если бы шторм повернул к югу, нас бы точно сорвало и вынесло в открытое море.

И все же ярость стихий не так сильно пугала меня, как мысль о том, что веревки, державшие лодку, слишком короткие. Через три дня должна была родиться новая луна, и приливы были очень высоки. Если приливу будет помогать ветер, гоня воду в устье ручья, мы лишимся своего убежища.

Когда наступило утро — я понял это по слабым полоскам света, пробивавшимся под края паруса, — наша лодка дергалась, словно уж, пойманный за хвост. Прилив продолжался. Я подполз к Моргане и прошептал:

— Это твой Бог послал такой шторм?

— С какой стати? Наверное, это твой Один.

— Я думал, это он рассердился — ведь ты целовала язычника.

— Если он злится за это, то я скорее отправлюсь в твой Хель, чем помолюсь ему еще раз.

— А может, он наслал шторм из-за любви к тебе, чтобы пото-

пить корабли Хастингса. Хотя среди них есть мои товарищи, я желаю им всем разбиться о скалы — ведь они охотились за тобой.

— Это чересчур жестоко, мог бы придумать что-нибудь получше.

— Жестоко или нет, но твой Бог не обидится.

— Почему?

— Ведь я желаю им смерти за то, что они плохо обошлись с христианской принцессой.

— Оге, не хитри. Ты хочешь отомстить не потому, что я христианка, а потому, что любишь меня. Ты пытаешься единым разом добыть двух зайцев...

— Положим, не зайцев, — уточнил я, обнимая ее.

— погоди, Оге, — прошептала она. — Ты думаешь, шторм оставит нас в живых?

— Может да, а может и нет.

— И ты так спокойно говоришь об этом?

— Сделать-то ничего нельзя.

— Что будет, если лодка разобьется?

— Я возьму тебя на руки и вынесу на берег, если удастся. В крайнем случае мы утонем вместе.

— Ты не бросишь меня?

Я был рад темноте, так как мои глаза наполнились слезами.

— Нет, — отрывисто сказал я.

— Интересно, о чем я подумаю в последнее мгновение?

— Наверное, ты будешь радоваться тому, что попадешь на Небеса.

— Нет, я не стану туда спешить. Я молилась, чтобы как можно позже попасть туда. Наверное, это грех.

— Куда же ты денешься? Я не возьму тебя с собой, чтобы ты стала пищей чудовища, — сказал я, теряя спокойствие.

— Ты когда-нибудь слышал об Авалоне?

— Нет.

— Старики говорят, что это остров далеко на западе. До того, как кельты стали христианами, многие их герои уплывали туда и становились бессмертными. Там не столь замечательно, как на Небесах — нет улиц, мощеных золотом, и ангельского пения, — но там вечное лето, без бурь и снегопадов. Я подумала, что нас могло бы

вынести на его берег. Я просила Бога отпустить меня туда, если он пустит тебя со мной.

— Какое дело твоему Богу до воина...

— Тише, не произноси это ужасное имя. Я вот что имела в виду. Твой бог и Князь демонов — одно и то же. Мы знаем, что Сатана всякий раз скрипит зубами от злости, когда христианин отправляется в Рай — на Небеса. Я уверена, Один был бы так рад, предпочти я Авалон Раю, что отпустил бы тебя туда со мной, не раздумывая.

— Похоже на правду.

— Вот и я так думаю. Но я совершила еще один грех. Когда взошло солнце, я стала молиться ей...

— Ты хотела сказать, ему.

— Нет, ей. Ее зовут Сул, и она была раньше богиней кельтов. Я просила ее поселить нас на Авалоне навеки. Теперь, если хочешь, можешь кричать своему богу.

— Пожалуй, не буду.

— А может, мой Бог хочет покарать меня штормом и все равно утопит. И последняя моя мысль будет о том, что очень жаль... кое-что.

— Расскажи, что, Моргана. Я люблю тебя сильнее, чем твои святы. А с ними ты ведь делишься своими секретами.

— Я буду жалеть, что мы не очень часто целовались.

— Ты любишь меня, Моргана?

— Раньше мне казалось, что я люблю Аэлу — мне рассказывали, что он хороший повелитель и очень смелый. И все равно, раз я отдаю ему, я должна буду его любить, когда стану его женой. Ты же язычник и, наверное, сын раба. Как я могу полюбить тебя?

— Ты можешь прямо сказать: да или нет?

— Не могу. Лучше будем целоваться.

Так Моргана разговаривала со мной, безвестным воином, много лет бывшим рабом.

Если бы не ревущий шторм и трепещущий парус, я бы решил, что сплю. Я не мог видеть ее лица, но угадывал движение губ и чувствовал теплое дыхание. Слова ее звучали странно, околдовывая сильнее заклинания вельвы.

Таинственная мгла окутывала нас, словно затерянный островок в Северном море. Наши спутники, хотя и находились рядом, не могли ни видеть, ни слышать нас.

Она лежала у меня на коленях, не двигаясь и еле дыша. Я осторожно расстегнул пряжку на ее одежде. Мои пальцы прикоснулись к коже, всю нежность которой невозможно было представить. Я все время боялся, что она остановит меня. Все же я осмелился стянуть с нее рубашку, и ее маленькие упругие груди укрылись под моими ладонями. словно удачливый грабитель, я не остановился на достигнутом.

— Наверное, в этих розах нектар, — попытался я скрыть смущение за шуткой.

— Как бы это проверить? — спросила она еле слышно.

— Похоже, это первый весенний мед, — ответил я через большой промежуток времени.

— Вряд ли. Что-то ты слишком быстро определил.

Мы продолжали играть в эту игру, я чувствовал ее ответные поцелуи на своей шее.

От этого я осмелел, и вскоре моя рука отправилась в путешествие дальше вниз. Но тут ее скромность взяла верх над чувственностью, и она попыталась остановить меня. Будь я опытным любовником, я бы вернулся обратно. Но я был грубым викингом, любившим ее со всей страстью своей дикой северной натуры. Меня оттолкнули — и мое блаженство сменилось болью обиды.

При всей своей силе — а она никогда не была такой, как сейчас, — я бы ни за что не стал отодвигать ее руку.

— погоди, Оге. Слышишь, как ревет буря?

Я успел забыть о ней.

— Мы можем погибнуть в любое мгновение. Почему же я не молюсь Богу на коленях? Почему ты не серьезен перед ликом смерти? Почему мы лежим в объятиях друг друга, повинувшись греховной страсти?

— Почему это греховной?

— Если честно, то сама не знаю, почему.

— Тогда уברי руку.

— Ну, если бы я точно знала, что мы умрем... Тогда, пожалуй, я бы даже согласилась стать твоей женой. Однако грех венчаться без священника, а ни один священник не обвенчает меня с язычником. И все же я верю, что мы вместе отправимся на Авалон.

— Ветер с запада, — возразил я. Хотя, впрочем, для могучего христианского Бога это наверняка было безразлично.

— А вдруг мы останемся живы и доберемся до Агнии? Нет, я не должна нарушать договор с Аэлой. Я поклялась в этом отцу. И все равно ты любишь меня и жертвуешь своей жизнью. Я восхищаюсь твоей любовью. Аэла получит то, что ему обещано, но все остальное в твоём распоряжении.

Она обняла меня и поцеловала.

— Если я выйду за Аэлу замуж, он ничего не узнает об этом, — прошептала она, когда вновь обрела возможность дышать. Мне казалось, я вижу ее глаза. Она вдруг предложила:

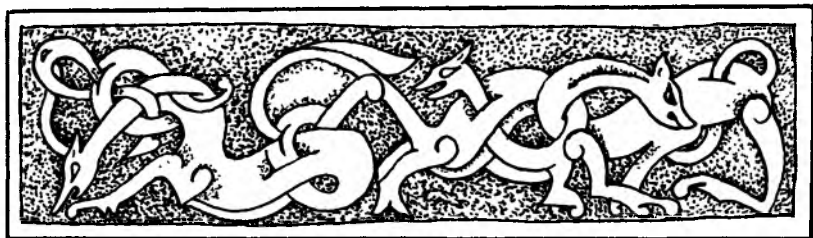
— Давай притворимся, что твои грубые пальцы викинга — это пять белых оленей, бродящие по заколдованному саду.

— Зачем эта игра?

— Затем, что если мне захочется попасть их здесь или там, или прогнать, или заманить куда-нибудь, я не буду стесняться.

— Любопытная игра.

— Ну, Оге, теперь пять моих нежных ланей покажут дорогу твоим оленям.

Глава седьмая
БОЛЬШАЯ РЫБАЛКА

Шторм прекратился — ведь он не мог злиться вечно. Луна выросла и успела состариться, а лето продемонстрировало весь запас своей разнообразной погоды. Наши припасы были невелики, но благодаря охоте и рыбалке, мы не голодали. Однажды нам даже повезло выменять хлеб у встречного фризского корабля.

Как-то раз мы врезались в устричную отмель и чуть не разодрали дно лодки об их раковины. В другой раз нас вынесло в открытое море, и мы чуть не умерли от жажды. За нами плыли акулы, и мы подружились со звездами.

В первую неделю после шторма я часто пугал Моргану якобы надвигающейся непогодой, чтобы устроиться на ночлег пораньше. Ни луна, ни облака, ни звезды не мешали нашим поцелуям. Мы оба считали, что целая кладовая воспоминаний не стоит одного единственного поцелуя. Поэтому мы не задумывались о туманном будущем и жили лишь настоящим.

Когда дневные заботы разлучали нас, Моргану мучила совесть. Я греб или управлял парусом, погруженный в задумчивость, а она сидела с отсутствующим видом.

Как-то раз мы решили днем высадиться на берег, чтобы как следует отдохнуть. Моргана рассказала мне о первом мужчине и женщине, которые жили в саду, полном чудесных фруктов, и им было дозволено есть все, кроме яблок. Что-то похожее было с нами.

— И они ни разу не попробовали запретный плод?

— Еву искушал змей, а она искушала Адама совершить этот грех, — ответила Моргана, краснея, — за это их выгнали из сада, и им пришлось в поте лица зарабатывать свой хлеб.

— Они были молоды и любили друг друга, как мы?

— Не сомневаюсь.

— Что ж, это глупый запрет, и они правильно сделали, что нарушили его.

— Священники говорят, что с тех пор в каждом из них живет зло.

— Это хорошо.

— По правде говоря, я ни о чем не жалею, и повторю это своему исповеднику в смертный час.

— Как же могут священники упрекать их, раз они сами потомки тех молодых любовников?

— Наверное, они придумали, что возразить тебе, но это не моего ума дело. Было бы очень обидно, если бы ни ты, ни я, да и другие люди не родились. Хотя тогда мы оставались бы в Раю.

— А мы, язычники?

— Этого я не знаю.

— А ангелы занимаются любовью?

— Сказано, что они не женятся и не выходят замуж. Так что, наверное, нет. Но они осенены благодатью.

— Что-то не могу себе представить. Как это?

— Твоему языческому уму не понять. И довольно говорить на эту тему. Грех это.

— На Авалоне разрешено заниматься любовью?

— О, да. Каждый храбрый воин, попадающий туда, получает прекрасную королеву.

— На Авалоне-то, видать веселее, чем в вашем Раю! Я согласен туда отправиться, а ты будешь моей королевой.

— Я действительно хочу туда с тобой, но я христианская принцесса, помолвленная с христианским принцем. Я не жалею, что согрешила. Бог, думаю, простит меня. Но он никогда не простит, если я нарушу клятву принадлежать Аэле, произнесенную в присутствии епископа в зале моего отца.

— А если Аэла освободит тебя от нее?

— Ты думаешь, он не захочет меня? Тогда я буду обещана, и неважно, что произойдет потом.

— Даже если придется стать женой викинга, отправиться в дальние страны и жить охотой и рыбалкой?

— Да. До тех пор, пока мы не найдем Авалон.

— А если ты потеряешь девственность во время путешествия, Аэла отвергнет тебя?

— Наверное, нет, если это произойдет без моего согласия. Он справедливый принц.

Ее лицо залилось краской, и она в слезах убежала.

Ни Моргана, ни я не могли кривить душой. И не могли дать разгореться свету нашей любви. То, что мы дарили друг другу, шло от чистого сердца. Я не пытался заставить ее нарушить клятву, которую она считала священной, хоть и казалась мне глупой. Поэтому, несмотря на наши наслаждения, мы испытывали мучительную боль.

Мы не повстречали ни одного корабля-дракона с тех пор, как миновали Ско, и несли вахту все менее прилежно.

Но моя душа помнила улыбку Хастингса, и однажды ночью мне приснился сон. Хотя в нем чаще мелькала Меера, и это был только сон, я проснулся в страхе.

Лежа с открытыми глазами и припоминая все, что я знал о ней, я обнаружил, что мои обрывочные сведения похожи на обломки выброшенного на берег корабля. Их невозможно собрать вместе, но когда-то они составляли единое целое. Все были как-то связаны — Рагнар, Эгберт, его враг Аэла, который был сыном Энит, пленницы Рагнара, невеста Аэлы — Моргана, ее похититель Хастингс и я, бывший раб Рагнара. Хоть мы и ускользнули от Хастингса, я решил не считать, что погоня завершена.

И мы вновь вспомнили об осторожности. Мы внимательно прислушивались и вглядывались вдаль. Мы прятались даже от фризских кораблей, чтобы они не выдали нас.

Подойдя к устью Эльбы, мы сделали остановку у мыса, чтобы не наткнуться на корабли Рагнара. Гамбург, цель его похода, был в сотне миль выше по широкой реке. И, само собой разумеется, все купцы в округе и священники в каждом монастыре прятали ценности.

Я не очень опасался викингов, главное — не подходить к ним вплотную. Какое искателям сокровищ дело до маленькой лодки? Вряд ли кому из них покажется подозрительным, что она похожа на одну из лодок, стоящую у их родной далекой пристани. И все же, когда нашему взору открылось устье, свободное от кораблей, я вздох-

нул с облегчением. И мы рискнули сразу пересечь его. Мы были уже на полпути, когда из-за противоположного мыса выскользнула тень. Я несколько мгновений разглядывал ее в надежде, что это фризский корабль. Но тут он слегка изменил курс, и стали видны гордо поднятая голова и хвост дракона.

Я растерянно посмотрел на Китти, а она на меня.

— Наверное, у корабля поломка, и его оставили здесь, — предположил я.

— Нет, это корабль самого Рагнара, «Большой Змей», — ответила она.

— Не может быть.

— Разве твое зрение острее?

— Нет. Но что тогда Рагнар делает здесь один, без флота? — спросил я, разворачиваясь по ветру.

— Ждет тебя.

— Но как он узнал... — начал было я и осекся.

У Мееры были способы отправить ему сообщение. И вот теперь из-за моей глупости придется вновь устраивать гонку.

Рагнар, очевидно, считал, что его терпение пора вознаградить, и, похоже, был прав. Если бы мы двигались дальше в том же направлении, у нас бы не было шансов — о состязании на веслах нечего было и думать. Приходилось довериться ветру, который понес нас в открытое море.

Еще несколько секунд назад я надеялся, что Рагнара на эту стоянку занесло какое-то дело, а не желание поймать беглецов, о которых он узнал от фризов, доставлявших ему продовольствие. Но теперь вода тускло засветилась красным, как будто в ней отразилось яркое пламя костра: развернутое крыло дракона было устрашающе красивым, и оно гудело, натянутое ветром, словно пламя. Корабль тоже шел под ветром.

Теперь нам предстояла гонка — огромная крылатая змея и маленький белый ястреб. Я выкинул из головы все посторонние мысли и включился в игру. Кто думает о награде или наказании, когда игра идет ни на жизнь, а на смерть, а вокруг синее небо, и играет море, и послушная лодка разрезает эту красоту?! Прекрасное море несло, и

мы бежали вместе с ним. Мы были легче, чем наши противники, а море кидало нас с волны на волну.

Змея не могла вытащить свое брюхо из воды, когда мы резали пену.

Я прикоснулся к канатам, держащим парус, — они гудели и подрагивали от напряжения. Мы притянули ридерсы ниже, так, чтобы парус ловил ветер всей своей шириной, а мачта согнулась, будто со сна под ураганом.

Я думал о других славных гонках, что мне доводилось видеть, и ни одна из них не могла сравниться с той, когда Стрела Одина подбила озерного нырка, еще в бытность мою рабом. Теперь душа Стрелы Одина присоединилась к моей — я вдохнул ее в тот миг, когда соколица испустила дух, — и теперь две души указывали мне путь. И Рагнару никогда не поймать их, неважно, потопит он «Игрушку Одина» или нет. Они улетят от него, смеясь. Они всегда сумеют обвести его вокруг пальца, и он тщетно будет ловить их.

В это время девушка прижалась ко мне, и ее глаза глядели на меня, а не нашего преследователя. Это была не забава, а война.

— Прилив спадает, — сказал я Китти, стараясь перекричать плеск волн и гул натянутого паруса. — Лодкой становится трудно управлять. Как думаешь, ветер ослабеет?

— Нет, он усилится, — ответила она, взглядевшись в небо, — смотри, он уже крепчает.

— Он может слишком усилится, — сказал я, с тревогой глядя на мачту.

— Тогда придется укоротить парус или облегчить лодку.

Китти и я часто думали об этом, но обсуждали только раз.

— Трудный выбор, — сказал я.

— Наоборот. Если мы опережали Рагнара на две мили, то теперь — на две с половиной. Когда лапландская девушка убегает от своего жениха на весеннем празднике, она не должна дать догнать себя, если хочет посмеяться над ним. Но ведь может быть и наоборот, если она случайно упадет.

— Лучше бы нам не падать, — ответил я. — Незавидный жених этот Рагнар.

— Надо бы сбросить десяток стоунов, чтобы дела пошли веселее. Я вешу семь, а Куола — девять, так что все не так плохо.

— Сомневаюсь, что этого будет достаточно. Сам я вешу двенадцать, а ты сможешь довести лодку до Хамбера.

— Куола не прыгнет за борт без меня. Он слишком молод и испугается. Тебе придется убить его, прежде чем выбросить за борт, и ты будешь плыть вместе с трупом. Это был бы большой позор.

— Ладно, давай подождем. Все-таки разрыв увеличивается.

Когда мы впервые увидели «Большого Змея», щиты воинов были спрятаны внутрь. Теперь же они висели на бортах, сияя своей раскраской на солнце.

Наверняка у дракона, убитого Сигурдом, была не такая блестящая чешуя. Корабль и впрямь был похож на дракона из легенд. Мы были с подветренной стороны от преследователей, и крик сотни глоток накрыл нас, как лавина: «Один! Один»!

— Один! Один! — крикнул я в ответ, желая, чтобы огромный лебедь подхватил мой вопль своим клювом и обрушил с высоты на голову Рагнара.

— Святой Давид! Святой Давид! — надрывалась Моргана с растрепанными волосами и сверкающими глазами.

С ореолом золотистого пламени вокруг головы вскочила Берта, присоединив к нашему хору свой визг:

— Святой Георгий! Святой Георгий!

Китти и Куола сидели совсем неподвижно, словно желая, чтобы о них забыли. Кулик ничего не слышал и не мог ничего кричать.

По непонятной причине, если не считать сильного ветра, нас сносило к низкому круглому островку. Насколько я помнил карту, нам следовало плыть вдоль его берега. Но теперь приходилось оставить его в стороне, иначе мы бы просто налетели на него. Если мы доживем до вечера, то сможем найти местечко среди Танцующих Камней в десяти милях к западу.

— Не желаешь взглянуть на карту? — спросила Моргана, когда я рассказал ей и Берте о своем плане.

— Я изучил ее вчера днем, когда вы все спали. Но можете проверить, не пропустил ли я чего-нибудь.

Я был уверен, что понял все, кроме нескольких латинских букв, но, видя, что Моргана стремится помочь мне, я с гордостью наблюдал, как они с Бертой, усевшись на дне лодки, осторожно разворачивали свитки.

— Если мы обогнем остров с запада, то спасемся, — сказала Моргана.

— Я так и хотел сделать. А что с восточной стороны?

— Нарисована какая-то черточка и написано «*Sabulones Periculosi*». Наверное, это означает «опасные пески».

— Хорошо, что ты заметила, — вымолвил я, охваченный внезапной догадкой. Наверное, у меня было странное выражение лица, так как обе девушки вздрогнули.

— Что случилось? — спросила Берта.

— Я думаю, стоит рискнуть свернуть туда. Мы, может, и не застрянем на отмели. А вот у «Большого Змея» посадка гораздо глубже. Моргана, у римлян были большие корабли?

— Отец говорит, побольше, чем драккары.

— Давайте рискнем. Мы можем погибнуть на отмели, но можем и спастись. А вот Рагнар точно застрянет. Корабль развалится, и они утонут.

— Хорошо бы. Рагнар — бич христианства.

— А я не из-за этого желаю ему смерти. Если мне повезет, то в один прекрасный день я сам стану бичом христианства. Я хочу, чтобы он захлебнулся, потому что он преследует тебя. А еще из-за канавы с тухлой водой, и доски с зазубренным шипом. Итак, плывем с восточной стороны. Нам с Китти не жаль расстаться с жизнью, если это цена за жизнь Рагнара. Куолу мы взяли с собой, и он разделит нашу участь — это лапландский обычай. Кулику хуже не будет, что бы с ним ни случилось. Вы с Бертой попадете в Рай. Я не настаиваю, чтобы ты отправлялась со мной.

— Так куда ты уйдешь? — спросила она после того, как мои слова сорвались, словно раскаленная лава с ледяной горы.

— Не в Вальгаллу. Валькирия не спустится за мной, но целая армия придет за Рагнаром и его викингами. Они будут петь, увозя мертвые тела на своих белых конях, и их лица будут светлее клинков, блестящих на солнце.

— И все же, ты отправишься на Авалон? — спросила Моргана. Ее глаза сияли.

— Скорее всего. Ведь никому из норманнов не выпадала такая странная судьба, — мне показалось, что за меня эти слова произнес кто-то другой.

— Я уйду с тобой.

— Не знаю, как это может получиться. Даже если ты отвергнешь Небеса ради меня, то не сможешь бросить Берту.

— Берта ничего не имеет против Авалона. Ее народ только недавно принял христианство. И еще мы возьмем с собой желтокожих людей.

— Нет, их души вселятся в птиц, и они улетят обратно в Лапландию.

— Тогда все в порядке. А если с нами отправится Кулик, то там его раны исцелят, и он вновь обретет речь и слух.

— И все же меня отправят в Хель. Я ведь был так счастлив...

— Я тоже была счастлива, — Моргана поцеловала меня в губы.

— И что?

— Если тебя отправят в Хель, я пойду с тобой.

Я ослабил веревку, привязанную к борту, и парус зашлепал на ветру. Я хотел, чтобы викинги догоняли нас и радовались, что у нас неприятности. Тогда их бы точно удалось заманить на отмель. Мы нарочно долго ловили конец веревки, а потом вновь закрепляли его. За это время преследователи выиграли целую милю.

Между тем меня удивляла пустыньность моря. Не было видно ни торговых кораблей, ни даже лодок, снующих вдоль берега. Деревня на острове казалась вымершей, и ни одного дымка не поднималось над хижинами.

Скорей всего, флот Рагнара лишь недавно уплыл отсюда, и не скоро еще оживет опустошенное побережье. Если мы оставим хёвдинга на отмели, никто не поможет ему.

Викинги были могучими воинами, а Рагнар превосходил их всех. Разве можно было представить, что бывший раб Оге, не испытанный в битвах, везущий трех женщин, лапландского охотника и глухонемого калеку, осмелится бросить им вызов? Неужели удастся заманить в ловушку смерти великого Рагнара, настоящего героя?

Я протер глаза. Рядом, с развевающимися волосами стояла Моргана. И то, о чем я раньше лишь смутно догадывался, стало ясным. Несмотря на свое теплое, нежное, смертное тело, она была феей. Ее имя, как она говорила, означало «Дочь Моря».

Я вновь отпустил веревку. Ветер доносил довольные крики викингов, когда, я делал вид, что не могу поймать ее. Они были увере-

ны, что бывший раб вскоре попадет к ним в руки. Теперь морские псы находились всего в восьми сотнях ярдов от добычи. Я уже мог различить могучую фигуру Рагнара. Впереди на серой воде кипела белая пена. Китти измерила глубину. От нашего кия до дна было всего три фута.

— Берегитесь «Великого Змея», — кричали охотники.

— Позор улитке, которой не догнать «Игрушку Одина», — завопил я в ответ.

Мне почудилось, что вернулись древние времена песен скальдов, когда великаны сражались с богами, а Локи еще не был прикован цепью.

Море было пустынно — только Рагнар со своими людьми, преследующими нас у Отмели Смерти. Белые чайки плясали в воздухе, но они не ныряли за рыбой, а, казалось, с любопытством следили за нашей гонкой. Они носились над нами в непривычном молчании. Все затихло в ожидании, и черные плавники акул тихо резали белую пену.

Я взглянул на Кулика. Очевидно, он догадался о нашем намерении, так как лицо его разрумянилось от радости. Я видел блестящие глаза Китти, напряженную улыбку Куолы и Берту, чье золото волос блестело ярче Северного Сияния и которая могла бы стать достойной возлюбленной самого великого героя. Но я едва мог смотреть на Моргану, потому что сердце мое начинало биться слишком сильно. Жгучим черным пламенем сияли ее волосы, а в синих глазах плясали молнии. Когда она впервые поцеловала меня, я понял, что моя судьба отмечена богами, какой бы короткой она ни была. Мои губы горели, не в силах забыть ее поцелуев. Мои руки, ласкавшие ее, стали сильнее рук великана. Они могли бы поднять меч богов и поразить им Рагнара.

Я нарочно пару раз неправильно ударил кормовым веслом, из-за чего мы слегка изменили курс и потеряли еще несколько ярдов. Викинги Рагнара завывали, словно волки.

Мы не осмеливались измерять глубину — Рагнар мог почуять неладное.

— Мы уже над рифом. Сейчас решится все, — сказал я Моргане. Она молча кивнула.

— Обнажи грудь, Моргану. Пусть викинги полюбуются ей.

Она заглянула в мои глаза, затем резким движением разорвала воротник рубашки.

Викинги испустили дружный вопль. Теперь, даже если бы они и заподозрили отмель, они все равно пошли бы навстречу своей судьбе.

Наш киль заскрипел по песку. По лодке прошла дрожь, но мы все же скользнули в зеленые волны глубокой воды. Высокий вал подхватил нас, живых и ликующих, словно валькирий, мчащихся в облаках. Все, кроме Морганы, посмотрели назад.

«Большой Змей» изготовился к броску. Но как будто великан схватил его за хвост — он остановился, дернулся, получив смертельную рану, и испустил дух.

Викингов, находившихся на корме, швырнуло на нос. Стоявшие на носу, сорвались в море. Корабль, получив пробоину, осел и не мог сдвинуться с места. Высокие волны перекатывались через него, пытаясь разорвать на куски.

Можно было представить ярость викингов, пытающихся удержаться за мокрые борта.

Когда «Большой Змей» налетел на мель, я сразу спустил парус. Мы бросили якорь и с расстояния едва ли в триста ярдов наблюдали за гибелью корабля. Море терзало драккар яростнее, чем челюсти акулы человека, разрывая обшивку и оставляя только остов.

Лишь несколько человек продолжали цепляться за останки корабля, и волны отдирали их одного за другим. Некоторые держались на воде на сорванных досках. Но часть, собравшись в группу, поплыла в нашу сторону. Их было немного, но плыли они дружно, словно стайка уток.

Некоторые гребли очень быстро, особенно могучий человек, уже обогнавший своих товарищей. Когда расстояние между нами сократилось наполовину, мы снялись с якоря. Я посадил Берту с Куолой за весла, Китти встала у рулевого весла.

Я не хотел вновь наткнуться на мель, поэтому встал на носу, чтобы измерять глубину. Но затем я решил, что это лишнее. Гораздо важнее убедиться в том, что никто из преследователей не останется в живых и не доберется до берега. Я попросил грести потише, пере-

брался на корму и вытащил своего Тисового Сокола. Расстояние было все же довольно велико, и я не мог как следует прицелиться в качающиеся на воде головы. Однако я наложил на тетиву стрелу и отправил ее в полет. Она пролетела по длинной дуге и упала среди пловцов. Было видно, как чье-то бледное лицо залила алая кровь. Человек забил рукам по воде в агонии, а затем скрылся под волной.

Я решил подождать, пока они не подплывут ближе — зачем зря тратить стрелы? Я мог подпустить их хоть на десять ярдов, и все равно каждый из них пошел бы на дно с острой стрелой в груди. Тут другая мысль поразила меня, словно удар молнии. Странно, что она не приходила ко мне раньше: теперь все, кого пощадило море, находились в моей власти.

Мои мысли пошли еще дальше. Если любого из этих крепких воинов, которых я раньше опасался, я мог поразить стрелой, оглушить веслом или убить другим способом, то почему бы не захватить одного в плен?

Эта идея позабавила меня, но я не решился принять ее всерьез. Тем временем Рагнар, чью голову нельзя было спутать ни с какой другой, успел намного опередить своих товарищей. Мне было жаль, что такой герой умрет бесславно, слишком усталый, чтобы воззвать к Одину, слишком измученный, чтобы в полной мере осознать, кто был виновником его поражения. И кстати, я не забыл, как он грозил мне смертью от Красного Орла.

— Пожалуй, я возьму Рагнара в плен, — коротко сообщил я Китти.

— Я не сомневалась в этом.

— Как ты могла знать, если я только что это решил?

— Моя душа чувствовала это давно.

— Он приказал Красному Орлу лететь ко мне, но тот потерпел неудачу и теперь возвращается обратно.

— Он сам отозвал Красного Орла и бросил тебя крабам.

— Я решу его судьбу без помощи желтокожей женщины.

— Его судьбу решили боги, когда он купил тебя по просьбе Мее-ры.

— И что это за судьба?

— Он купил тебя, чтобы сделать рабом. Так что тебе тоже следует продать его в рабство.

Я был слишком занят, чтобы осознать ее слова. Мы подпустили Рагнара на двадцать ярдов и какое-то время сохраняли это расстояние, чтобы он окончательно выбился из сил. Мы словно играли с пойманной акулой, которую не рискуют поднять на борт, если она еще в состоянии кусаться. Когда в ярости Рагнар напрягался, делая броски к лодке, Куола и Берта одним ударом весла увеличивали расстояние.

Он был так близко, что я видел блеск его голубых глаз. Рагнар Лодброк был славнейшим из викингов, но я, Оге, держал его жизнь в своей руке. Я убегал от него, как когда-то от его Брата, еще более могучего, косматого, но в несколько раз менее грозного.

Вода поменяла цвет на сапфировый, волны стали реже, но выше. Глаза Берты, ярко-зеленые, лихорадочно блестели от азарта, Моргана не смотрела на меня. Куола жестко улыбался. Лицо Китти посерело, как у ведьмы.

Рагнар плыл за нами в открытое море. Все его воины остались далеко позади. Теперь он уже не пытался догнать нас. Его сил не хватало даже на то, чтобы поддерживать расстояние. Я велел гребцам сбавить скорость. Если бы мы не вмешались, он бы вскоре утонул от изнеможения. Мы подпустили его совсем близко, и Китти удалось накинуть петлю на ноги хёвдинга, который уже не имел сил сопротивляться. Резкий удар весел — и рывок лодки развернул викинга ногами вперед. Веревка натянулась, и Рагнар ушел под воду. Затем мы втащили его в лодку.

— Может, и вправду продать его в рабство? — задумчиво сказал я.

— Тебе решать, — ответила Китти.

Когда Рагнар изверг из себя с полведра морской воды, кровь ожила в его жилах, тело начало согреваться, и лицо стало менее бледным. Он потерял сознание, очнулся и провалился в сон. Проснувшись, он равнодушно посмотрел на свои стянутые веревками руки и ноги.

— Вообще-то, Оге, не следовало позволять тебе брать меня в плен, — сказал он, — я знал, что ты всегда мечтал об этом, но не мог же я нырнуть под лодку и прокусить дно.

— Ты будешь спорить со своей судьбой? — спросил я.

— В такой ситуации это будет нелегко. Но я встречу Судьбу как воин, лицом к лицу. Вчера был веселый денек, но мне казалось, что всех нас заколдовали. Небо никогда не было таким голубым, а море таким красивым. Недавно пришло послание от Хастингса о твоём похищении дочери Родри. За возвращение ее в целости и сохранности он готов отдать драгоценное ожерелье, доставшееся ему от матери. Оно стоит не меньше десяти фунтов золота, уж я-то знаю. А за мертвую он заплатит пять.

— Зачем ему труп?

— Чтобы лишить тебя твоей возлюбленной. Мой сын Хастингс почтил тебя своей ненавистью, над которой я когда-то смеялся. Больше не смеюсь. Но продолжим. Разумеется, я ждал тебя здесь не ради золота. Мне нужно было выдернуть больной зуб, или, по крайней мере, утихомирить его.

— Не понял.

— Меера бы поняла. Я шучу всю жизнь. Все время ты был для меня словно зубная боль. Я как-то говорил, что не могу смотреть на тебя. Что-то в твоём лице путает мои мысли так, что я не сразу могу привести их в порядок. Пришла пора рассказать тебе, как ты попал к нам.

— О боги! Мне почти страшно!

— Все, что я знаю, ты слышал раньше. У истории нет ни начала, ни конца, она словно обрывок латинской рукописи. Меера попросила меня купить Китти у ютского работоторговца, а так как ты не выжил бы без нее — она была твоей кормилицей, — то он дал тебя в придачу за сломанный моржовый клык. Но кого хотела приобрести Меера на самом деле, тебя или Китти?

— Почему, во имя Одина...

— Не обращай с его именем так свободно. Ты ведь столько лет был рабом. Той ночью Меере приснился сон, что если я продам тебя, то умру в доме твоего покупателя. Откуда мне знать, что она не придумала это? Может, у нее был какой-то план насчет тебя.

— Какой еще план? Ты сказал, что это она предложила для меня смерть от Красного Орла.

— Это правда.

— А раньше она пыталась уморить меня непосильным трудом и скудной пищей.

— Она считала, что раз уж нельзя тебя продавать, это самый

простой способ от тебя избавиться. Но затем ты вырос в долговязого парня, пасущего коров. Она изменила свои намерения, увидев, что ты становишься крепким и смышленным малым. После этого она стала кормить тебя получше, впрочем, скрытно от меня. В ночь, когда я бросил тебя крабам, она попросила Хастингса вытащить тебя, так что я не могу понять, как она относится к тебе на самом деле.

— Она была христианкой?

— Говорила, что да — из тех кого называют несторианцами. Я нашел ее в Кордове, где она навела меня на богатство иудейского принца. Оно было сказочно велико. Если бы не она, я бы никогда не добыл сокровище, так как арабы и иудеи стерегли его словно псы.

— Может, она любила Хастингса так сильно, что хотела дать ему возможность отомстить за его девять ран? — спросил я.

— Если так, то не знаю, почему они были подругами с матерью Хастингса. Она должна была бы питать к Эдит ненависть вместо любви. Через месяц после того, как я увез ее из Кордовы, я выгнал ее из постели ради Эдит. Эдит ненавидела меня, но родила сына. Меера любили меня сверх всякой меры, но была бесплодной.

Рагнар засмеялся, но будь его руки развязаны, он бы вряд ли стал веселиться.

— Ты не мог узнать ее секрет с помощью кнута?

— Меера странная женщина, на вид она кажется красивой, ее кожа нежная и теплая, но она не возбуждает меня. Чем больше я по-рол ее, тем сильнее она целовала мои ноги. Ее спина была в крови, он кричала, что не заслуживает такого обращения, и просила кусочек ремня на память. Я перевел немало ремней, прежде чем узнал ее секреты. А может, она солгала мне в последний раз.

— В какой «последний раз»?

— В самый последний. Не смейся, когда я говорю правду. В душе я знал, что ты будешь причиной моей смерти. Почему же я не убил тебя, когда имел возможность? Я не понимал почему, и только сейчас, когда уже слишком поздно, я знаю. Потому что я боялся тебя. Я, Рагнар, боялся своего раба. Однажды я обрек тебя на смерть в канаве с водой. Эдит с небес одобрила бы это, а я избавился бы от тебя — двух птиц одним ударом. Но Эгберт, которого Меера посоветовала мне приютить, когда король Нортумбрийский изгнал его, спас тебя. Эгберт, враг Аэлы, который ненавидит меня лютой ненавистью, —

какая между ними связь? Однажды я подумал, что разъяренный медведь разорвет тебя надвое, но он повернул ко мне, и лучше бы он убил меня тогда. Затем он бросился на Эгберта, а ты пронзил его своим копьем, и Эгберт освободил тебя.

— Почему тебе жаль, что он не убил меня?

— Эй, не надо шутить со мной. Я все еще Рагнар Лодброк, величайший убийца христиан со времен Аттилы. Когда Эгберт освободил тебя, ты гордо выпрямился, и я знал, что твоя слава затмит мою, и ты приведешь меня к гибели. Возможно, ты разберешься во всем этом, но от меня смысл скрыт. Меера предложила похитить Моргану, невесту Аэлы. Почему не невесту любого другого? Почему Аэлы, сына великого эрла и наследника его ненависти к Рагнару? Какая здесь связь? И, пытаясь отбить эту девушку у тебя, я пал твоей жертвой. Когда ты сыграл шутку с парусом, я подумал, что все же увижу твой труп. Но судьба, которая сделала меня королем викингов, подшутила надо мной. В глубине души я знал, чем это кончится — моей смертью. Я угадывал отмель впереди, но не хотел показывать, что боюсь ее. Когда ты плыл над ней, я не мог заставить себя остановиться. Меня уничтожила моя судьба, а не ты, хотя ты ее достойное оружие. И больше не смейся надо мной.

— Не буду, — успокоил я его. — Но мне бы хотелось задеть один вопрос, просто из любопытства.

— Так и быть, спрашивай.

— Хастингс намекнул, что Эдит, мать Аэлы, не сопротивлялась тебе особенно сильно и не кричала особенно громко, когда ты тащил ее в свой шатер.

— Она была женщина изнеженная, из тех, которые падают в обморок, уколов себе палец. Она дергалась всю ночь, но не для того, чтобы бежать. Она в самом деле кричала, но не для того, чтобы позвать на помощь. Наверное, она хотела лишиться меня сил, чтобы ее муж мог убить меня, но ей это не удалось.

— Теперь я понял. Если Аэла подозревает это, он ненавидит тебя так сильно, как мне и требуется.

— Когда поживешь с мое, ты поймешь, что именно поэтому его ненависть еще сильнее. Вот собственно и все.

— Как ты думаешь, что я собираюсь сделать?

— Это понятно и ребенку. Ты хочешь продать меня Аэле.

Глава восьмая ВОЛШЕБНОЕ КУПАНИЕ

В своей расточительности природа похожа на пьяного моряка. Она может наполнить ветром десятки тысяч парусов, а завтра у нее не окажется в запасе и слабого дуновения. Вечерело. Мы продолжали плыть под парусом, чтобы пройти как можно больше. Я был уверен, что ветер скоро переменится, и не мог полагаться на лунный свет, чтобы не налететь на мели и рифы.

Ночью ветер не стих. И мы рисковали, плывя в темноте, стараясь как можно дальше оказаться от флота Рагнара. Никто из его викингов не выжил, чтобы рассказать о гибели «Большого Змея». Но иногда боги делятся друг с другом новостями, и имеющий дар может услышать. Ветер стих на рассвете, оставив нас восточнее островов перед Гаверским заливом. Рагнар замечательно выспался; пока мы по очереди несли вахту, он храпел, как боров. Если веревки и причиняли ему неудобства, он был слишком горд, чтобы сказать об этом.

Берег был изрезан мысами и бухтами, в которых мы могли бы спрятаться. Вокруг не было видно никаких судов. Единственным признаком жизни были тонкие струйки дыма кое-где на берегу. Вдалеке над цепью холмов поднялось огромное черное облако, словно горел город.

Рагнар произнес несколько слов на чужом языке. Я спросил его, что это значит.

— Узнай у уэльской принцессы, — предложил он, довольный, как ребенок.

Заинтригованный, я вопросительно посмотрел на Моргану.

— *A furore Normannorum libera nos*, — ответила Моргана.

— Ты разве не знал, что я говорю по-латински, Оге? — спросил Рагнар.

— Что это значит, Моргана?

Но я уже догадался и сам. Моргана сложила руки, опустила глаза и тихо сказала:

— *От ярости норманнов спаси нас*.

Уверенный в нашей безопасности, я плыл вдоль берега, пока не увидел источник тонких струек дыма. Они поднимались от начисто сожженной половины порта. В другой, уцелевшей, половине стояли несколько зданий, которые, очевидно, принадлежали купцам.

Не видно было ни людей, ни животных. Скорее всего, люди убежали, заведя паруса викингов, а животных либо увели с собой, либо убили.

Я отослал Куолу на берег поискать цепь, чтобы заковать нашего пленника. Вскоре он вернулся с кандалами странного вида, которые, очевидно, милостиво сняли с заключенного, когда надо было спастись. Оковы эти запирались на руках и ногах хитрыми зубцами, которые намертво защелкивались при сжатии и отпирались специальным ключом. Отсутствие ключа не заботило меня, — если бы Аэла захотел снять с Рагнара цепи, это была бы его проблема. К цепи был приделан железный шар весом около шести стоунов.

— Не вижу пользы в этом, — сказала побледневшая Моргана, когда я защелкнул кандалы.

— Ты хочешь его убить? — спросил я.

— Да, потому что он заслуживает смерти. И я думаю, что милосерднее убить его одним ударом меча, вместо того, чтобы держать живым ради твоего развлечения.

— У меня и в мыслях не было так развлекаться. Если ты не возражаешь, я продам его в рабство.

— Тому, кто ненавидит его больше, чем ты?

— Он так думает, но я другого мнения.

— Я соглашусь на все, если твоя душа освободится от кровавой жажды мести.

— Тогда давай присядем на теплый песок, и я расскажу тебе, что думаю. Пускай и Берта послушает.

Я решил, что сейчас мой план еще далек от выполнения. Я боял-

ся даже внимательнее поразмыслить над ним, чтобы он не рассыпался, как домик из песка.

— Как я уже говорил, Аэла жаждет мести за поруганную честь своей матери. Ради этого он пойдет на что угодно. Единственное, чем он не сможет пожертвовать, так это своей невестой. Но если она сама пожелает, то он, возможно, освободит ее от клятвы.

Я тщательно обдумал эту фразу, и она прозвучала неплохо.

— Ты предлагаешь мне стать монеткой, которую мой жених уплатит за возможность мести? Странная роль для христианской принцессы.

— Не такая уж и странная, если вспомнить других принцесс, — храбро вмешалась Берта. — Только в прошлом году кто-то из франкских принцев обменял свою девятилетнюю дочь на небольшое графство.

— Если сделка состоится, мой возлюбленный не возьмет на душу грех убийства, — задумчиво произнесла Моргана.

— Наверное, Аэла согласится. Его жажда мести гораздо сильнее, поэтому Богу будет легче простить его. У Оге практически нет шансов на прощение — ведь он варвар, а Аэла — христианский принц, за которого молятся епископы.

— Мне не нужно прощения твоего христианского Бога, — быстро возразил я.

Берта предостерегающе взглянула на меня.

— Аэла не сможет отказаться. И не только из-за личной мести. Ради всего христианского мира он обязан предать Рагнара смерти, — сказала она.

— Но отдаст ли Аэла меня бедному воину низкого происхождения, даже если я признаюсь в любви к нему?

— Если ты сомневаешься, попроси Оге вонзить меч Рагнару в сердце, и пусть он отвезет нас в какую-нибудь далекую страну, и забудем об Аэле.

— Договор с моим женихом подписан Родри, королем Уэльса. А я его дочь.

Лицо Берты залила краска стыда, а Моргана оживилась.

— Нет, хоть происхождение моего возлюбленного сомнительно, все же он достоин принцессы, — продолжала Моргана. — Он не только совершил подвиг, избавив нас от позорного плена, но и ли-

шил язычников их главного вождя. Так какой христианский принц больше достоин руки Морганы, чем Оге Дан?

— И я не беден, если у меня в руках такое сокровище, — сказал я, прикасаясь к ней. И голос мой предательски дрогнул.

Берта наморщила лоб, словно вспоминая что-то, забытое Морганой.

— Клотильда, племянница христианского короля Бургундии, вышла замуж за языческого вождя, — хрипло сказала Берта.

— Да, она вышла за Хлодвига, короля франков, и впоследствии он принял христианскую веру. Это было триста лет назад, когда мой народ еще не знал христианства. А я забыла, что наша любовь греховна.

— А я бы вышла хоть за мавра, если бы он любил меня так, как Оге любит тебя.

— Ты думаешь, я презираю его любовь? Ты забываешься, Берта!

Берта, зарыдав, упала к ногам Морганы. Принцесса заставила ее встать и поцеловала. Мне на мгновение показалось, что это тронный зал с высокими колоннами, а не освещенный солнцем берег.

— Кто обвенчает тебя с твоим мавром? — спросила Моргана. — Боюсь, что христианский священник откажется, да и арабский мулла тоже.

— Почему боги так жестоки к людям?

— Не знаю, да и какой смысл спрашивать? Все, что я могу сказать, — то, что я останусь с Оге, если Аэла освободит меня от клятвы.

Я с восхищением смотрел на нее. Она была слишком красива, и сомнения вновь охватили меня.

— Аэла не отпустит тебя и за пару десятков Рагнарлов. В мире есть воины, похожие на него, но нет никого, кто бы мог соперничать с тобой.

— Аэла может этого не знать, Оге, — сказала Берта. — Он объездил много стран, побывал даже в Риме. А ты до недавнего времени не видел ничего, кроме усадьбы своего господина. Его глаза могут быть слишком заняты созерцанием своей короны. И все же я тоже боюсь, что он не так слеп, чтобы расстаться с Морганой.

— Правда, я мало повидал на своем веку, — ответил я, — так что пойду-ка я взгляну вон на тот большой дом, похожий на тот, который я когда-нибудь построю для моей принцессы. Китти понаблюдает за морем и, в случае чего, подаст знак. Моргана, пойдешь со мной?

Моргана взяла меня за руку, и мы прошли мимо тлеющих остатков порта. Затем перед нами предстало странное зрелище. Деревянное здание было полностью уничтожено огнем; остался только каменный пол с выложенным на нем крестом и осколки цветного стекла, которое было раньше окнами. На камнях валялись обломки статуй, а там, где раньше был вход, лежало тело темноволосой девушки в белом балахоне.

— Думаю, не нужно идти дальше, — сказал я, глядя на побледневшую Моргану.

Она судорожно уцепилась за меня.

— Миром правит черная злоба, — сказала принцесса, — но то, что язычники делают с христианами, не более жестоко, чем войны христианских владык между собой. Давай оставим все это и отправимся искать Авалон.

— Мы могли бы начать поиски прямо сейчас, если бы ты забыла о своей клятве. Но ведь ты говоришь, что только Аэла может освободить тебя от нее.

Мои мысли в сотый раз побежали по этому заколдованному кругу. Усилием воли я выбросил их из головы и подобрал тлеющую головешку.

— Что ты хочешь делать?

— Если в доме холодно, мы разведем огонь.

— Это красивый дом.

Я ни разу не видел что-либо подобное. Стены дома были из оtesанного камня, а крыша из черепицы. Каменные львы стояли перед входом, дубовые двери были обиты железом, а в каждом окне было стекло. Сквозь окна проникало достаточно света, так что в доме не было сырости, и мы не стали разводить огонь в громадном очаге, чем-то похожем на очаг в зале Эгберта, только гораздо больше и изящнее.

Все же я принес головешку на кухню и развел огонь под большим котлом с водой. На кухне был большой запас дров, и я надеялся быстро согреть воду.

— В Уэльсе есть обычай: купать девушек в теплой воде перед тем, как выдавать замуж, а также благородных молодых людей перед произнесением клятвы верности королю, — сказала мне Моргану.

— Я этого не знал. Но я расскажу тебе про Фрейю, нашу богиню

земли. Она живет в образе прекрасной девушки, выбранной среди свободнорожденных, и для нее строят башню на острове вроде Скаефа. Летом она посещает разные поселения и благословляет урожай. Когда она возвращается, ее рабы удовлетворяют свою страсть с ней, затем купают ее. После этого их убивают, но она так прекрасна, что они умирают счастливыми.

— Куда они отправляются после смерти?

— Не в Вальгаллу, потому что они не воины. А так как они дарили ласки богине, то вряд ли их тела будут пожраны чудовищами на берегу мертвых. Я слышал о других местах, куда они могут попасть, одно из них — это чудесный остров, на котором вечное лето. Может быть, это Авалон, только он по-другому называется.

— Я думала, что только живые могут найти Авалон, но я могла ошибаться.

Держась за руки, мы с Морганой осматривали дом. Я воображал, что он принадлежит мне, великому барону и моей благородной жене Моргане, и слуги готовят пир на кухне. Кроме огромного зала в доме было много других комнат, включая кладовую. Обеденный стол был из красивого полированного дерева в форме подковы; у изящных стульев были позолочены спинки, мебель украшали резные изображения людей и животных, а посуда была из итальянского фарфора. Больше всего меня удивили кровати, с подушками из гусиного пуха и парчовыми покрывалами, каждая за своей ширмой. Одна из них была похожа на трон, и мы еле удержались от того, чтобы не опробовать ее.

— Ты сказал, что построишь такой дом для меня, — напомнила Моргана, когда мы осмотрели его весь.

— Конечно, построю, когда добуду достаточно золота, — я запнулся, потому что не знал, как добывать золото, кроме грабежей христианских побережий.

— В странах, которые пощадила война, есть дома еще красивее. Когда римские воины были в Британии, они построили много таких домов. Наверное, это дом какого-нибудь принца, или богатого купца, который заплатил викингам выкуп, чтобы они не тронули его стены.

— Такое случается, викинги обычно держат слово.

— Доверять волкам в лесу! — воскликнула Моргана, сплунув в

огонь. — Да, им можно заплатить, чтобы они не жгли, не убивали, не грабили. Чем провинились христиане? Почему мы должны вымаливать свою жизнь и свой хлеб у беловолосого убийцы? Погляди, они сорвали крест с груди Божьей Матери, унесли подсвечники, даже солонку со стола. И все равно хозяин дома дешево отделался, но я бы на его месте лучше погибла, сражаясь перед своей дверью.

Я опустил голову, но не потому, что мне было стыдно за своих сородичей, а потому что споткнулся обо что-то. Когда она согласилась пойти со мной сюда, я надеялся на чудо. Затем меня осенила странная мысль: надо возражать, даже если это разозлит ее еще больше.

— Раз уж он так легко отделался, нам тоже следует взять выкуп.

— Я не собираюсь заниматься такой ерундой, — она запнулась, пристально взглянув на меня, и румянец на ее лице несколько поблек. — Что ты имеешь в виду, Оге?

— Мы можем попользоваться одной из тех замечательных кроватей, — у меня захватило дух, и комната поплыла перед глазами.

После долгой паузы она произнесла:

— Ты хочешь сказать, словно муж и жена? — но ее голос не был так тверд, как она хотела.

— Да, и, причем, в первую брачную ночь.

— Ты хорошо знаешь, что мы не можем обвенчаться по христианскому обычаю и наше ложе будет ложем греха, а дети будут прокляты.

— Разве мы не можем сделать это, как и все люди до прихода священников?

— Наверное, сможем, если Аэла освободит меня от клятвы.

— Как бы его заставить?

— Если бы меня соблазнил христианский барон, вряд ли бы Аэла сделал меня своей королевой, хотя он мог бы оставить меня наложницей. Но если я добровольно отдамся грубому варвару, он скорее зальет ему в глотку расплавленный свинец, чем позволит поцеловать меня еще раз.

— А ты говорила, что он благочестивый христианский принц.

Она сердито взглянула на меня, чтобы понять, шучу ли я.

— Он скорее отрежет себе руку, чем возьмет меня в жены.

— Разве он не может жениться на тебе и сохранить престол?

— Нет, епископы потребуют низложить его. Я не говорила тебе раньше — по договору, подписанному моим отцом и посланником

Аэлы, у него есть право отвергнуть меня, если я ему не понравлюсь, или если я не буду девственна.

— Это замечательно.

— Таковы все христианские браки. Но что будет после этого? На Авалоне покоят птицы, нет снега, и там все водится в изобилии. Покинув двор Аэлы, мы доберемся туда в твоей маленькой лодке?

— Клянусь своей душой, я верю, что старые кельтские боги укажут тебе дорогу туда, и позволят мне сопровождать тебя.

— Это будет опасное путешествие, но мы не испугаемся. Путь, который мы уже прошли, тоже был не для трусов.

— Это правда.

— Если у меня родится ребенок, ты не запретишь крестить его?

— Клянусь в этом на своем мече.

— Оге, есть ли какой-нибудь обряд, который мы можем совершить, в доказательство того, что это не похоть, а чистая любовь?

— Я знаю такой, и вода для него уже греется.

— Оге, мы не сможем смыть наш грех. Мы ведь будем продолжать грешить.

— Я думал об этом. Мы смоем твоё христианское крещение, и ты станешь такой, как сразу после рождения. Тогда грех будет не так велик.

— Это звучит убедительно. А я искупаю тебя, чтобы смыть как можно больше твоего язычества, хотя это вряд ли получится.

После непродолжительных поисков Моргана обнаружила ковш и кусок странного вещества, гладкого и приятного на ощупь.

— Ты знаешь, что это? — спросила Моргана.

— Нет.

— Такие вещи делают в Италии. Знатные дамы трут этим свою кожу, чтобы она была более чистой.

Я снял с огня большой котел, и вылил часть его содержимого в чан поменьше, чтобы иметь под рукой горячую воду. Затем я долил большой котел холодной водой, чтобы она стала лишь теплой, как бычья кровь.

Моя кровь была гораздо горячее, а в крови Морганы можно было смело плавить железо, если судить по блеску глаз и яркому румянцу.

— Мы уместимся в котле вдвоем?

— Да.

— Ты уверен, что никто не войдет?

Я подошел к окну и посмотрел сквозь стекло.

— Море пустынно, а Китти не спит.

— Мой возлюбленный снимет свою одежду?

Пока Моргана раздевалась, она не отводила своих глаз от моих, словно сковав нас цепью. Я не мог поверить в реальность происходящего.

— Я готова, если готов ты, — сказала она.

Я был еще не в силах оторвать от нее взгляд.

— Можно посмотреть на тебя?

— Да, а я буду смотреть на тебя.

Я потерял дар речи, и она спросила:

— Тебе не нравится то, что ты видишь?

— Прости мой неуклюжий язык, но ты прекраснее валькирии, и я недостойн чести быть твоим возлюбленным.

— У тебя сильное и красивое тело, — сказала она, тяжело дыша, — и если ты видишь недостатки в моем, то скажи, чтобы я не очень зазнавалась.

— Твой единственный недостаток в том, что даже король не устоит против твоей красоты.

— Твоя кожа такая же белая, как у меня, там, где ее не обожгло солнце. Скажи, Оге, у меня не слишком длинные ноги?

— Мне нравится, что они сужаются книзу, как шея лани сужается кверху.

— Твои ноги длинные и мускулистые, талия узкая, а плечи широкие и словно вырезаны из дуба. Боюсь, что моя талия слишком тонкая.

— Так кажется, потому что твое собственное тело обнимает ее слишком крепко. Я думаю, твое тело обожает каждый свой дюйм.

— Я бы хотела, чтобы и твое тело любило каждый дюйм моего. Твоя шея словно бронзовая колонна, а моя...

— А твоя похожа на белого голубя. А плечи блестят, как шелк.

— Они будут блестеть еще больше в воде. Полезли в котел, если нам обоим хватит места.

— Места хватит.

— Давай теперь попробуем эту итальянскую штучку... но она почему-то плохо трет.

— Наверное, ее надо сначала намочить.

Моргана окунула брусок в воду и потерла мою грудь. Она сразу покрылась нежной и приятной белой пеной.

— Знатные дамы Италии... — у Морганы перехватило дыхание, и она не могла продолжать мысль.

— Можно разломить этот кусок пополам?

— Наверное, да.

— Я начну с твоей шеи. Я вымою ее очень быстро.

— А я буду мыть твою грудь. Правда, она такая широкая, что быстро мне не управиться.

— Твоя шея уже чистая.

— Мне нравится прикасаться к твоему животу.

— А у тебя здесь тоже очень нежная кожа.

— Это потому, что ее смягчило мыло. Но я обогнала тебя, и тебе придется поторопиться. Ты повернешься, чтобы я могла вымыть тебе спину?

— А у тебя не получится это, если ты обнимешь меня?

— Я попробую.

— Я тоже сделаю так, — сказал я мгновением позже.

— Мы не должны ничего пропустить, — едва дыша, сказала она.

— Я не спорю.

— Надо сделать это как следует. Не бойся, я не стану мешать тебе.

— Может, Фрейя позволит своему рабу поцеловать ее в губы? — мечтательно спросил я.

— Если нет, она умрет от страсти.

В жилах моих и Морганы текла горячая кровь, и мы не сдерживали себя. Мы позволили любви утолять давно мучивший ее голод, и одновременно с телами начали сливаться наши души. Если бы мы не наслаждались и не гордились друг другом, и не выражали свою любовь с той страстью, которая горела в нас, это было бы нечестно по отношению к нашим сердцам.

Когда мы вновь обрели дыхание, мы облились из второго котла.

— Теперь твое тело белее серебра.

— А твое — как снег. Я люблюсь тобой. Твои волосы блестят, как золото.

— Я сам удивляюсь. Хотя я часто плаваю летом и раз в год обязательно докрасна натираю кожу песком и смываю его водой, я не знал, что могу быть таким белым.

— Только один раз! — засмеялась Моргана. — Христианских принцесс купают целых четыре раза в год.

Чтобы позабавить ее, я рассказал ей о Скади, одной из великанш. Боги убили ее отца, и в качестве возмещения предложили взять в мужа любого из них, но она должна была выбирать, видя только их голые ноги. Одна пара была такой белой, что она решила их выбрать. Она считала, что они принадлежат прекрасному Бальдру. Но когда открыли его лицо, это оказался старик Ньёрд, бог моря.

— Он жил все время в море, поэтому всегда был чистым, — объяснил я.

— Я бы выбрала тебя, а не Бальдра, — сказала она, краснея, — теперь давай вытрем друг друга. Но я что-то не вижу полотенец, так что придется взять вон ту бархатную штору.

— А из тебя вышел бы неплохой викинг, Моргана!

— Твоей северной натуры хватит на двоих. И давай, пошевеливайся, а то придется задержаться тут еще.

Изо всех сил сопротивляясь искушению, я отнес ее на огромный стол. Я заметил страх в ее глазах, но он вскоре прошел, когда она почувствовала всю мою нежность и заботу. Я понял, что Аэла не получит свое сокровище.

Она вздрогнула от боли, которая вскоре прошла, и мы унеслись в заоблачные выси.

Моргана, обнаженная, лежала на моей руке. Мы с трудом верили, что чудо действительно произошло. Она, Моргана Уэльская, и я, Оге Кречет, бывший раб?

— Ты можешь звать себя так, в честь Стрелы Одина, но я буду называть тебя Оге Дан, — сказала она.

— С мире десятки тысяч данов.

— Для меня ты Оге Дан. Все, кого ты встретишь с этого дня, и все, кто услышит песни о тебе от скальдов и менестрелей, будут знать тебя под этим именем. Они услышат, как ты любил Моргану, как она вручила тебе непобедимый меч и как, после множества битв, вы обрели покой на Авалоне.

Глава девятая ВЕЛИКИЙ ВИКИНГ

Как-то раз, когда я вместе с Морганой и Бертой изучал карту, Кулик подошел к нам и забрал ее.

Он указал на острова Танцующих Камней, где мы находились, затем сделал ямку в песке рукояткой своего ножа. Потом он ткнул пальцем в пролив, отделяющий Британию от материка и сделал новую ямку в десяти футах к юго-западу от первой. Затем ножом нарисовал стрелки между ними, как на карте.

Я кивнул, и он показал мне пальцы обеих рук четыре раза. Примерно столько стрелок было нарисовано на карте, обозначая расстояние примерно в четыре сотни миль.

Затем Кулик сделал ямку примерно в футах к западу от той, которая обозначала пролив. Две стрелки показывали расстояние в двадцать миль. В том, что новая ямка изображала ближайшую точку на побережье Англии, я не сомневался.

— А как он узнал, что мы хотим плыть в Англию? — спросил я Китти.

— Иногда он наблюдает за нашими разговорами, и, прочитав по губам несколько слов, мог о многом догадаться.

Кулик поднял вверх палец, чтобы привлечь мое внимание и начертил извилистую линию, загибающуюся на север, примерно в пять футов длиной.

— Залив Хамбер, — раздельно сказала Берта.

Кулик кивнул, а мы с интересом смотрели на него. Однако он до сих пор не сообщил ничего нового. Вдоль побережья нам пришлось бы двигаться около шести сотен миль.

Он жестом попросил нас смотреть внимательно и одним движе-

нием ножа прочертил линию от нашего теперешнего места положения прямо на запад, к нашей цели.

— Он хочет, чтобы мы пересекли Северное море, — удивилась Берта.

Я начертил маленькую стрелку над этой линией, затем посмотрел на Кулика. Он трижды показал десять пальцев и один раз пять, указывая расстояние в триста пятьдесят миль. Затем повернулся к нам спиной и пошел к лодке.

— Такое путешествие было бы намного короче? — спросила Моргана.

— Естественно, при хорошем ветре мы можем проделать его за три дня.

— А долго мы будем плыть длинным путем?

— Вдоль побережья, прячась за мысами, двигаясь только при попутном ветре, мы доберемся дней за двадцать.

— Кто-нибудь когда-нибудь переплывал Северное море?

— Викинги говорят, что три корабля рискнули переплыть его, больше их не видели.

— Как ты думаешь, что с ними случилось?

— Они могли попасть в водоворот и провалиться прямо в Хель. Говорят, там бывают такие бури, что могут поднять корабль в воздух, а волны так высоки, что им ничего не стоит забросить его на вершину утеса. А еще там такой туман, что не видно солнца, и попавшие в него могут скитаться, пока не умрут от жажды и голода.

Никто не сказал ни слова, когда я смолк. Наконец, Моргана повернулась ко мне:

— Я не знаю, какие опасности нам встретятся там, но я знаю, *что* нам там не встретиться точно — флот Рагнара. Давай поплывем туда.

— Это игра со смертью, — ответил я.

— Мы уже играли с ней и вроде как выиграли. Если все получится, будем считать это знаком того, что доберемся до Авалона. Если же потонем, значит нам и не суждено попасть туда. Я буду молиться своим святым, а ты можешь воззвать к Одину.

— Кому будешь молиться ты, Китти? — спросил я желтокожую женщину на ее птичьем языке.

— Я буду молиться своим внутренностям, чтобы они держались крепче. Мне будет страшно.

— Мы скоро сможем отплыть?

— Погляди на облака, понюхай ветер и решай.

— Поднимается восточный ветер. Наполняйте бурдюк водой и поищите в домах уголь и еду.

Китти позвала Куолу, и даже Кулик, видя суматоху, присоединился к ним. Крестики на шее не остановили Берту с Морганой. Они вошли в богатый дом и забрали богатую одежду для себя и меня. Моргана заявила, что это послужит интересам владельца — ведь мы враги викингов. Я проверял снаряжение.

— Куда теперь? — потягиваясь, спросил Рагнар. Он только что пробудился от долгого сна на солнышке.

— Скоро узнаешь.

Он внимательно всмотрелся вдаль, и на лице его появилось озадаченное выражение.

— Я надеялся, что мой флот уже подошел, но, вижу, ничего не изменилось, кроме ветра.

— Потерпи Рагнар, — ответил я, проверяя узлы, — и ты увидишь больше.

— Разве ты не понимаешь, глупец, что это прекрасное убежище? Их корабли обязательно войдут сюда.

— Так ты стал командовать флотом, потому что хорошо находил укрытия?

— Говорю тебе, если поплывешь между островов, то налетишь на мель, а если захочешь обогнуть их, то тебя унесет в море. Впрочем, меня устроит и то, и другое.

Я не ответил, а он притворился, будто не обращает внимания на солидный запас еды и питья. Мои спутники принесли какой-то ящик, в который у меня не было времени заглянуть. Мы вышли из бухты. Теперь ветер дул с такой силой, что нам пришлось приналечь на весла, чтобы не налететь на подветренный остров. Наконец перед нами оказалось открытое море.

— Втащите весла и ставьте парус, — закричал я.

И не смог удержаться — взглянул на Рагнара, чтобы увидеть выражение его лица. Недоуменный взгляд хевдинга стал озабоченным.

— Ты новичок в хождении под парусом, но желтокожая ведьма не позволит тебе плыть вдоль побережья при таком ветре.

— Конечно нет, — ответил я, — мы плывем на север.

Он помолчал немного и зазвенел цепью, словно Локи, прикованный к скале.

— Клянусь Одином, мне не так стыдно, как было, — крикнул он.

— Я не слышу тебя, парус полощется слишком сильно.

— Такова моя судьба — быть свергнутым тобой. Моя душа знала это все время, и все это время я проклинал богов. Но ты вырастал на моих глазах. Сперва ты натравил сокола на Хастингса. Ты вызывал к Одину из ямы с водой. Ты убил большого медведя и стал свободным. Я не обращал на все это внимания и дал тебе шанс сбежать с пленницей Хастингса, но я должен был разгадать твою хитрость у отмени, и мне стало стыдно, что меня так обманывает хитрый раб. — Он кричал во все горло, так что я хорошо его слышал.

— Если ты расскажешь, почему изменил свое мнение, я буду рад.

— Ты решился переплыть Северное море, где я, Рагнар Лодброк, ни разу не распускал свой парус.

— Это слушать приятнее, чем твой смех, когда ты всадил в меня гарпун.

— Ты был крепким парнем, и я не раз подумывал освободить тебя, но что-то в твоём лице отталкивало меня.

— Ты жалеешь, что не освободил меня?

— Жалеть, что я не спорил со своей судьбой? Так ты разговариваешь с могучим Рагнаром, скованным, словно собака?

— Я не это имел в виду. Мой язык подвел меня.

— Знаю. Ты викинг, Оге, и мы оба понимаем, что значит любить свои судьбы, какими бы они ни были, до последнего вздоха. А значит это, что мы до конца будем ненавидеть друг друга.

Когда берег превратился в узкую полосу, ни Рагнар, ни я больше не оглядывались назад.

Мне очень хотелось обернуться, думаю, что и Рагнару тоже. Но мы не показывали вида. Моргана и Берта не смотрели назад, потому что их родина была впереди, Кулик — потому что его домом была лодка, но Куола и Китти не отводили глаз от берега, пока он не исчез из виду.

Мне не было стыдно за них, я даже завидовал им.

Когда начало темнеть, я перенес постель Берты на новое место,

чтобы мне можно было быть с Морганой. Берта плакала, твердя, что прыгнет в море и оборвет свою никому не нужную жизнь. На ее лице было такое горе, что я бы уступил ее мольбам, если бы Моргана не покачала головой.

Я пожалел, что у нее нет возлюбленного. Но потом подумал: а почему бы не Куола? Правда, от него сильно пахло тюленьим жиром, но к этому можно привыкнуть. Она не была обручена с ним, она даже не любила его, но если бы они оба были лапландцами, оказавшимися только вдвоем в зимней хижине, то одиночество, страх и холод перевесили бы все возражения. К тому же Куола был молод, здоров и крепок. Китти говорила, что он замечательный охотник. Берта была красивой саксонской девушкой в расцвете лет. Вся разница заключалась в том, что он был желтокожим и черноглазым, а она с белой кожей и голубыми глазами.

Тем временем Моргана утешала свою загрустившую подругу:

— Мы, конечно, можем погибнуть, но, скорее всего, останемся жить. Будем ли мы с Оге вместе или расстанемся, ты все равно будешь со мной.

Море катило длинные валы, и они плавно поднимали и опускали лодку. Темнело очень быстро, и с каждой минутой сжималось обозримое пространство. Если ночь застигала меня в лесу, я мог найти убежище на огромных деревьях; мне была понятна жажда крови волков, жизнь звенела в крике ночной птицы и в беготне зверей. Здесь же нас было семеро людей, отрезанных от остального мира. Я не чувствовал родства с холодными рыбами, спящими под лодкой, с акулами, чьи плавники резали волны неподалеку, и с ужасными чудовищами морских глубин.

Не было слышно ни звука, кроме монотонного рокота волн. В бескрайнем море мы были всего лишь щепкой с крошечным парусом. Я подтянул его покрепче.

Рагнар следил за мной удивленными глазами. Наверное, он, как и я, понял, что залог нашей безопасности был в том, что «Игрушка Одина» подчинялась волнам, а не бросала им вызов, как драккары. Пока ветер дул в сторону Англии, надо было этим пользоваться. Если он прекратится, мы будем идти на веслах. Если ветер будет мешать нам, мы бросим морской якорь, и нас будет сносить не так быстро. Нас мог утопить шторм, мы могли разбиться о скалы. Нас

могло отнести в Ледовое море или за край света. Но мы знали об этом, когда отправились. Не эти опасности пугали меня и заставляли сжиматься сердце, — это был ужас перед тьмой среди мертвых вод, вдали от людей, и полная неизвестность.

Кулик стоял у рулевого весла. Я подумал, что это правильно — ведь мы плыли в слепую ночь, а он был глух и нем. Потом его сменил Китти; когда она устанет, то разбудит Куолу, спавшего поблизости. Луна проглядывала сквозь рваные облака. Звезды то мерцали, то исчезали. Остальные будут спать и верить в то, что солнце взойдет, как всегда. Что еще оставалось делать?

У нас с Морганой было достаточно шкур, чтобы укрыться от резкого ветра, и мы были страстными любовниками. Лежа в объятиях друг друга, мы чувствовали незримое присутствие великих богов. Эти боги не прощали человеку гордо поднятой головы и бесстрашного сердца: он должен был трепетать перед ними, дрожать от страхов ночи, и никогда он не мог быть настолько счастлив, чтобы забыть об их существовании. Мурашки поползли у меня по спине, но радостное биение сердца быстро отвлекло от мрачных мыслей. Сердце Морганы часто и сильно билось рядом со мной.

Мы выбросили из головы непроницаемую ночь и безбрежный океан, и то, что даже слабейший из богов мог утопить нас одним мизинцем. Мы были просто любовниками, и никакая ведьма или вельва не могли бы наложить на нас более сильных чар. Наши души и тела были полны волшебного пламени, словно зимнее северное небо.

Проходили часы, но ничего не менялось. Если ветер дул в том же направлении, то мы все еще плыли на запад. Если же он переменялся, то только боги знали, куда нас могло отнести. Не могу сказать, что меня это заботило больше, чем безмятежный сон возлюбленной, лежавшей в моих объятиях. Я только хотел бы, чтобы облака не были столь густыми и не скрывали утреннее солнце.

За Лапландией, под Полярной звездой, среди зимних снегов, солнце иногда не всходит совсем. Китти своими глазами видела это, когда голод заставил ее племя преследовать стадо диких оленей, кочующих на север. Люди стали поговаривать о кровавом жертвоприношении, но никто не хотел предложить себя; и, в отличие от данов, они не могли решиться перерезать горло кому-нибудь из соплемен-

ников против его воли. Их шаман заявил, что они все умрут. Они, конечно, поверили ему. Но однажды солнце показало золотистое плечо из-за пустыни снегов. С тех пор оно появлялось постоянно, оставаясь на небосклоне все дольше, и они решили, что оно отсутствовало по какому-то неотложному делу.

Я не поделился своими мыслями с Китти, потому что был скорее взволнован, чем встревожен. Держа весло, я внимательно всматривался в море, туда, где, как я думал, был восток. Время шло, но ничто не указывало на близкий рассвет. Я почти решился разбудить Китти, когда край неба посерел. Небо светлело все быстрее и быстрее, и я вздохнул с облегчением. Боги знали, что я не хотел потеряться в бесконечной ночи, и меня, как видно, рано было лишать жизни.

Я был даже несколько разочарован этим рассветом в открытом море — он ничем не отличался от любого другого. Тот же туманный свет, такое же медленное проявление очертаний восточных холмов, только теперь вместо холмов были облака. Я осмотрелся вокруг — ни признака земли. Только восходящее солнце, свистящий ветер, мчащиеся по небу облака да без усталости катящиеся волны. И в этом разгуле стихий наш крошечный деревянный конь, разрезая пену, нес своих семерых всадников.

— В таком море мы бы нашли Авалон, — сказал я подошедшей Моргане.

— Думаю, то море будет побольше.

Вскоре небо расчистилось, и ветер сник еще до полудня. Мы взяли за весла. Солнце пыталось догнать нас, а мы — нашу тень, и к вечеру она уже тащилась позади нас.

Темнота наступила быстро. Никогда я не видел такой ясной ночи. Звезды сияли, словно алмазы, и их невозможно было сосчитать. Но затем облака закрыли и луну, и тысячи небесных огоньков. Поднялся ветер, и мы уже не могли понять, в каком направлении нас несет. Мы ничего не могли сделать, поэтому бросили якорь и заснули до утра.

Небо посветлело, и мы, словно совы, завертели головами, высматривая солнце. Пелена облаков была так густа, что лодка не отбрасывала даже слабой тени. Не помог и мой испытанный способ:

лезвие ножа обычно всегда затеняло ноготь большого пальца, но не сегодня. Ветер мог быть попутным, а мог быть и встречным, так что мы не поднимали якорь.

Прошло много времени.

Наконец Кулик достал крошечную железную рыбку, с которой как-то забавлялся в тумане в день, когда мы перехитрили Хастингса. Он вновь держал ее на веревке, но я уже не был уверен, что это оберег, потому что Кулик не давал ей раскачиваться и следил за ней очень внимательно.

— Наверное, эта штука предсказывает добро или зло тому, на кого показывает, — предположила Берта.

Мне было очень любопытно. Указав на рыбку и вопросительно подняв брови, я дал ему понять, что озадачен. Кулик ножом отрезал кусок шкуры, надрезал себе палец и очень аккуратно нанес несколько капель крови на внутреннюю сторону. Я удивился еще больше. Одной рукой он делал вид, что правит, а другую приложил козырьком ко лбу, словно пытаясь рассмотреть что-то вдаль. Затем, переведя взгляд на обрывок шкуры со сделанным кровью странным рисунком, он изобразил радость. Тут я понял, что он показывал заблудившегося кормщика, а картинка на шкуре изображала созвездие Большой Медведицы.

Я заинтересованно глядел на него. Тем временем он выдавил еще каплю крови, и бережно поместил ее на линии с двумя звездами, которые мы называем Стрелкой. И я догадался, что это — Полярная Звезда, путеводная для всех моряков.

Затем Кулик спрятал свой рисунок и принялся изображать отчаяние от безуспешных поисков. Потом он извлек свою рыбку и повернул головой туда, где был спрятан чертеж и торжествующе извлек его оттуда. Этим он хотел сказать, что рыбка указывает на Полярную Звезду.

После этого он грустно посмотрел на рыбку, сердито потряс ее и убрал, а затем вновь сел на свое место со своим обычным безразличным видом.

— Похоже, это волшебная вещь, только она сломана, — сказала Моргана.

Я повернулся к ней с изумленным видом. То, что казалось бессмысленным, вдруг стало ясным.

— Когда не видно Полярной Звезды, рыбка может указать на нее, — ответил я.

— Хотел бы я иметь такую, — заметил Рагнар по-датски, — я мог бы напасть на Англию коротким путем. Если бы вёльва продала мне попутный ветер, я бы добрался до залива Хамбер за пару недель. Тогда я мог бы взять больше воинов и меньше припасов. Я успел бы выгрести богатства из всей страны до осенних штормов. Я мог бы преследовать англичан, а не позволял бы им убегать. Как думаешь, Оге, хорошая колдунья смогла бы его починить?

— Это христианская вещь, и нужны христианские чары.

— Среди нас есть христиане, только сомневаюсь, что калека отдаст рыбку добровольно. Но я могу размножить ему голову цепью.

— Вряд ли стоит так начинать дело.

— А ты скажешь христианам, что это случайность. И не говори, что собираешься привести викингов к христианским берегам. Может, пара их молитв на латыни сделают свое дело. Если Моргана станет что-то подозревать, подожди, пока она не ослабеет в твоих объятиях, и тогда возьми с нее обещание помочь. Если она похожа на других христианок, то пообещает все золото на земле.

— Ты сравниваешь ее с Энит?

— С Энит все было не так. Я имел в виду Мееру и сокровища иудейского принца.

— Насколько мне известно, такие молитвы восходят к христианскому Богу, а он разгадает нашу хитрость и отвергнет просьбу.

— Об этом я не подумал, — загрустил Рагнар.

— Я уговорю ее, хоть это будет непросто. Но получится ли что-нибудь здесь, в этом пустынном море?

Рагнар не хотел, чтобы я видел пот, выступивший у него на лбу.

— А ты как думаешь, Оге?

— Если я зову к Одину, вдалеке от его Священной Рощи, я буду чувствовать себя дураком. Может, он и услышит меня со своего трона в Асгарде, но вряд ли он станет тратить время на нас, а находиться в двух местах одновременно он не может. Я слыхал, твои ярлы рассказывали, что он никогда не посещает христианские берега. Но Моргана говорит, что ее Бог всегда рядом с ней, где бы она ни находилась.

Рагнар задумчиво кивнул.

— Она говорит, что если бы они с Бертой находились в разных

странах, их Бог был бы с каждой из них. Они говорили также, что он с каждым христианином все время.

— Не знаю, верить этому или нет. Мне известно лишь, что он не спасает христиан от моего меча, а их золото от моих сундуков. Ставь-ка парус, Оге, и помчимся вперед. Я лучше угожу в водоворот, чем буду лежать здесь, словно больная акула.

На этот раз лезвие ножа уронило тень на ноготь моего пальца. Если солнце, как и мы, не заблудилось в этой серой пустыне, то ветер дул с северо-востока и был почти попутным. Мы вновь позволили веслам отдохнуть, и наш пузатый скакун помчался вперед. Когда в конце дня сквозь просвет в облаках выглянул светлый диск, мы были рады ему, и я осмелился продолжать путь до тех пор, пока черная ночь не поглотила остатки света.

Наше путешествие то ускорялось, то замедлялось. Иногда мы даже теряли пройденные мили.

Так продолжалось семь дней. На восьмой у нас кончилась вода, и мы вскоре бы погибли от жажды, если бы не сильный ливень, обрушившийся с небес. Я рассчитывал, что на девятый день мы увидим берег, ведь и путешествие в Хель занимает девять дней, и каждый девятый год — это год жертвоприношений, когда великие Ярлы жертвует по девять птиц и животных и девять рабов, — вместо этого мы попали в штиль.

На десятый день, когда мы сожгли весь уголь, а из еды остался только кусок вяленой оленины, мы увидели стаю плывущих тюленей, а затем полоску берега незнакомого острова. Кулик издал дикий крик, и, уступив его безумной жестикуляции, я позволил ему встать у руля. Мы повернули южнее. Подплыв к берегу поближе, мы заметили какие-то постройки из красного камня.

— Ты знаешь, что это? — спросил я глядящую во все глаза Моргану.

— Похоже, это Линдисфарне. Здесь покоится прах святого Кутберта.

— Линдисфарне? — оживился Рагнар. — Это мне знакомо. Мой дедушка лично сжег здешнее аббатство и перерезал священников лет этак шестьдесят назад. Но, видать, они вновь отстроились. Теперь

это наверняка святое место, которое для христианского Бога — что перстень на пальце. Эх, чего бы я не дал за свой драккар и хотя бы денек свободы!

— Сильна твоя ненависть, Рагнар!

Он посмотрел на меня, во взгляде его сквозило удивление:

— Где-то я слышал эти слова.

— От Эгберта, когда ты грозил мне смертью от Красного Орла.

— Да, и я ответил, что твой вид выводит меня из себя, а мысли путаются в узел, словно змеи в клубок. И так же я не выношу Бога христиан. Беда в том, что вы вдвоем одолели меня.

— А ну, полегче, Рагнар, а то я вырву твои глаза. Я не имею ничего общего с христианским богом.

— Я не боюсь, и не откажусь от своих слов. Он тебя использует, как слепое орудие против меня. Если бы все происходящее было записано рунами в моей судьбе, а не его прихотью!

В пути на юг, к заливу Хамбер, нас радовала малочисленность кораблей: за все время мы повстречались лишь с парой крутобоких фризских купеческих кораблей. Они были скорее волами, а не скакунами морских пастбищ. Остальные встреченные нами лодки вообще нельзя было назвать морскими судами. Мы могли бы описывать крути вокруг самой быстрой из них. Приятно было сознавать, что никто не сможет ни догнать нас, ни подстеречь неожиданно. Хоть дома и многие другие вещи христиан были лучше наших, по части лодок они не могли с нами спорить, и я гордился этим.

В ящике, который девушки притащили из богатого дома, оказалась не только роскошная одежда, но и сорок серебряных монет, незамеченных викингами. Здесь на такую монету, конечно, не купить овцу, как у нас на севере, но можно было приобрести пару кур или корзину рыбы. Хоть мы и обрядились в английскую одежду, местные жители смотрели на нас с недоверием. Их рыбацкие лодки старались скрыться от нас, и их так удивляло, что мы предлагаем им серебро, а не пытаемся убить, что порой они давали нам еще в придачу хлеб и овощи. Однажды нам вручили даже флягу пива. На всех было слишком мало, и я отдал ее Рагнару за то, что он не отнял у меня Стрелу Одина.

Наконец мы вошли в реку Уз. Мы не стали плыть до самого Йорка, а остановились у Селби, чтобы обезопасить себя в случае чего. Берта собралась отправиться к королю, и я договорился с двумя рыбаками, чтобы ее отвезли.

Я пообещал, что если они вздумают обмануть меня, то я поджарю их родителей над костром. Тем не менее, я все равно опасался за честь Берты.

Они отплыли с началом прилива, и к концу отлива вернулись. Рядом с Бертой сидел красивый человек в белой сутане, с позолоченным крестом на серебряной цепочке. Он представился как Годвин из братства святого Бенедикта и советник короля Аэлы.

— Ты читаешь по-латыни? — спросил он, протягивая мне свиток.

— Пусть этим занимаются монахи, — ответил я.

— Что ж, тогда я прочту его тебе.

— Откуда мне знать, что ты не обманешь?

— Он священник, и не станет лгать, Оге, — сказала Моргана мягко, и я не смог удержать выступивший румянец.

— Письмо для Оге Дана, ярла Хорика, конунга данов, — начал Годвин. — *Ты можешь бывать или жить в любом месте моих владений, не подвергаясь опасностям, со своим пленником Рагнаром Лодброкком, спасенной тобой Морганой Узльской и другими спутниками. Ты можешь мирно уехать с ними, или обменять их на что-либо по твоему выбору. Тебе не будут чиниться никакие препятствия и притеснения, в чем я приношу клятву. Король Аэла.*

Итак, мы отправились вверх по реке, и брат Годвин указывал путь. Он с обеими девушками чинно сидел на носу, Рагнар растянулся на дне лодки, а мы с лапландцами и Куликом управлялись со снастью и веслами. Я почти не смотрел на незнакомую страну, чтобы не показать себя невежественным пахарем в глазах Годвина, а когда мы добрались до Йорка, по моему равнодушному виду он вполне мог заключить, что я бывал и в больших городах.

Брат Годвин привез нас на королевский причал, отделенный стенами от остального города. Он уверил, что «Игрушка Одина» будет здесь в безопасности. Все же Куола вызвался остаться на всякий слу-

чай. Кроме двух королевских слуг лишь два воина сопровождали нас ко дворцу.

Китти жалась ко мне, Берта шагала с гордо поднятой головой, а Кулик — со своим обычным задумчивым видом.

Мы прошли по многочисленным сумрачным залам в палату с высоким потолком, украшенную гобеленами, и с возвышением у одной из стен. В креслах с высокими спинками сидели молодой человек и женщина средних лет, возле них на мраморном полу стояли роскошно одетые мужчины и женщины — человек шесть. Подальше от возвышения находилось еще несколько человек, но в целом огромный зал выглядел пустым и холодным.

Кресло молодого человека было украшено золотом и драгоценными камнями, а кресло женщины — серебром. На голове у нее был серебряный обруч с разноцветными камнями, а у молодого человека — золотая корона. И все же это были люди, а не боги. Когда-то женщина, верно, была красива и похожа на Берту. Теперь же она сильно располнела и выглядела старше, чем наши женщины в ее возрасте.

Мы, викинги, считали себя самыми высокими людьми на свете. Рагнар и его ярлы рассказывали, что франки, юты и саксы на голову ниже их. Я почитался высоким даже среди норманнов, но Аэла был выше меня на целых три пальца. Из него получился бы отличный боец на топорах. Правда, его борода была расчесана слишком тщательно, а одежда слишком чиста и красива, но ведь он был королем. Взгляд темно-серых глаз выдавал большую нетерпеливость, и, хотя я знал, что ему около двадцати пяти лет, выглядел он несколько старше. Если женщина рядом с ним была Энит, в чем я не сомневался, то она родила его в молодом возрасте.

— Я Аэла, король Нортумбрии, — объявил он надменным тоном. — Кто ты и зачем предстал перед нами?

Он, конечно, знал, зачем я здесь, но не мог поверить в это. И вдруг я понял, что в это и впрямь невозможно поверить: украденную невесту и осквернителя его матери привез никому не известный молодой дан, двое лапландцев и калека. В зале воцарилась тишина. Я смотрел на человека, про которого мне рассказывал Эгберт, и на его мать Энит, которая когда-то была так красива, что привлекла внимание самого Рагнара, смотрел и с трудом верил собственным глазам. Рядом с платформой стоял пожилой мужчина с арфой и еще

один, помоложе, смешно одетый, в шапке, похожей на петушинный гребень. Я подумал, что он останется сегодня без работы, а певец будет петь об этом вечере еще много лет.

— Я Оге Дан, — сказал я, впервые назвав так себя. — Я пришел, так как ты обещал мне безопасность. Я хочу отдать тебе одного из своих пленников в обмен на право на второго.

Без запинки выговорив все это, я поглядел на своих спутников. Рагнар с гордостью смотрел на меня. В улыбке Морганы было больше сочувствия, чем восхищения. Берта стояла, прикрывая свою голову. Китти уже оправилась от замешательства, и сейчас ее лицо ничего не выражало.

— Саксонка Берта сообщила, что ты держишь пленницей Моргану, дочь Родри, короля Уэльса, мою невесту, — сказал король, любезно улыбаясь моей возлюбленной. Его улыбка показалась мне слишком голодной.

Я думал, что Моргана сама ответит за себя, но она молчала. Вряд ли это обнадежило Аэлу.

— Вот она, — ответил я наконец.

— Добро пожаловать, Моргана. Почему бы тебе не занять место рядом с нами, что соответствует твоему сану?

— Я пленница Оге и прибыла с ним, — ответила она.

— Оге, Берта рассказала нам такое, чему ни я, ни мой двор не можем верить, — продолжал Аэла менее спокойным тоном, — будто бы твой второй пленник — Рагнар Лодброк, бич христиан, вождь викингов, мой ненавистный враг.

— Вот он, — ответил я.

Среди людей раздались проклятия, а лорды схватились за мечи.

— Оге, я не сомневаюсь, что ты уверен, что это Рагнар. Но часто пленник присваивает себе известное имя, надеясь протянуть время, если ему грозит немедленная казнь.

Он повернулся к полной женщине.

— Не похож ли этот человек на похитившего вас двадцать три года назад?

— Вообще-то, слезы ослепляли меня в ту ужасную ночь, — ответила Энит, — но он и вправду похож на моего похитителя, и его лицо пугает меня. Но я не уверена, что это то самое исчадие ада.

Я повернулся к Рагнару:

— Леди Энит сомневается в тебе, — сказал я на языке данов.

— Тогда напомни ей о шраме от ударов мечом на моем левом бедре.

Когда я перевел, женщина вскрикнула.

— Я же говорил, — сказал Годвин.

— Это Рагнар, — подтвердил я Аэле, — я знаю его с тех пор, как себя помню. Он мой пленник, но я отдам его тебе ради твоей мести, если ты освободишь принцессу Моргану от ее клятвы.

— Клянусь Небесами, Моргана, — воскликнул он, — я должен поговорить с тобой наедине!

— Клянусь Одним, Аэле, — ответил я, — это невозможно.

Лицо Аэлы побагровело от гнева, и он поднял руку. Годвин в одно мгновение оказался перед ним.

— Остановись, иначе покроешь позором свое имя! — быстро сказал он.

Аэле глубоко вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Ты прав, брат Годвин. Ты знаешь мой вспыльчивый характер, и я благодарен тебе за помощь. Моргана, ты пленница Оге, и я ничего не могу сделать для тебя без его согласия, так как я обещал ему безопасность. Оге, ответь мне на один маленький вопрос, пожалуйста.

— Попробую.

— Принцесса ведь и так была в твоих руках, и выволить ее было бы трудной задачей для любого короля. Зачем же ты явился покупать то, что и так твое? Не из страха ли перед моей местью, чтобы чувствовать себя в безопасности?

— Я же говорил, что не поэтому, — заметил Годвин, — теперь готовься к достойному ответу.

— За него отвечу я, Аэле, — быстро начала Моргана. — Оге делает это ради меня. Прежде чем навсегда стать его женой, я хочу снять грех со своей души, освободившись от клятвы.

— А если я не позволю?

— Он все равно заберет меня, и я добровольно уйду с ним, но с тяжестью в душе. Ты можешь избавить меня одним словом.

— Ты говоришь добровольно? — проскрипел Аэле, когда дар речи вернулся к нему.

— Да.

— Я полагал, что он овладел тобой насильно, но я все равно был

готов принять тебя, как это сделал мой отец, вернув обещанную Рагнаром мать. И я не могу поверить, чтобы христианская девушка...

— Можете поверить, — перебила его Моргана. — Он не насильно овладел мной. Я отдалась ему по собственному желанию и с большим удовольствием.

— Фу! Фу! — закричала толстая Энит, и я бы рассмеялся, если бы мой взгляд не был прикован к раскрасневшемуся лицу Морганы.

— Какое приданое посылал Родри? — поинтересовался Аэла. — Хотя чего теперь спрашивать?

— Мой отец отправил то, что было обещано. Все захватил мой похититель Хастингс, сын Рагнара. Оге помог мне бежать.

— Из огня да в полымя.

— Берегись огня своего гнева, Аэла. Это адский огонь! — громко сказал Годвин. — Теперь ты знаешь свои потери, пора подумать о прибыли. Забудь оскорбленное самолюбие ради выгоды, которую получит твое королевство и весь христианский мир. Месть Рагнару была целью твоей жизни. Именно твоя ненависть к нему привлекла на твою сторону лордов, которые могли бы поддержать Осберта. Если ты прославишься, как убийца Рагнара, о тебе будут слагать песни во всех христианских странах. Какая невеста с приданным стоит этого?

Аэла огладил бороду. По его глазам невозможно было определить, прислушается он к совету или нет.

Я подумал, что не так уж плохо иметь королю вспыльчивый характер, если он умеет его обуздывать. Я поглядел на его корону, которую когда-то обещал Эгберту. Было ясно, что выполнение обещания может сильно укоротить мою жизнь. Яростному Аэле был нужен мудрый и осторожный советник у трона. Хитрому Эгберту потребовался бы помощник решительный и энергичный. Обе партии стояли бы друг друга.

Он все молчал, и мурашки поползли у меня по спине. Я подумал, что нескоро мы с Морганой попадем на Авалон.

— Годвин сказал мудро, — объявил Аэла. Повернувшись к Моргане, он величественно продолжил: — Так как отсутствует твое приданое, и ты лишилась девственности, то, по условиям договора, я расторгаю нашу помолвку и освобождаю тебя от клятвы.

Дочь Родри кивнула, но не поклонилась.

— А вы, — продолжал Аэла, повернувшись к матери, — вы

должны выбрать казнь для Рагнара. Поджаривание на медленном огне? Колесование? Дыба? Мы можем приступить немедленно. Не волнуйтесь.

— Хватит и топора, — вздохнула она, — пускай он умрет не за грех против меня, ведь Бог учит нас прощению, а за преступления против всех христиан.

— Подари ему милосердную смерть, — выкрикнул Годвин.

— Вы оба высказались, как и пристало женщине и монаху, — сказал Аэла задумчиво. — Но я король. Преступников надо наказывать так, чтобы это служило уроком для остальных.

— Король, разреши мне сказать, — обратился темноволосый человек с арфой.

— Говори, Алан.

— Пусть он умрет, сражаясь, как и всю свою жизнь, или моя песня не прозвучит.

— Как это? — спокойно, против моего ожидания, спросил Аэла. — Если он будет в оковах, то это позорный бой, а если нет, то к злу, которое он причинил, добавить еще больше. И все же я послушаюсь тебя, Алан. Что, если посадить его на большой костер и заставить тушить?

— Нет, пусть он умрет, сражаясь со своим главным врагом.

— С каким? — сверкая глазами, спросил король.

— С морем?

— Море ему скорее друг, чем враг. Но он мог бы сражаться с его обитателями.

Мой лоб покрылся потом.

— Например, с крабами в канаве с помоями? — спросил я.

— Какое великолепное предложение. В стене, выходящей к реке, есть разваливающаяся башня еще времен римлян. Ее основание уже затоплено водой. Мы бросаем в нее тела преступников, воров и шпионов. С приливом туда забираются сотни мелких морских хищников: морских змей, крабов, подрастающих осьминогов и скатов. Сейчас там, наверное, все кишит ими. Угощение бросили всего два дня назад.

Я кивнул, так как голос не повиновался мне.

Король задумался, теребя свою золотую цепь. Затем его лицо просветлело и вновь приняло гордое выражение.

— Оге, если станет известно о твоём участии в поимке Рагнара, то у тебя на родине появится много врагов?

— Конечно, — ответил я.

— Я это предвидел. Здесь собрались только истинно преданные мне люди, и они подтвердят всем то, что мы порешим. Мир знает, что Рагнар, бич христиан — наш заклятый враг. Пусть будет так, будто его «Великий Змей» оказался у нашего побережья, чтобы, скажем, произвести разведку перед будущим нападением. А нам удалось захватить всю команду и казнить.

— Слух об этом пройдет далеко, и, возможно, остальные английские короли признают твоё превосходство, — сказал один из эрлов.

— А возможно, навлечет целое нашествие викингов во главе с его сыновьями, — предположил другой.

— Пусть приходят, если осмелятся, — хмыкнул Аэла. — Никто не сравнится с их отцом, и потом путь от северных земель до нас слишком далек, чтобы перевезти большое войско.

— А может, Оге, ты сам хочешь покарать его? Это было бы справедливо. Ну что, сжечь его, повесить, колесовать? А может, ты пронзишь его мечом? Или все же живым в воду, на съедение морским тварям?

— Там глубоко?

— При таком приливе футов семь.

— Я отвечу тебе, Аэла, только сперва поговорю с Рагнаром на его языке.

Неожиданно Китти положила свою маленькую желтую руку на мое плечо.

— Что сказал тебе король? — спросила она.

— А твое какое дело?

— Я вскормила тебя и имею право спрашивать.

— Он хочет, чтобы я выбрал Рагнару казнь.

— Прошу тебя, предоставь это право королю.

— Он сам отверг Моргану, так что мне не за что платить ему. А убить Рагнара я могу и должен.

— Умоляю тебя, Оге, откажись, пусть решает король!

— Что с тобой, Китти? Ты забыла канаву с помоями?

— Я прошу тебя на коленях...

Она рухнула на пол. У меня потемнело в глазах, и я один рывком поставил ее на ноги.

— Больше никогда не делай так, — прохрипел я.

— Я только пыталась спасти твою душу от ужасного проклятия.

— Ты можешь мне объяснить, в чем дело?

— Если бы я знала. Я только чувствую опасность, но не вижу ее.

— Что бы это ни было, это моя судьба.

Китти шагнула назад. Я повернулся и обратился к Рагнару:

— Ты помнишь свой удар доской с железным шипом?

— Да, отлично, — улыбнулся Рагнар.

— Этот долг был уплачен, когда тебя на веревке тащили за лодкой.

— Все правильно.

— В самом начале ты купил меня за сломанный моржовый клык, но я думаю, что окупил его, работая в поле.

— Да, сполна.

— Тогда осталось уладить только вопрос с канавой, куда ты бросил меня на съедение крабам.

Говоря это, я словно вновь ощутил ледяное кольцо воды.

— Я готов. — Рагнар посмотрел мне прямо в глаза.

— Все, что я могу придумать — это кинуть тебя в развалившуюся башню в реке, куда кидают трупы преступников и где собираются морские змеи, скаты и молодые осьминоги, чтобы пожрать мертвечину.

— Ты собираешься отправить меня туда живым?

— Конечно.

— В цепях или без?

— Мои руки и ноги были связаны, но если тебя бросить в кандалах, то ты быстро утонешь. Христианские священники назовут это милосердным.

— Мы с тобой викинги. Что нам до христиан? Спроси, есть ли на башне крыша?

Я перевел вопрос Аэле, хорошо понимая, зачем Рагнар задал его.

— Нет, крыша рухнула год назад.

— Крыши нет, — сказал я, — и крылатые создания могут влетать и вылетать свободно.

— Так каково ваше решение? — хрипло спросил Рагнар.

Я старался не обращать внимания на его тон, на капли пота на лице. Я смотрел прямо в его яростные голубые глаза.

— Я не пощажу тебя. Но так уж заведено, чтобы молодой викинг пожелал старому умереть, сражаясь, как бы он его ни ненавидел.

— Истинная правда. Ни друг, ни враг не может пожелать норманну большего.

— Что ж, всякие там скаты и змеи — отвратительные создания, которые питаются падалью, и я не друг им. Так что чем больше их умрет, тем лучше. Я освобожу тебя от оков, бросая туда. Затем я кину тебе какое-нибудь оружие.

— Многие из этих тварей умрут, уверяю тебя, — ответил Рагнар, глубоко вздохнув.

Когда я спросил Аэлу, нет ли где под рукой какого-нибудь ржавого или сломанного меча, он задумался, словно не слыша. За него ответила Энит:

— В моих покоях есть старый меч, принадлежавший деду моей матери. Он наполовину съеден ржавчиной. Зачем он тебе понадобится?

— Чтобы отдать Рагнару для его последней битвы.

— Не думала, что он послужит такому. Но ничего не имею против. Одна из моих женщин принесет его.

Вскоре древнее оружие легло в мою руку. Меч был легкий и удобен, а выцветший металл на рукояти вполне мог оказаться золотом. Несмотря на ржавчину, покрывавшую голубоватую испанскую сталь, и деревянную головку эфеса, я подумал, что его нетрудно будет привести в хорошее состояние.

— Мне он нравится, и я бы купил его, будь у меня требуемая сумма, — сказал я.

— Я не продам, но подарю его тебе после того, как им воспользуется Рагнар.

— Мы достанем его, Оге, когда будет отлив, — предложил Аэла.

Затем мы вышли на террасу, возвышавшуюся над водой футов на шесть и обнесенную каменной стеной. Одна из башен в самом деле была без крыши, с зияющей дырой внизу. Я подумал, что тут могла бы жить морская ведьма. Забравшись внутрь и посмотрев вверх, мы увидели странное восьмиугольное небо. Прямой солнечный свет редко попадал на воду, но он пробивался сквозь дыру, придавая воде

бирюзовый цвет. Поверхность воды была неподвижна, но, взглядев-шись, я заметил множество неясных теней у дна. Большинство из них было неподвижно, некоторые плавно скользили, а в углу, то поднималось, то опадало что-то похожее на водоросли.

— Становись на край, Рагнар, — скомандовал я.

— Я твой пленник и повинуюсь тебе, — ответил он.

— Вряд ли твари нападут на тебя сразу, так что ты успеешь под-хватить меч.

— Времени будет немного, — заметил он, вглядываясь вниз, — но вполне достаточно.

— Аэла, ты прикажешь своему оружейнику сбить цепи?

— Да, мои воины будут стоять позади него с копьями.

Я перевел это Рагнару.

— В этом нет необходимости, — ответил он. — Мне суждено принять смерть от тебя, и если я стану сопротивляться судьбе, зна-чит, в меня вселился какой-то злой дух и лишил меня разума. Тогда пусть саксонка заколет меня своим кинжалом в спину, чтобы я при-нял смерть от руки женщины.

Вскоре Рагнара освободили от оков. Никто из стоявших вокруг, даже король, не проявлял нетерпения. Только на дне ямы наблюда-лось заметное оживление.

Англы стояли группой, мои спутники выстроились полукругом. Так уж вышло, что мы с Рагнаром оказались бок о бок.

— Прощай, Рагнар Лодброк, — еле слышно сказал я.

— Прощай, Оге Кречет, — ответил он.

— Столкни его вниз, Китти! — Ведь и меня сталкивал в канаву не сам Рагнар, а Отто Одноглазый.

— Один! Один! — воззвал Рагнар, но Китти колебалась, закрыв лицо руками.

— Нет, ты не возьмешь груз на свою душу, — сказал я, поняв ее состояние. — Это моя судьба!

Затем с криком:

— Один! Один! — я толкнул его с края.

Он упал, подняв фонтан брызг. Я быстро опустился на колени и протянул ему меч, держа за клинок. Он ухватился за рукоять и тут же попытался разрезать мне руку. Но я был наготове и со смехом от-дернул ладонь.

Теперь ему предстояло заняться собственными делами. Конечно, обитатели дна бросились врассыпную при его падении, но, поскольку такое происходило не впервые, вряд ли кто из них уплыл через пролом совсем. Твари собрались в углах и у стен башни. Когда Рагнар бросился на меня, резкое движение его ног напугало какого-то ската, который нанес удар своим шипастым хвостом, и крик ярости сменился рычанием боли.

Развернувшись, Рагнар принялся наносить удары мечом. Это привлекло остальных, и даже вялые морские угри бросились вперед. Движения Рагнара становились все резче и резче, но после каждого нового удара, убыстрялись и движения его врагов.

Вода вокруг викинга так и кишела разными тварями, но была еще достаточно прозрачна, чтобы мы видели все происходящее. Постепенно вода начала краснеть, однако по-прежнему то тут, то там показывались жадные рты, рвавшиеся к человеку.

Рагнар перестал рубить мечом и стал бить им, как копьем. Острие метнулось в самого большого ската и распорол его пополам. Хищников стало столько, что ни один удар меча не пропадал даром. Вода замутилась от холодной рыбьей крови. Теперь уже ничего нельзя было разглядеть, и только кровавые водовороты да волны, вскипавшие вокруг, говорили о яростной схватке. Но, конечно, главным свидетельством битвы была косматая голова Рагнара и его обнаженные плечи, покрытые сплошной сетью ран, да могучие руки, все еще разящие врага.

Однако самым лучшим доказательством были мертвые и умирающие морские твари, корчащиеся в воде: одни бились в агонии, другие кружили на месте или медленно дрейфовали на спине.

Вода вскипела красной кровью, затем медленно стала успокаиваться. Тело Рагнара, вытянувшегося во весь рост, всплыло на поверхность. Из его шеи бил маленький алый фонтан. Затем тело медленно повернулось и ушло вниз. Я заметил, что его лицо было мертвенно бледно, глаза открыты, а борода полоскалась, словно морские водоросли. Еще дважды тело всплывало на поверхность. Вода была спокойна. Его противники, должно быть, кружили вокруг, словно голодные волки, опасаясь броситься вновь.

Он всплыл в третий раз — оказывается, он был еще жив, и даже еще раз ударил мечом. Кровь смыла ржавчину, и лезвие блеснуло,

как падающая звезда. Затем меч выпал из его руки. В этот момент я услышал волшебное пение над головой.

Оно становилось все громче, загадочнее и прекраснее. Я посмотрел вверх и сквозь пелену облаков увидел белых небесных всадниц, выстроившихся в освещенный солнцем клин. Облака сомкнулись, но я все еще слышал их пение. Оно раздавалось все ближе и ближе, так как одна из них понеслась вниз. Я слышал пение в своей душе — дикое, страстное, неземное. И тут я всем сердцем почувствовал певицу: невероятно красивую деву с развевающимися золотыми волосами. Она была в серебряной кольчуге, и длинный меч блестел у нее на боку. Она мчалась на белом, как снег, коне, и его грива и хвост клубились, словно белоснежная пена. Ее глаза были синими, как небо, губы — алыми, как кровь, а кожа напоминала цветом резную кость с замерзших морей.

Легко, будто пух, она опустилась вниз. Ее песня оборвалась, яркие глаза наполнились слезами. Дева склонилась с седла над водой и протянула свою сияющую руку. Из алой воды она подняла павшего героя, бледного, словно утренняя луна, и усадила с собой на коня.

Скаун поднимался вверх. Всадница запела.

Все дальше и дальше слышалась ее песня, и волки в лесах прекращали охоту и выли от непонятной боли в сердце. Валькирия отпустила поводья, и конь понесся в такт с песней, но быстрее ветра. Ее волосы развевались, как золотистое пламя. Кольчуга сияла ярче новорожденной звезды. Я расслышал, как к ее песне присоединилось пение ее подруг, ожидавших ее. Они неслись в бешеной скачке, стремясь увидеть нового героя, каких не бывало со времен Сигурда.

Пение валькирий звенело теперь высоко, наполняя все небо. Оно будило древних королей прошлого, но они тут же засыпали вновь. От их песни рыдали морские девы в своих подводных пещерах. Даже цари гномов в подгорных залах с трепетом прислушивались к ней. Пение несло к воротам Вальгаллы, объявляя о приближении всадниц.

Затем оно медленно растворилось в тиши небес.

Глава десятая Я ВЕРНУСЬ

Путешествие закончено, думал я, пора начинать новое.

Одна прядь моей судьбы смотана, но я не знал, что это означает. А прялка и не думает останавливаться.

Одна битва закончена, надо омыть и залечить раны, надо пировать и веселиться, и, пожалуй, поразмыслить немного над событиями и тайнами, но не за горами звуки рогов и песни, которые викинги поют над своими щитами.

Мир изменится, ведь из него ушел Рагнар, и уже никогда он не станет прежним, но моя тропа вела вперед, в неведомое, и ради своей великой цели я должен был идти по ней.

Я тряхнул головой, отгоняя посторонние мысли, и вспомнил, что нахожусь в зале Аэлы — короля Нортумбрии. Он находился в кругу тех же самых лордов, глаза блестели, а лицо разрумянилось, словно от вина.

Вокруг короля царило радостное оживление. Только Годвин, одетый в свой неизменный белый балахон, наблюдал за всеми озабоченным взглядом.

Энит пыталась смеяться и шутить со своими служанками, но я видел, что она была очень бледна.

Между нами было пустое пространство, но оно разделяло нас, словно ограда.

Только один из них решился подойти к нам, но он и сам был случайный человек при дворе, возможно, низкородивший или странник из далекой страны, который песнями зарабатывал себе на пропитание. Он заговорил с Морганой на незнакомом языке; я решил, что это ее родной уэльский.

Берта, хоть и стояла рядом, не обратила внимания на разговор. Она смотрела на Аэлу со все возрастающим беспокойством.

Китти придвинулась ко мне, и я знал, что она видит все своими узкими глазами. Мне было приятно думать, что она совсем не изменилась после смерти Рагнара. И все же ее желтая кожа чуточку побледнела, и она слегка приподнималась на носках, словно встревоженная чем-то.

Глухонемой калека отошел от нас и уселся на скамью в ожидании дальнейших событий.

— Мне с принцессой и остальными пора отправляться, — сказал я Аэле, — нас ждет долгое путешествие.

— Куда лежит твой путь, Оге? — вежливо спросил король.

— У нас дело на одном острове. И по дороге мы должны зайти еще кое-куда.

— Зачем так спешить?

Он разговаривал очень любезно, а почему бы и нет? Я сослужил ему отличную службу. Рагнар был его кошмаром. Аэла ложился и вставал с мыслью о нем. Сила Эгберта, его противника, заключалась в Рагнаре. Кто кроме него мог собрать огромную армию и привезти ее в Англию, чтобы стряхнуть королей с тронов? Теперь, когда кости Рагнара обглаживают в колодце смерти, корона Аэлы крепко сидит на голове.

— Уже начинается отлив, — сказал я.

— И все же задержись еще немного. Я хочу предложить тебе чашу вина. Брат Годвин, почему бы мне не выпить с язычником, который так хорошо послужил христианам? К тому же он не простой воин, а знатный эрл.

— Мне это не нравится, Аэла.

— Почему, певец псалмов?

— Мы только что видели ужасную смерть и тебя, радующегося ей. Ты становишься слишком велик для рубахи внука кузнеца.

— Так я же не собираюсь ее носить. А для короны Осберта я в самую пору. И я еще буду королем всей Англии! — Он махнул рукой эрлам и женщинам. — Сюда! Выпьем с Оге, а если этот святоша не присоединится к нам, пусть отправляется в келью перебирать четки!

— Лучше бы тебе перебрать свои поступки, за каждый ты будешь держать ответ перед Господом!

— Поди прочь! Иди к нам, Оге Кречет! Добрая английская выпивка куда лучше датской!

— Откуда ты знаешь мое прозвище?

— Рагнар так называл тебя. Я сам не разобрал, но один из моих людей знает твой язык. Его жена из данов с Оркнейских островов.

— Я не останусь, король Аэла. Я уйду с моими спутниками.

— Это очень невежливо, но я к тебе не в претензии, ведь я твой должник.

Я заметил, как он подмигнул своему главному эрлу.

— О каком долге ты говоришь, король? — спросил эрл. — Я думал, что вы заключили соглашение с Оге Кречетом.

— Так и было сперва, но он был настолько любезен, что расторг его.

— Как это?

— Он сказал, что уступит одного из своих пленников в обмен на другого. Я отказался от права на Моргану, и Оге убил Рагнара своей рукой. Оге, я желаю тебе, желтокожей женщине и калеке безопасного путешествия, но Моргана с Бертой останутся у меня.

— Что это значит? — воскликнул Годвин, опередив меня.

— Годвин, ты должен стыдиться своей рясы! — насмешливо ответил король. — Как ты можешь отпустить христианку в объятия язычника? Она сама этого хочет? Тем больше ее прегрешение.

— Аэла, ты послал ему охранительную грамоту с твоей королевской печатью. Ты клялся, что он со своими спутниками...

— Загляни в нее еще разок, брат Годвин!

— Что?

— Достаточно прочесть первую строку.

— Письмо для Оге, ярла Хорика... — медленно прочел Годвин.

— Если бы ты изучал законы вместо святого писания, то знал бы, что ошибка в документе делает его действительным. Но хуже всего, что Оге присвоил себе звание ярла.

— Я не понимаю.

— Он не ярл Хорика, а воин Рагнара и бывший раб. Мой человек слышал, как он сам говорил это.

— Да, я воин, — крикнул я, и кровь бросилась мне в голову, — и я знаю, что делать с предателем!

Я выхватил меч, но звонкий голос привел меня в себя:

— Остановись, Оге. Аэла, отзови свою стражу.

Аэла поднял руку, останавливая воинов, и насмешливо поклонился Моргане.

— Боюсь, слишком поздно, принцесса. Он оскорбил меня и угрожал мне мечом.

— Чтобы защитить меня.

— Что?

— Чтобы защитить дочь короля Уэльса, которую ты хочешь удержать против ее воли.

— Осторожно, Аэла, — сказал Годвин громко, — ты не так уж давно стал королем, чтобы заходить столь далеко. Я, Годвин, брат ордена святого Бенедикта, привел сюда этого викинга, обещав ему безопасность. Если ты убьешь его, берегись колокольного звона и свеч!

Я не знал, о чем задумался король, но думал он долго. Он пошептался со своим главным эрлом, затем надменно сказал:

— Брат Годвин, ты знаешь, меня нелегко напугать. И я не боюсь признать свою ошибку. Мне следует быть более снисходительным к этому язычнику. Он пришел сюда с добрыми намерениями, хоть и присвоил себе благородное происхождение. Моргане я не позволю уйти. Родри никогда не простит мне, если я поощрю ее греховную страсть. И ты, Годвин, тоже, когда разум вернется к тебе. Саксонка Берта, конечно, останется при своей госпоже. А в награду за поимку и убийство Рагнара я подарю Оге три десятка серебряных крон.

Он кивнул эконому, и тот отсчитал тридцать больших серебряных монет из тяжелого кошелька.

— Я не возьму ни пенни, — сказал я, и мой голос предательски дрогнул от нахлынувшей слабости и стыда.

— Как пожелаешь. И сделай одолжение, возвращайся в свою лодку с желтокожей и калекой, и побыстрее ставь парус. А если захочешь вернуться, захвати с собой дружину побольше, а то встретишь не очень любезный прием.

Он забрал у Годвина грамоту и разорвал пополам.

— Теперь можешь идти.

Он повернулся к нам спиной. Моргана прижалась ко мне и поцеловала в губы.

— Сколько ни понадобится, я буду ждать тебя, — прошептала она.

— Я вернусь как можно быстрее, иначе умру.

— Не слишком быстро. Возвращайся, когда о тебе забудут и снимут часовых со стен. Не вздумай погибнуть, живи и копи силу. Стань сильнее любого короля. Я дождусь тебя.

— Как ты сможешь дождаться? Ты почти одна.

— Я — Моргана, дочь Родри и возлюбленная Оге Дана. Не бойся за меня.

— Я буду верен тебе, Моргана.

— Да, живи и копи силы. Вот единственная верность, которая мне нужна. О большем я не прошу.

Ее лицо побледнело, глаза затуманились. Она встала на цыпочки и поцеловала меня.

Словно в тумане я шел через полутемные залы в сопровождении Китти и Кулика. Мы выбрались во двор, и молчаливый слуга довел нас до реки.

Но в лодке вместо одного Куолы сидел еще кто-то. Темноволосый человек прижимал к груди арфу.

— Зачем ты пришел сюда, Алан?

— Я спел много песен, теперь хочу хоть одну прожить.

— Поздновато. Ты можешь погибнуть.

— Тогда это будет песня о смерти.

— Ты говоришь загадками.

— Я буду рядом с тобой, пока один из нас не умрет. Ясно?

— Вполне.

— Мне кажется, что моя предсмертная песнь превзойдет все, что я сочинил прежде.

— Ты сумасшедший, Алан!

— Я буду петь для тебя и о тебе, и когда больше не о чем станет петь, я умру вместе с тобой. Это нормально?

— Не сказал бы, но оставайся.

Мы оттолкнули лодку и поплыли вниз по реке. Сильные удары весел и течение несли нас очень быстро: дома, поля и стены неслись друг за другом, вставая между мной и Морганой.

— Убрать весла! — крикнул я, становясь у рулевого весла. Вода стремительно бежала в серые объятия моря, плескалась и рокотала. Солнце клонилось к закату, и все длиннее становились тени. Скоро занавес ночи окончательно разлучит Моргану со мной.

Впереди, среди рощи деревьев, показалась поляна. Я привязал лодку к корню огромного дуба.

— Я должен вернуться, — сказал я Китти.

Она помолчала немного, затем печально улыбнулась:

— Мы должны вернуться, — сказала она Куоле по-лапландски.

Куола усмехнулся, и в его щелочках-глазах блеснул огонек.

— А я было подумал, что вы забыли кое-что, — ответил он.

— Мы должны вернуться, — сказал я Алану.

— Уже? Я не думал, что мой вызов примут так быстро. Это все равно, что вызывать дьявола, который стоит за твоей спиной.

— Ты можешь вылезти на берег и идти, куда хочешь.

— Нет. Песня получится лучше, чем я думал, хотя, наверное, гораздо короче.

— Смогу ли я отыскать Моргану и увести ее?

— Я знаю, где ее искать. Сегодня Аэла устроит пир в честь смерти Рагнара, и все будут пьяны. Так что твои шансы один к девяти, к семи, к пяти, а то и к трем.

— Ну а почему не к восьми, к шести, к четырем?

— Нечетные цифры приносят удачу.

— Смогу ли я остаться в живых?

— Выживал же ты как-то до сих пор, — громко рассмеялся темно-волосый человек. Затем он повернулся к Кулику и медленно показал ему несколько странных знаков. Кулик смотрел очень внимательно, затем повторил эти знаки, только очень быстро. Когда Алан покачал головой, Кулик повторил их снова, но медленней и с заметным нетерпением.

— Марри думает, что тебя убьют, — сказал Алан.

— Ты его знаешь?

— Оге, я много путешествовал и повидал много лиц. Это Марри с болот.

— Откуда ты знаешь знаки, которыми говорил с ним?

— Умеющий читать, выучит их за час, хотя разговаривать ими очень долго. Я научился им, чтобы спеть песню одному глухонемому королю.

— Если мы оба останемся в живых, я послушаю песню, которую ты споешь про этого Марри, и, думаю, ее стоит послушать. Становится темно. Возвращаемся той же дорогой.

И мы поплыли. На веслах были Кулик, полевой жаворонок и два маленьких желтых ястребка. Белый сокол управлял ей. Отлив мешал нам, из четырех пройденных футов он съедал три. Я подумал, что христианский Бог смотрит вниз и смеется. Тьма быстро сгустилась, и вскоре в воде заблестели отражения звезд.

Алан подсказал нам высадиться в другом месте. Кулик остался в лодке, и Алан вывел Китти, Куолу и меня на берег небольшого ручья. Похоже, по его руслу в город пробирались нищие в поисках отбросов. Мы прокрались в город сквозь дыру в стене и попали в сад, где высокие деревья отбрасывали зловещие тени на посеребренную землю. Из окон вдалеке доносился шум пира. Смутно виднелись фигуры часовых, шагающих взад и вперед. Прямо перед нами высилась башня, а рядом с ней росло дерево.

Алан указал на балкон, до которого можно было дотянуться с ветки.

— А с чего ты решил, что она там?

— Именно сюда Аэла велел стражнику отвести ее. Он сказал, что северная башня непригодна для жилья, поэтому принцесса будет там в безопасности. Он говорил громче, чем надо, возбужденный смертью Рагнара, и я ясно его слышал.

Мне показалось, что надо бы повторить это Китти, но тут же я сам удивился — зачем? И промолчал.

Я легко вскарабкался на дерево и, дотянувшись до балкона, перелез через перила. На балкон выходили дверь и маленькое окно. Посмотрев через стекло, я разглядел высокую кровать под балдахином, но у изголовья занавес был отдернут. Я не мог разглядеть лиц, но на кровати явно лежали двое, погруженные в глубокий сон.

Дверь подавалась, и я проник в комнату. По покрытому соломой полу ноги ступали бесшумно. Я отдернул занавес, ожидая увидеть черные и золотистые волосы, разметавшиеся по подушкам. Но вместо этого в глазах блеснула сталь, в голове вспыхнула острая боль, и я упал. Людям, бежавшим со всех ног ко мне, уже нечего было боять-

ся. Я подумал, что и мне бояться тоже нечего. Все было определено с той поры, когда я натаскивал Стрелу Одина на уток. Великая соколица была во власти колдовства, как и я. Я должен был догадаться об этом по ее полету, которому позавидовали бы и боги — так она парила в вышине, недостижимая для людей, зверей и птиц. Ее дух продолжал жить во мне, два маленьких пламени слились в одно великое пламя, которое сейчас едва теплилось.

Связанного по рукам и ногам, меня проволокли в сад, где должны были дожидаться четверо моих спутников. Китти не сопротивлялась, сберегая силы. Куолу вязали трое стражников, а еще трое лежали на земле: двое стонали, а у третьего было перерезано горло. Я думал, что Алан исчез, или станет смеяться надо мной, но он корчился на земле, и стражник пинал его ногами.

— Дайте мне сказать, — кричал он, — даже короли слушают, когда я говорю!

— Ну, говори, — разрешил стражник.

— Оге, клянусь песнями, которые пою, — а это моя единственная клятва, — я слышал приказ Аэлы отвести девушек в эту башню.

— Я тоже должен был услышать. Но, наверное, дух той, что любит меня, закрыл мне уши. Однако христианский Бог оставил открытыми твои, дабы помешать этому духу спасти меня.

— Я знаю христианского Бога лучше всех, потому что Он любит мои песни, и не думаю, чтобы Он сотворил такое. Но тебе, похоже, недолго осталось жить. Так что ответь мне, чтобы я смог сложить о тебе песню. Кто так любил тебя?

— Никто, кроме Китти и Морганы. Китти еще жива, и Моргана была жива, когда уши мои закрылись, но если ее убили...

— Она жива. Аэла не посмеет тронуть ее.

— А как ты будешь петь, если тебе придется умереть вместе со мной?

— Аэла не тронет меня и пальцем. А тот стражник, что бил меня, будет повешен.

К моему изумлению, стражник отшатнулся, смертельно побледнел. Его пальцы судорожно сжались на горле, словно он уже ощутил веревку, и мне показалось, что я вижу ее тень.

Воины перерезали путы на моих ногах, чтобы я мог идти, и их начальник приказал мне следовать за ними через узкую дверь. Двое

человек шли за мной, подталкивая остриями копий. Китти, Куола и Алан шли следом.

Нас привели в комнату, которая напомнила мне комнату Эгберта, хоть и была намного больше. Ночи становились прохладными, и в очаге плясали языки пламени. Огонь и пара десятков свечей на длинном столе, освещали четверых людей, сидевших на позолоченных стульях. Еще несколько человек стояли у стены. За столом сидели Моргана, Берта, Аэла и Энит. Моргана встала, увидев меня, и подняла белый платок, лежавший перед королем. С широко раскрытыми глазами она подошла ко мне и вытерла кровь с лица и головы. Затем она поцеловала меня в губы, взяла за руку и встала рядом.

Берта вскочила, бросилась к Моргане и схватила ее за другую руку. Так что мы все трое стояли перед королем.

Аэла даже не взглянул на нас и повернулся к Алану.

— Шпионы сообщили, что ты привел Оге к башне.

Алан устало кивнул.

— Разве ты разучился говорить? — спросил король.

Алан помотал головой.

Аэла повернулся к стражникам:

— Кто посмел поднять руку на певца?

Ему указали на здорового парня.

— Повесить его.

Человека увели, а Аэла повернулся к Алану.

— Теперь ты будешь говорить?

— Да.

— Почему ты оставил меня и отправился с Оге Даном?

— Ты расправляешься с врагами предательством. Мне это неинтересно, об этом не сложишь хороших песен.

С потемневшими глазами Аэла повернулся ко мне.

— Я предупреждал, чтобы ты не возвращался без большой дружины, — сказал он, — но ты не послушался.

— Армия придет, — ответил я.

— Чтобы забрать твои кости?

— Они придут, ведь я уже разрушил твою стену.

— Что-то я не заметил. Какую стену?

— Самую большую из всех, которые ты когда-либо строил.

И я показал ему руку Морганы в своей.

— Клянусь Богом, раб не может так разговаривать!

— Меня освободил Эгберт, который скоро будет королем Нортумбрии.

Аэла повернулся к Энит, лицо которой побелело.

— Это похоже на кошмар.

— Сын мой, что ты об этом думаешь?

— Не знаю, что и сказать.

Зато знал я, глядя на Аэлу, задумчиво подперевшего подбородок рукой. Он не был заурядным человеком.

— Рагнар. Эгберт. Хастингс, сын Рагнара. Теперь еще этот бывший раб с соколиным профилем. Ты говорила, мать, что видела двух красивых девушек на корабле Рагнара, когда была его пленницей: дочь графа Нантского и рыжую левантийку. Может, он сын одной из них? Тогда он убил своего отца и будет навсегда проклят!

Я громко рассмеялся:

— Одна из них, Эдит, мать Хастингса, а у второй нет детей.

Аэла кивнул.

— Довольно шутить, перейдем к делу. Матушка, у меня большие счета с этим человеком, но я никак не уразумею их величину. Слишком много всего: во-первых, я король. Получив помазание архиепископа, я стал наместником Господа на земле. И я не могу отбросить ореол святости, окружающий королевскую власть. Между королем и его подданными — бездонная пропасть, как между собаками и их хозяином. И кем бы Оге не был, он не король.

— Я слежу за ходом твоих мыслей, — проворковала его мать, сцепляя и расцепляя пальцы, — и я не сомневаюсь в божественном происхождении твоей власти.

— Замечательные слова, — смеясь, воскликнул Аэла. — Давай теперь определим ущерб, нанесенный нашему королевскому величию. Мою невесту, дочь короля Уэльса, захватывает в плен языческий разбойник и увозит к себе на север. Этот злодей — Хастингс, уже известный сын Рагнара. Конечно, он хотел получить выкуп, и это вполне понятно. Но что случается потом? Никому не известный воин, бывший раб, похищает ее ради любви — я не вижу иной причины, — а за одно то, что он посмел поднять на нее глаза, его следовало бы повесить. Ну а за то, что он овладел ею — сварить заживо в кипятке.

— Но ты сам слышал, она призналась, что добровольно и с удо-

вольствием отдалась ему. Разве это не смягчает его вину и не делает главной виновницей ее?

— Ты никогда не была настоящей королевой, мать. Выйдя замуж за великого зрла, ты не смогла понять сущности королевской власти. Моргана — дочь короля, и она выше законов, по которым судят обычных людей. Если она возжелает грязного пахаря — кто запретит ей? Священник может читать ей проповедь, а ее муж — если узнает — может даже проучить ее, но, заметьте, лишь в том случае, если по рождению он выше. Если бы Оге овладел ею насильно, я бы поступил с ним, как говорил раньше. Значимость его вины противоположна его собственной значимости.

— Я не совсем понимаю тебя.

— Не важно. Я занят размышлениями о королевской власти и игрой своего ума. Если бы он был великий лорд, я, король, все равно не мог бы вызвать его на поединок. Я должен был бы придумать ему почетную кару, или же тихо умертвить. Если бы он был мошенником, я бы избавился от него, как от дохлой крысы. Но все обиды слились воедино в моем сердце из-за красоты этой девушки.

Странно было слышать последние слова, произнесенные тем же игривым тоном, что и предыдущие. Если бы не его потемневшие глаза и судорожно сжатые кулаки, я бы подумал, что он шутит.

— Я никак не пойму, кто он такой, — продолжал Аэла, — что-то странное есть в том, что он добился любви Морганы и победил самого Рагнара. Это или какой-то обман или странное стечение обстоятельств. Если всего этого раб добился сам, то он далеко пойдет. И если я оставляю его в живых, то он когда-нибудь убьет меня.

— Тогда прикончи его, и побыстрее. — Энит закрыла лицо ладонями.

— Мы с ним враги. Если он выживет, то вернется за Морганой с дружиной, как я его и просил. И Эгберт тогда займет мой трон. Откуда мне это известно? Бог дал мне силу видеть людские души — дар, который несет в себе проклятие, потому что я должен все время заглядывать и в свое сердце. Никто не поверит мне кроме него — и, возможно, Морганы.

— Я верю тебе, король! — сказал Алан.

Алан знал, что своими словами приближает мою смерть. Знал это и я. Но это была наша судьба.

— Я сказал, ЕСЛИ он выживет, — продолжал король, — но я не уверен в этом. Наверно, он умрет, как собака, потерявшая зубы. Почему бы не убедиться в его смерти? Подсчитывая свои потери, я могу чувствовать себя дураком, но трусом не буду. Я подвергну тебя испытанию, Оге. Если ты не выдержишь, я быстро от тебя избавлюсь, и твоё тело окажется на помойке. Если ты победишь, то останешься жить, и я буду чувствовать себя в опасности. Но в любом случае, погоди радоваться. — Его голос замер, и в комнате воцарилась тишина, словно в чаще зимнего леса.

— Я не радуюсь, — ответил я, и кровь застыла в моих жилах.

— На самом деле, увеличивая свой долг, я приумножаю и опасность. Но долг велик, — одно то, что я задержал Моргану, делает его очень большим. Если ты пройдёшь испытание, я, может, даже и не смогу достойно отплатить тебе.

— Ты пьян, Аэла, — выкрикнула его мать.

— Напротив, вино заставляет меня принимать истинно королевские решения. Алан ещё споет обо мне достойную песню, правда, Алан? Оге, это испытание покажет, кому отдала любовь Моргана — Оге Дану, чьё имя отмечено судьбой, или грязному обманщику. Я слишком горд, чтобы убить тебя, не выяснив этого.

— Что за испытание? — хрипло спросил я.

— Я не скажу. Жди его. Можешь начать сопротивляться прямо сейчас, если пожелаешь. Вдруг я уже от этого буду знать ответ.

Мой разум был в смятении, и я не знал, как лучше поступить. Но я вспомнил Стрелу Одина, сидевшую неподвижно, когда Хастингс отрезал ей крыло, и Рагнара, не сопротивлявшегося у края ямы.

— Я не буду драться ни с кем, кроме тебя, — ответил я. — И вообще, я устал слушать всю эту чушь.

— Мне нравится твой ответ, и он позволяет надеяться на лучшее. Посадите его к очагу и вставьте в его руки полено.

Стражники усадили меня так, как приказал король: правую руку положили на камень, на неё полено и левую руку сверху. Голубоватое пламя слегка шипело, и жар красных углей нагревал мою щеку.

Король повернулся к невысокому человеку с мясницким ножом на поясе. Дрожь прошла по моему телу, но мне удалось скрыть её, а душа вспыхнула от ярости, что это был не меч.

— Остро ли твоё лезвие? — спросил Аэла.

— Да, господин.

— Тогда руби.

Словно ледяной огонь впился в мою руку чуть повыше кисти. Я удивился, почему правой руке, держащей левую, стало так легко, и с ужасом увидел, почему. Я отбросил полено, а с ним и отрубленную кисть. Моя левая рука оканчивалась обрубком, из которого хлестала кровь.

Хотя я не чувствовал боли, я не хотел терять кровь. Я повернулся и сунул то, что осталось от левой руки, в пылающие угли. Красный огонь боролся с алым потоком, и только шипение слышалось в комнате. Затем стал распространяться запах, менее приятный для королевских ноздрей, чем благоговения, но я радовался, что кровь останавливается и я еще жив.

Крича: «Один! Один!», чтобы удержаться от стога, я вытащил из огня обрубок, темный теперь, как пепел. И погрузился во тьму. Когда я открыл глаза, над головой сияли холодные звезды, и у неба были плавно изогнутые края.

Я лежал на шкурах на дне «Игрушки Одина». Я услышал рокот волн и ровный плеск весел, которыми гребли Марри и Куола. Алан правил лодкой. Китти сидела рядом со мной и что-то делала с моей искаленной рукой. Я доверял ее волчьему зрению и не чувствовал боли, поэтому еще немного подождал, чтобы окончательно прийти в себя.

— Что сделал король с Морганой? — спросил я.

— Ничего. Он только позволил ей смотреть на твои мучения и запретил быть с тобой.

— Алан, ты можешь что-нибудь добавить?

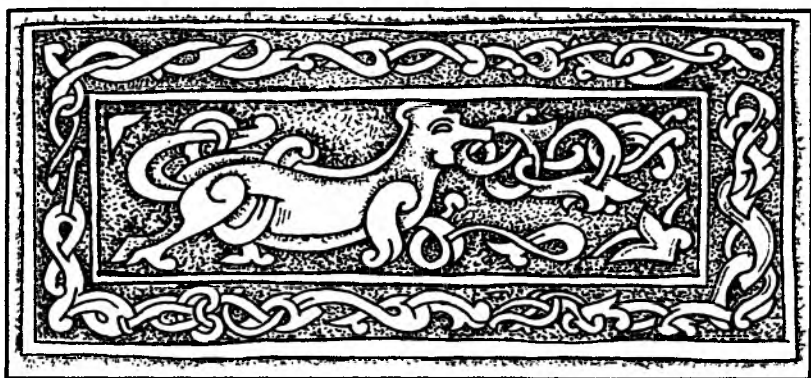
— Брат Годвин говорил, что ответит ее в аббатство неподалеку, затем пилигримы отвезут ее в Уэльс, к отцу.

— Как ты думаешь, она в безопасности?

— Никто не может быть в безопасности в наши кровавые времена, даже певец, но она в большей безопасности, чем, если бы была с тобой.

— Кто-нибудь уверил ее, что я приду за ней?

— Ты сделал это сам, сунув свою искаленную руку в огонь.

Глава одиннадцатая
ЗАЛ ДРАКОНА

так как я выбрал жизнь вместо смерти, и боги вняли моей просьбе, то приходилось жить.

Следующие три месяца я учился обходиться одной рукой, отложив до лучших времен все планы и мечты. Китти, Алан, Куола и Кулик, чье настоящее имя было Марри, помогали мне. Сперва я не мог даже спать спокойно от боли. Казалось, я не научусь есть аккуратно и быстро, как прежде, но я справился, и это была самая легкая из моих побед. Вскоре я мог бросать копье так же хорошо, как и раньше, только пришлось привыкать по новому держать равновесие. И меч в моей руке вновь стал так же быстр и точен.

Марри сделал мне на обрубок нечто вроде деревянной рукавицы, которая оканчивалась крепким железным крюком. Я был очень доволен, ведь с его помощью я мог вновь научиться грести, управляться с парусом и даже стрелять из лука, хотя, конечно, не так сильно и точно. Если раньше во время внезапного шквала я управлялся за двоих, то теперь едва выполнял работу одного. Я и не думал, что человеческая рука такое чудо. Только одна вещь превосходила ее — человеческий ум.

Все эти месяцы мы плавали вдоль побережья, ловили рыбу, отдыхали и избегали схваток — и с людьми, и с погодой. Я многое узнал о берегах Англии и, поскольку, Алан не мог не петь, о дальних странах и великих героях. К моему удивлению, он ни разу не пожалел, что оставил двор Аэлы. Мне казалось очень странным, что однорукого воина без гроша в кармане сопровождает лучший певец Британии, но он всегда был радостен и доволен. Я пока не пытался ничего узнать про Марри — я приберегал это до того дня, когда смогу вмешаться в его историю.

Когда дни стали короче, а ветер злее, мы отправились на остров Уайт у южного побережья. Там вообще не выпадал снег, а утро, когда на земле посверкивал иней, считалось холодным. Заливы и ручьи кишели рыбой, так что Марри накопил немного жира на своих длинных костях. Жившие на острове юты не мешали нам, а мы — им.

Однажды я пытался стрелять из лука и после многих неудачных попыток увидел, что Китти наблюдает за мной.

— Не собираешься ли ты заплакать? — спросил я.

— Если и да, то от гордости.

— Помнишь, ты говорила, что есть оружие лучше, чем Тисовый Сокол и Железный Орел?

— Да. Ум и хитрость.

— Я отвечал, что лиса хитра, но лесом правят волк и медведь. Но этот ответ нехорош.

— Почему же?

— Ты говорила о двух вещах, я отвечал про одну. Что такое хитрость без мудрости? Стрела без лука!

— Ты это понял, — рассмеялась Китти.

Я повернулся к Алану:

— Спроси Марри, как я стал таким.

Алан взглянул на Кулика и лицо его покрылось потом.

— Сомневаюсь, что эту историю стоит послушать.

— А ты и не услышишь. Ты будешь смотреть на его пальцы.

— Так еще хуже. Я боюсь ее узнать.

— Почему, ты ведь сделаешь из нее песню!

— Да, но что тебе в ней? Загадка маленькой рыбки, плывущей к Полярной Звезде? — Он повернулся к Марри и задвигал пальцами.

Марри поглядел, потом покачал головой и отвернулся к морю.

— Что ты ему сказал? — спросил я.

— Попросил рассказать то, что ты хотел.

— Скажи, что я приказываю ему рассказать о себе.

Когда Алан вновь обратился к Марри, тот сглотнул так, словно хотел что-то сказать, и я даже вздрогнул. Затем его пальцы взялись за работу. Он «говорил» гораздо быстрее, чем во время обычного общения с Аланом. так что певец едва успевал следить за смыслом. Иногда Алан переспрашивал его, и тот нетерпеливо отвечал, мне казалось, с сердитой руганью. В его истории была любовь и ненависть, и было странно наблюдать за жестами, пронизанными такой страстью.

Целый час Кулик чертил в воздухе свои загадочные руны, и, наконец, повернулся к нам спиной. Я думал, что Алан, наделенный большим состраданием к людям, будет тереть глаза от жалости, но нет — они были широко открыты и лихорадочно блестели.

— Я еще не слышал подобной истории, — удивленно произнес Алан. — Тебе рассказать только главное или все целиком?

— Рассказывай все.

— Я, Марри с болот, сын писца корнуэльского принца. В детстве я прислуживал священнику в монастыре в Таре. Я прочитал много книг и отправился в Падую, в Италию, искать философский камень.

Как-то раз я увидел кинжал, столь тонкий, что его можно было принять за булавку. У него было удивительное свойство — притягивать небольшие кусочки железа. Если эти кусочки клали на расстояние в палец шириной от лезвия, то они прыгали и прилипали к нему. Тогда я понял, что это атомы, о которых писал Лукреций, удерживаются вместе этой самой силой. Почему-то мужские или женские атомы оторвались от кинжала, и оставшиеся постоянно искали их. Теперь послушай следующий шаг моих рассуждений. Если я смог понять законы притяжения, я могу понять, и как нарушить их, то есть подняться от Шестых Врат Алхимии, именуемых «Дистимияция», к Седьмым, Восьмым и Девятым Вратам, известным под именами «Сублимация», «Сепарация» и «Размягчение». С такими знаниями, каких до меня не было ни у одного алхимика, я надеялся пройти и следующие три — «Ферментация», «Умножение», «Бросание».

Затем случилась грустная вещь. Мой мальчик-слуга, играя с кинжалом, погнул его и попытался выпрямить молотком. После этого волшебная сила исчезла.

Я подумал, что он каким-то образом вобрал мужские или женские атомы из молотка. Я никак не мог вернуть его свойства, поэтому стал изучать его историю. Оказалось, его привез в Падую ученый еврей, который приобрел его у аптекаря в Марселе. Отправившись туда, я узнал, что кинжал доставлен из Бреста бретонским мореходом. Я поплыл в Брест. Там я познакомился с одним мудрым священником, и от него в первый раз услышал о каких-то обитателях отдаленных болот, которые называют себя «венеды» и которые умеют находить и обрабатывать железо.

Ты, Алан, похоже и сам немного ученый. Послушай, я вспомнил, что Юлий Цезарь писал о венедах в Арморике, у которых были большие корабли под парусами, железные якоря и цепи, чего не было ни у кого в мире. Заметь, Цезарь считал, что истребил эту расу, столь опасную для Рима. Неужели их потомки все еще живут на болотах и помнят свои древние тайны?

Обрывочные сведения довели меня до полуострова ютов, а затем в залив, похожий на море. Я видел много необычного и подвергался немыслимым опасностям, о которых не стану рассказывать. Наконец я нашел этих затерянных людей, которые и впрямь оказались потомками венедев. Их месторождения руды истощились, и они больше не делали цепи и якоря, а жили, разводя скот, охотясь и занимаясь рыбной ловлей. Но среди них еще были умельцы, которые работали с остатками руды, выковывая ножи, булавки и другую мелочь для торговли с бретонскими купцами,

Когда я показал им маленький кинжал, который раньше притягивал железо, то понял по их глазам, что они знают, в чем секрет. К счастью, я мог разговаривать с ними, так как они говорили на древнем кельтском языке, похожем на язык корнуэльских пастухов, в стране которых я родился. Я попытался вывести их секрет. Они умели не только придавать железу эти свойства, но и восстанавливать их. А чудо из чудес я увидел позже. Если куску железа придавали форму рыбки, затем тайным способом обрабатывали и подвешивали на веревку, то рыбка всегда указывала на Полярную Звезду.

Это было открыто мне одной из девушек племени. Секрет этот

хранился особенно тщательно, потому что они надеялись когда-нибудь вновь построить большие корабли, как во времена Цезаря. Но если я поклянусь больше не выведывать их секретов и держать в тайне то, что уже узнал, они подарят мне одну такую рыбку и позволят увезти ее с собой.

Так сказал мне их вождь, хотя у их главной жрицы Дорги были свои способы хранить тайны: меня могли принести в жертву богам или отдать ей в работники. К счастью, она делила власть со старейшинами и вождями, а они были менее привержены религии, которую венецы принесли с востока, и, поскольку в их жилах текла уже не такая чистая кровь, они терпимо относились к другим богам. Сейчас такое встречается у варваров. У них было принято два культа. По одному, сохранившемуся от древних пастушеских племен, умершего погребали. По другому, принесенному венедами с востока, умершего сжигали.

Но все единодушно потребовали с меня клятву молчать, которую я принес идолам Геркулеса и Сул. И я в самом деле больше не пытался проникнуть в тайну маленькой железной рыбки. И потом ведь моей главной целью было отыскать философский камень, чтобы избавить от болезней человечество. Но для этого мне нужно было понять, как у испорченного железа можно восстановить его волшебные свойства.

Я попросил их о еще одном одолжении — вернуть силу притяжения моему кинжалу.

Время было выбрано удачно — когда старейшины на пиру опьянели от меда. Вместо того, чтобы отнести кинжал в кузницу, как я предполагал, кудесники понесли его в большой курган, где лежали их погребенные герои. Надеясь обнаружить философский камень, я последовал за мерцающим светом их факелов. Я не мог подобраться близко и не видел всех действий, но самое главное видел — они положили кинжал острием к северу и ударили по нему каким-то черным камнем.

Пытаясь подкрасться поближе, я задел череп, который покатился и выдал мое присутствие. Меня поймали и скрутили по рукам и ногам. Они засомневались, стоит ли отбирать у меня жизнь, это дало мне короткую передышку, и я успел сочинить убедительное оправдание. Я начал было надеяться, что спасусь, но Дорга, верховная

жрица, уже призвала Женщину Костров. Теперь я не сомневался, что меня принесут в жертву богам. Но вожди все же решили заменить меня овцой на алтаре, и тогда она поклялась, что я никому не смогу ни рассказать секреты вenedов, ни услышать новые. Схватив свой железный нож, она отрезала мне язык и уши, и острым концом проткнула кожу внутри, так что я перестал слышать. Даже корчась в муках, я видел жестокую улыбку на ее губах и экстаз в глазах.

Вожди оставили у себя мой кинжал, но не стали отбирать у меня рыбку. По их законам нельзя требовать обратно подарок.

Со временем волшебная сила рыбки ослабела и исчезла, а я с тех пор живу в тишине и безмолвии.

Все время, пока Алан рассказывал, Марри сидел неподвижно, глядя на море.

— Скажи, что я приказываю показать дорогу в землю вenedов, — попросил я Алана.

Несколько мгновений Алан не шевелился, затем медленно передал знаками мои слова. Во время ответа на лице Марри появилась усмешка.

— Марри спрашивает, не решил ли безграмотный норманн искать философский камень? — перевел Алан.

— Скажи, хоть это его и не касается, что я не хочу учиться превращать металлы в золото. Если у меня будет такая волшебная рыбка, я смогу добыть достаточно богатств в Англии. Скажи, что я хочу найти остров Авалон в Западном море, и рыбка поможет мне доплыть до него. Если он будет еще жив, я возьму его с собой. Но если он откажется показать мне дорогу к венедам, он умрет.

Когда Алан перевел мои слова, Кулик, как я привык его называть, издал звук, который я раньше от него не слышал: это был громкий, веселый смех, словно язык его все еще был на месте. Когда его пальцы рассказали шутку, Алан засмеялся вместе с ним.

— Видишь ли, я, Марри, принял новую философию. Есть камни и получше философского, и наш предводитель, похоже, один из них. Я покажу путь.

Зимние туманы, дожди и сильные ветры затрудняли наше путешествие. Мы миновали Брест и плыли все дальше и дальше. Нако-

нец мы добрались до скалистого побережья, которое казалось необитаемым. Но когда мы на пару миль углубились в страну, мы поняли, отчего оно представлялось таким.

Там не было домов, в которых жили бы люди. Странные сооружения из огромных серых камней вполне могли бы служить обиталищем мертвецов. Они тянулись бесконечными рядами — два камня вертикально, а третий образует крышу. Некоторые, выше роста человека, были вытесаны в форме неприличного символа. Кулик сказал, что это символ бога венецов, которому поклоняются, чтобы женщины и овцы были плодовиты.

Где были люди, воздвигнувшие тысячи этих камней? Некоторые из них сидели под камнями, подтянув колени к подбородку. Казалось, им очень удобно, если не считать того, что от них остались одни кости. Марри также сказал, что некоторые холмы из видневшихся повсюду, на самом деле курганы, и сделаны руками людей, и в них захоронены герои.

Китти неторопливо взошла на один из холмов, чтобы осмотреться.

— Я вижу небольшое стадо овец к северу, и рядом с ними пастух. Между нами тянутся ряды этих камней.

Мы осторожно двинулись вперед, внимательно глядя по сторонам. Камни тянулись длинными рядами поперек нашего пути мили на четыре. Там, где они кончались, я заметил десятки зеленых квадратов, которые принял за торфяные крыши деревни. Нигде не было ни признака жизни, даже слабого дыма.

Кулик рассказывал, что венецы были коренастыми, плотными людьми, сильными, но несколько медлительными. Я не сомневался, что они не смогут потягаться со мной в беге. Поэтому, когда мы добрались до того, что я принял за деревню, я взял с собой только Китти, которая бегала не хуже меня. Мы бодро прошли половину расстояния, но вдруг шаги Китти замедлились, и в тот же момент напрягся и я.

— Что ты видишь? — спросил я.

— Мертвую деревню.

— Я чувствую запах дыма.

— Может, есть один костер, но все вокруг мертво. Где цыплята, собаки, коровы? Где играющие дети, женщины, старики у дверей?

Если венеды и жили здесь, они давно ушли. Остался только один очаг, может, два. Вот почему я видела лишь несколько овец.

Мы шли дальше, и вскоре оказались среди высоких столбов, посвященных Геркулесу. За одним из них мелькнула тень, и на мгновение я испугался засады. Но это оказался волк, бродящий вокруг пастуха и его стада. Он был смелее северных волков: подпустив нас всего на двадцать шагов, он прыгнул вперед, еще не зная, что его ждет. Это был матерый зверь, почти мне по пояс, но лучше бы он убежал — мой Железный Орел уже летел ему навстречу. Он плавно взлетел чуть вверх, на мгновение замер, словно выбирая место для удара, и неудержимо ринулся вниз. Железный клюв яростно вонзился в плечо хищника. Ночной убийца попытался бежать, но закашлялся, упал и застыл неподвижно.

Китти, напротив, не могла стоять спокойно. Она радовалась и хлопала в ладоши.

— Нечего веселиться, — буркнул я, — он почти не боялся людей. Значит, он их не встречал. Венеды ушли и унесли с собой свои секреты.

Я не стал ругать Китти, потому что знал, что лапландцы боятся и ненавидят волков.

— Пастух, наверное, обрадуется еще больше, — заметила Китти.

Поблизости мы обнаружили золу от костра. Вокруг валялись несколько бараньих костей и рыба чешуя. Но, судя по всему, человек, разжигавший костер, был один. По следам мы пришли в маленькую хижину, которая тоже оказалась пустой. Некоторые соседние хижины явно служили хлевами, но дожди давно залили очаги, и крыши поросли травой.

Китти сощурила глаза. Я знал, что она думает о том же, о чем и я — об одиноком пастухе, возможно, последнем венедке или же бродяге из какого-то другого племени, поселившемся здесь, на заброшенных землях. Куда ни кинь взгляд, всюду высились памятники смерти, и единственная встреченная нами живая тварь тоже была символом смерти — ночным убийцей.

Китти указала куда-то рукой. Я повернулся и увидел человека, если только это не был призрак, который вел пару десятков овец через пустынную равнину. Судя по виду, он был немолод и, должно быть, нас не видел; и я удивился, как он вместе со своим стадом мог жить в одиночестве среди волков.

Правда, одного из них уже можно было не бояться. Я разжал его стиснутые челюсти и залюбовался мощными клыками. Это был замечательный волк с великолепным мехом. Я зацепил его своим железным крюком за челюсть и взвалил на спину.

Когда мы приблизились, овцы сбились в кучу, блея от страха. Они не знали, что чуют не живого, а мертвого волка. Пастух бросил палку и выхватил длинный черный нож. Я окликнул его, но овцы быстрее оправились от страха, чем он. Так он и стоял в напряженной позе, пока я не протянул ему убитого волка. Пастух сразу побежал к нам, что-то взволнованно бормоча. Привычка к осторожности на незнакомой земле, привитая мне Китти, заставила бросить тушу на землю, чтобы освободить руки. И все же я не успел предотвратить его глупый поступок: он молниеносно полоснул лежавшую тушу своим ножом. Нож оказался гораздо острее, чем я предполагал, а в руках пастуха было куда больше силы, чем можно было судить по его хилому телосложению: он чуть не рассек туловище пополам.

Ему тут же стало стыдно за свою выходку, и, сложив ладони, он растянул губы, изображая улыбку.

— Христиане? — спросил он тонким голосом.

— Норманны, — ответил я.

Я думал, он испугается, но пастух продолжал улыбаться. Я решил, что он не знает такого названия.

Я разглядывал пастуха, который, вероятно, был хорош собой в молодости: в седых волосах еще проглядывали каштановые пряди; борода и усы либо выпали, либо были недавно срезаны; поверх длинной шерстяной рубахи, стянутой у пояса, был надет драный балахон, на котором оставались следы изображения луны и звезд; худые ноги были обнажены до колен. Этот убогий вид совершенно не соответствовал великолепному ножу. Его совершенная форма навела на мысль, что он мог быть сделан венедами.

Я знаками попробовал спросить о деревне.

Пастух развел руками, показывая, что люди разбрелись кто куда. Однако дома казались опустевшими много месяцев назад, а нож пастуха выглядел совсем новым. Возможно, старик сам сделал его, и тогда он должен знать многие секреты железа.

Я махнул рукой Алану, появившемуся на вершине одного из холмов, и вскоре он появился в низине, а следом Куола с Марри.

Пастух обрадовался, увидев их. Я облегченно вздохнул, поскольку опасался, что ему не понравится такое нарушение его одиночества.

Я попросил Алана узнать у Марри, не помнит ли он пастуха среди венедов. Я уже начал злиться от нетерпения, когда наконец последовал длинный ответ. Алан повторил его сочным голосом, которым пел песни.

— Я не уверен. Он смутно мне кого-то напоминает. Возможно, он был одним из вождей, подаривших мне жизнь. Но прошло уже более тридцати трех лет с того дня, как я покинул венедов, и память может изменить мне.

Я, признаться, надеялся на более обнадеживающий ответ, но, разочаровавшись, не стал особенно переживать, однако то, что последовало за этим я никогда не забуду.

Старика в рваных одеждах озадачило странное движение пальцев; возможно, он решил, что здесь какое-то колдовство. Его лицо застыло, когда Алан начал говорить, и оставалось таким, пока я не заставил Марри открыть рот и показать жалкий обрубок языка. Тогда пастух озадаченно хмыкнул и шагнул к калеке, пристально вглядываясь ему в лицо.

Он медленно поднял руку и коснулся головы Кулика там, где были уши. Тот повернул голову вправо-влево, чтобы было лучше видно. И тут пастух произнес слово, при котором мы затаили дыхание.

— Марри, — произнес он голосом, в котором слышалось огромное удивление.

Кулик не мог слышать звук, но он видел шевелящиеся губы, и он отвернулся, чтобы скрыть свое лицо.

Алан пытался заговорить с незнакомцем. Он рассказывал нам, что люди в Ирландии, западной Англии и в Бретани говорят на древнем кельтском языке, а Кулик считал, что пришельцы-венеды переняли его. Алан указал на себя и назвал свое имя.

— Иан, — ответил пастух, ударив себя в грудь.

Алан обрадовался, так как это было распространенное кельтское имя. Однако их общение проходило с большим трудом: каждый не понимал четырех из пяти слов своего собеседника. Говорили они очень долго, а затем Алан кратко пересказал мне содержание беседы.

— Иан, у тебя есть черные камни, чтобы восстановить утраченную силу волшебной рывки?

— Да.

— Ты знаешь, как это сделать?

— Да.

— Ты дашь нам один из таких камней и научишь им пользоваться?

— Да.

— Что ты за это хочешь?

— Много овец.

— Иан, у нас нет овец.

— Ваш вождь уже подарил мне их, убив Демона Сумерек. И я еще попрошу вас подарить мне шкуру, чтобы сделать плащ, и мясо, которое я съем из мести.

Я поднял тушу волка и протянул пастуху. Хотя я был высок, волчий хвост волочился по земле, а силы в моей руке едва хватило удерживать его вес.

Иан ворча забрал волка и одним рывком забросил его на вершину высокого камня. Затем он вновь очень долго говорил с Аланом.

Наконец Алан произнес всего одну фразу:

— Он собирается прямо сейчас отвести нас к Черным Камням.

Иан перевернул угли в костре, зажег от них сухую щепку, а от нее камышовый, пропитанный жиром факел. Он горел ярким пламенем и вверх поднимался густой черный дым. Затем старик повел нас к самому большому холму.

Возле холма высилось одно из тех странных сооружений из трех камней. Оно было больше остальных и прикрывало вход в курган. Иан показал дорогу в пробитый в скале тоннель, в котором только Китти не пришлось пригибать голову. Мы забрались в самую глубь холма.

Все внутреннее пространство было разделено на сотни маленьких помещений: в каждом, подтянув колени к подбородку, сидел скелет. Перед многими валялись наконечники стрел и копий, перед другими стояли горшки и миски.

Большинство комнат имели один вход, некоторые — два. Хотя все двери были одинаковы, Иан всегда знал, в какие входить, а в какие нет. Не хотел бы я остаться здесь один в темноте.

Мы все шли вперед, иногда нам попадались ступеньки вверх или вниз. Свет факела отбрасывал трепещущие тени на стены с черными отверстиями входов и на белые кости.

Я споткнулся о чей-то скелет и упал на колени. Иан громко рассмеялся и пнул его ногой. Затем старик посмотрел на меня явно ожидая, что я последую его примеру. Мне не хотелось сердить пастуха — ведь без его помощи мы бы никогда не нашли черные камни, — но я не мог топтать останки. В горле у меня пересохло, а лоб покрылся холодным потом.

Иан был в веселом настроении. Когда мы проходили через очередной зал, он подхватил череп и бросил нам под ноги, так что пришлось подпрыгнуть. Но когда мы подошли к лестнице, которая была круче и длиннее уже пройденных, он вдруг помрачнел.

— Я думаю, мы прошли древнюю часть кургана, построенную племенами пастухов и не священную для венедов, — сказал Алан. — Теперь мы подходим к новой части.

Расправив плащ, Иан медленно вступил в зал, пол и стены которого были из тесаного камня. Он высоко поднял факел, и мы увидели сотни глиняных урн, — выкрашенных в разные цвета и расписанных разным орнаментом, — но ни одной кости. Я с облегчением подумал, что мертвецы остались позади, но, всмотревшись внимательнее, обнаружил, что вдоль стен лежат скелеты: их кости были черны.

И все эти бранные останки покоились в странном беспорядке: некоторые лежали на груди, некоторые на спине, а руки и ноги их были вытянуты в разных направлениях; у иных были сломаны кости; череп одного был расколот пополам, а у двоих раздавлены грудные клетки, словно ударом молота. Большинство людей, чьи кости лежали здесь, умерли в огне. Потом я увидел то, что на первый взгляд показалось останками великана. Когда я подошел поближе, то оказалось, что это скелет лошади. Одно из сгоревших копыт вполне могло оказаться тем самым молотом.

Иан долго стоял, высоко держа факел, чтобы мы могли удовлетворить свое любопытство. Я увидел скелеты еще двух лошадей, и в моем сознании всплыла картина огромного костра и мчащихся в огонь лошадей. Конечно это был огненный обряд, чтобы умилостивить бога. Тому богу, видно, нравились горящие тела. Но волна от-

вращения не поднималась во мне — хоть мы, норманны, и не сжигаем людей, а вешаем их на деревьях.

Следующий зал, куда Иан привел нас, был освещен ярким светом, струившимся из трещин в стене. Возможно, там был дымоход для очага, сложенного в огромной яме в центре. Я вздохнул с облегчением — там не было скелетов, а только кости животных. Иан не стал здесь задерживаться, он провел нас по короткой лесенке, а затем через другие залы, поменьше. Если они и служили жильем для людей, то для очень ленивых. Полы там были завалены тростником по колено, словно свежий слой укладывался прямо на старый. Но я лишь мельком отметил это: я размышлял о девятидневном путешествии Одина в Хель за Девятью Рунами. Я совершал такое же путешествие, чтобы узнать тайну железа.

Наконец, мы оказались в комнате, где тростник был кучами навален у стен, а в середине — на голом полу — лежала дюжина черных камней, самый крупный был не больше качана капусты. Усмехнувшись, Иан выбрал средний камень и вложил в мою ладонь. Я был удивлен его весом — примерно двадцать фунтов. Старик сразу провел нас в соседнюю комнату, и от света его факела заблестел какой-то светлый предмет наверху. Иан поднял факел повыше, и мы разглядели золотой слиток в форме звезды. Конечно, она символизировала Полярную Звезду.

Венед показал, будто плывет, и протянул Кулику руку. С напряженным лицом калека отдал ему маленькую железную рыбку. Направив ее на Полярную Звезду, Иан ударил рыбку одним из камней. После каждого удара ему приходилось с усилием отцеплять рыбку, и после пары десятков ударов он положил ее на мой меч, и рыбка прилипла, словно приклеенная.

Потом он велел мне отойти с черным камнем назад, словно теперь его сила была враждебна вновь обретенной силе рыбки. Старик держал ее за конец веревки, и мы изумленными глазами смотрели, как она поворачивалась к золотой звезде. Когда Кулик забрал рыбку, удивление начало проходить. Как он ни раскачивал ее, голова железной рыбки смотрела на север.

Смеясь и хлопая в ладоши, Иан провел нас обратно в комнату черных камней. Теперь я жаждал свежего воздуха и ужасался обратному пути через лабиринт. Когда мы вышли из одной из заваленных

тростником комнат не через ту дверь, в которую заходили, я надеялся, что наш проводник поведет нас более коротким путем.

Миновав еще одну комнату, пастух углубился в узкий коридор. Остановившись перед проемом, он знаком показал, что нам следует обогнуть его, и высоко поднял факел, освещая нам путь. Я шел первым, за мной Китти, за ней Куола с моим черным камнем в руке, четвертым — Алан, и последним — Кулик. Все, кроме Марри, оказались впереди Иана, когда вдруг мое сердце стиснул страх, и судьба заставила меня оглянуться. Крупные капли пота блеснули на лице Марри, и, встретив его взгляд, я понял, что он хочет что-то сказать.

Он молниеносным движением пальца указал на Иана, который смотрел вперед и не видел его, затем поднес руку ко рту, словно вытягивал язык, и сделал рубящее движение второй рукой.

Первой мыслью, которую выдал мой охваченный страхом мозг, было то, что Кулик сошел с ума. Но в ту же секунду я отбросил ее и ринулся навстречу судьбе. Я отшвырнул Китти к стене, расчищая путь, крикнул Алану, чтобы предостеречь его, но было уже слишком поздно. Иан метнулся мимо Марри в проем в стене, успев перед тем кинуть факел на пол, заваленный сухим тростником.

Но пастух не принял в расчет ненависть, которая превратила старого калеку в волка. Звериным прыжком Марри бросился на венеда. Иан пытался ударить его ножом, но это не остановило длинные жаждущие мести руки. В свете загоревшегося камыша я увидел напуганные тела обоих. Рука Марри, гибкая, как некогда его язык, мертвой хваткой сжала кисть врага и резким движением завела за спину. Иан вскрикнул и выронил нож.

Свободной рукой Кулик оттолкнул его. Со всей быстротой, на какую только был способен, и визжа от страха, венеда стрелой влетел в комнату, из которой мы только что вышли. Мы все неслись за ним по пятам. Пламя, разгоравшееся за нами, осветило широкий проход, но Иан повернул назад, в узкую щель в черной стене.

Тут Марри крепко ухватил своего врага и остановился, чтобы мы смогли образовать цепь. Он дал руку Алану, тот — Куоле. У Куолы в свободной руке был железный камень, так что Китти ухватила его за рубашку, а вторую руку протянула мне. Дым и искры стремительно надвигались, и Марри позволил венеде вести нас.

Однажды мне показалось, что мы отрезаны, а в другой раз пламя

чуть не настигло нас, и если бы бывший жрец не знал каждый поворот лабиринта, задуманный им план свершился: боги получили бы огненную жертву. Но поскольку вмешалась рука Марри — решившего, что либо шесть жертв, либо ни одной, — Иану пришлось отказаться от своего плана. Он совершенно добровольно выбирал самые короткие пути. Вслед за ним мы карабкались вверх и скатывались по ступенькам вниз. Вдруг впереди замаячило светлое пятно, и через несколько мгновений мы выбрались на зеленую траву под синим небом.

Мы смотрели на курган. Вскоре из многочисленных невидимых щелей стали пробиваться голубоватые струйки дыма, а затем и красноватые языки пламени. Курган прежде выглядел, как обычный холм, и я подумал, что вот так же Сигурд вошел в Зал Дракона, и такие же огни видел Один во время путешествия в Хель — жуткое зрелище: пляшущие ведьмины огни, и вёльва, вызывающая мертвых из заросших травой могил. Затем в недрах холма послышался глухой рев, словно огненный великан пытался выбраться наружу. Курган не выдержал его напора. Над пылающей башней взлетели камни, пепел и сотни костей, и весь холм превратился в огромный факел.

Наконец мы отвели глаза от страшной картины — надо было кое в чем разобраться. Кулик, все еще заламывая Иану руки за спину, издавал свистящие звуки, словно пытался нам что-то сказать. Я приказал Куоле связать пленнику ноги и руки, что заставило Марри улыбнуться, будто он что-то вспомнил. Затем пальцы глухонемого замелькали перед глазами озадаченного Алана.

— Марри говорит, что его пленник не Иан, вождь венедов, а Дорга, которая сделала из него калеку.

— Но ты говорил, что Дорга была жрицей...

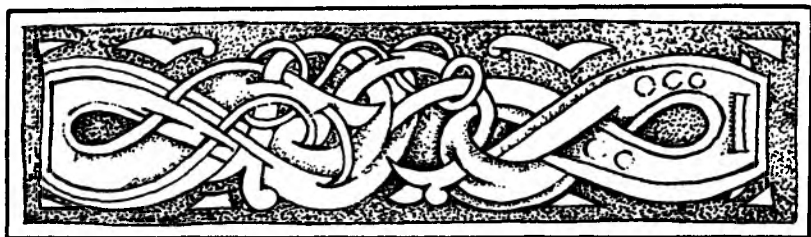
— Я сейчас скажу Марри.

Кулик засмеялся, и двумя пальцами разорвал балахон на груди и под ремнем.

Она насмешливо улыбалась нам, а мы смотрели на ее сухую грудь и на черный треугольник внизу.

Она дико захохотала в лицо Кулику, изогнулась так, что ее груди затряслись, и дернула бедрами назад и вперед.

Он подхватил ее, и с силой своей прошедшей молодости взбежал на курган и швырнул ее в пасть золотого пламени.

Глава двенадцатая ВОЛШЕБНАЯ РЫБКА

У меня была всего одна рука, и восполнять недостаток приходилось голове. Мы медленно плыли на север, а я размышлял, как извлечь наибольшую выгоду из волшебной рыбки. Много недель я обдумывал план, но все никак не мог решиться окончательно. И вот в один спокойный, теплый полдень, сидя с удочками вместе с Китти, я надумал испытать его.

— Мне нужно много золота, — начал я.

— Зачем это? — удивилась Китти. Она умела каждый разговор свести к хитрой и веселой игре.

— Чтобы отнять корону у Аэлы, отдать ее Эгберту, вернуть Моргану и уплыть на Авалон.

— И все? А что будет с Аэлой, когда он лишится короны? Ты думаешь, он станет кузнецом, хоть он и вправду силен? А может, он подарит тебе руку с пальцами из золота и ногтями из драгоценных камней вместо той, что отнял?

— Нет, ничего этого он сделать не сможет. Ему будет нечем работать и не на чем стоять.

— Хастингс тоже твой должник, если я не ошибаюсь. Но сомневаюсь, чтобы он стал платить золотом.

— И я сомневаюсь. Но вряд ли мы с Морганой сможем уплыть на Авалон, не закончив дело с Хастингсом.

— А сколько золота тебе нужно, мой воспитанник?

— Хотя бы на то, чтобы нанять людей на корабль Эгберта. Однако, может, удастся снарядить его бесплатно.

— Что ж, и такое может быть.

— Все, что мне требуется, я могу получить за волшебную рыбку.

Как это устроить? Отнести какому-нибудь конунгу и показать, как она действует? Он, разумеется, сразу поймет ее ценность, но так же и самый простой способ завладеть ею. Так что лучше никому ее не показывать, а одному из нас притвориться волшебником, который может отыскать Полярную Звезду в самом густом тумане и даже в облачном небе.

— Пока ты найдешь возможность скрытно подсмотреть за рыбой и отдашь команду кормщику, корабль успеет перевернуться.

— Я думал об этом. Мы сделаем небольшую палатку вроде тех, что ставят лапландцы на своих северных пастбищах. Ты купишь материю и сошьешь плащ, украшенный луной, звездами и прочими символами колдовства, и мы славно повеселимся, как только встретим драккар с командой не из наших мест.

В конце концов, мы решили, что план верный. Мы проверяли рыбку в разное время и при любой погоде, и всякий раз она находила север точнее, чем дикий гусь весной.

А гуси, в самом деле, летели, потому что кончалась зима. «Игрушка Одина» плыла за ними вслед.

Мы надеялись повстречать викингов. Конечно, прежде чем показаться самим, мы сперва как следует приглядывались к кораблю, хоть и не ожидали, что викинги так быстро заберутся на юг.

Однако мы не приняли в расчет мягкой зимы и Мееры, которая была в курсе всех новостей.

Мы увидели дым от горящих городов в устье Мааса и решили спрятаться в соленых ручьях Ваала. Но из морского тумана вынырнули очертания больших кораблей, и при виде шедшего впереди Китти прижалась ко мне: трудно было не узнать драккар Хастингса — «Огненный Дракон». Вряд ли он приплыл сюда из-за нас — мы насчитали около пяти десятков судов. Следом за кораблями Хастингса, ведомые «Лебедем» — драккаром Бьёрна, — шли еще тридцать кораблей.

— Они плывут в Англию? — спросил я Алана.

— Быть может, в набег. Для большого завоевания их все же маловато. Возможно, они будут грабить побережье, чтобы накопить средств для настоящего вторжения.

— А если они встретят флот Рагнара?

— Нет, он все еще на севере, иначе мы бы о нем слышали.

— Может статься, Англия, так и останется свободной, если викинги не осмелятся переплыть Северное море.

— Я того же мнения. Слишком долгий окружной путь. Они не смогут перевезти достаточно людей.

Когда корабли прошли мимо, мы двинулись следом, держась в пределах видимости. Конечно, нас могли заметить, но на таком расстоянии все рыбацкие лодки одинаковы.

Викинги продвигались быстро, останавливаясь, правда, чтобы захватить добычу во встречающих поселениях. Я все еще не был уверен, что они плывут не в Англию.

Погода, которую я так ждал, наступила, когда мы подплыли к устью Сены: густой туман надолго улегся на спокойную воду. Драккары Бьёрна повернули в море, мы держались за ними. Чтобы не потеряться в тумане, команды кораблей окликали друг друга. Мы дрейфовали уже среди них, как вдруг перед нами вырос драккар, в котором я узнал «Морского Скакуна» — корабль Сигурда, одного из ярлов Бьёрна.

Приготовившись скрыться в тумане, я крикнул:

— Сигурд с Длинного берега!

— Кто это?

— Я скажу, если ты знаешь, где восток.

— Я отвечу, где восток, если ты скажешь, где запад.

— Ты поделишься со мной элем, если я укажу запад?

— Да, если покажешь и сможешь доказать это.

— Если я и моя вёльва поднимемся к вам, ты отпустишь нас с миром?

Так как я разговаривал с викингом в присутствии команды, то я мог положиться на его слово.

— Клянусь в этом, даже если ты спал с моей женой прошлой ночью.

Мы подгребли вплотную к драккару, и я вскарабкался к норманнам. Сигурд широко раскрыл глаза.

— Если это не колдовство, то ты — Оге Кречет.

— Да, и если мне не рады, я уйду.

— Я не причиню тебе вреда. Ты сбежал с пленницей Хастингса, но он выплатил всем участникам погони их долю, так что теперь только у него счеты с тобой. Ты скажешь, что случилось с девушкой?

— Когда я видел ее в последний раз, она была в надежных руках.

— А ты, я вижу, руки лишился?

— Это долгая история. Но мне хотелось бы получить обещанный эль прежде чем рассеется туман.

— Ты говорил о вёльве. Это та самая старая лапландка? Но ведь раньше...

— Раньше она была простой ведьмой. Руку я потерял, защищая одну великую колдунью, и в награду она кое-чему научила желтокожую женщину. Сигурд, как ты думаешь, где ближайшая земля?

— Пожалуй, устье Орна.

— Сколько до него, и в какую сторону?

— Пара миль к югу.

Я думал так же.

— Можешь показать рукой? — спросил я.

— Какое там, нас крутит прилив.

Я махнул Китти, и она вскарабкалась на корабль в своем ведьмином плаще, неся с собой три шеста и шкуру оленя. Пока она соорудила крошечную палатку, я спросил Сигурда о новостях. Осторожно задавая вопросы, я произнес главный совершенно спокойным голосом.

— Где зимовал Рагнар?

— Это никому не известно. В последний раз его видели на Эльбе примерно год назад. Он отослал свой флот на Рейн и обещал догнать, закончив кое-какие дела по поручению Мееры. Но он не вернулся. Многие считают, что он в Ирландии с Олавом Белым.

Я подумал, что он сейчас с более могущественным правителем, чем Олав.

— Кто-нибудь знает, в каком направлении юг? — спросил я.

Никто не имел понятия, и я сказал Сигурду:

— Скажи кормщику, чтобы правил, куда я укажу. И хорошенько глядите вперед, дабы не врезаться в береговые скалы.

Это, правда, нам не грозило, так как море было спокойным, а прилив почти стих.

Китти забралась в палатку, достала рыбку и стала наблюдать за мной через щель. Я принялся медленно поворачиваться по кругу, держа перед собой вытянутую руку, пока Китти не остановила меня по-лапландски. Так как нам нужен был юг, я сделал полуоборот кру-

гом и отдал команду кормщику следовать в указанном мной направлении. Не говоря ни слова, люди взялись за весла. Если корабль немного отклонялся от курса, Китти говорила, куда и насколько надо повернуть. Мы проплыли мимо драккара, в котором я узнал «Лебедя» Бьёрна, и его голос окликнул нас:

— Куда это ты направился, Сигурд?

— В устье Орна, чтобы выиграть бочонок эля.

— Ты воображаешь, что найдешь Орн в таком тумане? Ставлю свой бочонок против твоего.

— Скажи, что согласен, — быстро ответил я, глубоко вздохнув.

— Я сам спору, что берега не найти, но кормщик согласен держать пари с нами обоими, — крикнул Сигурд.

— Тогда я плыву с вами.

На нескольких кораблях услышали спор, и все они быстро снялись с якорей, чтобы посмотреть на развлечение.

Холодный туман смешивался с потом на моем лице.

— Я обещал вести тебя на юг, — обратился я к Сигурду. — Ты уверен, что устье Орна было именно к югу от тебя?

— «Крылатый Змей» стоял на якоре рядом с нами. А он приплыл как раз оттуда, и шел именно на север.

Нам повстречалась отмель, и гребцы подняли весла, чтобы проверить, сносит ли нас. Течения практически не было: трудно было пожелать лучших условий для железной рыбки, и она меня не подвела.

Я вспомнил, как Рагнар, сидя в своем зале, попивал эль из серебряного кубка. Теперь я спорил на бочонок эля с сыном Рагнара.

Вскоре мы услышали плеск волн в оба борта. Однако спереди его не было слышно, а значит, мы входили в устье реки. Еще чуть позже я разглядел лодку, стоявшую на якоре. Сигурд уставился на нее.

— Клянусь Одином, ты выиграл свой эль, и твоя вёльва превосходит всех, кого я знаю.

Бьёрн шел прямо за нами, и мог бы узнать меня, взглядишь он попристальней.

— Сигурд, я под твоей защитой, если Бьёрну вздумается платить долги Хастингса, — быстро сказал я.

— Я понимаю это. — Он повернулся и крикнул: — Бьёрн, наш

победитель — мой гость, и он под моей защитой. Он враг Хастингса, но надеюсь, ты не тронешь его.

— Некоторые враги Хастингса и мои враги, а некоторые — нет. Кто этот счастливчик?

— Оге Кречет. — Сигурд изо всех сил старался говорить спокойно.

— Кто?

— Ты что, Бьёрн, оглох? Я же сказал — Оге Кречет.

— Клянусь Фрейей, в это невозможно поверить!

— Это правда, Бьёрн, — крикнул я, — и со мной Китти.

— Как ты здесь очутился? Мы все считали, что ты стал кормом для акул. Один Хастингс не верил в твою смерть.

— Я ему нужен живым? — Но в этом вопросе не было нужды.

— Мой брат Хастингс всегда платит долги, но я лично не питаю к тебе ненависти и ... — тут он запнулся и спросил другим тоном: — Ты говорил, что с тобой желтокожая женщина?

— Да.

— Должно быть, она услышала ворон на берегу, как ты в тот раз?

— Ее сила гораздо больше. Если ты в этом сомневаешься, то давай поспорим на десять монет, что мы доведем вас обратно к «Крылатому Змею».

Бьёрн помолчал. Он был медлителен, но умен.

— Сигурд, я поднимусь к вам и выпью с Оге, — сказал он с большим дружелюбием, чем хотел показать. — А после поглядим, простое ли это везение, или же его послал Один, чтобы вести наш флот.

Бьёрн перебрался к нам, и мы выпили. Затем он предложил свои условия следующего спора: он ставил пятьдесят монет против десяти моих, что я не смогу привести их обратно к «Крылатому Змею». Я должен был одеть повязку на глаза, пока берег не скроется из виду. Затем, сняв повязку, указывать курс. Ветер к этому моменту совсем стих, и Бьёрн решил, что я не приму вызов. Я, не моргнув глазом, отсчитал десять монет в ладонь Сигурда.

На мои глаза надели повязку. Когда ее сняли, вокруг была густая пелена тумана. По подсказкам Китти я указывал направление, и через некоторое время, за которое, как мне казалось, мы прошли нужное расстояние, я попросил Бьёрна окликнуть «Крылатого Змея». На

его вопль раздался громкий отклик. Сигурд молча отсчитал мне выигрыш. Бьёрн протер глаза и встал, сложив руки на груди.

— Ты со своими спутниками останешься у Сигурда, пока я буду говорить с Хастингсом? — спросил Бьёрн.

— А что ты хочешь ему сказать?

— Ты дерзко разговариваешь, но это твое право. Я потому и решил сперва поговорить с тобой, а потом с ним. Скажи, волшебство Китти имеет силу ночью?

— И днем, и ночью, и у берега, и в открытом море, и при любой погоде.

— Что ж, если ты поведешь мои корабли, я поспорю с Хастингсом, что первым прибуду к острову Олерон, двигаясь своим курсом. Мы будем плыть от мыса к мысу. Если я выиграю, то хорошо тебе заплачу.

— Плата будет зависеть от моих дальнейших планов. Куда вы направляетесь?

— В Бордо, а если повезет с погодой, то в Пиренеи.

— Там уже год назад побывал Харальд Норвежский, и вряд ли у вас будет богатая добыча. Почему бы вам не поплыть на юг к Астурии. Викинги не трогали этот край вот уже пятнадцать лет.

Бьёрн усталился на меня:

— Ты хочешь пересечь Бискайский залив напрямик?

— А почему бы и нет? За время, которое ты выиграешь, ты успеешь разорить еще и Прованс.

— О боги! — изумился Бьёрн. Но тут же перешел к делу и стал похож на фризского торговца мехами: — За сколько ты поведешь наш флот к Бретонским островам? Ты останешься на этом корабле? Я не доверяю твоей маленькой лодке.

Я улыбнулся его заботе о моей безопасности.

— Моя лодка надежнее многих драккаров, и если ты пришьлешь мне пару людей на весла, я останусь в ней. За свою услугу я прошу один фунт золота и защиту от любого человека из всего вашего флота.

— Тогда мне надо поговорить с Хастингсом, когда туман рассеется. Думаю, я его уговорю. Он не из тех, кто позволит ненависти мешать выгоде.

«Ты прав, Бьёрн, — подумал я, — Хастингс терпеливо будет ждать завершения дела. И я тоже».

Подул ветерок, и туман рассеялся. На рассвете я повел корабли Бьёрна в открытое море, затем на северо-запад к полуострову Котантен. У Гааги юго-западный ветер позволил нам взять курс на Бретань, чего не отважился сделать до нас ни один викинг. Я долго не мог собраться с духом и двинуть драккары вслед за заходящим солнцем: люди тяжело дышали, ожидая моего решения. И когда я указал в синий простор, они взревели, пьяные от восторга.

Земля осталась позади, и море посерело от собравшихся облаков. Они сгущались и темнели и, наконец, спрятали солнце от глаз кормщиков. Ветер переменял направление и внезапно стих, затем поднялся вновь. Никто не знал, куда он дует. Спрятавшись от любопытных глаз, Китти взялась за дело. И дважды, и трижды рыбка поворачивалась в одну и ту же сторону.

— Она тянется к Полярной Звезде, и, надеюсь, мы не заблудимся, — сказала Китти, и две слезы скатились по ее щекам.

Ветер дул в сторону Бретонских островов, и мы воспользовались им. Восторг наполнял мое сердце при виде пузатых парусов, тянущих корабли вперед. Я чувствовал себя отмеченным некой тайной, величайшей из всех, если не считать красоты женщины.

Между мысом Котантен и Бретанью было около шестидесяти лиг. Мы покрыли их одним броском — от полудня одного дня до заката следующего. Хастингс не прибыл ни в тот день, ни на следующий. Забыв его холодные глаза, я радовался неудаче сына Рагнара, но когда и третий день мы прождали зря, я подумал, что его поражения могут быть столь же опасны, как и победы. Хастингс не рисковал кораблями, чтобы выиграть спор. Он их берег, чтобы захватить всю Англию.

Мы наблюдали за его прибытием на следующее утро. Его «Огненный Дракон» подплыл к «Лебедю» Бьёрна. Затем Китти и все остальные увидели, что весла продолжили свой ритмичный танец, и солнце заблестело на разноцветных щитах. Но я в это время полировал свой собственный щит, который купил у Бьёрна за унцию золота, и потому не смотрел вверх.

Голова дракона с красным языком нависла над нами. И раздался мягкий голос, который я буду помнить даже в Хель.

— Оге Кречет?

Я поднял глаза на лицо Хастингса. Оно было бледным, что не

предвещало ничего хорошего, и его девять шрамов уродливо выделялись розовым цветом. Я подумал, что он улыбается, показывая свою порванную губу во всей красе, но он почтил меня суровостью.

— Я заметил тебя, Хастингс Девичье Личико.

— Ты поднимаешься ко мне? У меня есть хорошее вино из Булони, и мне бы хотелось поговорить с тобой.

— Думаю, на «Огненном Драконе» места больше, чем на «Игрушке Одина».

На глазах половины флота я перелез на корабль Хастингса, досаду на свою никому не нужную отвагу. Мы уселись на скамьи и пили вино из серебряных кубков, в которые его наливала красивая франкская девушка.

— В ночь вашего побега мне снилась Моргана, — начал Хастингс. — Ты воззвал к Одину и разбудил меня. Я выбежал и увидел тебя в луче лунного света. Я не отправился проверять комнату Морганы, потому как знал, что ее там нет.

Он не ждал ответа, да я и не собирался ничего говорить.

— Перед самым нашим отплытием мой человек нашел тело Горма у дерева повешенных. Его убил ты, Оге?

— Нет, Берта.

— И он мне так сказал, да я сперва не поверил.

— Тебе это сказал Горм? — переспросил я.

— Да, он вернулся и сказал мне это во сне. Забавно, это было всего несколько месяцев назад. Он сказал, что кто-то вызвал его из Хель, чтобы передать мне послание, но он не мог сказать кто. Сначала я подумал, что это была Эдит. В послании говорилось, чтобы я не пытался мстить тебе. Он передал его в знак любви ко мне — он действительно любил меня. Затем я задумался: как Эдит с Небес могла передать сообщение Горму в Хель. Наверное, это возможно, но я не понимаю, как.

— И я не понимаю.

— Когда я добрался до фризского побережья, то выяснилось, что тебя никто не видел. Поэтому я устроил засаду у Флиссенгена. Мы долго ждали, но так и не дождались.

— Я был севернее.

— Я бы так и подумал, если б знал, что Китти может находить дорогу в темноте.

— Китти получила свой дар гораздо позже.

Хастингс взглянул на меня.

— Ты говоришь правду, — медленно проговорил он. — Вы переплыли Северное море в обычной лодке.

— В лодке, которая обогнала тебя в Каттегате.

— Оге, ты великий мореход или великий дурак? Даже Рагнар не переплывал Северное море! Откуда у Китти этот дар? Ты отдал за него свою руку, как Один — глаз за Девять Рун?

— Она научилась у великой колдуньи.

— У Морганы? Она и вправду колдунья. Оге, ты ответишь на один вопрос?

— Посмотрим.

— Вопрос простой. Моргана жива? Трус мог бы ответить, что нет. Но ты не трус. И ты жив, не так ли? Мы оба живы. И разве ты не попытаешься пережить меня, чтобы получить ее?

— Моргана жива, насколько я знаю.

— Сколько ты хочешь, чтобы отвести флот к Геркулесовым столбам?

— Куда бы вы ни отправились — столько же, сколько ты и Бьёрн.

Хастингс засмеялся, и шрамы заплескали на его лице.

— Я не буду просить у тебя прощения, Оге, — отсмеявшись, сказал он. — Я смеюсь над собой, а не над тобой. Это неплохая шутка — Хастингс, сын Рагнара, всерьез обдумывает такое предложение от Оге, раба Рагнара. Что ж, почему бы и нет? Если мы можем плыть в любую погоду, не держась берега, мы уплывем вдвое дальше, чем могли бы, и возьмем добычи вчетверо больше. И все же ты не получишь равную с хельдингами долю. Из положенной нам части я заберу четыре девятых, Бьёрн — три, а ты — две.

— Хорошо, это справедливо.

— У тебя душа хёвдинга, Оге. Но я знаю одну вещь, в которой тебе со мной не сравниться.

— О чем ты говоришь?

— О Зле. Большинство викингов не знают, что означает это слово. Наверное, и я бы не знал, если б ты не изменил мою внешность. Они грабят сокровища, пытаются затмить христиан, которым завидуют и которых боятся. Они убивают христианских священников,

как собака убивает кошку — чтобы доказать силу и сохранить верность богам, которые слабее христианского Бога. Но они верны своим отцам, братьям и детям, и они не бросают друзей в битве, а умирают за своих хёвдингов, даже таких двуногих волков, как я. Они жестоки, как собаки и дети. Они могут увидеть Одина, оседлавшего бурю, но не могут заглянуть внутрь себя и познать Добро и Зло. Но хватит об этом. Как сказала однажды Меера, это мысли не викинга. Оге Кречет, ты не спросил ни о Меере, ни о Рагнаре, моем отце.

— Хастингс, Рагнар еще жив?

— Он покинул свой флот, чтобы отыскать тебя. Люди поверили, что он получил послание от Мееры — они уважают ее, — но на самом деле, послание было от меня. Рыбаки видели его у устья Эльбы — Рагнар гнался за маленькой лодкой в море. После этого его не видел никто. Возможно, он в Ирландии. Или он преследовал тебя? Однако непохоже, чтобы шторм перевернул «Большого Змея» и пощадил «Игрушку Одина».

— Да, не похоже. Тем более, что в то время Китти еще не умела отыскивать путь во тьме.

— Но если он умер, Оге, то, наверняка, от твоей руки. Однако если я скажу такое, мои люди сочтут меня сумасшедшим.

— Ты и впрямь не в себе. Тебя словно заколдовали.

— Мне снятся кошмары, но один страшнее всех: будто Рагнар, а не Эдит, послал ко мне Горма с просьбой не мстить тебе. Рагнар, Великий Викинг. Рагнар, олицетворение норманна. Разве могла Эдит повлиять на него и заставить принять христианство? Боги, боги!

И страшное лицо Хастингса побелело от ужаса.

— Все ангелы Рая и все духи Хель не смогли бы заставить Рагнара принять христианство!

Глава тринадцатая БЕЛЫЕ ГУННЫ

Наше путешествие из Бретани в Астурию было таким же долгим, как от устья Эльбы к Святому острову. Я насчитал сто пятьдесят лиг. Так как мы плыли днем и ночью, под парусами и на веслах, мы преодолели это расстояние за четыре дня. Этот подвиг переполнил нас гордостью, и боги преподали нам урок. Напав на Овьедо и желая захватить сокровища дворца короля Ордоно, мы не следили за округой и не приняли всерьез армию его отважного полководца, дона Педро, укрепившуюся на холме. Они не бежали перед яростью викингов, как мы того ожидали, а мужественно встретили врага, призывая своих святых. На нас обрушился град стрел и копий, их машины метали сотни камней, вниз по склону неслись тяжелые валуны.

Бьёрн, словно раненый медведь, рвался в атаку, но Хастингс видел, что мы можем потерять половину людей на этом смертельном склоне, и скомандовал отступление. Так что викинги бесславно отошли к кораблям и подняли паруса. Но поскольку пострадала только наша гордость, мы не стали возвращаться туда, откуда приплыли. Мы отправились дальше, надеясь смыть горечь поражения славной победой.

Вскоре мы поняли, что господство над морем не делает нас непобедимыми. В поисках воды один из наших драккаров отбился от других, и был захвачен тремя морскими волками, выскочившими из-за острова. Это были галеры — гребли на них рабы, а воинами были темноволосые люди с кривыми мечами. Прежде, чем мы смогли прийти на помощь, все было кончено. Половина команды скрылась под красными от крови волнами, на остальных набросились акулы. Немногих мы смогли подобрать, и только восемь из них до-

жили до полуночи. Восемь из девяносто восьми, пировавших и веселившихся на берегу прошлой ночью.

Два сарацинских корабля скрылись меж островов. Третий удалось окружить, и в его захвате я принимал участие. Казалось, это лишь обыденное происшествие в военном походе, и позднее я буду вспоминать его просто как один из эпизодов своей жизни. Конечно, одна ласточка весны не делает, но она предвещает ее скорый приход.

Я со своими спутниками плыл на «Морском Скакуне» Сигурда. «Игрушка Одина» осталась у пристани одной из бретонских деревушек под присмотром испуганных рыбаков. Судьба и скорость позволили нам догнать добычу. Бьерн и еще двое забросили на галеру крючья, и вскоре смуглых воинов бросили акулам. Викинги собрались прорубить дыру в днище и таким образом быстро прекратить страдания двух десятков рабов, прикованных к скамьям. У рабов был ужасный вид, спины исполосованы шрамами, и они смотрели в лицо смерти с равнодушием, которое можно было принять за гордость.

— Погоди, Бьерн! — крикнул я, перекрывая шум.

Он услышал меня, поднял глаза и заметил мой протестующий жест. Хоть он и был сыном Рагнара, но подчинился моей просьбе и дал команду подождать.

— В чем дело, Оге? — крикнул он в ответ.

— Это быстрый корабль и крепкий. Зачем топить его?

— А что нам делать с ним и с этими вонючими рабами?

— Думаю, на нем можно шпионить в сарацинских владениях. А рабы отработают свой хлеб.

— Хорошая идея, клянусь Одином!

Это понравилось всем викингам, и многие захотели принять участие в забаве. Мы весело красили в черный цвет бороды дюжине наших воинов, и обряжали их в роскошные сарацинские одежды. Мы послали их в Виго, чтобы сделать пролом в городской стене. И, хоть из той затеи ничего не вышло, на меня стали смотреть по-новому. Я стал не просто помощником вельвы, но и хитрецом, вроде Одиссея, достойным давать советы хевдингам.

Галера, сидевшая в воде не так низко, как драккары, отыскивала проходы среди отмелей.

Мы так и не осмелились напасть на Опорто, охраняемый сильной армией сарацин. Мы грабили все побережье до Гибралтара и

сожгли несколько городов. К нашему разочарованию, у Кадиса нас ждал флот из трехсот галер под началом Акбара Рейса, и в Севилье мы только видели вершины минаретов, вонзившихся в летнее небо.

Наша удача вернулась, когда миновали Геркулесовы столбы и вошли в Римское море. Должно быть, боги удивлялись, глядя на викингов, пришельцев с края света, — незваных гостей в водах, где сотни лет правил христианский Бог. Отсюда, из этого мира, брали начало все прекрасные вещи, что мне довелось видеть. Говорят, будто даже наши корабли были сделаны в подражание римским судам времен Цезаря. Наши жалкие познания в обработке железа и изготовлении украшений из золота были занесены к нам римскими купцами. А наши пиршественные залы казались жалкими лачугами по сравнению со здешними мраморными дворцами. Мы лепили снеговиков, чтобы позабавить детишек, а жители берегов этого моря создавали образы своих богов в бронзе и мраморе.

Алан рассказывал мне о наших предках, светловолосых тевтонах, которые завидовали славе римлян, ютясь в шалашах среди лесов; и как из-за этой зависти мы сокрушили могущество Рима, разрушили его стены, и от зарева запаленных нами пожаров потускнело солнце. Мир провалился во мрак, который только сейчас начал рассеиваться. Однако, какое нам было до этого дело — ведь мы отомстили за свое унижение.

Но меня посетила странная мысль о том, что наша война с Римом еще не закончена. Он вновь поднял голову на месте пепелища, оставленного когда-то нашими предками. И мы шли на Рим. Мы ненавидели его смертельной ненавистью. Многие племена, родственные нам, побывали здесь — франки, англ, саксы, юты, — и вот теперь мы, даны, сожжем эти прекрасные дворцы, захватим их сокровища, а самое главное — взывая к Одину, убьем их священников.

В моем сердце разгорелась древняя ненависть, и даже любовь к христианской девушке не могла потушить ее. Я страстно желал, чтобы поход наших восьми кораблей с холодного Севера был направлен в самое сердце христианского мира — на Рим.

Однако это намерение не остановило нас от нападения на плохо защищенный сарацинский город. Сарацины, как и мы, были захватчиками здесь, и грабили города, которые отказывались платить дань. Во время битвы они взывали к своему богу Аллаху, чьим пророком

был Магомет. Хотя их наука и ремесла не превосходили достижений древнего Рима, они значительно обгоняли христианские. Это доказывало, что христиане не столь могущественны, как хотели казаться, и их Бог был не единственным, в которого стоило верить. Но мы, конечно, и сравниться не могли с мусульманами. Христиане называли их неверными, и только для нас — для тех, кто призывал Одина — они оставляли имя язычников.

Мы разграбили Альхесирас, и я собственноручно поджег сарацинский храм, который называют мечетью. В тот день «Клык Одина» пронзил сердце врага, кровь стекала по клинку, и я мечтал, чтобы это была кровь христианина.

Затем у Малаги нас перехватил флот в сотню галер. Мавры жаждали мести, и нам пришлось выдержать тяжелый бой, в котором мы потеряли три корабля, прежде чем наши топоры, копья и мечи обратили в бегство оставшихся в живых.

Мы потопили десяток их судов, и они погружались в прозрачные воды, унося несколько сотен неверных и множество христиан-рабов. Сомневаюсь, что в эти солнечные и теплые края, вдали от наших северных морей, прилетали валькирии, чтобы забрать тела погибших викингов в Вальгаллу.

У Валенсии пришел наш черед обратиться в бегство. Из городских ворот вынеслись толпы всадников и прогнали нас к кораблям. У стен Валенсии пало около сотни воинов. Нашей единственной добычей было несколько рыжих фруктов, которые назывались апельсинами и желтых, зовущихся лиманами. Они несколько скрасили горечь поражения: викинги шутили друг над другом — давали откусить апельсин, а затем подсовывали довольному товарищу лимон.

Так как все прибрежные города были хорошо укреплены и охранялись сарацинским флотом, я подумывал, не предпринять ли поход в глубь страны.

Мы с Китти уже давно поняли, что хитрость плоха без мудрости и знаний, а потому мы обратились к ученому христианину, рабу, которого мы спасли с галеры. Его звали Павел. Алан мог разговаривать с ним по-латыни. В обмен на обещание освободить его, Павел рассказал, что река Збро, впадающая в море на пустынном побережье,

может привести наши корабли к Сарагосе, которая находится всего в сотне миль от границы Наварры.

Хастингсу предложение понравилось, и хоть было странно сидеть с ним рядом на его корабле и потягивать вино из фляги без малейшего признака вражды, мы спланировали поход хорошо. На глазах у сарацин весь наш флот направился от Валенсии к югу. Они могли подумать, что мы решили вернуться домой. Вместо этого мы вернулись по морю назад. В тот день было облачно, и их корабли курсировали вдоль берега.

В Тортосе, в тридцати милях вверх по реке, мы взяли заложников, чтобы горожане не подняли тревогу и не вызвали флот сарацин, который запер бы устье реки. Сарагоса встретила нас крепкими стенами — реши мы сразаться, они задержали бы нас надолго. Но не имеющий кораблей гарнизон мавров не мог причинить нам никакого вреда.

Мы оставили там весь наш флот и одну треть войска, и быстро выступили на Наварру.

Вскоре нам пришлось выдержать бой с четырьмя тысячами копейщиков короля Гарсии. Я было подумал, что это одна из величайших битв нашего времени, но потом благодарил Одина, что не поделился своими мыслями с бывалыми викингами.

В этой стычке, как они называли бой, мы потеряли три сотни человек, однако победили и взяли Гарсию в плен. Тут я понял значение слов «королевский выкуп» — его казначей выплатил нам свыше тысячи фунтов чистого серебра. Даже Хастингс широко открыл глаза при виде такой кучи серебра. Это было больше, чем Париж заплатил Рагнару лет десять назад.

Я освободил Павла, и он мог вернуться в свой далекий дом. К моему удивлению, он пожелал остаться, так что я дал ему копье и щит погибшего викинга, и он присоединился к нам.

Несмотря на то, что мы забирали всех встречаемых лошадей, каждый воин нес на себе тяжелую поклажу, которая все увеличивалась с каждым пройденным поселением, — назад мы возвращались другой дорогой, просто ради новых впечатлений.

Их мы получили сполна у стен укрепленного города в долине. Жители, очевидно, ничего не знали о викингах, потому что вместо того, чтобы укрыться за стенами, они построились перед воротами. Их

было много — наверное, весь город вышел с оружием в руках. Если бы у нас была возможность выбирать тактику противника, мы бы не придумали ничего лучше. Не зря говорят, что в битве грудь в грудь армия викингов может одолеть и вдвое, и втрое превосходящие силы за счет упоения боем, хорошей тренировки и дисциплины. И все же при такой численности врага мы бы понесли немалые потери.

Хастингс, Бьёрн, я и еще несколько ярлов уточняли последние детали перед боем. Викинги казались стаей светловолосых волков пред стадом оленей.

— Пусть они сражаются, — крикнул Бьёрн, нетерпеливо сжимая рукоять своей секиры, — они рождены для этого.

— Нам дорог каждый викинг, если мы хотим идти на Рим, — сказал я.

Хастингс уставился на меня.

— Рим? — озадаченно переспросил он. — Это большое слово.

— Не такое уж и большое.

— Этот вопрос отложим, пока не разобьем этих сынов Аллаха. Хотя могу поспорить, что добыча вряд ли окупит смерть многих хороших воинов.

— И все же нужно что-то делать. Куда им девать свой задор? Они успокоятся либо от драки, либо от веселой шутки.

При последних словах Бьёрна меня осенила идея. Я предложил ее хёвдингам как средство от жажды приключений. Конечно, это будет стоить нескольких жизней, но все как следует повеселятся. Бьёрну идея понравилась, и он сгорал от нетерпения попробовать. Хастингс взвешивал ее со своим обычным хладнокровием. Мне показалось, что принятие окончательного решения не обязанность, а право Хастингса. Его не любили, но никто не подходил для роли вождя викингов лучше, чем он. Хастингс во многом превосходил своего великого родственника, Хастингса Жестокого. Вдруг я с изумлением понял, что не предложил бы свой план, если бы здесь не было Хастингса, чтобы претворить его в жизнь.

— Что ж, попробуем, — наконец сказал он и сразу принялся отдавать распоряжения.

С помощью похожего приема викинги выиграли много сражений. Противника выманивали вперед ложным отступлением. Когда, расстроив ряды, враги бросались в преследование, их встречал яр-

стный натиск спереди и с флангов. Сегодня мы хотели добавить к этому игру в лису-и-гуся.

Последний приказ Хастингса удивил меня.

— Если хитрость срабатывает, — сказал он хёвдингам, — пусть это будет забава, а не война. Мы будем смеяться над этими чернобородыми недоумками всю жизнь, и чем меньше прольется крови, тем лучше.

Эта команда мне даже понравилась, хотя я и не понимал ее смысл. И, думая, что остальные ярлы тоже недоумевают, я уколол Хастингса:

— Я бы понял тебя, если бы ты крестился и преисполнился христианским смирением.

— Жаль, что у тебя не хватило ума увидеть смысл. Эти сарацины могут причинить нам много неприятностей, если будут ненавидеть слишком сильно. И они не поймут, в чем соль шуток, если будет очень много крови.

Мы построились и подошли на расстояние выстрела из лука. Затем начали толкаться и кричать, как будто ссорились из-за чего-то. Совсем смешавшись, мы представляли слишком заманчивую цель для атаки. Наши враги не выдержали. С развевающимися знаменами, под звуки труб они бросились вперед.

— Аллах акбар! — завопили они, когда мы бросились бежать.

Но мы знали, куда нам надо. Если бы из-за облаков за нами наблюдали валькирии, они бы не поверили своим ярким синим глазам. Вместо того, чтобы обрушиться на наших преследователей, мы заставили их бежать за собой по длинному кругу. Когда мы оказались между врагами и воротами, мы со всех ног бросились внутрь. Женщины и дети, оставшиеся в городе, слишком поздно поняли, что происходит. Мы ворвались в город и успели закрыть за собой ворота.

В нашем распоряжении оказались тысячи женщин. Рыча от хохота, викинги гонялись за ними. Снаружи, из-за стен, слышались яростные крики одуряченных сарацин. Это был день такого веселья, о котором до этого не пел ни один скальд.

Все же были две странности, которым никогда бы не поверили христиане.

Первая — то, что викинги не нарушали приказ Хастингса, который позволял отпускать только уличных девок, и то, если они очень уж сильно сопротивлялись.

Другая — то, что слишком многие пытались спрятаться от охот-

ников. И все же число попавшихся постепенно увеличивалось, а многие чересчур пылкие натуры выскакивали из своих укрытий нарочно, чтобы их ловили опять. Нас удивило, что легче было поймать светлую европейку, чем смуглую мавританку. В каждом большом доме их было помногу, и мы не сомневались, что это рабыни-христианки.

Алан сказал, что этот день город запомнит надолго — печальный день для хозяев гаремов: отныне рабыни, встречая своих господ, будут загадочно улыбаться.

Я был викингом, но не участвовал в общем веселье. Я стоял на стене, думая о темноволосой красавице на севере, и мое сердце болело от томительного ожидания. И я сам не ведал: храню ли я клятву или же просто сошел с ума, но что бы это ни было, я гордился этим.

Вечером я разыскал Хастингса, который тоже не тронул ни одну девушку, и вместе мы кликнули клич, держа перед собой щиты. Другие подхватили призыв — это был сигнал сбора. Когда все наши люди собрались, за исключением одного, которого зарезала неблагоприятная пленница, мы открыли противоположные ворота.

— Салам Алейкум! — крикнули мы оставляемым женщинам.

— Алейкум Салам! — прозвучали тысячи голосов.

Обманутые мавры у передних ворот взвыли от ярости.

К тому времени, когда мы захватили Руссильон, я уже достаточно обдумал поход на Рим, чтобы обсудить его с Аланом.

Теперь мы перебрались на один из самых лучших драккаров — «Гримхильду». Я стал ей командовать вместо ярла, убитого в Наварре. Весь флот уважал нас за то, что в любых условиях мы находили путь, и все любили нас за песни Алана. Мы плыли на Семарк, остров у устья Роны. Оттуда мы хотели подняться по реке до богатого города Валанса и надеялись получить выкуп за Карла, короля Прованса. Но никто, кроме меня, не смел и мечтать об успехе. Только сарацины, знай они о наших планах, молились бы за удачу день и ночь. Однако Хастингсу удалось и это.

— Алан, ты бывал в Риме? — спросил я, сидя у мачты.

— Нет, но Марри, наверное, был.

— Спроси его.

Кулик внимательно следил за парящими пальцами скальда, а затем ответил:

— Я был в Риме во времена Лотара, чтобы прочесть трактат великого Гебера и раскрыть секрет волшебного порошка Кимиа.

— Спроси, не желает ли он вновь побывать там?

Алан всплеснул руками.

— Оге, ты сошел с ума, у тебя солнечный удар!

— Ты будешь моим врачом и излечишь меня?

— Должен сказать, что когда-то я был христианином. Я потерял веру, видя зло, которое творилось и творится при дворах христианских королей, и я поклялся поклоняться только Аполлону, богу песен. По какой другой причине мог бы я стать язычником? Но послушай, Рим это не только земля и камни, золото и дерево. Это не просто люди, которыми управляет Папа. Рим уже существовал, когда мир только...

— Его давно не захватывали язычники? — прервал я.

— Лет триста.

— И Англию тоже. Ты рассказывал, что когда саксы прибыли туда в первый раз, они подумали, что эта земля не такая, как другие. Рим мощнее Кадиса?

— Слабее. Николай строит стены с утра до ночи, чтобы можно было выйти из подчинения Луи, короля франков, но работа только начата. Но имя...

— Может ли это имя остановить завоевателей?

— Увы, нет. — Алан замолчал, и даже печаль на его лице была красива.

— А что тогда может остановить нас, людей с Севера?

— Не знаю. Вы можете выгрести серебро и золото из храмов и потом поджечь их. Вы можете сорвать драгоценности с ряс и убить тех, кто их носит. Вы можете получить выкуп за знать, но не за священников — они предпочтут умереть. В городе около сорока тысяч человек — что они могут сделать с белыми гуннами? Но лучше бы тебе поспешить. Это твой последний шанс.

Его слова озадачили меня. Алан заметил это и засмеялся.

— Потому что в следующем году его захватят сарацины? — спросил я.

— Сарацины уже откусили больше, чем могут прожевать.
— Потому что его будут защищать короли христиан?
— Его будут защищать все христиане, некогда бывшие язычниками, защищать от последних язычников. А ты скоро уйдешь.
— Куда, певец? На морское дно?
— Если я не ошибаюсь, туда, куда ушли все остальные язычники. Я мог бы понять его, если бы подумал. Но не захотел.

— Объясни, Алан. Если мы захватим Рим, разве это не будет ударом по всем христианам в мире и по их Богу?

— Честно говоря, я мало знаю о христианском Боге; хотя, думаю, ему нравятся мои песни. Конечно, разорив его главные святыни, вы ослабите его, но человек может ошибаться. И все же это будет сильный удар по всему христианству.

— Тогда перед отплытием домой мы, язычники, захватим Рим.

Казалось, я говорю необдуманно, поскольку без согласия Хастингса и без его руководства такое было бы нам не под силу. Но я был почти уверен, что он согласится, и по нескольким причинам. Одна из них — жажда подвигов у наших людей. Я начал разжигать ее, спрашивая ярлов, возможен ли такой поход, и их глаза начинали блестеть, как клинки на солнце.

Хастингс с удовольствием согласился совершить набег, и, когда мы встретились на его корабле, чтобы обсудить предстоящий поход, оказалось, что он уже учел трудности и придумал, как их преодолеть. Хотя Рим не мог защитить себя, мы должны были ударить как можно неожиданнее, налететь и отскочить, подобно волкам, прежде, чем могучий сын Лотара успеет прибыть из Ломбардии. И еще наш поход в Прованс надо было закончить как можно скорее, иначе сарацины успели бы собрать флот и поджидали бы нас у Гибралтара.

— Мой отец Рагнар одобрил бы такой поход, — заметил Хастингс, — кстати, Оге, где Рагнар? Ты готов сказать?

— Разве лимоны растут на елках? — ответил я.

— Иногда, да. Что-то замечательное появилось в тебе, Оге, с тех пор, как ты подарил мне вот это.

Он мягко поднес девять пальцев к своим шрамам.

— В этом виновато солнце? Моргана? Или это смыто уже кровью Рагнара?

Я посмотрел на него и усмехнулся.

— Двое лапландцев, калека, две девушки и бывший раб. Если мы захватили Рагнара, это славный подвиг.

— Ты не посчитал певца.

— Он появился, когда я расстался с Морганой.

Я понял, что сделал ошибку, но было поздно.

— Бард присоединился к тебе, когда ты сбежал от Рагнара у устья Эльбы. Что такое ты совершил, чтобы он пошел с тобой? Ты не мог дать ему золото, и ты не был великим воином, чтобы привлечь его. А ведь его песни слушали при всех христианских дворах. Так что лимоны выросли на елке.

— Правильно. И вырастет еще больше, когда мы захватим Рим.

— Да. Люди уже называют это Походом Оге. И почему его не предприняли Великие Викинги: Харальд Синезубый, Сигурд и Рагнар — самый великий из них? Да, у них не было такой вельвы, но они бы пришли, если б только захотели. У них просто не хватило воображения.

— А почему ты, Хастингс, не думал об этом?

— Потому что я слишком хороший хёвдинг и слишком плохой викинг. Когда ты впервые предложил это, риск был слишком велик. Однако, благодаря удаче, сейчас он намного меньше, хоть все еще и высок.

Я слушал его и смотрел на розовые шрамы, которые чуть шевелились, когда он говорил, и прыгали, когда он смеялся. Их движение странно подчеркивало его приятный голос и холодные, ясные, разумные мысли. Раны некоторых людей не замечаешь даже при близком общении, его же шрамы становились более заметными. Но это не влияло на мои собственные мысли: когда я вел разговор с Хастингсом, я изо всех сил старался быть на высоте.

— Ты хороший викинг, — возразил я.

— Это правда. Чем красивее дворец, тем быстрее я подожду его. На мне тоже лежит проклятие всех викингов: ужасная гордость, огромная сила и преданность соплеменникам. Я тоже хочу, чтобы обо мне узнали христиане — словно ребенок, кидающийся грязью. Но ты изменил меня. Я стал чужестранцем в собственной земле. Я начал думать не по-норманнски.

— Хастингс, ты поэтому до сих пор не покушался на мою жизнь?

— Да, но ты вряд ли поймешь.

— Попробуй и увидишь.

— Ты слышал, как я говорил Меере, что мне можно верить, потому что я не предаю своих интересов. Так что можешь верить мне, Оге.

Он улыбнулся, но не мне. Он был слишком погружен в себя, чтобы помнить обо мне.

— Что важнее тебя было в моей жизни? — продолжал он. — Ты предложил великий поход, ты — виновник моих девяти ран, ты украл мою принцессу. А может, это еще не весь твой долг? Теперь ты понимаешь, почему мне нужно твое общество? В такой компании интереснее, чем в любой другой. Надо полагать, ты уже понял, почему я хочу, чтобы ты выдвинулся. Ты жил с именем Оге Кречет, но я подожду, пока весь христианский мир узнает тебя как Оге Дана. Так ты уже понял, почему я буду ждать?

— У меня есть мысль, но я не могу облечь ее в слова.

— Я скажу ее римскими словами, которые не стерли завоевания Рима. Признаюсь, это все мое знание латыни. *«Aquila non captat muscas»*.

— Что это значит?

— Орлы не охотятся на мух.

После битвы с Карлом, королем Прованса, оставшиеся в живых опустошали богатую страну. Погиб каждый пятый, но это была приемлемая цена за те огромные богатства, что мы погрузили на корабли, — золото, драгоценности, шелк, ткани, сбруи и седла, песочные часы, чтобы измерять время, и прочую добычу. Даже если бы у нас было вдвое меньше добычи, а потери вдвое больше, поход все равно считался бы удачным. Иногда целая команда оплакивала смерть своего товарища и, как следует помянув его крепким южным вином, принималась орать песни и веселиться. А так как каждого вспоминают по его славе, все викинги бились, смеясь смерти в лицо.

Мы пели вместе, грязно подшучивали и разыгрывали друг друга, веселясь от души. Иногда мы пугали жителей какого-нибудь маленького городишки, вопя во все горло, но не трогали их и пальцем. А иногда мы опустошали целую округу. Со своими пленниками каждый мог делать, что хотел. Нашим единственным законом был Закон Викингов — полное повиновение хёвдингу, честный дележ добычи,

вдоволь еды и питья, нерушимая преданность товарищам и твердый взгляд судьбе в лицо.

Никто не заплывал так далеко от дома, если не считать уехавших на недавно открытый остров — Исландию. Теперь, чтобы достойно завершить наш поход, мы отправились на Рим.

Я назначил Алана кормщиком «Гримхильды», ведущей весь флот. Прислушиваясь к моим указаниям и постоянно советуясь с Марри, он повел нас на восток и север от устья Роны. Мы миновали побережье, изрезанное заливами и мысами, и тут показался берег такой красоты, что викинги взирали на него в полном молчании. Если это только дороги к Риму, то что же нас ждет впереди? Конечно, мы ожидали встретить нечто подобное — два самых святых места для христиан, Рай и Рим, соединились в наших головах, и мы считали, что они помещаются рядом друг с другом.

Берег лежал между высокими фиолетовыми горами и морем, сияющим ярче изумрудов. Земля была покрыта зеленью и цветами, которые купались в солнечном свете, словно в желтом вине. Ветер шевелил пальмы, а фруктовые деревья сгибались под тяжестью плодов. В скалах темнело множество уютных гротов, где вполне могли бы обитать ангелы, и море омывало крепкие утесы, а белоснежный прибой ласкал золотой песок. Когда береговая линия резко повернула к северу, Алан повел нас на запад через синий пролив, едва колеблемый тихим теплым ветерком. Мы гребли день и ночь, и взошедшее солнце осветило мыс, резко выдающийся на юг, и остров, отделенный проливом. Алан сказал, что до Рима уже недалеко.

— Алан, там улицы вымощены золотом? — окликнул нас викинг с корабля Хастингса, когда новость разнеслась по судам.

— Дурень, это в Раю, а не в Риме, — ответил за Алана один из наших гребцов.

— А разве мы туда не заглянем? Я слыхал, что он простирается прямо над Римом.

— Если ломбардцы поймают нас, ты заглянешь в Хель, — вступил кто-то сзади.

— Хастингс, твоя мать была христианкой. Ты увидишь ее на золотом троне? — крикнул один из ярлов.

— Если да, то трон я беру себе. Алан, спой нам, когда мы будем на месте.

— Сомневаюсь, что я еще буду петь, — странным голосом ответил Алан, и я увидел, что он страшно побледнел.

Нашему взору открылся залив. Спокойная вода казалась очень глубокой. Восточнее виднелось устье реки, и я не сомневался, что это знаменитый Тибр. Мы вошли в него, со смехом глядя, как во все стороны улепетывают рыбачьи лодки, а на берегах суетятся люди. Впереди, словно жемчужина, медленно вырастал город. Он стоял между заливом и рекой, и теперь мы видели, как его башни и дворцы отражаются в воде. Они были так прекрасны, как никому из викингов и не снилось.

Лишь подойдя ближе, мы поняли, что белый свет над городом — это солнце, отражающееся от белоснежного мрамора. Большинство величественных зданий, выходящих на реку, было выстроено из этого несравненного камня: некоторые стены были черно-белыми, другие — бело-зелеными.

А над рекой возвышалась статуя, как я подумал, христианского Бога — в бело-желтой рясе с золотой бородой. Странно было видеть суетящихся людей и слышать лай собак среди подобной красоты. Мы думали, что такому виду больше бы соответствовали ангелы и небесная музыка.

По правде говоря, несмотря на чудесные дома, дворцы и мраморные бассейны с рядами статуй, город не сильно отличался от других, захваченных нами. Он был меньше, чем Валанс, и добыча здесь обещала быть не такой уж богатой. Люди со всех ног бежали в окрестные леса и холмы. Пораженные красотой города, мы теряли время.

Сокровища главного храма были спрятаны столь хорошо, что мы так и не смогли их найти, а когда принесли факелы, оказалось, что гореть почти нечему. Но мы решили, что сжечь одну доску в Риме значит причинить христианам больший вред, чем предать огню весь Париж. И, чтобы Небеса содрогнулись, мы пролили в храме кровь, убив старого священника.

Убийства и грабежи продолжались до рассвета, когда нами вдруг овладело смутное предчувствие, что пора уходить. Казалось, даже поднявшийся восточный ветер был послан нам Одином, чтобы уберечь от мести христианского Бога. Паруса весело ловили солнечный свет, и корабли радовались, что мы направляемся домой. Наш драккар последним поднял парус, но остальные корабли позволяли обо-

гнать себя, уступая обычное наше место во главе флота, и викинги приветствовали нас.

С этого дня «Гримхильду» называли драккаром Оге. Я не претендовал на собственный флаг, но один викинг из моей команды притащил бронзовую фигуру какой-то птицы и укрепил ее на носу. Мне казалось, что это орел, но мне хватило ума никому не говорить об этом. Если бы Стрела Одина вновь могла летать, в ее клёкоте звенела бы гордость.

Мою радость омрачало одно маленькое облачко. Когда я попросил Алана спеть для нас, он угрюмо отвернулся. Я подумал, что певец раскаивается, ведь когда-то он был христианином и привел нас к величайшей христианской святыне. Но я надеялся, что он вскоре вновь обретет свое обычное расположение духа. Я бы только хотел, чтобы христианский Бог не проклял его за то, что Алан предал свою старую веру.

Весь следующий день мы сидели на носу, глядя в море. Еще через день мы увидели большой флот галер к северу от нас. Мы не боялись их. Они не могли оторваться от берега, потому что ночь обещала быть облачной. Перед рассветом ветер стих, и поднявшееся солнце отразилось в неподвижных водах. Мы приступили к завтраку, и наши шутки разносились от корабля к кораблю, только Алан ни разу не улыбнулся, хотя не было человека веселее него. Я предложил ему меду, но он покачал головой. Я был обижен его молчанием.

— Люди соскучились по твоим песням, — начал я.

— Боюсь, я больше не буду петь.

— Наверное, ты болен. Что-то давит твою душу. Но ты никогда не поправишься, если не будешь есть.

— Спасибо, Оге, но скоро я сам буду едой для акул.

— У тебя жар, ты бредишь. — Я подвинулся к нему.

— Не бойся, я не прыгну за борт. Мне надоело быть викингом и подчиняться своей судьбе. Я боюсь за твой рассудок.

— Ради Бога, в которого ты веришь, говори яснее.

— Когда ты узнаешь правду, ты выбросишь меня за борт.

Его глаза горели, но это был не жар.

— Какую правду? — как можно спокойнее спросил я. — Тебе необходимо сказать?

— Необходимо, но сперва ответь на один вопрос.

— Спрашивай, певец.

— Если ты оставил кое-что в Белом Городе, ты вернешься?

— Слишком поздно. Ты видел сарацинский флот. Нам надо скорее добраться до Гибралтара. Но почему ты назвал Рим Белым Городом?

Он посмотрел на меня, и слезы покатились у него из глаз.

— Потому что это не Рим.

Волосы встали дыбом у меня на голове, и я не сразу обрел дар речи.

— Ты в своем уме, Алан? Если это не Рим, то что это было? Заколдованный город?

— Это древний город Луна, названный так в честь ночного светила; он известен тем, что в его окрестностях добывают мрамор. От него до Рима еще пятьдесят лиг. И я привел вас сюда не по ошибке, а нарочно. И если ты спросишь меня, зачем я это сделал, я попробую объяснить.

— Если ты решил говорить — говори, буду благодарен, но просить не стану.

— Луна — это город певцов и поэтов. Большая статуя, которую ты видел — это статуя Аполлона, бога Солнца и брата Луны. И я поклоняюсь этому Богу. Но я предпочел, чтобы вы сожгли его город, а не Рим.

Певец помолчал и задумчиво пригладил волосы. Он был прекраснее, чем статуя Аполлона.

— Я сказал «предпочел»? Нет. У меня не было выбора. Я знаю, если будет жив Рим, через десятки, сотни и десятки сотен лет песен в мире будет много больше. Песен людских и песен струны, музыки в камне и стихов на пергаменте, музыки цветастых тканей и резного дерева, и безмолвных песен сердец. Я певец, и я предан своему ремеслу.

— Если ты скоро умрешь — а это вполне может случиться — свою предсмертную песню ты уже спел. И она была хороша.

Я повернулся к соседнему драккару и крикнул:

— Хастингс Девичье Личико!

— Что тебе, Оге Кречет?

— Мы ограбили не Рим. Этот мраморный город зовется Луна.

— Ты с ума сошел?

— Алан нас обманул, и Кулик помогал ему.

— Нет, он ни при чем, — перебил Алан, — я сказал ему, что тебе нужна Луна. Это только моя вина.

— Это сделал один Алан, — крикнул я Хастингсу и притихшим викингам. — Он отплатил за лимон, который мы для смеха дали ему попробовать.

— Клянусь грудью Фрейи, — воскликнул Хастингс голосом, напомнившим мне Рагнара, — он отплатил сполна.

Раздался взрыв хохота, и новые шутки все добавляли веселья. Викинги задыхались и топали ногами, всхлипывая от смеха. И я понял, что, сумев победить их ярость, я тоже сложил стоящую песню, и когда-нибудь Алан отправится со мной на Авалон.

Глава четырнадцатая ПРЕДСКАЗАНИЕ

Пока мы обшаривали богатые равнины ниже устья Тагуса, чтобы добыть людям продовольствие, Хастингс нанес визит на «Гримхильду».

— Я поговорил с пилигримами, идущими в Рим, — сказал он дружелюбным тоном, выпив крепкого местного красного вина. Даже сейчас он выглядел более изысканным и утонченным, чем любой известный мне норманн, и я не мог припомнить случая, чтобы какой-нибудь крепкий напиток ударил ему в голову.

— Думаю, они были рады узнать, что Рим еще стоит и им есть куда идти, — заметил я.

— Благодаря твоему приспешнику, Алану. Я был немало удивлен, когда викинги с готовностью простили его. Отчего-то мне вспомнилось, что я ни разу не слышал от него даже тихого смеха над самой кислой шуткой, но мне понравилась твоя выдумка и я рад поддержать ее. Викинги скорее расстанутся с половиной своей добычи, чем пойдут без его песен.

— И ты пришел, чтобы сообщить мне об этом? — любопытствовал я.

— Нет. Я вспомнил, что ты как-то сказал, будто Алана не было с тобой, когда ты ушел от Рагнара в устье Эльбы. Английские пилигримы поведали мне, что в это время он был при дворе Аэлы.

Он молчал, но я ничего не ответил, только глядел на него с любопытством.

— А еще они сказали, — продолжал Хастингс, — что там же встретил свою кончину Рагнар.

— Ты веришь им? — осведомился я.

— Сознаюсь, они рассказали слишком ладно скроенную историю. Он якобы прибыл на «Великом Змее» на побережье Нортумбрии свести счеты с Аэлой. Аэла же хитростью сумел захватить и перебить всю дружину. А Рагнар принял смерть в колодце со змеями.

Кажется, Хастингс ко мне особо не приглядывался, но я-то следить за собой не забывал. И пока я не смог ответить на его взгляд честным взглядом, я не поднимал глаз.

— Это жестокая месть Рагнару за бесчестье матери Аэлы? — спросил я.

— Так говорят во всей Европе. Но мне в эти рассказы не очень верится. Заметь, Оге, я не сомневаюсь, что мой отец Рагнар мертв. Я мечтал об этом месяцы — так же, как и Бьерн. Нет у меня никаких сомнений и в том, что умер он в королевстве Аэлы. Но отправляться сводить счеты с христианскими королями на одном единственном корабле совсем не в его характере. Рагнар был на море и конунгом и разбойником — всегда и во всем. Он никогда не торговал миром — он знал только битву. Он расстраивался, если города хотели откупиться, потому что ему нравилось жечь и убивать. Завоевание Англии было его великой целью...

— Может, он поехал ко дворцу Аэлы из-за Морганы, — остановил я его.

Еще мгновение назад Хастингс выглядел великолепно, и его красивые глаза сияли. Медленно он начал бледнеть, словно заглянул в неведомую тьму.

— Ты догадлив, Оге, — медленно сказал он.

— Очень на это надеюсь.

— Почему же ты не прервал мою долгую речь, если и так видел, к чему я клоню? Ты же занятой человек. У тебя нет времени точить ляды. Однако, ты попал в самую точку.

— И мне так кажется.

— Если он думал, что Моргана направляется к Хамберу, он мог пойти туда, чтобы захватить ее. Если же он уже схватил ее, то он мог отправиться туда, чтобы взять за нее выкуп. Ты ведь рассуждал так, Оге Кречет?

— Да, Хастингс Девичье Личико.

— Когда я видел ее в последний раз, она была с тобой. Когда я

видел его в последний раз — он преследовал тебя. Ты-то появился снова, а вот он пропал. Бард Аэлы, Алан, теперь поет для тебя, ты потерял руку, а Китти стала великой вельвой.

— И что ты думаешь, Хастингс? — спросил я.

— Мой отец Рагнар отправился в путь с сотней воинов, равных которым нет во всех северных странах. Он искал маленькую лодку, которой правил глухонемой, двое лапландцев и его бывший раб. И ничего дельного мне в голову не приходит.

— Ты однажды сказал, что рад, что я жив. Если бы я убил Рагнара, тебе следовало бы быть более веселым.

— Да, и моя судьба будет более великой, чем я мечтал

Он задумался на мгновение, его зрачки расширились, как у женщины в минуту сильной страсти, затем медленно сузились, превратившись в сверкающие, точно бриллианты, черные точки:

— Почему ты говоришь это, Оге? — спросил он. — Что ты задумал?

— Я прошу у тебя прощения. Мне следовало помнить, с кем я имею дело. Честно говоря, я боялся, что в сердцах ты сотворишь что-нибудь такое, о чем потом пожалеешь.

— Нет, я не убью тебя, Оге. Пока не получу доказательств. Мало того — я понимаю твою улыбку, — я еще должен оберегать тебя, несмотря на то, что Моргана была моя лучшая любовница, чьих объятий я некогда не знал. Я ненавижу ее за то, что она оказалась сильнее меня, и беспокоюсь из-за малейшей царапины на ее руке. Если ты убил Рагнара, то мы оба должны жить, пока я окончательно не удостоверюсь в этом. Почему довольно лишь заглянуть вперед, чтобы заставить нас, как трусов, беречь свои жизни? — Хастингс неестественно засмеялся.

— Хастингс, а ты любил Рагнара?

— Нет, зато я боялся его. Он был единственный, не считая богов, кого я боялся. Теперь видишь, как я обязан человеку, которого боялся сам Рагнар? А теперь скажи, что по-твоему, нам следует делать?

— Быстро отправляться в поход на Англию. Моргана где-то там, и потом, я обещал Эгберту сделать его королем Нортумбрии. И если правда, что Рагнар умер в колодце со змеями, то вряд ли они съели его кости, тогда ты сможешь поискать их и похоронить в кургане.

— Мы выступим, как только соберем самый большой флот, который когда-либо отплывал от северных берегов.

Это стало нашим наиглавнейшим делом, и викинги с большим удовольствием откликнулись на наш призыв. Они радостно шли за «Гримхильдой» от мыса Финистерре прямо через залив в Бретань; но памятуя о великих открытиях на западе, я не мог удержаться, чтобы не повернуть восточнее, в большую излучину, и если бы поднялся встречный ветер, нас могло бы отнести с курса. Но даже отсюда, хотя вокруг простирались бескрайние просторы, люди разглядели прекрасный плоский остров, в котором кормщики узнали Гедел. С самого западного мыса мы срезали углы, двигаясь с востока на северо-восток под скалами Дувра, а потом повернули носы драккаров на Ско.

Мы вошли в Длинный Пролив, и землепашцы в поле бросали свои плуги, а женщины останавливали прялки, чтобы сосчитать наши суда. Семьдесят кораблей из восьмидесяти, вышедших в море, рассекали волны, и многих воинов не хватало на борту, и все же это было радостное зрелище после летнего похода.

Но сердце наблюдателя замирало, когда он замечал отсутствие одного корабля — «Великого Змея». Если Рагнар не вел свой флот и не был с Олавом в Ирландии, значит, его людей вел Хастингс. Все сердца бились в такт, кроме одного — оно принадлежало старому слуге Рагнара, не имевшему причин любить своего хевдинга. Сердце старика билось не спокойно, он думал, что наступает конец света, глаза его померкли и он упал. А другие сердца бились весело, в полную силу, словно от страсти, но и в них не было покоя.

На пристань спустилась Меера, ее волосы по-прежнему пламенили. Морщины от тайных страстей проступили резче, однако глаза были непроницаемы и черны, как и раньше. Когда она увидела нас с Хастингсом каждого на своем корабле, занятых общим делом, у нее отвисла челюсть и глаза полезли на лоб; ей понадобилось несколько секунд, чтобы взять себя в руки.

Хастингс осведомился о ее самочувствии и вновь принялся за работу.

— Что это значит, Хастингс? — спросила она.

— Что «это»?

— Когда Оге покидал наши места, он захватил с собой твою принцессу и бежал от твоей мести.

— Он как-то и впрямь увел у меня хорошую дичь, но с тех пор много всего произошло, и теперь мы друзья и соратники.

— Что произошло? Хастингс, где Моргана? Она что, умерла? Аэла выкупил ее, а вы с Оге помирились? Но он не дал бы никакого выкупа, если каждый из вас был с ней...

— Оге, удовлетвори ее любопытство, — попросил Хастингс. — Верно, жизнь скучна ей без Рагнара и его зуботычин, и она совсем изголодалась без новостей.

— А где Рагнар? — потребовала ответа Меера.

— Сообщи ей, Оге, сколько сочтешь нужным.

— Короче говоря — ты не поверишь, Меера, — но Моргана где-то в Англии; Рагнара Аэла сбросил в колодец со змеями — в это уж ты поверишь, — где он и простился с жизнью.

— Хастингс, ты знаешь больше.

— Ничего подобного, и это самые правдивые слова, которые я говорил за всю жизнь. Это Оге знает больше, чем рассказывает.

— Если бы ты взял раскаленные клещи...

— Ты же знаешь, люди этого не любят. Они не поддержат. И потом Оге приобрел немалый вес в этом мире, я говорю не только о соседнем лесе, а о великом христианском мире, том мире, который один и стоит всего. Кроме того, Меера, я не уверен, что щипцы помогут узнать правду. А Оге скорее промолчит, чем солжет.

Окинув нас мутным, словно пьяным, взглядом, Меера повернулась, чтобы уйти.

— А еще, — вслед ей крикнул Хастингс, — без Оге нам не завоевать Англию.

Но в этот миг я почувствовал, что Меера уже знала все, что мы с Хастингсом рассказали ей о Рагнаре и Моргане; и спрашивала она нас лишь в надежде узнать больше. Но последнее замечание ошеломило ее.

— Если он такой великий воин... — начала она насмешливо.

— Он-то нет, зато у него есть Китти, — перебил ее Хастингс, изо всех сил стараясь казаться серьезным.

— Китти?

— Да ведь ты должна ее помнить, Меера. Ну она еще когда-то была твоей рабыней. Она стала самой великой вельвой Северных стран и ценится на вес золота.

— Да, когда-то она была моей рабыней. — Ни голос, ни выражение лица не выдавали ее чувств, но вдруг Меера заметила, что Хастингс развлекается. — А Оге когда-то был рабом Рагнара!

Хастингс и виду не подал, что услышал. Легко, как девчонка, Меера зашагала прочь. Тотчас же я отправился проведать Эгберта и, найдя эрла в его покоях, я, как и раньше, преклонил колени.

— Встань, ради Бога, — ворчливо, как всегда, сказал он.

— Ты сказал мне вставать перед тобой на колени, пока я — твой человек.

— Ты уже не ешь за моим столом много месяцев.

— Я пользовался твоей лодкой, а это одно и то же. Но я заплачу тебе за нее десять монет, если тебя устроит такая цена.

— Если ты принес мне хорошие новости, то я отдам ее тебе даром.

Я рассказал ему о нашем с Хастингсом плане вторжения в Англию этой весной.

— А я собирался сделать тебя своим посыльным, — задумчиво протянул Эгберт. — Ты меня очень обяжешь, если не будешь больше вставать передо мной на колени.

План был оговорен быстро и толково. Я вновь получил обязанности главного проводника.

Три флотилии по сто кораблей каждая, находились под командой Хастингса, Бьёрна и Ивара. Посыльные направились на зимние стоянки викингов в Европе в устьях Сены, Шельды, Рейна и Соммы с предложениями присоединиться, когда морские чайки начнут вить гнезда.

— Это будет великий поход, — говорила Китти, сидя на корточках, когда я изучал карты Эгберта. — А что мы будем есть и пить?

— Лодки привезут огромные запасы продовольствия, а мы будем забивать скот здесь, на берегу. О ком ты думаешь, Китти? — я взглянул на нее.

— Я думаю, что будут есть питомец, ставший вождем целых

полчищ, и его старая желтокожая кормилица. Еда должна быть обильной, если мне придется питаться твоими объедками.

— Надеюсь долга, который я собираюсь взять с Аэлы, тебе хватит?

— Ненадолго может и хватит.

— А что, если твой питомец захочет сам стать королем?

— Я думала, ты поклялся сделать королем Эгберта.

— Это не твоего ума дело, но все же я попробую тебе объяснить. Эти рисунки — карты Нортумбрии — говорят, что она состоит из двух древних королевств, Бернисии и Дейры. Я обещал Эгберту, что он будет королем Нортумбрии, но не обещал, что он будет единственным ее королем. Предположим, он будет править в землях севернее реки Тайн, на территории пиктов, тогда как Оге, бывший раб, возьмет богатейшие владения между Тайном и Хамбером. Корона Йорка до сего дня венчала других королей...

— Да, это выше моего понимания. А ты будешь носить роскошную одежду, золотые украшения и драгоценные камни?

— Тебе такие и не снились.

— Все это у тебя уже есть. Ты будешь спать на золотом ложе и не видеть снов о Хастингсе?

— Хастингс хочет стать королем Уэссекса, который граничит с Уэльсом. Так что будет большая война. Но что, если в это время король Нортумбрии бросит битву и захватит его драккары, чтобы обогнув побережье, отправиться к Родри, королю Уэльса, свататься к его дочери Моргане? Предположим, он завоюет ее, и тогда король Родри скрепит своей королевской печатью пергамент, соглашаясь ударить одновременно с востока и с запада и раздавить Уэссекс как орех.

— Это твое сердце расколется как орех, и задолго до этого.

— Что ты хочешь сказать, косоглазая колдунья?

— А что тут говорить? Ты приручил сокола-оборотня, и по твоему приказу он нанес девять ран сыну Рагнара. Соколица соединила свою душу с твоей, а прилив, посланный убить тебя, отступил. Ты убил Брата Рагнара и украл королевскую невесту, а когда пришло время, ты убил Рагнара и разделил ложе с черноволосой феей, а теперь волшебная рыбка указывает тебе лебединую дорогу по Полярной Звезде. Сколько ты заплатишь за это?

— Я уже отдал свою левую руку, желтая сука из Хеля!

— Левую руку! — смех, похожий на крик морских птиц, вырвался из ее уст. — Один отдал глаз за Девять Рун! Ты думаешь, что твоя судьба удовлетворится куском мяса и костью? Чего она ждет, Оге Кречет? Сделает ли она тебя королем Англии, прежде чем оборвется нить?

Я замахнулся, чтобы ударить ее, но рука задрожала и повисла плетью, а глаза Китти наполнились слезами.

— Я забыл, Китти, что ты отдала правду своего рта моим глазам.

— Это был страшный дар. Ты не можешь видеть всю правду, только ее бесформенную тень. Оге, почему Алан, великий певец, поехал с тобой?

— Потому что я убил Рагнара Лодброка, Великого Викинга.

— Его ты убил лишь однажды, и это уже минуло. Кого еще ты убьешь, чтобы об этом стоило сложить песню, достойную его пения? Аэлу? Отличная тема для песни, перед последним куплетом можно остановиться и промочить горло медом. Хастингса? Скорее он убьет тебя, нанеся одну глубокую рану, стоящую его девяти. И это будет концом песни. Алан привез свою арфу, чтобы петь о чем-то простом и благоразумном? И судьба удовлетворенно оборвет нить? Нет, ты должен убить Хастингса. Не это ли суждено? А когда он рухнет перед тобой, обгаренный кровью из девяти ран по девять раз, сможет ли Алан отложить свою арфу?

— Нет, он не сможет отложить ее. Он должен держать ее наготове. Он должен ждать.

— И чего же он должен ждать, Оге Дан?

— Дракона, который придет, чтобы сожрать меня.

— Чего еще, кроме дракона пострашнее того, что убил Сигурд? И вновь я отдаю твоим глазам правду моего рта.

И она подошла ко мне и вновь вытащила у меня из-за ворота мой талисман, который иногда называют «золотом дурака».

— Сможет ли он защитить меня от дракона? — спросил я.

— Не он спас тебя от укуса блох. Это всего лишь знак того, что должно произойти. Если ты сможешь заглянуть в него, то сумеешь узнать, почему Алан последовал за тобой и почему он ждет.

— А Алан знает?

— Знает его душа, как и моя, но души не заговорят.

— Возьми «золото дурака» в левую руку, Китти.

— Нет, дитя. Вспомни, как когда-то я прижимала тебя к своей груди!

— Делай, что я тебе говорю, или я отрублю эту грудь своим мечом!

— «Золото» в моей левой руке, Оге.

— Сожми на нем пальцы.

— Я сжала их на этом огромном коричневом мохнатом пауке, чей укус несет безумие. Они крепко сжаты.

— Как он выглядит?

— Круг с кривыми краями.

— Твоя душа может уже говорить?

— Еще нет.

— Отпусти камень.

Она разжала пальцы, и он закачался вперед-назад на шнурке.

— Сними повязку с моей левой руки.

— Зачем, это ведь так просто...

— Тогда почему твои руки трясутся, а ты тяжело дышишь?

— Позволь мне уйти, Оге, во имя молока, которым я вскормила тебя.

— Делай, что я тебе говорю, пока я не выпустил кровь из твоих вен Клыком Одина.

— Вот. Повязка снята.

— Сожми обрубок крепче своей левой рукой.

— Сжала. Сжала.

— Положи правую руку на свою грудь и сожми еще крепче мой обрубок.

— Пощади меня, Оге, если любишь хоть немного. Не мучай меня больше.

— Ты в муках родила ребенка, но он умер, и я занял его место. Потому что я очень люблю тебя, единственной пощадой для тебя может быть смерть. Делай, что я говорю!

Она подняла мертвую руку, не черно-коричневую-красную, как мой обрубок, а молочно-белую с белыми ногтями и — как велико было ее мастерство — не ссохшуюся. Пока она держала ее за запястье, я сжимал ее правой рукой. Она была едва теплой, сохранив частицу тепла сердца Китти, но скоро стала такой же теплой, как и при жизни.

— Теперь мы едины, — сказал я. — Круг замкнулся, как когда я прикидал к твоей груди, и я могу говорить, когда ты скажешь мне.

— Да, он замкнулся.

— Позволь своей душе говорить твоим языком.

— Оге, ты ненормальный.

— Когда ударит смерть, и чья рука нанесет удар?

— Она ударит раньше, чем выпадет первый снег. Ударит мертвой рукой человека, который будет удерживать смерть, но так и не сможет удержать. Она явится из королевства Вьорда в образе дракона.

— Может, это не я нанесу дракону смертельную рану, прежде чем паду сам?

— Нет, только Моргана может совершить такое, но боюсь ты уже потерял ее в своих прекрасных снах. Моргана Черноволосая, Фея Моргана.

Глава пятнадцатая ВНЕЗАПНОСТЬ

Корабли со всей округи собрались в устье нашей реки. Под началом Хастингса были те семьдесят, что ходили на Рим и которые старые викинги называли Охотниками за бекасами. Кроме того, он построил еще тридцать, посадив на них рослых плечистых парней, которых со всего Хардоланда привлекла его слава. Под знаменем Бьёрна на длинных боевых драккарах собралась вся старая дружина Рагнара, желавшая отомстить. Девяносто судов были присланы королем Хориком из Зеландии, и встали под начало великого хёвдинга Ивара Бескостного, старшего сына Рагнара и его наследника. Флотом, собравшимся у Тенет, командовал Хальвдан. Я же руководил только «Гримхильдой», но в моей команде были чародей песен и чародей звезд, и до самой Англии весь караван будет следовать за моей кормой.

Эгберт должен был плыть с нами на своем корабле «Королевский путь», а потом ждать на Линдисфарне, пока мы не покорим Йорк. Мы подумали, что появление раньше сделает его изменником в глазах народа, но после, когда все будут умирать от голода, они сами посадят его на трон Аэлы, сочтя за лучшего посредника в деле с выкупом, и тогда и он, и они будут в наших руках. Этот план родился в умной голове Хастингса — никто из нас не мог сравниться с ним.

Вскоре после того как появились почки на ивах, мы вышли в море из Длинного Пролива. Я думал, ветры остановятся в небе и перестанут дышать, удивясь огромной стае морских драконов, уплывающей в Северное море, а серые киты обезумеют от страха.

Две сотни кораблей из фризских и франкских рек ждали в от-

крытом море. Я подумал, что это самый большой флот со времен Римских войн.

Но он скоро разделился, согласно нашему плану. Ивар должен был высадиться у Тенет и предать огню и мечу владения недавно коронованного Этельреда, короля всех западных саксов и действительного повелителя бриттов. Бьёрн должен был пройти западнее, от Линна до Ноттингема, восточной крепости Этельреда и его храброго младшего брата Альфреда. Пока Хальвдан останется с половиной войска, я с пятью тысячами воинов пойду по старой дороге от Линкольна до ворот Йорка, и там соединюсь с Хастингсом, который ударит, поднявшись вверх по реке.

Я уже собрался выступить, когда мне сообщили об отсрочке удара. Осберт, законный король Нортумбрии, свергнутый Аэлой, вернулся из изгнания и собирал армию вблизи Твида. Хастингс был вынужден изменить план и, не заходя в Хамбер, быстро отправился к Тайну, чтобы попытаться завладеть тамошними землями раньше, чем Осберту удастся привлечь людей на свою сторону. Я гадал, что станется с Эгбертом, ведь его участие в происходящем не делало ему чести. Моим отрядам предстояло продолжить поход к Узу, возле Йорка, пройти по землям Аэлы, отрезать его южные владения и ждать Хастингса.

Целая область, граничащая с Уэльсом, была иссечена множеством речушек, болот, лесочков, заросшими тростником озерков и каналами, в которых отражалось небо. Большая часть жителей, селившихся по берегам и на островах, убегали при нашем появлении, а мы проходили мимо, милостиво приветствуя каких-нибудь нескольких смельчаков, дерзнувших показаться нам на глаза. Они ходили, казалось, прямо по воздуху, их ноги даже не касались воды. А чудо заключалось в том, что местные жители в местах, где не могли пройти лодки, разгуливали на ходулях. Огромные болота были полны рыбы, угрей, и каждое утро в предрассветной мгле на болотах просыпалось множество птиц.

Но величайшим чудом были творения рук человеческих. По всему безбрежному озеру, повсюду, виднелись не только ходящие по воздуху люди, но и очертания множества каменных укреплений, замков, башен. Это были жилища христианских священников и монахов на многочисленных маленьких островах. Они строили свои

монастыри подальше от сухопутных разбойников, не думая о желтоволосых грабителях моря. Очевидно, они воображали, что их молитвы будут лучше услышаны на небесах, если звук станет отражаться от водной глади. И потом им нравилось отправлять чудотворные обряды на заросших тростником берегах небесно-голубых озер и среди этих священных вод. Их дьявол, с которым они порывались бороться, запросто мог выбрать своим логовом это озеро

Да и по берегу на пятьдесят лиг тянулись остатки высоких земляных валов, явно созданных людскими руками, но мы не верили собственным глазам, пока Алан не сказал, что их построили давным-давно римляне, чтобы удерживать воду. И вот они лежат в руинах, а Рим стоит, как стоял.

Из лагеря Бьерна было отчетливо видно громаду Аббатства Святого Кутлака; и викинги страстно хотели разграбить монастырскую золотую и серебряную утварь, обобрать украшенные драгоценностями образы святых, перерезать братию и спалить сами стены.

Хоть я и командовал ими, но я был одним из них, и так же, как они, хотел сбросить христианского Бога, который своим могуществом смущал наши души. На военном совете было решено разгромить английские войска и захватить самые укрепленные города, которые мы прежде грабили, но тогда завтра кто-то из наших погибнет с пустыми руками и опустошенным сердцем. Смогут ли валькирии прилететь за их обескровленными телами, чтобы унести викингов в Вальгаллу? Нет, девы битв не могут путешествовать в христианских небесах. Дыхание Одина почти не чувствуется в такой дали от Асгарда, и другие боги посылают сюда ветер, вернее — другой, единственный Бог. И я малодушно думал, что вряд ли наши тоскующие по дому умирающие сумеют после смерти отыскать хотя бы девятидневную дорогу в Хель.

Я уже собирался отдать приказ о выступлении, когда всевидящая Китти указала на протоку. К нам приближалась лодка, в которой быстро работали веслами четверо гребцов, и развевался белый флаг, которым христиане просили мира. Я взял кусок белого полотна, которое Алан носил вокруг шеи, и помахал им в ответ. Вскоре старший из них, плотный краснолицый парень, чье оружие и одежда напомнили мне дружинников Аэлы, опустил передо мной на колени.

— Можешь встать и говорить, — сказал я так, будто был знатым английским бароном.

— Я Гунтер, начальник королевской дружины, и везу слово и знак от Аэлы Оге Дану.

— Я приму их.

— При его дворе есть особа, чья жизнь тебе дороже всего. Если ты пойдешь на восток или юг Англии, или же на Запад, в Мерсию, этот человек останется в живых. Если же ты пойдешь на север, он умрет. А кроме этих слов он приказал мне отдать тебе этот знак.

Это был маленький ковчежец из слоновой кости с жемчужной раковиной. Я открыл его, почти уверенный, что увижу большой драгоценный камень. В складках шелка лежала прядь черных волос.

— Скажи Аэле, что мы пойдём на север, и если эта прядь срезана без вреда для ее владелицы, то я отрублю ему руку и оставлю в живых, но если он тронет еще хоть волосок, то примет ту же смерть, что и Рагнар.

Посланец и его люди поплыли обратно. Но я не мог приказать повернуть и сжечь огромное Кроулэндское аббатство. Волшебная рыбка, вертящаяся на своем шнурке, тосковала по северу не меньше, чем я.

Но я не остановил наших охотников, отправившихся за свиньями и домашними гусями, а севернее лагеря Бьерна наши всадники увезли казну и спалили монастырь. И я встретился с еще одним посланником Аэлы.

— Мой повелитель король приказал мне вручить тебе этот знак его внимания, — сказал он, протянув мне маленький дубовый ящичек.

При встрече присутствовали люди, и поэтому я, несмотря на неловкость, а, может быть, и дрожь моих рук, не позволил открыть ящичек Алану. Когда я открыл крышку зубами, что-то маленькое, сверкнув, упало к моим ногам. Алан быстро нагнулся и поднял его. Он сверкал, как жемчужина, но это был не жемчуг. Это был зуб, и я вспомнил улыбку Морганы.

— Брат Годвин сказал, что отправит ее вместе с паломниками к отцу, Родри Уэльскому, — сказал я Алану.

— Должно быть, Аэла не позволил ей уехать, — ответил бард, глядя в землю.

Вспомнив, как он спас Рим, я замахнулся, но тут же подумал о его песнях, что чаруют, пробуждая в душе образ любимого человека, и рука опустилась сама собой.

На захваченных лодках мы сделали крюк, чтобы разграбить Су-айнхэд в сердце Болот, а когда полсотни монахов решительно встали на защиту своего монастыря, викинги перебили всех до единого. Близ города Слифорда, защищенного крепостной стеной и рекой Уитем, мы разграбили дворец епископа, изрубив всех, не успевших скрыться, а затем спалили и сам дворец.

Город Линкольн высился на гребне горы, защищенной добротной сложенной крепостной стеной. Совет хёвдингов согласился с тем, что его не стоит брать штурмом, дабы уберечь жизнь наших людей и сохранить сам город для нас же самих. Меня обрадовало это решение, ведь в таком случае наши силы быстро отойдут немного восточнее от этих стен. Я не стал бы менять этот план, даже не взирая на послание, которое вскоре мне должны были принести люди с белым флагом.

— Король Аэла приказывает Оге повернуть назад, — сказал мне придворный, — и он посылает тебе вот это в знак своего последнего предупреждения.

Коробочка, которую он мне передал, была серебряной в форме гроба. Она закрывалась очень маленьким крючком. На подушечке лежал миниатюрный белый пальчик. И я подумал о пяти оленях, бродивших там, куда мог забраться лишь хозяин замка, и пяти ланях, показывающих им путь. Сладостная мечта стремилась овладеть мной, но я не мог предаться ей из-за мыслей об Аэле и, тем более, о Китти. Я стал тем самым хозяином замка, верным любви, и все что я ныне имел было во владении феи. Китти боялась, что я забуду про нее в своих роскошных снах.

Посланник удалился. Я отдал коробочку Китти, приказав ей хранить содержимое.

— Вперед, — сказал я Рольфу, своему неизменному помощнику.

— Путь близкий, Оге, но мы должны разбить лагерь до того как стемнеет. Нужно время, чтобы подобрать местечко посуше. Взгляни на облака.

— Они быстро опускаются. Но я вижу деревню неподалеку, там мы сможем спокойно переночевать под крышами.

— Так и сделаем.

— А еще я вижу какой-то монастырь на высоком берегу Линдиса. Как ты думаешь, если мы подожжем его, пошлет ли христианский Бог дождь, чтобы погасить пламя?

— Пожалуй, должен; монахи-то наверняка побьются об заклад, что так и будет.

— Тебе понадобится лишь пара сотен людей, чтобы проверить это и привезти их заклад.

Рольф забрал половину людей с четырех кораблей — мы распределили наши силы так, чтобы воины могли работать и сражаться вместе, несмотря на то, что половина отряда покинула суда, — и они отправились в путь с оружием и факелами. Основные силы двинулись в деревню, где набились в каждый дом, сарай, конюшню и овин, а расквартировавшись, принялись гоняться за лебедями, гусями и прочей живностью. Через некоторое время весело затрещали костры, небо потемнело, и в полном безветрии полил теплый дождь. Уже догорал закат, когда сквозь тьму пробилось зарево пожара в монастыре. Он разгорался все сильнее, и я решил проверить крепость здешнего пива. Но я не сделал этого, несмотря на полный разброд в мыслях и мучительную тяжесть на сердце.

— Если Аэла убьет мою Моргану, я выверну ему ребра, а потом брошусь на свой меч, — сказал я Китти.

— И ничего не сделаешь после его смерти, прежде чем умереть?

— Две вещи. Во-первых, убью Хастингса, чтобы он составил мне компанию в Хель. Встрече не бывать, если хоть кто-то из нас попадет в Вальгаллу. А во-вторых, я должен перерезать горло тебе.

— Я бы не смогла сделать это сама. Я желтокожая лапландка, которая удовольствуется призывом любого бога, чтобы уйти. Но я испугаюсь, если это не сделает кто-нибудь другой.

— Не бойся, я перережу твое горло сам. Как насчет Куолы?

— Он мой племянник, и если он захочет пойти с нами — а я думаю, он побоится отстать от нас, — я позабочусь о нем.

— Алан должен остаться, чтобы петь обо мне, а вот Кулик?

— Он не может ни петь, ни слышать их. Думаю, он должен последовать за тобой, как твоя тень.

Но в этот момент вошел Рольф, и очаг осветил его лицо, испуганное, как у мальчишки.

— Оге, боюсь, я принес плохие вести.

— Ты боишься этого или знаешь наверняка? Говори.

— Знать я не знаю, но зато я видел и слышал, и тебе судить, хорошо это или нет. Когда мы подошли к монастырю, Оффа сказал мне, что в дальнем лесу всадники. Как тебе известно, у него рысьи глаза, но я ничего не мог разглядеть в темноте и хотел разграбить и сжечь монастырь, а потом быстро вернуться к нашим кострам. Вскоре мы увидели, что этот приют не похож на те монастыри и аббатства, где мы бывали раньше. Там не было ни одного монаха, кроме аббата в белой рясе с колокольчиком и свечой, да еще с ним вышла нам навстречу какая-то старуха в серой одежде, которая несла серебряное распятие. Мы не поняли, что она говорила, а когда захотели выбить ворота, оказалось, что они не закрыты. Нам не встретилось ни одного мужчины, только шесть десятков женщин, все в таких же серых одеяниях — они стояли на коленях и молились.

— Это всего лишь женский монастырь. Что было потом?

— Из-за дождя, закрывавшего окна, из-за этих молившихся женщин и слез, заливавших их лица, у нас не хватило духу повеселиться и разграбить монастырь. Мы взяли, что подвернулось под руку, да и отправились поджигать его. И в этот момент какая-то девушка, краше которой я никогда не видел, одетая в белое, выбежала из кельи и заговорила со мной. Я не понял ни слова, кроме твоего имени.

— Ты уверен?

— Это слышали несколько человек. Мы не смогли ошибиться. Она гордо стояла передо мной и прямо смотрела мне в глаза. Она спросила у меня что-то и закончила словами «Оге Дан».

— Какого цвета были ее глаза?

— Я видел только, что они сияли, но ее брови и волосы были черными.

— Она толстая или стройная, высокая или маленькая?

— Она маленькая, и если не считать черноты ее волос, то очень красивая.

— А не потеряла ли она недавно пальца?

— Я не заметил.

— А не заметил ли ты, целы ли у нее все передние зубы?

— По-моему, нет. Но я не смотрел на ее ротик.

— Ты уверен, что у нее волосы черные? Об этом трудно судить в темном зале...

— Черные, как сажа. Ну как я мог ошибиться, если целая прядь закрывала ей правый глаз.

— Ладно. А что было дальше? Говори же! Кто-нибудь из твоих людей или ты сам убил ее?

— Мы не пролили ни капли крови, и не из страха перед христианским Богом, а потому что на нас там никто не поднял руки — клянусь Девятью Рунами Одина. Когда мы запалили монастырь, та старуха им что-то сказала, и все они, и девушка в том числе, вышли через ворота. Затем они направились к реке, и в свете пожара мы видели, как они садятся в лодки на берегу реки, чтобы переплыть ее. Девушка была в последней лодке, она выделялась среди серых одежд своим белым одеянием. И едва они переправились и вышли на берег, два десятка всадников вылетели из-за деревьев и окружили их. Предводитель всадников — огромный человек на могучем жеребце — спешил, поднял девушку в свое седло, а кто-то из его людей стал возиться около ее ног, очевидно, подтягивая ей стремена. Монастырь уже хорошо разгорелся, огонь ярко освещал тот берег, и мы могли все видеть.

Он замолчал и должен был сказать что-нибудь такое, что заставило бы его озабоченно посмотреть на меня.

— Вы пытались остановить их? — не придумал ничего лучшего мой оцепеневший разум.

— Мы не успели бы переправиться через реку. Мы стреляли в них, но расстояние было слишком велико, и только одна стрела попала в цель.

— А потом?

— Они ускакали, весело крича и смеясь.

Китти и Алан слышали наш разговор — глаза Китти сузились и потемнели, а у Алана — расширились и засверкали. Увидев, что я надеваю непромокаемый плащ, Алан застегнул свой, а Китти надела длинную доху из оленьей шкуры. Они присоединились к Рольфу, Оффе и еще нескольким ребятам покрепче; Куола, который однажды выпустил Китти из виду в этой чужой стране, ходил за ней по пятам.

Я довольно долго молчал, прежде чем задать ей вопрос:

— Ночь темна. У тебя есть маленький поплавок? — Но я не помнил Китти без него.

Она засмеялась своим птичьим смехом.

— Куола, у тебя с собой черный камень? — спросил я его на моем, как казалось, родном языке.

Куола приподнял плечи, намекая на свою заплечную суму, и показал мне свои большие зубы в довольной улыбке.

Мы вышли на деревенское поле, где паслись под надзором лошади. Один из сторожей принес нам седла, и Рольф повел нас в ночную тьму, и его факел трещал и шипел под теплыми каплями дождя. Неуверенный в том, что выбрал лучший путь к темно-красному зареву впереди, он вскоре предоставил Оффе вести нас. Мы повернули на заросшую травой тропу и вскоре удалились от дороги.

Когда мы добрались до пылающего монастыря, бойницы в его стенах походили на красные глаза чудовища, а оранжевое пламя, поглотив крышу, устремилось вверх, исчезая в клубах черного дыма. Тени, принимая странные зловещие образы, плясали вокруг стен, как нападающие волки, то наскакивая, то отпрыгивая. И никто не видел, что это были души, сошедшие с небес, которые, думалось мне, прервали свое вечное пение, чтобы посмеяться надо мной, но единственным звуком на земле сейчас был грубый громкий треск огня, такой странный в этой тихой, безветренной ночи и мокрым шелесте дождя.

Мы направились туда, где спустились к реке монахини, и нашли там две лодки, очевидно, никому не понадобившиеся. Одна была просто рассохшейся скорлупкой, другая же — добротной посудиною с четырьмя парами весел, должно быть, крестьяне ею пользовались, чтобы перевозить через реку всякие тяжелые вещи.

Мы переплыли на другую сторону и подошли к собрату по дождливой ночи, который лежал на песке с глубоко засевшей стрелой в плече.

— Ты можешь говорить? — спросил я.

— Да.

— Говори правду, и мы возьмем тебя с собой в наш лагерь, и, быть может, ты останешься жив. Но солги, и при первом же слове лжи я разлучу твою душу с телом.

— Я скажу правду, господин.

— Кто ты и что тебя сюда привело?

— Я Хью, телохранитель Аэлы, короля Нортумбрии. Аэла уже давно страстно желал получить Уэльскую принцессу, скрывавшуюся в монастыре святой Женеьевы, и, будучи человеком умным, он, наконец, нашел способ получить ее.

— Почему же он не взял ее два с лишним года назад?

— Да как он мог, если мать-аббатисса не выдавала.

— Ему нужно было только выбить ворота...

Ослабевший от боли и потери крови, он сумел, тем не менее, так посмотреть на меня, словно я был дураком.

— Ворота не запираются, Оге, — напомнил мне Рольф.

— Хью, Аэла боялся этой старой женщины?

Ослабевший, будто меня выпотрошили, я задал страшный вопрос уверенным голосом.

— Что толку говорить правду язычнику? — возопил он. — Вытаскивай меч и руби.

— Нет, продолжай, и о тебе позаботятся, накормят и дадут выпить. Какой хитростью получил ее Аэла? — Но я уже хорошо знал, какой.

— Шли даны, сжигая на своем пути все аббатства, и они могли захватить принцессу. Аэла был уверен, что вы не пощадите и этот монастырь, так как и он лежал на вашем пути. И он поскакал на юг со своей дружиной — это было три дня назад, — и стал ждать в лесу. Когда огонь выгнал монахинь со священной земли, он захватил их подопечную принцессу.

— Что ж, это и впрямь довольно просто, — сказал я Алану, — для этого не нужно особого ума. Достаточно знать, куда мы идем и нашу любовь к поджигательству.

— Это большее зло, чем то, что чинят даны, — ответил бард.

— Больше я ничего не знаю, — проговорил Хью. — Я сказал тебе правду, да ведь ты все равно убьешь меня.

— Нет, можешь жить и иногда смеяться, — разрешил я. — Есть здесь еще кто-нибудь, кто знал Моргану? Я хотел бы поговорить с таким человеком...

— Был еще один человек, но она не знала Моргану, и потом она в любом случае не сможет говорить с тобой.

— Мы посадим тебя в лодку...

— Сходи и взгляни на нее, раз уж ты здесь. Это займет всего минуту, и, может, она без слов ответит на твой вопрос. Ты найдешь ее в броске камня отсюда, где тропинка входит в лес. После того как она стала не нужна, Аэла приказал оставить ее здесь.

Рольф посмотрел на меня, и я кивнул. Он пошел впереди, держа факел над головой, и было нетрудно найти то, что мы искали. На земле лежала стройная, тоненькая девушка лет шестнадцати, в крестьянском платье, довольно красивая и изящная, и с первого взгляда она напомнила мне Моргану. Ее брови и волосы были также черны. Копье пробило ее грудь совсем недавно, и тело еще не успело остыть. Но я подумал, что это не единственная ее рана и при свете факела отыскал еще две. Смерть раздвинула ее губы в неестественной улыбке и было видно, что во рту у нее не хватает переднего зуба. Подняв ее руки, я разглядел загноившийся обрубок пальца.

Когда мы переправлялись через реку, я вновь заговорил с раненым воином Аэлы.

— Должно быть, твой король очень спешил, раз не привязал тебя к седлу, а бросил здесь.

— А может, он думал, что я убит?

— Кажется, он мог бы оставить девушку в живых. Она стала бы верной подругой какого-нибудь воина и делила бы с ним ложе страсти.

— Наверное, он подумал, что она может задержать его, поскольку стала плохой наездницей. Такой великий король, как Аэла, не потерпит и самой пустяковой задержки. Кроме того, она раздражала его своим плачем. А, может быть, Аэла оставил ее здесь, чтобы ты веселее смеялся над его шуткой.

— Как ты думаешь, он и впрямь верил в то, что я могу вернуться?

— Верил, нет ли, однако он решил рискнуть дважды — и выиграл. — Глаза воина уставились в мои, и в свете факела они показались ярче, чем раньше.

— А он не боится, что наша армия будет его преследовать?

— Его вестовые и гонцы сообщили ему, что у тебя очень мало лошадей. Кроме того, они прекрасные всадники, а вдоль всего их пути стоят сменные лошади. Все лодки на этой стороне реки ждали его,

и уплыли, как только он переправился. Позади них сожжены все мосты.

Вдруг он побледнел, и я схватил его за плечо и встряхнул.

— По какой дороге возвращается Аэла: по прямой от Линкольна до Хамбера, или по большой западной дороге с переправой через Трент у Сагло, а потом вброд? Скажи, и можешь передохнуть.

— Он пойдет по большой дороге.

— Алан, куда течет эта река?

— Я не знаю этой части страны, Оге. Но думаю, к Святому Ботольфу...

— Если ты дашь мне немного вина, я скажу тебе все, что ты хочешь знать, — предложил Хью.

Ни у кого из нас не было вина, но Китти достала из своей сумки фляжку и приложила к губам воина. Мы уже причаляли, однако я велел своим людям не трогать его, и стал ждать, когда раненый продолжит рассказ. Вскоре при свете факела стало видно, что он розовеет.

— То, что сказал певец, правда, — поведал он. — Святой Ботольф в десяти лигах отсюда, на притоке Уоша.

Он говорил о большом квадрате, отрезанном Уошем, где оставались триста кораблей с половиной команды.

— Какой там прилив?

Хью посмотрел на водоросли:

— Сейчас он уходит.

— Тучи пришли с юга. Не будет ли ветра?

— Похоже на то, что ветер будет.

— Теперь все слушайте меня внимательно. Рольф, возьми Хью в лагерь, как я и обещал; он будет жить, если сможет, а если умрет, мы его честно похороним, как он пожелает. С тобой пойдет Отто, остальные — со мной. От Аэлы и его банды многого ждать не приходится, раз он бросает своих людей на дороге, но и засиживаться не стоит. И нельзя допустить, чтобы кто-нибудь узнал, что вас не ведет Оге Дан. Держите язык за зубами.

— Нет, мы будем трепаться об этом, — рявкнул Рольф во все горло, пытаясь скрыть свое разочарование от того, что идет не с нами.

Отто взвалил Хью на спину, и они с Рольфом двинулись к лошадям. Наши весла вновь погрузились в воду, и мы вышли на стремнину. Сперва медленно, а затем все быстрее, течение понесло нас к

морю, но мы все время рвались вперед на своих восьми ногах. Однажды «Игрушка Одина» летела, обгоняя ветер, но я уж и не думал, что деревянный конь может бегать столь быстро.

Оффа сидел на носу вдвоем с Китти. Его зоркие глаза пронизывали тьму, обшаривая заросшие тростником берега. Китти слушала песни дождя своими чуткими ушами, и говорила, что на песчаных отмелях и в середине стремнины он пел разные песни.

Если же верить брюху Куолы, которое определяло время трапезы точно, как песочные часы, мы миновали пристань святого Ботольфа уже четыре часа назад. Теперь нам следовало держаться проливов, известных как Пучина святого Ботольфа, или рисковать сесть на мель. Так как Хальвдан рассчитывал, что вслед за дождем придет южный ветер, я подумал, что он встанет в засаде у глубокой бухты Уэлленд. Мы громко крикнули, и вскоре услышали его ответ.

— Аэла идет через эти земли с двумястами конников из окрестностей Линкольна к стенам Йорка, — сказал я Великому Викингу.

— Ты заставляешь страдать от жажды мое Жало Смерти, — Хальвдан погладил свое знаменитое копьё. — Когда он выехал?

— Сразу после сумерек.

— Полагаю, путь коня и вполтину короче лебединой дороги, но если... — И как я и ожидал, он взглянул на юг, откуда уже чувствовалось движение воздуха.

— Чем больше кораблей ты сумеешь выделить, тем больше шансов отрезать его от Йорка. Если ты дашь мне сто драккаров, я возьму Йорк.

— Я могу дать тебе десять с полными хирдами, то есть двадцать — с половиной дружин. Я поведу остальные, чтобы ударить на Эдмунда, короля Восточной Англии.

Люди, которых мы оставили на «Гримхильде», обрадовались нашему возвращению, а сам корабль, заняв свое место во главе колонны, казался высоким и гордым. Девять его храбрых братьев весело плеснули веслами по воде, словно детские руки в ведре, но затем более спокойно, чтобы пришвартоваться, и совсем печально, будто гончие, взятые на свору из погони, пока люди забирались на борт. Едва весла вновь окунулись в воду, я зажег в железном котле сосно-

вую хвою. Свет ее красного пламени волшебным кругом пробил темноту ночи, указывая путь от дождя, и не было человека, который бы не приветствовал криком этот огонь. Затем я прикрыл пламя, чтобы он не слепил глаза Китти и Оффе и не выдал нас разведчикам на берегу. Затем, пока переключались впередсмотрящие и кормщики, мы вышли из морского протока в вероломный и коварный залив.

За мысом, где земля поворачивала на запад, дождь прекратился, и мы целый день шли полным ходом, состязаясь с дельфинами, и люди были так веселы, что я уж опасался, не заколдованы ли они.

Тьма настигла нас невдалеке от рыбацкой деревушки возле Вайка в горле Хамбера. Мы вошли в его открытую глотку, направляясь на запад по узкому проливу его горла, но южный ветер не стихал и шел за нами неотступно, и драккары, словно нелетающие фазаны, должны были бежать, развернув крылья. Я возблагодарил свою счастливую звезду за то, что Хью был всего лишь ранен в плечо, а не убит: по его совету я отправил половину людей занять переправы вниз по реке Трент. Мы гребли всю ночь, и добрую ее часть — против прилива, и день застал нас выше устья Дона. Отсюда река поворачивала на северо-запад, неся нас все ближе и ближе к нашим врагам.

Команды гребцов менялись каждый час. Берясь за весла свежими и полными сил, к концу часа викинги сильно сдавали. К вечеру мы подошли к броду через Уз у Йорка, и высадили отряд из четырех сотен воинов для засады. Наши лодки рванули вперед, захватывая суденышки перевозчиков и паромы, но мы пощадили пленных за хорошие новости. Не было никаких сомнений — мы выиграли гонку.

Через некоторое время два гонца на полумертвых от усталости лошадях принесли королевский приказ, чтобы лодочники ждали, повара в королевской кухне жарили мясо и студили вино, а королевское ложе было застелено шелковыми простынями. Теперь мы могли оказать ему более теплый прием, если удача не отвернется.

Мы послали людей перехватить и перебить тех, кто попытается предупредить нашу дичь. На всякий случай я отвел корабли на двести футов от города. Более того, я сам был вынужден пропустить сражение, оставаясь с драккарами в ожидании прилива, который станет преградой между Аэлой и укрытием в крепости.

В небе загорелись звезды, когда «Хельга» принес известие о лодке с четырьмя гребцами, пробиравшейся через тростниковые заросли напротив городской пристани. Я приказал рулевому «Хельги» выйти на середину реки и подняться немного вверх по течению, чтобы потом, в случае необходимости, оно усилило скачок драккара. Я покинул свою стоянку в пятистах футах ниже по течению. Мы едва усидели на месте, когда южный ветер донес до нас высокий звенящий крик, ослабленный расстоянием: это наши собраты послали навстречу врагам кровавых пчел, и бросились вперед с изголодавшейся по свежей крови сталью.

Ураган быстро замирал. Я представлял себе Аэлу на огромном коне, распластавшемся в отчаянном полете. Но по моему строжайшему приказу ни стрела, ни копье не должны были и рядом просвистеть с его особой, чтобы не причинить вреда Моргане; только — перехватить его коня, или до или во время схватки.

Если кто пеший или конный войдет в воду, они должны были быть захвачены или убиты воинами с кораблей. «Хельга» и «Гримхильда» высматривали скользящую в тростнике лодку.

И вот мы увидели ее тень на освещенной лунной воде. Лодка двигалась быстро и ровно, как утка, — ни плеска весла, ни резкого движения. Оффа отогнул шесть пальцев, показывая четырех гребцов и двух пассажиров, но тщетно я пытался услышать крик Морганы о помощи. Она онемела, быть может, из-за кляпа, думал я, а может, и от страха смерти. Когда лодка достигла стремнины, я подал знак гребцам. Мы едва набрали скорость, когда завопил впередсмотрящий с «Хельги»: лодка повернула и пошла вниз по течению; и мы с одобрением следили за работой ее гребцов, ловко и быстро работавших веслами. Однако они сразу поняли всю безнадежность своего положения, обнаружив, что мы отрезали их. Люди завопили, увидев, что наш дракон всего в полусотне взмахов. Но даже теперь «Хельга» успевал настичь их первым.

Тогда Аэла выпустил свою последнюю стрелу. Он выпрыгнул из лодки и перевернул ее. Я увидел, как один из гребцов ухватил одной рукой Моргану, вцепившись другой в борт лодки, и решил сохранить ему за это жизнь. Убедившись, что она в безопасности, я мог уступить охотничьему азарту, и самые темные страсти хлынули в мое сердце.

Я увидел Аэлу, увлекаемого течением, — он расстегивал свои доспехи. Его голова маячила в сотне футов от нашего корабля. Он то поднимался, колотя руками по воде, то уходил под воду, пытаясь отстегнуть пояс. У меня не было возможности схватить весло и оглушить его, и мы развернулись, чтобы перехватить его ниже по течению. Работая правой ногой и рукой я повернул кормило вбок и вниз, и река сильным толчком быстро разделила нас. Огромное тело Аэлы Йоркского приплыло чуть позже. Мой железный крюк, стремительный, как коса, поймал его за левую подмышку.

Это была не та рыбалка, что устроила Китти у фризских берегов, но, тем не менее, очень забавная. Рыба и впрямь была крупной, хотя и на десятую долю не так благородна, как прошлый улов. Я немного поиграл с ним, позволив королю смешно побултыхаться в воде, пока люди выводили судно, ревя от удовольствия. Наконец я одним рывком вытащил его на борт. Не ради него, а потому что вдруг вспомнил о черноволосой девушке, все еще цепляющейся за перевернутую лодку, ибо люди с «Хельги» оставили без внимания мой приказ, увлекшись общим весельем. А сам я подумал о ней, о Моргане, моей потерянной невесте, так поздно!

— Свяжите его или убейте, если хотите, — сказал я своим людям, внезапно смолкшим, когда я освободил свой крюк. Затем я бросился в воду.

Один рывок донес меня до лодки, за которую я тут же ухватился своим острым стальным пальцем. Но когда я протянул Моргане живую, горячую и сильную руку, она не взяла ее.

— Я не нуждаюсь в твоей помощи, Оге, — раздельно произнесла она и отвернулась.

Глава шестнадцатая ЗА МЕРТВУЮ РУКУ

Мои воины втащили нас на корабль, и вскоре мы пристали к берегу. Кто-то принялся разводить огонь, другие стали разглядывать пленника, но большинство смешались с викингами с других кораблей, которые уже ждали нас на берегу. И никто из воинов Одина ни разу не взглянул на Моргану, пока Китти стягивала с нее мокрую одежду и заворачивала в одеяло. Я тихо обсуждал с предводителями других кораблей расположение ночного лагеря и меры против внезапного нападения Йоркского гарнизона. Тем временем люди отдыхали, ели и пили.

Король Аэла сидел возле огня, связанный предусмотрительным Куолой. Я перерезал веревки на его руках. Один из придворных перетянул рану тряпкой, но ночной холод проникал под повязку, и сковывал руку.

— Ты не поймал бы меня, если бы не этот проклятый меч, — сказал он мне, — ремни перепутались, и я не смог его отстегнуть.

— Тот самый? — спросил я.

При первом же отсвете огня я заметил знакомые деревянные ножны.

— Скажи своим людям заткнуть их большие уши, и я буду отвечать. — Но после этой дерзости он увидел Алана, стоящего рядом: большие уши певца ловили каждое слово, широко раскрытые глаза — впитывали мельчайшие детали происходящего. — Алан был с нами прежде, пусть останется и сейчас, — приводя свою бороду в порядок, сказал Аэла уже более подобающим королю тоном.

Я попросил своих людей отойти, оставив лишь Алана и моих верных спутников.

При Аэле находился только Рудольф, один из знатнейших эрлов; помня об этом и зная его в лицо, я позволил ему остаться молчаливым свидетелем происходящего.

— Если ты думаешь, что я все забыл, то ошибаешься, — продолжал король. — Я помню все подробности той ночи, и мой кузен Рудольф тоже. Энит подарила тебе меч, и ты отдал его Рагнару для последней битвы. Я говорил тебе, что когда отступит прилив, его найдут для тебя. Теперь ты можешь требовать его по праву обещанного или же по праву своей победы надо мной. Но ты не сделал этого до сих пор, и, похоже, уже не сделаешь.

— Ты не смог избавиться от него в реке, и я думаю, он, должно быть, просто не хочет с тобой расставаться, — сказал я.

— Его присутствие не всегда приносило удачу. Заметь, Оге, у него простой клинок, но из лучших толедских, его носил Огилви Сифилдский, дед моей матери. Когда он умирал, его единственной наследницей была внучка Энит, чьим отцом был мелкий рыцарь, сын кузнеца. Огилви завещал Мстителя, так зовется этот меч, самому достойному из ее сыновей, но сомневаюсь, чтобы старик верил, будто кто-нибудь из них сможет стать королем.

— Надо полагать, не верил, — сказал я вежливо; сам-то я был склонен верить в чудеса.

— Я был ее единственным сыном. В свою десятую зиму я впервые подошел к нему, и он порезал меня. Но когда я обнажил меч для поединка с Осбертом, он привел меня к победе, и Осберт бежал из своего королевства, а я ношу корону.

— Похоже, он любит тебя.

— Его любовь то обжигает, то леденит. Я не раз отказывался от него, но лишь для того, чтобы вновь опоясаться им. Однажды он разлучил меня с Морганой, когда я со своими гвардейцами пытался отбить ее у паломников, идущих поклониться гробу Одри в аббатстве Айл, которым Годвин поручил принцессу. Они дрались отчаянно, а Мститель завяз в кольчуге какого-то мошенника, и в суматохе они успели увезти ее в женский монастырь возле Линкольна, где она и пребывала, пока твои люди не выгнали ее огнем.

— Ты явился за ней все с тем же мечом.

— Я взял его для сражения с Осбертом, вернувшимся из изгнания. Осберт выбрал время, когда все мои помыслы заняты норман-

нами. Но я думал захватить заложницу, которая удержала бы тебя от войны, а тем временем разделался бы с ним, вот почему при мне Мститель. Но, вероятно, такова воля моего деда, переданная мне мечом: он, видимо, очень хочет, чтобы я был королем, но не имел Морганы, дочери Родри. Здесь и сейчас я отказываюсь от всех притязаний на нее и клянусь перед Иисусом, что никогда больше не стану пытаться получить ее.

— Слова человека, связанного, как курица, весят мало.

— Ты и не представляешь, сколько могут весить мои слова. Надеюсь, ты позволишь оставить мне мой меч, а значит, и корону. А я предложу тебе за это хорошую цену.

— Неплохая мысль, Оге! — сказал Алан, но я не понял всерьез он это или нет.

Китти, которая не могла понять ни слова, внимательно разглядывала меч.

— Какую цену? — спросил я, любуясь сиянием глаз Аэлы.

— Во-первых, половину золота, серебра и драгоценностей Нортумбрии.

— К слову сказать, я и так могу забрать все.

— Осберту тоже есть что сказать. Мои разведчики, встретившие его около Дона, донесли мне, что он собирает сильную армию. Хастингс плыл, чтобы отрезать его от Тайна, но опоздал, и Осберт может встать под стенами Йорка через двадцать четыре часа. Твоя армия подойдет сюда раньше, но у тебя гораздо меньше людей, чем у Осберта, и ты все равно потерпишь поражение. У меня же за стенами, в Йорке, сильный гарнизон, и я предлагаю тебе союз во всех твоих битвах. Все, чего я прошу, — это трон Нортумбрии.

— А все, чего прошу я, — огненную плату за мою отрубленную руку.

— Не будь дураком! Говорю тебе, я был другим, когда приказал отрубить тебе руку, и тебе не стоит идти по моим стопам. Ты ненавидишь меня, как и подобает мужчине, но я нужен тебе. Ты не сможешь разбить Осберта без моей помощи и лишишься жизни, если я решу заговорить.

— А ты лишишься жизни, если я выйду из терпения.

— Так какова же цена моей шкуры, Оге? Лишь несколько человек знают правду о гибели Рагнара; вся знать присягнула мне, и они

будут верны мне, пока я король Нортумбрии. Но сейчас мое положение пошатнулось...

— Ты уже пал, Аэла. А я — восхожу.

— Не понимаю, о чем ты.

— Это понимает Китти, да и Алан тоже. Объясни ему, Алан.

— Оге Дан закрыл глаза по приказанию судьбы, и ему приснился сон, — сказал Алан. — Сейчас он открыл их вновь.

— Какие еще сны? — не понял Аэла.

— Которые мало кому снятся: я стану королем. Я хотел стать королем Нортумбрии, Эгберта сделать вассальным королем Дейры, а Моргану — моей королевой.

— Тогда я с вами. Моргана твоя по праву. Я соглашусь быть восьмым королем Дейры.

Китти разразилась смехом, увидев выражение глаз Аэлы, сделавшее его лицо совсем неподобающим королю. Может быть, она сравнила его теперешний вид с тем царственным выражением, которое он имел, когда лишал меня руки.

— Почему ты не побьешь кнутом эту желтую ведьму? — сдержав проклятие, рвущееся с губ, спросил Аэла.

Это рассмешило меня.

— Послушай меня, Оге, — вновь начал Аэла. — Тайна смерти Рагнара известна немногим и может быть сохранена. Те, кто видел его, сейчас здесь и умирают.

— Они подхватили болотную лихорадку, что бродит вокруг, — криво улыбнулся родич Аэлы Рудольф.

— Тебе не хватает славы от убийства Рагнара, Аэла? — удивился я.

— Достаточно убить своих сторонников, чтобы закрыть им рты и уберечь славу? — вмешался Алан. — Оге, хотя Аэла однажды пытался тебе объяснить, но ты не представляешь, что такое королевская власть. Невозможно удержаться от смеха, представив тебя на троне. Ведь ни один норманн понятия не имеет, что такое Зло. Он не достаточно цивилизован — он чтит лишь правду воина и то, что зовет Судьбой. Мы видели девушку, которая отдала прядь своих черных волос, передний зуб и палец, которые, как считал Аэла, должны были остановить твой поход на север. А до того... Но ты не пове-ришь мне без верного свидетеля.

Алан взял железный нож Куолы и приставил к горлу Рудольфа.

— Если скажешь правду, останешься жить, — сказал Алан, — если солжешь — зарежу тебя на месте. Когда Аэла впервые взял эту девушку, чувствуя, что она ему пригодится, был ли он добр с ней?

— Очень добр.

— Она была хорошенькой, юной и даже, наверное, девственной. Делил ли он с ней ложе?

— С большим удовольствием, если верить его словам.

— Но когда она стала ненужной и начала доставлять беспокойство — он отослал ее, чтобы спать одному. — Алан опустил на траву, затем вернул нож Куоле. — Короче, Оге, надо знать Аэлу и как человека, и как короля, чтобы понять, почему он так дорожит этой славой. Он больше никогда не одержит победы. Он добивался успеха вероломством. Я жил при его дворе больше года, не спев в его честь ни одной песни. А потом он вдруг стал самым знаменитым христианским королем, а все потому, что бросил в колодец со змеями Проклятие Христианских земель. Поскольку он самый тщеславный человек, из всех известных мне, эта слава для него слаще короны.

— Тайна может быть сохранена или рассказана, — невозможно сказал Аэла.

— Я согласен с тобой, Аэла, она может быть сохранена от времени и людей, — сказал Алан, — им нравится верить, что христианские короли берут верх над лучшими викингами, а другие короли и священники хотят, чтобы они в это верили, и барды поют об этом песни. Но неужели ты думаешь, что твою тайну не узнает Меера — ключница Рагнара? Хастингс уже поведал ей очень многое — и сколько он будет держать в тайне остальное? И вдобавок он — так ли это на самом деле, или нет — сын Рагнара. Как и Бьёрн. Как и Ивар с Хальвданом. Оге, ты ненормальный.

— Зачем ты пришел сюда, Оге? — спросил Аэла. Его лицо побледнело, а глаза загорелись еще ярче.

— Это смелый вопрос, Аэла, — сказал Алан, — он даже стоит песни. Оге рассказал тебе о своем сне, но это было лишь яркой фантазией, хотя его душа никогда не обманывалась. Оге, король спрашивает тебя, зачем ты пришел сюда? Почему же ты не отвечаешь?

— Разве ты этого уже не сделал, сказав, что я ненормальный?

— Я сказал это слово по-норманнски, и он не понял.

— Аэла, я пришел сюда встретить Судьбу.

Аэла взглянул мне в глаза.

— Меня не волнует твоя судьба, если она не касается меня.

— Она коснется тебя, не волнуйся.

— Она уже сделала это — железным крюком. Ты собираешься убить меня. Ты позволишь мне умереть со славой, чтобы Алан спел об этом, когда я уйду?

— Я думаю предоставить тебе выбор, вроде того, что дал мне ты. Я прикую твою правую руку к рашперу, разведу под ним медленный огонь, а рядом с тобой положу тесак. Ты можешь дать своей руке сгореть, а можешь отрубить ее, и избавиться от боли.

— Что ж, это неплохое предложение, но у меня есть лучше, — сказал Аэла.

— Буду рад выслушать тебя.

— Твой меч не имеет ни великого имени, ни славы, но клинок у него добротный и прочный. У меня же знаменитый меч, который моя мать отдала тебе, но который я от тебя скрыл, меч, в чьей любви я сомневаюсь. Почему бы нам не сразиться, без щитов, за обладание им?

— Оге, он сошел с ума, предлагая такое! — закричал Алан, все спокойствие покинуло певца, и его лицо задрожало. — Зачем тебе рисковать своей жизнью, раз он и так в твоей власти?

Я засмеялся:

— А это достойно хорошей песни?

Он не ответил, и я заговорил со своей кормилицей.

— Китти, Аэла предложил мне драться с ним на поединке, а призом будет его меч. Принять ли мне вызов?

Китти всегда удивляла меня, но никогда она не поражала меня так сильно. Последние несколько минут ее лицо было бесстрастным, словно она о чем-то глубоко задумалась. Мой вопрос заставил ее вытаращить глаза, челюсть ее отвисла, загорелая кожа стала серой, — она была так испугана, что едва могла говорить.

— Ты что, околдована?

— Нет, но ты явно проклят.

— Говори ясней!

— Отруби ему руку, Оге, и пусть он идет, куда хочет. Это будет уплатой долга, и вы квиты...

— Ты боишься, что я погибну? Ты же сама предрекала, что его смерть послужит Алану темой для песни. Мы замкнули круг, и твоя

душа говорила в моей, что смерть моя примет облик дракона из Вьорда.

— Я опасаюсь того дракона, Оге. Я ясно вижу его.

— Должна ли ты показать мне его?

— Нет, не должна.

— Должен ли я сразиться с Аэлой за его меч?

— Как я могу знать, чему должно быть между королями и хёвдингами? — Она дико расхохоталась.

— Аэла, я хочу задать вопрос Моргане. Если она ответит так, как я думаю, я приму твой вызов.

У Китти было длинное платье из оленьей шкуры в сундуке на «Гримхильде», и она отдала ее Моргане. Теперь принцесса спала возле небольшого, тихого, алого огня, в полной безопасности, поскольку викинги считали ее моей. Я подошел и остановился в нескольких футах от нее, любуясь.

Черные волосы закрывали ее лицо. Я подумал о ее похожих на звезды глазах, укрытых ресницами, о ее бровях, нежной коже и прелестных формах всего тела, околдовывающих, как руны.

Нет, ни одна руна из тех, что принес Один из Хель, не могла бы выразить красоту, взошедшую из Источника Жизни. Отдай Один все руны всем царствам божеским и людским и поручи он всем станкам работать целую вечность, он не смог бы облечь ее в достойные одежды. Лишь Мать-Земля могла сделать это, но чьими руками?

Я знал, что не могу смотреть на Моргану без страсти и, боюсь, без слез. Слезы и желание раздирали меня, и из-за них то, с чем я пришел сюда, не тревожило меня больше, лишь дикая неутолимая страсть владела мной. Я не мог припомнить ничего, что не будило бы во мне этой страсти, которая, казалось, врывается в меня из земли, с неба, отовсюду. Не было ни одной черты ее лица или изгиба тела, которые не приводили бы меня в исступление. Она была моей пленницей, и будь я истинным викингом, то уже наслаждался бы ею, но не будь я викингом вовсе, я бы откупился любой ценой, лишь бы исцелиться. Но вместо этого я должен отправиться с этой раной в душе в девятидневное путешествие, которое скоро начнется. И какой бы мучительной она не была, я не мог избавиться от нее.

Однажды Моргана уже была в моих руках, моей восхитительной забавой, и моя правая рука помнила все, к чему прикасалась, как если бы это происходило только что, и я подумал, что левая моя рука, спрятанная на груди у Китти, должна дрожать и гореть. Теперь я не мог прикоснуться к моей принцессе. Мне было это запрещено, когда Моргана отказалась принять мою руку у опрокинутой лодки. Она так решила, и лишь она могла изменить это.

Глаза Морганы медленно открылись. Она не удивилась, увидев меня рядом.

— Что тебе угодно? — спросила она спокойно, почти с жалостью.

— Только задать тебе два вопроса, и если ты пожелаешь ответить, я буду очень рад. Ты уже показала, какими могут быть ответы, когда цеплялась за лодку, но если я не услышу их еще раз четко и ясно, я никогда не смогу избавиться от тяжести сомнений. Я все время буду думать, что, возможно, не понял тебя.

— Что за вопросы?

— Ты говорила, что будешь ждать моего возвращения.

— Да, а ты говорил, что скоро вернешься.

— Ты говорила, что я должен не умереть для тебя, а жить для тебя и собираться с силами. Ты говорила, что я должен стать могущественнее короля, а ты будешь ждать.

Она огляделась, словно ожидая вновь увидеть стены дворца Аэлы.

— Мне не следовало этого говорить. Это было очень необдуманно. Ведь ты не мог получить меня, не убивая христиан.

— Как бы там ни было, я сделал то, что ты мне сказала. Если ты примешь мое предложение, я стану повелителем всей Нортумбрии и сделаю тебя моей королевой.

— С тех пор как ты ушел, у меня было время оценить то, что я совершила. Ты помог мне понять это, когда твои люди подожгли наш монастырь. Я не могу быть христианской королевой короля-язычника. Даже если бы ты был королем всей Англии, я бы и тогда не стала твоей королевой.

— Ты ответила на первый вопрос. Теперь я задам второй. Ты пойдешь со мной искать Авалон?

— Когда, Оге? Когда ты сожжешь все христианские аббатства, монастыри, храмы и перебьешь всех людей?

— Одно из аббатств укрыло тебя, и больше я не сжег и не разрушил ни одного, и мои люди смогли понять меня. Но я не стану удерживать других.

— Ты думаешь, это верно?

— Не знаю, верно или нет, но вполне вероятно, что они, как язычники, и не должны уважать христианского Бога. Если бы я поклялся ему, я должен был бы остановить их, но мой бог — Один.

— Разве ты не видишь, что христианский Бог гораздо сильнее?

— Мне нечего сказать.

— Неужели ты не видишь, что христианский Бог — единственный Бог?

— Было бы нечестно сказать, что Один слабее Бога христиан. Но еще хуже вовсе отвергнуть его существование.

— И ты веришь, что попадешь к нему?

— Не я. Я призвал его из лужи с отбросами, куда кинул меня Рагнар, и он прислал северный ветер.

— Я спрашивала священников об этом, и сестер в монастыре. Но кто-то говорит, что это дьявол насылает ветер, а кто-то считает, что его может послать наш Господь, но нам не постичь Его замыслов.

— Мы, норманны, и не пытаемся понимать наших северных богов.

— Вот видишь, нам не на что надеяться.

— Объясни мне это так, чтобы я понял, и я больше не буду беспокоить тебя.

Ее глаза наполнились слезами.

— Сядь, Оге.

— Я не устал. — Но я не смог удержаться, чтобы не сесть напротив нее.

— Ты бледен и хмур. Я знаю, что война никогда не утомит тебя и, должно быть, это из-за беспокойства обо мне. Не волнуйся. У меня все будет хорошо.

— Не уверен, — сказал я.

— Ты спрашивал, пойду ли я с тобой искать Авалон, но не сказал, когда мы сможем отправиться.

— Как только я верну Аэле долг, посажу Эгберта на трон, который я ему обещал, и посчитаюсь с Хастингсом.

— Долг крови — ненависть и месть, и во имя этого — реки крови. Ты сможешь отказаться от этого и отправиться сейчас же?

— Нет.

— Другого ответа я и не заслуживаю. Любой священник подтвердит это. Я пойду с тобой, Оге, если тыпустишься в путь прямо сейчас, но и в этом случае я совершу грех перед Богом и всеми святыми. Я должна думать о том, чтобы попасть в Рай, а не на волшебную землю со своим возлюбленным. Христиане не должны искать очарованных королевств, где люди живут вечно, не зная печали. Это подходит нашим уэльским героям, не знающим о Рае и небесах, но мне говорить об этом — значит показать, что мое раскаяние недостаточно глубоко.

— Раскаяние? Я не знал, что ты в чем-то виновна.

— Я полюбила язычника и стала с ним единою плотью.

— Какая же это вина? Я ведь думал о тебе не как о христианской девушке, а как о фее.

— Даже если и так, я должна пытаться быть праведной, чтобы заслужить прощение святых и попасть в Рай, а не продолжать любить язычника и испытывать грешное наслаждение.

— А мне кажется, так было бы правильнее, — сказал я, вспоминая это наслаждение.

— Я была с тобой более страстной, чем многие христианки со своими законными мужьями. Хуже того, еще очень долго после твоего отъезда я молилась о том, чтобы оказаться беременной от тебя. Позже я увидела, в какой грех впала, но даже после этого дьявол приходил ко мне, когда я была одна, ночь за ночью, наполняя меня порочным томлением. Но, наконец, я уяснила этот урок. Мало того, что твои люди сожгли и разграбили обитель, давшую мне защиту, пока тебя не было со мной. Мало того, что благочестивые сестры, которые заботились обо мне и любили меня, вынуждены были бежать в дождь. Я еще и поддалась искушению отправиться с тобой на поиски Авалона. Пока ты сам не сказал, что для тебя важнее отдать кровавый долг Аэле. Ты должен свести с ним счеты. Ты должен посадить на трон Эгберта...

Ее голос прервался, и она быстро опустила голову.

— Я ничего не могу изменить, — сказал я, понимая, — это моя судьба...

— Твоя судьба ничтожна!

Она словно встала на дорогу берсерка.

— А моя судьба — выйти замуж за великого христианского короля, — выкрикнула она. — Который будет более страстным, чем ты, и у которого обе руки будут на месте! Того, который действительно полюбит меня, того, кто знает латынь, и не сделает меня игрушкой своих греховных страстей...

— Если ты подождешь...

— Почему я должна ждать? Я — Моргана Уэльская! Я ждала три года. Ты потерял руку ради меня, и я попытаюсь вернуть долг. Может, когда-нибудь мне представится случай спасти твою жизнь, когда воины моего мужа приведут тебя на веревке, чтобы повесить. Прости, что я хотела пойти с тобой. Даже если ты пообещаешь сейчас же забыть все свои счеты, я не пойду с тобой. Я больше не хочу иметь с тобой ничего общего. Ты был так занят охотой за Аэлой, что оставил меня цепляться за перевернутую лодку. Я ненавижу тебя.

— Сильно?

— Всем сердцем.

— Значит, хуже уже не будет...

Прежде чем она поняла, что произошло, я рывком подхватил ее и попытался утолить голод своих губ. Как кошка, вцепилась она мне в лицо, но это меня не остановило, — прижав ее к себе, я кинулся к ближайшему укрытию, как истинный викинг. Это вызвало смех у моих людей, но я не мог позволить им увидеть мою принцессу, такую прекрасную и смелую, побежденной грубой силой. Это ее красота и смелость затуманили мой разум. Мое сердце жарко билось в груди, разгоряченное прелестью ее губ.

Я быстро опустил ее наземь. Пальцы Морганы, готовые к битве, расслабились, ярость на лице сменилась печалью, а глаза наполнились слезами.

— Давай, делай свою гнусность и никогда не возвращайся, — закричала она.

— Я уйду, но я буду любить тебя до самой смерти. — Я повернулся и пошел прочь. А за спиной я услышал ее плач, похожий на рыдания ребенка.

Я вернулся к костру пленников. Аэла спокойно попивал вино, принесенное ему одним из его сторонников. Он отставил кружку,

вытер губы и отер красивую мягкую бороду, но не выказал ни малейшего беспокойства при моем появлении.

— Не торопись, — остановил меня Алан, бросив один быстрый взгляд на мое лицо.

— Чего будет стоить эта задержка?

— Кто знает? Наши главные силы уже прибыли. Будут приказания для Рольфа?

— Сейчас я могу думать только о себе.

— Будешь ты драться, или нет, тебе нужно отдохнуть. Ты же знаешь, что Аэла отличный боец...

— Я не знаком с приемами норманнов, — запальчиво перебил Аэла. — Если я одолею, то лишь с Божьей помощью, милостью единственного Бога.

Китти не могла понять его слов, но что-то в его тоне заставило ее схватить меня за рукав и прошептать.

— Будь осторожен, Оге, он пытается взбесить тебя.

— Я не бык, чтобы беситься. — Я повернулся к Аэле. — Будем биться на мечах без щитов.

Китти пронзительно рассмеялась над выражением лица Алана. Я же смотрел на плохо скрытую радость на лице Аэлы.

— Теперь можно с полной уверенностью сказать, что в тебе благородный дух, несмотря на низкое происхождение, — величественно произнес он.

— Будем биться насмерть. И павший не получит пощады.

— Согласен, только давай пойдем еще дальше: пусть наш поединок решит все, и наши люди не будут потом сражаться. Победитель получит мою корону, а мы сохраним многие жизни. Если я возьму верх, твои люди будут биться плечом к плечу с моими против Осберта, и не как подданные, а как братья.

— Останешься ты в живых или умрешь, но никогда тебе больше не сидеть на троне Нортумбрии.

Аэла вспыхнув — он говорил об этом на исповеди брату Годвину, — и его лицо начало багроветь. Но затем он вспомнил, что брата Годвина рядом нет, дабы помочь ему усмирить себя во имя всех святых и Господа.

— Если бы ты действительно был высокорожденным, ты бы знал, что не следует полагаться на удачу.

— Да, но я норманн.

— А какую награду получу я, победив тебя? Если ты меня убьешь, то получишь мою корону...

— А если ты убьешь меня, то можешь сохранить меч, который твоя мать отдала мне. А затем Куола отрубит тебе левую руку, палец с правой руки, вырвет передний зуб, а Китти обреет твои волосы, так что ты станешь похож на только что вылупившегося галчонка, и тогда ты сможешь уйти с миром.

Аэла не был трусом и прекрасно владел собой, если его не обуревала ярость.

— Клянусь пятью ранами Христа, ты очень строгий заимодавец, — сказал он.

— Здесь ты не прав. Твой долг гораздо больше, чем я с тебя спрашиваю, прямо не знаю, как ты умудрился собрать столько. Кроме зуба, пальца и волос, ты отобрал у той девушки, двойняшки Морганы, жизнь. За это ты тоже должен расстаться с жизнью. Но когда-то ты дал мне возможность сохранить мою, и я не в силах отказать тебе в том же.

Я разглядел в его глазах тень улыбки.

— Но ты и не задумываешься о такой возможности, — продолжал я. — Ты убежден, что я стану легкой добычей твоего меча. Во-первых, он принадлежал твоему деду, великому лорду, который хотел, чтобы ты был королем Нортумбрии, и который любой ценой защитит тебя от рабского отродья. Во-вторых, ты прекрасно владеешь мечом. Но у меня другое предназначение, и оно откроется мне — как открылось моей желтокожей кормилице, — и я буду жить, чтобы исполнить его.

Я велел Китти приготовить мне поесть, чтобы подкрепиться перед грядущим испытанием.

— Ты мечтаешь стать королем, а, значит, должен поступать, как прирожденный ярл, а не бывший раб, — ответила она. — Предложи поесть и своему врагу.

— Чтобы ты могла положить яд?

— Клянусь молоком, которым кормила тебя, нет. Ты сам стелешь свою постель на крови, тебе и ложиться на нее. Как ты думаешь, если ты убьешь его, он попадет на небо?

— А как я узнаю? Однако, скорее он отправится туда, чем я встречу с ним в Хель. А почему ты спрашиваешь?

— Хочется узнать, шутят ли друг над другом души на небе, как это делают герои на Вальгалле?

— Кажется, я слышу, что эта желтая женщина говорит о небесах? — полюбопытствовал Аэла.

— Она хочет знать, попадешь ли ты туда, когда погибнешь?

— Чтобы быть в этом уверенным, надо послать за братом Годвином. Может ли кто-нибудь из твоих людей взять белый флаг, пойти к городским воротам и попросить его прийти сюда?

— Да, а пока, если желаешь, можешь поужинать. У нас, правда, нет ничего, кроме солонины — слишком скромно для короля, — но эта женщина сварит ее и сделает вкусной. Слово викинга, оно не будет отравлено.

— Просто норманны не достаточно просвещенный народ, чтобы использовать яд, — объяснил Алан Аэле. — Я никогда не слышал, чтобы они убивали вероломно. Но они скажут, что лимон слаще меда, да еще уговорят попробовать. — Глаза его вдруг стали большими и круглыми, словно он что-то увидел.

— Тогда скажи ей приготовить лучшее, что у нее есть, — сказал король.

Я оставил его, чтобы поужинать вместе с Рольфом и другими хевдингами. Они пытались шутить со мной, на я не отвечал, сохраняя спокойствие. События последнее время разворачивались так быстро, что я не успевал осмысливать их. Я не мог понять, почему дерусь с Аэлой, вместо того, чтобы просто убить его. Когда я был в его власти, он дал мне шанс выжить, но шанс жестокий, и захватил он меня вероломно, тогда как я взял его в честном бою. Думаю, это нельзя ни понять, ни объяснить. Я хотел выбить ему зуб и отрубить палец, а не вешать его и смотреть, как он брыкается в предсмертных муках. Это потому, что я был язычником.

Собравшись, я, насколько мог, спокойно, твердо рассказал Рольфу и остальным о расстановке наших сил в этом деле, и о том, что и как они должны делать; и я приказал ночью сняться с лагеря.

— Мы дали раненому воину выжить, как ты приказал, — сообщил мне один из хевдингов, — и прослышав, что ты собираешься драться с Аэлой, он просит поговорить с тобой.

— Тогда, должно быть, в нем много сил.

— Думаю, хватит, чтобы прийти сюда.

Только тут я сообразил, что мое необдуманное замечание прозвучало как вопрос, на который я и получил ответ. Это избавило меня от проявления заботы о раненом пленнике. Я подошел к огню, возле которого он лежал, и склонился над ним. Он заговорил хриплым шепотом:

— Если король попросит передышки — подтянуть пояс, подвязать обувь, или смочить рот вином, или что-то в этом роде, — берегись его следующего движения.

Я поблагодарил его и отошел. Когда я вернулся к своему костру, Алан, Кулик и Куола уже легли спать. Аэла лежал, завернутый в одеяло, у костра пленников, рядом со своим телохранителем. Китти, сидевшая на корточках около тагана, подняла глаза.

— Для дана у тебя слишком хорошие глаза, — сказала она, как всегда, загадочно, — и ты очень похож на короля.

— Есть надежда, что это не просто сходство, — ответил я, обдумав ее слова. Мое везение продолжалось, но от мыслей о судьбе дыхания мое участилось, что сразу же подметила Китти.

— Ты выглядишь сильным и быстрым, но лучше тебе подождать до рассвета со своим поединком, — сказала она.

— И что я буду делать? Я не могу уснуть.

Она засмеялась:

— Если мое дитя не может уснуть, я должна его убаюкать. Положи голову мне на колени, как когда-то.

Следующие слова я произнес, зевая во весь рот:

— Если я буду убит, вернись в Лапландию по волшебной рыбке, потом привяжи ее к черному камню и брось их в море.

— Зачем?

— Чтобы она не досталась христианам.

— Тебя будет волновать это, когда чудовища Хель примутся грызть твоё тело?

— Я услышу их шаги над головой. Они правят почти всей землей. А я бы хотел слышать, как кили наших кораблей режут волны, как длинные весла бьют по воде, и снасти гудят от ветра, говоря, что норманны правят морем.

— Спи, мой сыночек, спи спокойно!

Когда я проснулся, уже пели птицы, и я подумал, как было бы трудно описать человеку, рожденному глухим, их трели и донести до его сердца всю возвышенность этих песен. Это столь же трудно, как объяснить слепому, что такое свет и тьма, описать кружение теней и растолковать, что такое красочные, яркие цветы на весеннем лугу. Сам я мог в свои двадцать пять лет, осязать, видеть, слышать, чувствовать запахи и вкус множества вещей. Если я сейчас умру, то смогу сказать еще не родившимся душам, что этот мир много лучше того, где они пребывают.

Я шел сражаться со смертельным врагом, и, быть может, он одолеет меня, но никогда мне не бывать его рабом, и он отлично знал это.

Аэла встретил меня на том месте, которое выбрали Рольф и Рудольф, и я увидел по его глазам, что он уверен в победе, как человек, привыкший побеждать, и эта привычка сделала его королем: есть исключения, лишь подтверждающие правила.

— Если кто-либо из вас захочет остановить поединок, чтобы сказать что-нибудь, или по какой иной причине, опустите оружие, — сказал нам Рудольф. — Другой должен сделать то же. Вы не должны продолжать бой, пока оба не будете готовы, тогда Рольф крикнет: «Бой!» Этот обычай распространен и среди христиан, и среди норманнов.

Первой моей мыслью было возразить против правил, по которым мой противник мог остановить бой, чтобы поправить обувь, или глотнуть вина или сделать еще нечто подобное. Но это значило лишиться себя половины преимущества, которое я получил благодаря Хью. Был ясный день, я хорошо выспался и чувствовал себя отменно, и потому был готов в мгновение ока ответить ударом на удар и успеть заметить любое его движение. Он был хорошим бойцом, но и для него у меня найдется уловка или неизвестный ему прием.

Окруженные моими братьями и его придворными, мы начали сходить. Едва скрестив с ним меч, я понял, что Аэла гораздо опытнее меня, и знает об этом. Но еще я понял, что моя правая рука сильнее его руки, а глаз быстрее и зорче. Если он думал о нашем поединке, то тоже знал это. Осознав все это, я придумал, как вести с ним бой. Я решил сперва обороняться, противопоставив его искусству свою силу и быстроту, и не давать ему задеть меня, пока он не устанет. А это означало, что мне предстоит долгий бой.

И вот поединок начался, — странный, по-своему красивый, союз двух людей, и в этом единении я стал познавать человека, с которым бился. Это знание было предельно важным для меня, и я впитывал его, не задумываясь, счастье оно мне несет или же горе.

Если ненавидеть он мог весь мир, то любил он только себя. Он любил даже не зло, а его плоды, в отличие от Хастингса. Он не любил женщин, лишь их завоевание. Не он сам, а его тщеславие наслаждалось их красотой, и потому его наложницей могла быть любая красивая девушка, но сам он был плохим любовником. И оттого он казался жалким, но тем не менее был очень опасным в бою. Его страстью был не сам бой, а дикое, жестокое и холодное желание победить. Если бы это поле битвы было постелью, а он — прекрасной девушкой, ждущей меня с распростертыми объятиями, и я бы знал, что единственное желание, сжигающее ее, — желание утолить свою похоть, то я не сумел бы пересилить своего отвращения к ней.

Наступил, наверное, один из величайших моментов в нашей жизни. Мы были почти равны, и моя волчья быстрота едва ли уступала его мастерству. И смерть могла стать наказанием за малейшую оплошность. Но у нас не было недостатка в решимости окончить наш спор.

Когда мы начали поединок, сталь была бледной и блестящей, как луна. В лучах восходящего солнца она стала алеть, отражая лучи. Но Аэлу не привлекала красота рассвета и солнечные блики на клинках, которые он хотел окрасить кровью, его охватили ярость и удивление, что ему до сих пор не удалось это сделать.

Его удивление становилось все более явным. От душившей его ярости он стал мертвенно-бледным, но по-прежнему не мог пробить мою защиту и должен был внимательно следить за собственной. И он стал все больше и больше подумывать о хитрости, припасенной им для таких случаев. Этот бой стал испытанием всего мастерства, ловкости и силы рук, но, в той же мере, и ловкости ума. Алан назвал бы это вероломством, но хитрость не раз себя оправдывала. И потом это был не поединок чести — король не может биться с шутком.

— Стой! — закричал он, отскочив назад. Острые его широкого меча было низко опущено.

— Ладно, — ответил я, скрешивая свой клинок с по-прежнему чистым клинком Аэлы, и тоже опуская его к земле.

— Рольф, я нашел в твоём предводителе храброго врага и сильного воина. А у христиан есть обычай: когда два лорда дерутся насмерть, каждый требует у другого обещания позаботиться о теле в случае гибели. Теперь я прошу...

Он продолжал говорить, но я слышал лишь звук его голоса. Смысл слов едва доходил до моего сознания. На мгновение от напряжения двух столкнувшихся клинков мы словно окаменели, и в этот миг я понял, что едва клинки освободятся, он нанесет внезапный смертельный удар. Я весь собрался и сосредоточился, мои глаза ловили малейшее движение Аэлы. Он стоял ближе к перекрестью мечей, и потому мог направить свой так, что клинки бы составили прямой крест. Кроме того, он держал меч как бы подхватывая его, и пальцы, сжимавшие рукоять, смыкались сверху. У него была прекрасная возможность оттолкнуть мой клинок и широким взмахом обрушить на меня тяжелую свистящую сталь.

Этот круговой удар, стремительный и смертоносный, как молния, отшвырнет мой меч и с сочным хрустом войдет в мое тело. Тот придворный мясник, что отрубил мне руку, хорошо знал свое дело, но до Аэлы ему было далеко.

— Если король Аэла падет, — ответил я на вопрос Рольфа, — я не стану позорить его тело, и предам его земле по христианскому обычаю.

— Благодарю тебя за эту благородную речь, — сказал Аэла, — и я готов продолжать наш поединок, если ты согласен, — его голос слегка дрогнул от волнения, словно струны арфы Алана.

— Я готов, — раздался мой собственный голос, и я едва узнал его. И я, и Аэла ждали сигнала.

— Бой! — крикнул Рольф.

И я увидел, как вспыхнул Мститель. Клык Одина не метнулся вперед, но высоко взлетел в широком размахе из-за моей головы. Две молнии ударились в небо. Но между ними было мало общего. Мститель казался радугой, летящей к земле, а пламя Клыка Одина пронзало небо. В тот же миг я оттолкнул меч Аэлы в сторону и нанес сильный удар, нацеленный в голову. Но, несмотря на свой вес, Аэла отскочил, встретив мой меч своим, и начал замахиваться, чтобы нанести удар по моему открытому боку. И он обрушил свой меч:

— Ха!

Клинок с неотвратимой силой и скоростью понесся вперед. Пальцы, сжимавшие рукоять, побелели от напряжения, а деревянное навершие треснуло и отскочило. И промедли я хоть миг, этот удар оборвал бы мою жизнь. Но Клык Одина опередил Мстителя в этой смертельной гонке. Хотя Аэла ушел из-под удара в голову, я сумел дотянуться до его плеча. И клинок врубился в основание его шеи, раскроив наискось грудь короля Нортумбрии.

Глаза Аэлы померкли, и в тот миг, когда он перестал видеть, вся его ярость и сила ушли из него единым вздохом, и рука выпустила меч.

Я переводил взгляд с покрасневшей вдруг травы на еще красное солнце. Ему не хватило лишь ширины ладони для того, чтобы первому обогреть свой меч, и секунды, чтобы самому закончить счеты между королем Аэлой и Оге Даном.

В моей голове вертелись бессвязные мысли, а сердце отчаянно билось, словно желая выскочить из груди. И я, подняв меч, лежавший на траве, повернулся, чтобы уйти.

— Оге, ты забыл свой новый меч, — дрожащим голосом сказал Алан.

— Зачем он мне? Мой собственный отлично мне служит.

— Нет. Ты выиграл его, и должен носить при себе.

— Почему я должен носить его?

— Он дан тебе судьбой и должен быть в моей песне.

— Возьми этот меч, Китти.

— Я? Я твоя желтокожая кормилица, а не оруженосец. Почему ты не попросишь кого-нибудь из своих храбрецов?

— Мне подумалось вдруг, что ты храбрее любого из них. Но разум мой помутился, и я не соображал уже, что говорю.

— Как называется этот меч? — спросила Китти, подняв его.

— Мститель.

— А я думала — Клык Дракона...

— Клык того дракона, который должен был пожрать меня заживо?

— Такова нить жизни. Значит, мое видение не сбывлось.

Вытерев Клык Одина, я убрал его в ножны, а затем снял пояс, на котором он висел, и отдал его Кулику. Потом расстегнул пояс Аэлы, и вместе с ножнами, отделанными серебром, надел на себя.

— Зовут ли этот меч Мстителем или Клыком Дракона, защитит ли он меня или убьет, я принимаю его в уплату за мою мертвую руку.

Китти что-то прошептала над мечом, направив его острие себе в грудь, и только после этого подала его мне. Я засмеялся было над ней, но отсутствие намерения показалось таким странным, что я тут же замолчал.

— Как может лапландская женщина заклинять королевский меч? — спросил я. — Ты бы могла найти себе другое занятие — сделать новое намерение из моржового клыка.

— Оге, ты проклят, — ответила она

— Может, ты просто сошла с ума?

— Все, что ты говоришь — признак твоего проклятия. Моржовый клык, тот, сломанный, из которого можно было бы сделать это намерение, Рагнар отдал ютскому работоторговцу.

— Китти, пойдем на берег реки. Посмотрим на наши отражения в воде и, может быть, снова станем рассуждать здраво.

У широкой реки она опомнилась первой.

— На мой взгляд, Аэла умер слишком легко. Если бы ты видел свое лицо, когда ты сунул свою обрубленную руку в огонь, то и тебе его смерть показалась бы слишком легкой.

— Это правда. Он не успел почувствовать боли, да и испугался лишь чуть-чуть.

— Он съел хорошее мясо на ужин, хоть и жаловался, что оно без соли и жесткое, а затем крепко уснул. Оге, скажи, мог христианский Бог смилостивиться над ним?

— Почему нет? Ведь женский монастырь сжег не Аэла, а норманны. Но я жив, а он мертв. Это должно показать христианам, что их Бог не может изменить судьбу викинга.

— Оге, бесполезно пытаться понять поступки христианского Бога. У тебя лишь голова заболит. Но ты и вправду веришь, что души с небес видят все, что происходит на земле, и от них ничто не укроется, как тебе говорила Моргана?

— Откуда мне знать? И какое это имеет значение?

— Шутят ли друг над другом души в Раю, как души героев Вальгалле?

— Ты у меня уже спрашивала об этом. Ты забыла? Какая разница для старой желтокожей лапландки?

— Очень маленькая разница, — ответила она после долгого раздумья, — мне пришло в голову, что христиане, должно быть, смеются даже над тем, что делаем мы, и маленькая черноволосая девушка, которую мы нашли мертвой, тоже может получить удовольствие от шуток над Аэлой — шутки похлеще, чем та, которую сыграл с ней он. Сейчас нам лучше пойти и отдать тело Аэлы христианам, которые похоронят его по своему обычаю, как ты и обещал. Очень скоро ты будешь занят только новым мечом.

— Я сказал, что взял этот меч в уплату за свою левую руку, так что теперь можешь выбросить ее в реку.

— У меня больше ее нет, Оге, — отвечала она.

— И что же ты с ней сделала, ведьма?

— Я отдала ее Аэле, прежде чем он уснул, чтобы твоя сделка была полной и честной.

И ее глаза заблестели, а губы слегка дрогнули в улыбке.

— Как ты могла ее отдать Аэле? Он бы не взял! Что ты говоришь?

— Это было нетрудно, — отдать ее, — ведь он не знал, что это. И довольно было посмотреть на него, когда он жалел об отсутствии соли и жесткости мяса, чтобы черноволосая девушка на небесах схватилась за бока от смеха.

Глава семнадцатая СЫН РАГНАРА

Несколько священников с белым флагом переправились через реку на барже с величественным бронзовым гербом. Они с торжественными церемониями уложили королевское тело в гроб. Мои люди наблюдали за их действиями, вытаращив глаза и разинув рты, когда поднялся крик. Ко мне подбежал один из разведчиков, шатаясь от изнеможения. Задышавшись, он рассказал мне новости, заставившие окаменеть всех наших людей. Пыль, поднятая армией Осберта, была видна по всей долине.

Из того, что мы не знали о его передвижениях, можно было предположить, что он сумел оторваться от Хастингса на Тайне, сделал быстрый переход от Тиса, переправился через реку, возможно, у Олдтауна на Римскую дорогу, и появился у стен Йорка на двенадцать часов раньше, чем предполагали наши самые нетерпеливые часовые. Но пришел он не затем, чтобы заковать убийц Аэлы, своего врага, или заплатить выкуп за то, чтобы пощадили его столицу. Если бы он вошел в город, то смог бы разбить наши отряды и завладеть всей долиной Йорка. Нам ничего не оставалось, кроме как переправиться как можно скорее через реку и занять самую сильную позицию, какую только можно было найти, чтобы встретить его достойно.

Священники тем временем не обращали на тревогу никакого внимания. Я уверен, что они бы продолжили свой обряд и в самой гуще сражения. Как бы то ни было, мне нужна была их посуда, чтобы перевезти припасы на другой берег, а тело короля могло и подождать. Десять наших драккаров и все лодки, какие мы смогли найти, перевезли викингов, почти шесть тысяч человек, считая гребцов, на другой берег реки пол стены Йорка. Мы быстро вышли на дорогу

и построились. Мы едва перевели дух, когда разразился ураган сражения.

Грохот смыкающихся щитов возвестил о начале ливня стрел и града копий. Смерть уже зашагала по нашим рядам, выбирая людей, так же как хёвдинги выбирают себе воинов — полнокровных, хороших едоков, умевших любить и веселиться, людей, еще недавно думавших лишь о шутках товарищей, или страстных красавицах. Враги бросились на нас сплошной стеной, плечом к плечу, сталь против стали. И мы вдруг оказались в самой гуще всего, что называют резней, где приказывает Смерть, а не Жизнь, и души друзей и врагов взлетали над полем, как стаи вспугнутых охотником птиц.

И люди бились с противником, которого никогда раньше не видели, и на которого надо было обрушить всю свою ярость, потому что убить врага — значит выжить самому. И хевдинги, узнавая лордов по дорожному оружию, дрались, пробиваясь сквозь вражеские ряды, чтобы сразиться с ними. Люди падали к их ногам, мертвые, раненые, оглушенные, кто молча, кто с криком или предсмертным хрипом. Звенела сталь сталкивающихся мечей и гулко гремели щиты. Но самыми страшными были звуки ударов боевых топоров по железным шлемам, хруст разрубленных костей и плоти.

Я мельком увидел громадного Рольфа, который бился своей секирой с английским гвардейцем, вооруженным мечом, и еще каким-то ратником, а у его ног уже лежали мертвые тела врагов, но когда мне удалось посмотреть на них еще раз, все трое уже были мертвы. Я увидел, как враг отрубил кисть Эрику Шутнику, и подумал, что ему уже не до веселья. Но даже теперь у него нашлась шутка. Он направил обрубок в лицо своему противнику, а когда фонтан крови ослепил его, Эрик подхватил свой меч левой рукой, разразился диким хохотом и проткнул англичанина. Еще двое врагов отшатнулись от неистового воина, но Эрик успел зарубить их прежде, чем сам пал мертвым.

Натиск врагов разорвал наши ряды, но мы сомкнулись вокруг них, словно волки вокруг овечьего стада, и из этого стального кольца ни один из них не вышел живым. Но вся дружина с «Хельги», первого корабля, который последовал за мной в этот поход, была отрезана от нас. Но еще до того, как мы пробili строй копейщиков, пытаясь выручить их, они упали мертвыми на вал из убитых ими врагов. Па-

вел, которому я дал щит и копье, человек, выживший когда-то в сарацинском плену, проколол вражеского воина с тяжелой секирой, который хотел взять меня в плен сзади, но и сам упал, пробитый, с мечом, застрявшим в ребрах. И пока владелец меча пытался вытащить свое оружие, я свершил скорую месть.

Битва продолжалась, я уже начал чувствовать жар, возникший сперва в затылке, а потом распространившийся по всей спине. Этот жар заполнил все мое тело и душу чувством наслаждения, какое бывает от любви, и я начал драться с такой яростью, что мои противники дрогнули.

Я услышал свой собственный крик: «Один! Один!», и прорубаясь к могучему эрлу со щитом, обитым золотыми гвоздями. Он командовал крылом вражеского войска, и я так и не понял, как и когда он упал. Когда же я вновь пришел в себя, меня укрывал щит, а солнце уже село.

Тогда я понял, что нашел дорогу берсерка.

Из шести тысяч викингов, вступивших в бой, пало около трех тысяч, вдвое уменьшив наше войско. Хотя мы перебили больше половины, их ряды пополнялись вооруженными отрядами из города. Наши боги были бы рады, если б мы дрались и погибли все, и валькирии бы спустились унести души героев, но душу мою отягчал вес трех тысяч оставшихся, и я должен был выбирать между двумя страшными решениями.

Первое — испить горькую чашу и бежать. Тогда за нами погонятся кровавые пчелы и будут жалить нас; многие наши воины падут, мы заплатим кровавую плату, и в конце концов я тоже лягу среди убитых. Второе — попытаться прорваться сквозь вражеские ряды, бросив драккары. Те, кому суждено пасть, не будут убиты в спину, но зато ран будет гораздо больше. Те, кто должен прикрывать наши спины, не останутся на берегу драться и сдерживать врага, зная, что корабли уйдут и с ними не будет их хёвдинга. Напротив, они будут биться с большей яростью, видя, что их вожди дерутся в их рядах.

Мои мысли о выборе были внезапно прерваны. Из облаков пыли за рекой показалось свежее войско, набранное, бесспорно, Осбертом на севере. Оно опоздало к битве, но пришло вовремя, чтобы довершить наш разгром. Мысли о позорном отступлении были забыты, хотя гибель была неотвратима. И даже самый большой туго-

дум среди норманнов почесал свою голову, беспокоясь о том, что его вши скоро станут бездомными. Он мог ни о чем не думать и драться, драться, драться, пока не будет убит.

Но прежде, чем мы воззвали к Одину в жарком порыве, ободрение и радость в английском войске куда-то исчезли. Вновь прибывшие, одетые и вооруженные, как англичане, почему-то вдруг выкликнули имя Одина и, ступив на поле, принялись на каждом шагу лить английскую кровь. Из-за щитов раздалась грозная песня Северного ветра, а сталь воинов была северной холодной сталью.

— Нет нужды убивать их дальше, — перекрывая грохот боя, проревел Оффа. — Этот лик напугает их до смерти!

В синем небе поднялось солнце и маленькие облачка засверкали, как раковины только что выловленных устриц. Птичьи горла зазвенели песнями, пчелы собрали уже половину своего нектара, летний ветерок шелестел листьями дубрав.

Я спал на палубе, среди соратников и старых друзей. Большинство моих снов было о Моргане, которая спала на носу корабля, порученная опеке Китти. Она собиралась уйти вместе с братом Годвином, когда он сможет исполнить все положенные похоронные обряды над королем Аэлой. Они должны были вернуться в Уэльс ко двору ее отца под охраной Хастингса. Когда я удивился этому, Китти сказала, что он уже отдал приказ. И это было лишь одним из напоминаний о том, что он — главный.

Сотня кораблей, которые он привел вверх по реке, стояли вокруг моих десяти. Около семидесяти из них были старыми товарищами «Гримхильды» по походу на Рим. И в хаосе страхов и надежд, теснившихся в моем мозгу, было одно поистине радостное зрелище. Это был «Огненный Дракон». Он приближался. И когда драккар подошел на расстояние полета копья, мы услышали чистый, далеко разносящийся голос Хастингса, который приказал гребцам братья за весла, а затем обратился ко мне.

— Оге Кречет¹ — позвал он.

— Да, Хастингс Девичье Личико.

— Прикажи своим людям взять гроб Аэлы и пустить его по реке вслед за мной.

Он говорил так, словно отдавал приказ. Это было его право с самого начала. Он и его братья Ивар, Хальдван и Бьерн стояли во главе всех викингов, вторгнувшихся в Англию, тогда как я был лишь проводником. И это знали все.

— Да, — ответил я.

— Если Голдвин, монах, хочет отправиться с тобой присмотреть за душой Аэлы, можешь позволить ему, — продолжал Хастингс.

— Мы заберем его тело в город для Эгберта.

— Я не знал, что Эгберт здесь.

— Он встретил нас возле Тайна и приплыл сюда с нами. Он поможет стране утихомириться, а мы сделаем его игрушечным королем. Я встречусь с тобой на его корабле.

— Ладно.

— Захвати с собой Алана, свою Вельву и, конечно, Моргану. Есть дело, касающееся их всех. Да, и прихвати своего глухого.

Он отдал приказ гребцам, и мокрые лопасти засверкали в скором беге. Я спустился на берег, куда уже дюжина моих людей вытаскивала гроб. Священники, которые со вчерашнего утра ждали возможности забрать тело в храм, спокойно наблюдали за происходящим, лишь изредка касаясь своих серебряных распятий, но зато многие викинги хватились за обереги и амулеты. Брат Годвин окликнул меня.

— Оге Дан!

— Да.

— Я слышал слова Хастингса, и я иду с вами.

Пока мы поднимались вверх по реке, я не пытался оценить события, грянувшие так быстро. Поскольку они не были мне подвластны, мой разум предпочел выбрать и остановиться на событиях прошлого, многие из которых были чудесными, и все привели прямо сюда, к сегодняшнему дню, избавив меня от объяснений сожалений. Мое сердце билось легко, не чувствуя тяжести. Но из моих друзей лишь Куола не терял присутствия духа, он явился свое любимое место — на нос, — откуда все прекрасно видел. Моргана была бледна, и глаза ее запали. Глаза же Алана ярко горели, словно он настраивал свою арфу, Кулик выглядел так, будто начал вдруг говорить и слышать. И лишь на глазах Китти лежала словно смертельная пелена.

У берега, в тени крон нескольких дубов, стоял корабль Эгберта, а борт о борт с ним — «Огненный Дракон». Мы встали напротив. Люди Эгберта, многие из которых были моими старыми друзьями, теснились в основном посреди корабля. Хастингс стоял за навесом вместе со своим кормщиком, Эгбертом, двумя женщинами в черных платках и еще одним юношей с острым лицом, чье имя я никак не мог вспомнить.

— Оге, поднимитесь все к нам на борт.

— Иду. Я привел всех, кто еще со мной, — ответил я. — Берта обручена и ее увозят.

— Может статься, увезут кого-то другого — хорошего спутника в долгой поездке. Но сомневаюсь, что он обручен.

— Кто бы это мог быть? — спросил я.

Остролицый парень ответил высоким пронзительным голосом:

— Оге, ты прекрасно знаешь...

— Придержи язык, шут! — приказал Хастингс. — Пока я не велел вырвать его.

Только тогда я узнал в парне дурака Аэлы, которого видел смешно одетым в тот день, когда привез Рагнара на его встречу со смертью. Тогда он был разряжен как лорд.

Я еще мог далеко прыгнуть, нырнуть поглубже и уплыть подальше под водой. И тогда бы я смог сбежать, или утонуть. И казалось, что я волен совершить это, но душа моя смеялась над столь глупой фантазией, а вот Китти чуть не плакала. Не в этом было мое предназначение. И Алан знал это — по его глазам было видно. Хастингс смог бы объяснить это лучше любого из нас, но поскольку мыслил он не как норманн, то просто не понял бы меня, и я не свернул со своего пути — пусть боги видят.

Ножны меча, которые раньше носил Аэла, мешали мне идти, Китти, шедшая следом за мной, залилась своим птичьим смехом.

Но смех ее замер тогда, когда в следующий миг я протянул руку Моргане. Она приблизила свои губы к моему уху и прошептала: «Не-нормальный!» Теперь я в этом не сомневался и громко расхохотался. Вместо того, чтобы отказаться, Моргане оперлась на мою руку, спрыгивая вниз, но глаза ее оставались ледяными.

Я посмотрел в глаза Эгберту, и они дрогнули и потемнели. Он желал бы, чтобы я отошел от него подальше: словно я был болен за-

разной болезнью, чье имя Несчастье. Но я помнил, что это он вытаскивал меня из прилива, и он дал мне свободу.

— Хотя ты и запретил, Эгберт, но я встану перед тобой на колени в память о прошлом.

— Думаю, сейчас твои колени слишком одеревенели для поклонов, — ответил он. — Но, клянусь Богом, вряд ли со мной не случилось бы того же, окажись я на твоём месте.

— Он достаточно хорош, чтобы стоять позади тебя, Эгберт, — сказал Хастингс. — Возможно, ты и теперь ставишь не на ту лошадку.

Он повернулся к Моргане и склонился перед ней с изяществом итальянского придворного, заставив разинуть рты и вытаращить глаза всех видевших это викингов:

— Принцесса, на корме тебе приготовлено место. Я приношу свои извинения за то, что просил тебя явиться сюда. Но вы с Оге были как-то любовниками, и случившееся касается и тебя.

— Я не знаю, о каком случае идет речь, — ответила она.

— Я убежден, что ты была свидетелем великого события, и хочу, чтобы стала свидетелем еще одного, которое увенчает остальные.

— Это правда, что мы с Оге были когда-то любовниками, — гордо подняв голову, отчеканила Моргане, и ее глаза загорелись, как у сердитой кошки. — Но теперь я ненавижу его, и то, что происходит между тобой и им, меня не касается. Я желаю лишь спокойно вернуться домой, как ты и обещал мне.

— И ты отправишься через несколько часов. Безумие, некогда овладевшее мной на отцовском пиру, перешло к человеку, не сумевшему противостоять ему. Я бы либо повенчался со смертью, либо стал повелителем бриттов, владыкой всей Англии.

Хастингс говорил довольно спокойно и твердо, но без торжественности. Затем он повернулся к брату Годвину, стоящему возле гроба Аэлы на «Гримхильде»:

— Хотел бы ты стать прелатом всей Англии?

— Пока что я останусь здесь, у тела короля.

— Как угодно. Просто ты мог бы стоять ближе и лучше видеть и слышать то, что тебе суждено запомнить надолго. Оге, черные платки на головах женщин — христианский знак скорби по умершему. Ты, конечно, узнал высокородную Энит, мать Аэлы; я послал за ней прошлой ночью.

— Я узнал королеву по ее полноте, — ответил я.

— Ты не возражаешь повторить ей эти слова? Она не понимает наш язык.

— Она поняла язык Рагнара, можешь не сомневаться, — И я вернулся к Энит, чтобы сказать ей по-английски: — Энит, я узнал тебя по твоей полноте.

Она подняла вуаль. Я думал, она плюнет мне в лицо, но она продолжала стоять, покачиваясь на носках, словно пьяная, ее глаза были закрыты, а лицо — мертвенно-бледно.

— Оге, ты хорошо знаешь, что она здесь, чтобы свидетельствовать против тебя. Ты можешь льстить или смеяться над ней, но ничто не изменит твою судьбу. Боги велики и слышат норманнов, взывающих к ним, но твоя душа не столь заносчива, чтобы мечтать о крыльях.

Я во все глаза смотрел на его девять ран и едва заметил, когда он кончил говорить, а потому несколько замешкался с ответом.

— Нет, полагаю, что нет.

— Ты узнаешь другую женщину?

— Сперва я решил, что это Берта, но она ниже Берты.

— Она была при дворе Аэлы всего несколько недель. Однако, сдается мне, что она носит вдовий наряд по Рагнару — тогда как все женщины при дворе одели скорбные одежды из уважения к печали Энит о сыне ее, короле. Я приказал ей одеться так, чтобы удивить тебя, но это печальное зрелище. Подними вуаль, Меера.

Я узнал быстрые движения и чувственную фигуру Мееры. И меня не удивило то, что она здесь, чтобы свести счеты. Но ее лицо, сохранившее свежесть юности, поразило меня. Вряд ли она выглядела лучше в тот день, когда привела Рагнара в сокровищницу старого иудея в Кордове, еще до моего рождения.

— Хастингс, ты глупец, что пообещал Моргане безопасный путь и охрану до того, как получил выкуп у Родри, — сказала Меера, пристально глядя мне в лицо.

— Я смотрю, ты опять за свое, Меера. Я сам позабочусь о том, чтобы разделаться со своими врагами: и с Эдмундом, королем англо-в, и с Этельредом, и с его младшим братом Альфредом. Оге, ты избавил меня от Аэлы...

— Я избавил от него себя, Хастингс, — перебил его я.

— Ты расплатился с ним сполна по всем своим долгам. Но теперь я должен тебе еще больше, такое невозможно оплатить. Что могут заплатить люди богам за дар жизни и неотвратимость смерти? Когда викинг приносит в жертву коней, рабов или скот — все то, что добыл сам, — пытается ли он задобрить богов, чтобы они не оставили его без удачи, или же выказывает обычное уважение к могучей силе? Если бы не ты, я жил бы лишь наполовину.

— Если бы не ты, Хастингс, я бы по-прежнему работал в поле в своем ошейнике.

— Думаю, наши признания достаточно правдивы. Теперь к делу. Я объясню тебе в двух словах, в чем суть, но, боюсь, она не понравится нашим людям, и едва ли они в нее поверят. Однако прошу тебя сохранять спокойствие, пока я не предъявлю тебе всех улик. — Он повернулся к остролицему человеку: — Дагоберт, когда ты впервые увидел Оге Дана?

— Когда он впервые явился ко двору Аэлы с принцессой Морганой и своим пленником Рагнаром.

Все викинги на корабле слушали, затаив дыхание. Заговорил лишь бесстрашный Оффа.

— Хастингс, этот человек дурак.

— Придворный дурак всегда умен и хитер, его голова отнюдь не пуста, — ответил Хастингс. — Он, разумеется, негодяй, но если он скажет неправду, мы его повесим. Дагоберт, что было дальше? Расскажи в нескольких словах.

— Оге предложил отдать Рагнара Аэле, если он освободит Моргану от обязательств по договору. Услышав, что Моргана по доброй воле лишилась невинности, Аэла освободил ее от обета, а Оге толкнул Рагнара в разрушенную башню.

Хастингс повернулся к Алану:

— Все-таки было?

— Я не помню таких деталей, зато могу рассказать, чем кончился бой, — ответил Алан, стукнув по арфе.

— Какой битвы?

— Между утлой лодкой Рагнара «Великий Змей» и огромным кораблем Оге «Игрушка Одина». Я подумал, что рухнула Вальгалла...

— Почему ты не дал ему пятьдесят плетей? — спросила Меера, когда люди перестали смеяться.

— Он бы не сказал мне спасибо, как это делала ты после подобной ласки Рагнара, — и Хастингс задумчиво обвел взглядом Моргану, брата Годвина, Кулика, взгляд его остановился на Энит.

— Ты просила Мееру не спрашивать тебя, если другие скажут достаточно, — сказал Хастингс, — но его люди не бегут с корабля, хоть он и идет ко дну. Однако правду знают и другие. Скажи нам, что ты говорила Меере об убийце своего сына.

Короткие пухлые пальцы Энит сжались и разжались.

— Я сейчас уж и не вспомню...

— Что?! Ведь это было меньше двух недель назад, когда Аэла отправился в Линкольн! — завизжала Меера.

— Но с тех пор произошло так много событий, что моя бедная голова...

— Смотри, как бы Хастингс ее не оторвал!

— Заткнись, Меера, — приказал Хастингс. — Энит, возможно, ты и забыла, что сказала Меере, но ты, конечно, помнишь смерть своего похитителя. Расскажи об этом.

— Я помню, как Рагнар пришел в замок Аэлы со своим пленником Оге...

— Ты лжешь! — крикнула Меера.

— Заткнись! — повысил голос Хастингс. — Энит, продолжай.

— Я не видела их лодки. Кажется, кто-то говорил, что они прибыли на лодке Оге, а не на драккаре, но точно я не помню. Рагнар хотел получить выкуп за уэльскую принцессу. Я уверена, что только за этим он и пришел. Но он стал жертвой Аэлы.

Энит опустила руки на колени и мягко взглянула на Мееру:

— Вот правда, кордовская женщина! А все, что я говорила тебе раньше, — глупости, слетевшие с моего пьяного языка.

Хастингс был потрясен. Его рука потянулась к лицу, будто желая прикрыть все девять шрамов.

— Энит, может, тебе стоит сходить посмотреть на своего убитого сына? — спросил он. — Может это расшевелит тебя?

— Нет, я запомню его живым.

— Скажи, а ты могла бы рассказать более интересную историю?

— Клянусь моим материнским молоком, я сказала правду. И что бы ты не сделал со мной или с телом моего сына, ты ничего уже не изменишь.

— И это твоя хваленая ненависть к Рагнару, — защищать его раба? Как в дурном сне. Опомнись! Или ложная слава твоего сына так дорога тебе?

— Его подлинная слава мне очень дорога, — сказала она. — Это все, что у меня теперь осталось.

Тяжелым взглядом Хастингс обвел ряды викингов и людей Эгберта, столпившихся посреди корабля, и громко произнес:

— Я объявляю вам, как викинг — викингам, что Оге Кречет убил моего отца Рагнара. И это произошло после погони за Оге, который похитил то, на что не имел права. Будь здесь судилище, судьям было бы довольно и этого. Но судьи далеко, и не им разрешать наш спор. Этот спор могут решить только воины. Рагнар Лодброк, викинг со времен Сигурда, принял смерть не из рук короля, героя или Ярла — нет, его убил его же бывший раб. И хоть так им было предначертано Судьбой, я готов биться об заклад на собственную жизнь, что боги не хотели этого. Один велит сыну мстить убийце отца.

Побледневшие викинги молчали. И лишь старый кормщик «Огненного Дракона» смело сказал:

— Хастингс Девичье Личико, твоя речь ничего не доказывает. Что скажет нам Моргана?

— Никто не даст вам доказательств, единственное свидетельство: доводы разума. Моргана не желает говорить, тем более, что она иноземка. Но я ставлю жизнь в залог того, что смерть Рагнара была неужодна богам, а теперь пусть она скажет.

— А скажу я вам вот что, — своим глубоким голосом заговорила Меера, — в последний раз Рагнара видели, когда он преследовал Оге у фризских берегов. Несколько дней спустя тела нескольких человек с его драккара волны вынесли на берег, а так же и обломки самого драккара. Рыбаки, ведающие течения и ветра, сказали, что корабль разбился на рифах Круглого Острова. Я поняла, что Оге знал об этих мелях из карт, которые ему дал Эгберт, и заманил на них Рагнара.

— Он не мог знать о них, — закричал Торхильд, один из моих гребцов, — он мог лишь догадываться!

— Если «Великий Змей» сел на мель и разбился, то Оге мог задержаться, перебить часть воинов, а Рагнара взять в плен.

— Есть ли у вас доказательства, что Оге там был? — спросил старый кормщик.

— Нашли воина Рагнара, Отто, со стрелой Оге в горле. Вспомните, ведь Отто выполнял приказ Рагнара бросить Оге кабанам, когда тот был рабом. Люди Эгберта могут опознать наконечник. Вот смотрите!

И она достала стрелу из свертка, напоминающего пергамент, и я узнал Коготь Сокола, один из тех, что я носил в своем колчане. Она вручила стрелу Торхильду, который тут же принялся внимательно ее разглядывать.

— Это стрела Оге, — сказал он тихо.

— Я бы узнал его стрелу и в тысяче других, — заметил еще кто-то.

— И я бы узнал его наконечники: они как когти сокола, — сказал Эгберт, будущий король.

— Меере ничего не стоило заполучить одну из стрел Оге, — заявила вдруг Энит.

И Хастингс закрыл рукой глаза, словно желая заслониться от видения.

— Нет, в лице этого придворного дурака я не прочел ни слова лжи, — сказал старый кормщик, — и в остальных лицах тоже. Рагнар не поехал бы к Аэле без своих воинов. Я слышал достаточно.

— Все довольны услышанным? — спросил Хастингс.

Тишину прервал голос Морганы, негромкий, но четкий.

— Я хочу спросить лишь об одном. Меера испытала много боли, в том числе и боль от утраты золота, только чтобы узнать, кто убил Рагнара. Почему?

— А почему бы и нет, раз она его любит так сильно? — ответил Хастингс.

— Меера любит лишь то, что давным-давно потеряла, — рассмеялась Китти своим птичьим смехом. — Все остальное она ненавидит.

Глава восемнадцатая ВОЗМЕЗДИЕ

На мгновение я стал словно ватный, и у меня едва не подогнулись колени. Но я сумел устоять на ногах, упервшись локтем в мачту.

А потом я услышал свой спокойный голос:

— И что же ты собираешься со мной делать, Хастингс Девичье Личико?

— Подарит тебе сегодня твою смерть. Но я еще не решил, какой она будет, и если тебе есть что предложить, я приму твои пожелания.

Я расхохотался, и жажда смерти в его глазах сменилась яростью и ненавистью. Но Убби, младший сын Рагнара, со скупающим видом остановил мой смех.

— Хастингс не играет с тобой, Оге, — произнес он. — Если ты дашь согласие, то он, я думаю, подарит тебе быструю и легкую смерть.

— Ты дурак, — заорал Хастингс. — И это мой брат...

— О каком согласии идет речь? — перебил я.

— Приказать твоей вельве, Китти, следовать за Хастингсом так же, как за тобой.

— Единственная разница между нами в том, Убби, что я выдающийся дурак, а ты — никакой, — заявил Хастингс. — И пожалуй, тебе повезло, ты просто не в состоянии проявиться.

— Почему это, я не вижу других причин...

— Ну что же, если не считать того, что мне жаль расставаться с ней, — перебил я, — то я буду только рад, если она поведет вас сквозь ночь и бури. Я хочу, чтобы норманны завоевали все христианские земли, а она хорошо этому послужит.

— Может быть, если ты сам скажешь ей следовать за одним из братьев Хастингса...

Хастингс весело засмеялся, и девять его шрамов запрыгали на лице.

— За кем же, Убби? За тобой? — Он смеялся, и слезы текли по его щекам.

— Почему? А Бьёрн? А Ивар? Кого выберет Оге. У него нет причин любить тебя.

— Здесь ты ошибаешься, — сказал Хастингс, и его глаза заблестели, как никогда прежде. — Если, по-твоему, любовь — это преданность друг другу, то мы с ним любим друг друга сильнее, чем братья. Каждый из нас хочет чувствовать жизнь во всей ее полноте — драться, любить, завоевывать. И каждый из нас побуждает другого испытывать то же. Назови это ненавистью, если желаешь, но мы получаем наслаждение друг от друга, будто любовники. Эта ненависть необходима, чтобы полностью развить нашу силу, как необходима любовь, чтобы полнее ощутить страсть девушки.

— Ты сегодня складно говоришь, Хастингс Девичье Личико, — сказал я завистливо.

— Слова опьяняют сильнее вина, а порой веселят больше, чем битва. Но я вовсе не пьян, как ты думаешь.

— Я удивлюсь, если окажется, что мы оба зачарованы.

— Это легко может оказаться правдой. Наши жизни соединены. И Судьба нанесет хороший удар, если мы умрем вместе. Но дай мне закончить с Убби. Оге, если Китти должна будет пойти за кем-нибудь из нас после твоей смерти, кого бы ты выбрал?

— Тебя.

— Почему?

— Ее жизнь будет веселей. Но я дам ей еще одно поручение, если оно ей понравится, конечно.

— Какое?

— Убить тебя.

— Почему не тебя? — он говорил возбужденно и резко, зная, что шутки кончились. Это был его последний дружеский разговор с кем бы то ни было. Он был как пьяный, который допивает последнюю чашу и знает, что ему будут сниться кошмары.

— Ты, должно быть, забыл ее нрав, — объяснил я. — Потому

что она лапландка. Эгберт сказал как-то, что англичане, если сравнивать их с французами, пахари, а французы — лодочники по сравнению с римлянами, но датчане — свиньи, с кем их ни сравни. А лапландцы даже и не свиньи. Они всего лишь пастухи оленей и охотники на волков. Они даже не могут понять ревности, зависти или мести. Лишь однажды я видел, как Китти хотела убить человека — когда боялась, что Меера прогонит ее от меня и не позволит накормить горячим супом.

— И она убьет, если ты попросишь?

— Да, можешь быть уверен. Но люди уже сейчас сторают от нетерпения, да и я тоже. Может, мы приступим к делу?

— Погоди немного. Я хочу сказать кое-что интересное и тебе, и Алану. Ты говорил, что лапландцы не знают ни ревности, ни зависти, Я избавился от зависти к тебе. Я начал даже получать удовольствие — что-то вроде гордости — от твоей силы. В чем-то моя сила превосходит твою, но в тебе есть нечто, что затмевает все остальное. Это присуще героям. Люди сразу узнают это в человеке, но этому нет названия. Я подозреваю, что в женщине такое качество — бесценный дар красоты. Я не знаю, откуда берутся героини. Рагнар был великим героем, Бьёрн — менее славным, а во мне нет и тени героизма. Оге, если бы ты все же смог прожить дольше, то очень многие подвиги были бы связаны с твоим именем, и о тебе пели бы не меньше песен, чем о Рагнаре или Сигурде.

— Он еще займет свое место рядом с ними, — вмешался Алан. — Многие подвиги придумают барды, или позаимствуют их у других завоевателей. Ты говоришь, Хастингс, что ни ты, ни я не знаем имени этого дара. Но разве ты не можешь назвать какую-нибудь особенность, какую-нибудь отличительную черту?

— Да, силу жить более ярко, а, значит, и лучше. От этого и море синее, и сердце бьется жарче даже у тех, кто лишь рядом с таким человеком.

— И ты все еще собираешься убить его?

Яркие глаза Хастингса потемнели:

— Конечно.

— Но прежде я свершу свою месть: спроси у его людей, что они будут потом делать. Начни с Китти.

— Китти, пойдешь ли ты за мной после смерти Оге и покажешь

ли ты мне Полярную Звезду, если она спрячется в облаках? — спросил Хастингс. — Я стану повелителем бриттов — это значит королем всей Британии.

— Нет, господин. Я прошу у тебя прощения.

— А что ты собираешься делать?

— Я останусь с Оге, пока у меня будут силы и до тех пор пока он позволит.

— Но что делать старой желтой женщине в Вальгалле или на берегу мертвых?

— Не знаю. Но надеюсь, что мне там найдется занятие.

— Пусть она спросит то же самое у другого лапландца, который не понимает нашего языка, — тихо подсказал Алан.

Хастингс кивнул, и Китти заговорила с Куолой, а потом сказала нам:

— Куола, во-первых, говорит, что до Лапландии далеко, а я — сестра его матери, и он пойдет со мной. Во-вторых, он надеется, что Оге возьмет нас с собой, и будет кормить нас, и охотиться с нами. И, в-третьих, он говорит, что если наши души не смогут отправиться вслед за Оге, то они войдут в птиц и вернуться в Лапландию.

— Они не сказали ничего нового, — сказал Хастингс Алану, и его шрамы побагровели. — Я сказал то же самое, но другими словами. А так как время Оге уже истекло, то...

— Ты не спрашивал Кулика — Марри с острова Морс.

— Я не хочу его слушать.

— Хастингс, никак ты воображаешь, что сможешь уйти от моей мести? Закрой мой рот — хоть зашей его струной моей же арфы — и месть моя усилится тысячекратно в устах всех скальдов, живущих и еще нерожденных. Они сотрут тебя, как ненужное слово с пергамента, а твое имя сольют с именем твоего родича, Хастингса Жестокое. И ты не будешь знать покоя ни на земле, ни под землей.

— Марри глух и нем. И если я боюсь его, пусть меня оставит удача. Спроси его.

И Алан принялся показывать Кулику на пальцах вопрос Хастингса. Марри улыбнулся и показал ответ.

— Он говорит, что вокруг тишина, и вряд ли будет тише в могиле. Он сказал, что до Оге видел мало чего хорошего, в том числе и твое разукрашенное шрамами лицо. И Марри считает, что без Оге

мир станет унылым и что он надеется посмотреть на иные красоты, отправившись с ним.

Лицо Хастингса, и впрямь, стало неприятным. Сдается мне, оно вполне могло испугать злую ведьму в лесной части, ведь она не знала, отчего оно стало таким. Он был зачат мужчиной и рожден женщиной и мог приобрести знание и силу зла, недоступные ни одному демону. Он мог смеяться и над Раем Эдит и над Хелем норманнов, но ни за что не стал бы смеяться над местью Алана.

Я не знал, что это значит. Я не понимал этого.

— Ваш уход с Оге не задержится, — сказал Хастингс всем говорившим. — Меера, ты стоишь ближе всех к Китти, обыщи ее и найди вертящуюся железную рыбку.

Я не смог помешать белоснежным длинным и нежным рукам этой женщины, которая держала в них всю Европу: когда они потянулись к груди моей желтокожей кормилицы, я рванулся вперед, но один из дружинников Хастингса, гордый и властный викинг Хедрик, оказался у меня на пути, и удар его кулака едва не проломил мне висок. Ослепленный и оглушенный жестокой болью, я рухнул на палубу. И когда я попытался закричать Китти, чтобы она бросила рыбку в море, из моей груди вырвался лишь хриплый стон.

Однако она успела разгадать мое желание и дернула за веревку; веревка оборвалась, но Китти не сумела выбросить Искателя Звезды. Ее маленькие запястья были стиснуты мощными руками двух воинов, а третий приставил сверкающий нож к горлу Куолы.

— Я прошу простить меня, Оге, — сказал Хастингс без тени насмешки, когда я опомнился от удара, — но я боялся, что ты никому не позволишь коснуться твоей вельвы. И еще опасался, что ты прикажешь ей выбросить это волшебное железо в море. Но теперь, когда у тебя было время передумать, я надеюсь, что ты отдашь свой талисман — или как ты там его называешь — викингам.

— Если только ты не натравишь на Китти Мееру.

— Мне следовало знать, что тебе это не понравится. У меня самого был какой-то страх перед этой ведьмой, но я отделался от него и думал, что и ты тоже. Теперь я презираю ее, так как после смерти Рагнара она не придумала ничего лучше — или хуже, — как следить за всеми. Но прежде чем мы продолжим, я вынужден подвергнуть тебя одному унижению; когда наступит срок, я избавлю тебя от него.

— И что же это такое?

— Вербка на твоих ногах. Я думаю, ты встретишь свою судьбу, как викинг, но никто не может быть уверен в поступках человека перед лицом смерти. И я не осуждаю тебя за то, что ты заковал моего отца Рагнара, и не снимал с него цепей до самого колодца.

— Это справедливо, — ответил я, — но я не согласен, что судьба подготовила мне смерть от твоих рук. Я не знаю, чего хочет моя судьба.

Хастингс улыбнулся:

— Тебе было бы легко зацепить жизнь своим железным крюком, и многим храбрецам довелось узнать это, когда, поворачиваясь лицом к смерти, они видели твое. И поэтому те люди, которые свяжут тебе ноги, снимут и твой крюк.

Я кивнул, и люди Хастингса принялись за работу. Когда они закончили, я сумел встать и опереться спиной о стойку кормового носа, как некогда о шест в той яме, куда меня бросил Рагнар.

— Кому ты позволишь взять железную рыбку? — спросил Хастингс.

— Она принадлежит Марри. И сказать должен он.

— Нет. Раз ты ей пользовался, значит она твоя.

— Тогда я скажу Китти отдать ее тебе. Но никто из твоих людей не должен прикасаться к ней. После моей смерти она должна быть отдана Бьерну.

— Почему Бьерну?

— Из всех сыновей Рагнара он больше всех похож на отца.

— Господи, спаси нас! — услышал я чей-то крик. Я подумал, что это Энит.

— Так и будет, и все, кто слышал нас, будут свидетелями.

— Китти, вложи рыбку в руку Хастингсу, — приказал я.

Китти подчинилась с каменным выражением лица. Хастингс тут же принялся осматривать рыбку и словно забыл о нас. Связав концы веревки, он вертел ее вперед и назад. Я удивился, как много он знал о ней.

— Откуда ты узнал эту тайну? — спросил я.

— Тебе следовало лучше прятаться от чужих глаз. Это было не

так уж сложно. Один из моих людей улегся перед палаткой Китти, прикинувшись пьяным, подсмотрел все в дыру и рассказал мне. Это, конечно же, колдовство, и я держу пари, что это сделал карлик Андвари, который владел волшебным колечком!

Он промолчал, а потом заговорил уже спокойно.

— Оге, по всем законам норманнов я должен и имею право убить тебя. Та жестокая шутка Рагнара не требовала такой мести. Когда он бросил тебя крабам, ты был рабом, и это было твое наказание, за которое нельзя мстить.

— Теперь я вижу, что никогда не был таким, как положено рабу.

— Наверное, и мой отец видел это. Он думал, что ты сын великого ярла и тоже будешь великим. С начала он даже хотел дать тебе смерть, достойную викинга.

— Я помню, — ответил я.

— Честно говоря, я не понимаю, почему он желал так почтить тебя, и прошу у тебя позволения пронзить тебя мечом. Ты первый нанес удар — на моем лице девять шрамов — и ты был тогда рабом, я должен был бы предать тебя рабской смерти, но вместо этого я собираюсь произнести слова Рагнара.

Вокруг нас толпились люди. Но я хотел разглядеть одну лишь Моргану, и мне удалось заглянуть ей в лицо.

Но тут заговорила Меера.

— Хастингс, ты назвал меня ведьмой, но я все-таки прошу позволения сказать.

— Говори.

— Те слова Рагнара слышали немногие. Повтори их.

— Оге, я предаю тебя смерти Красного Орла.

— Ты сказал «я», — сказала Меера. — Твоими устами сейчас говорил дух Рагнара. Теперь все воины слышали, что ты сам омочишь руки в крови раба. Но ты не должен этого делать. Пусть все услышат, что ты поручаешь это кухарю.

— Если ты скажешь, что Оге — сын кухаря с поварни Рагнара, я все равно убью его сам на глазах всего войска.

Китти засмеялась.

— Почему ты смеешься, желтая ведьма? — спросил Хастингс, наливаясь кровью.

— Неужели ты поддашься на ее хитрость, великий Хастингс? —

не дала ей ответить Меера, побледнев. — Я хочу, чтобы ты сделал это сам. У тебя получится прекрасно. Его распрямленные ребра будут очень похожи на крылья орла. Ты величайший из сыновей Рагнара. И это увидят все...

Хастингс двинулся к ней, пока она говорила, и с размаха ударил ее по лицу. Она упала, но подниматься не стала. Быстро метнувшись вперед, она лизнула его башмак.

— Ты самый великий из сыновей Рагнара. И это выкуп за мои слова. Могу ли я подняться, мой конунг?

— Вставай.

Хастингс повернулся к Эгберту:

— Прикажи своему кормщику идти вниз по реке. «Огненный Дракон» и «Гримхильда» пойдут следом.

И раздался крик: «Весла на воду!»

Пока все занимали свои места, Китти и Куола подошли ко мне, и Китти заговорила по-лапландски, чтобы нас не подслушали.

— Когда мы поднимались вверх по реке, Куола заметил бревна с железными шипами, вбитые в дно, чтобы остановить драккары. Но англичане не успели вбить все. Викинги пришли раньше. Можно попытаться посадить драккар на мель, как тогда Рагнара.

— Но до берега близко и многие спасутся.

— Зато и мы спасемся. Следи за рукой Куолы — в нужное время он почешет голову, а потом повернется к тебе.

Хастингс занял свое место на носу и повесил свой щит на борт. Куола тоже, как обычно, пошел на нос осматривать берега. Хастингс ударил в свой щит рукоятью меча, и щит издал тягучий низкий звон.

Алан тут же вскочил со своего места:

— Что это значит?

— Я должен объяснять скальду его же обычаи? Оге, когда король приговаривает к смерти своего ярла, то бьет в щит в знак того, что певец должен петь песню смерти, и Алан это знает.

— Я знаю это, Хастингс, но я не знал, что ты король, — ответил Алан.

— Я был всего лишь ярлом Хорика, конунга данов, как до меня — Рагнар. Но сейчас я объявляю себя повелителем бриттов.

— Оге, могу ли я спеть твою песню смерти?

— Начинай, — ответил я, — но боюсь, ты не успеешь ее окончить.

— Для короткой песни времени хватит. После твоей смерти пройдут века. Я назову ее «Смерть Оге Дана».

Алан сел на корме, достал арфу, и его пальцы побежали по струнам. В этот момент в его мыслях рождались образы и звуки его новой песни. И он запел.

*— Чего ждете вы ночью, добрые женщины?
Есть ли новости о королеве? — печалился Гоффри Король.
— Она родила тебе сына, прекрасного, словно бог,
А фея подарила ему имя и дорогое кольцо.
— О, как нарекли его, добрые женщины,
О, назовите мне имя, — все спрашивал Гоффри Король.
— Зовут его Оге, он будет прославлен
И подвиг он совершит, защищенный кольцом!
— Какая же фея его нарекла, скажите мне, женщины?
И чем он отдарит ее? — спрашивал Гоффри Король.
— Черноволосая фея Моргана ему подарила кольцо,
И смерть при Ронсевале будет платой за то.*

— Стой! — закричал Хастингс, покраснев так, что стало не видно ран. И когда смолкли звуки песни и струны прекрасной арфы стихли, продолжил: — Алан, что значит эта нелепость? Гоффри был королем франков во времена Кловиса. А битва при Ронсевале произошла девяносто лет назад между отрядом Карла Великого и сарацинами.

— Если ты потерпишь, то услышишь, как Оге стал паладином Карла Великого. Я думаю, он убьет сына Карла Великого, чтобы отомстить за своего, позже он переоденется им и встретит в единоборстве короля сарацин. Если тебе не нравится, что он погибнет с Роландом при Ронсевале, можно его усыпить волшебным сном. Если хочешь, я сделаю его одним из рыцарей Круглого Стола короля Артура.

— А кем будет Хастингс? — ухмыляясь, поинтересовался я.

— Хастингс? Кто он? А, да, он будет кухарем, переодевшимся рыцарем.

— Только тебе придется поторопиться, — перебил Хастингс. — Времени не так уж много.

Алан вновь стал перебирать струны и запел. Стоя перед первыми

рядами гребцов так, что нас разделяла половина корабля, Хастингс смотрел на быстро скользивший берег. Лицо Алана светилось странным светом. Кормщик в это время пил, и не заметил вытянутой руки Куолы, спокойно перешедшего на корму. Эгберт и даже Меера не отрывали глаз от вдохновенного лица певца. Энит закрыла лицо своими полными руками. Марри-Кулик пытался что-то насвистывать, и его лицо блестело от пота.

Китти со спокойным взором ждала знака резать мои пути. Но Убби, довольно знал ее, и потому не спускал с нее глаз. Хастингс сказал, что времени не много, но он и не подозревал насколько он прав.

Я стоял позади навеса, по-прежнему опираясь спиной на его стойку. Странная, пьянящая сила клокотала во мне. Несмотря на отсутствие руки, я был охотником, мореходом и воином, способным нанести быстрый, смертельный удар. Я чувствовал каждый свой мускул, я жил. Я умру, конечно, насильственной смертью, но это будет не сейчас. Головокружение прошло. Я знал, что даже без руки я могу одним прыжком оказаться на крыше навеса.

Я повернул голову и встретился взглядом с Морганой. Тогда я опустил глаза на меч, взятый у Аэлы. Моргана подошла ко мне. Ее взор светился нежным светом.

В этот миг боковым зрением я увидел Куолу, который принялся яростно чесать голову. Я знал, что его сердце билось спокойно, совсем не так быстро, как мое.

Рука Морганы медленно подбиралась к рукояти, когда дурень Убби, которого не интересовали песни, оторвал свой недоверчивый взгляд от Китти и лениво взглянул на меня.

— Я хочу отдать тебе на память свой меч, — сказал я негромко, чтобы только она и Убби слышали меня. — На рукоятке нет наверх-ших, но это все, что есть у однорукого.

Убби не обратил на нас внимания и вновь повернулся к Китти. На лице Морганы вспыхнул яркий румянец. Она попыталась что-то сказать, но не смогла. Я кивнул. Алан продолжал петь, а Куола ждал.

Никто не видел, как она вытащила меч. Незаметно Моргана перерезала веревки, стягивающие мои колени. Кровообращение быстро восстановилось; Куола смотрел на меня. Я взял меч в зубы, ухватился рукой за навес и попытался подтянуться.

Должно быть, острые глаза Мееры заметили блеск стали, потому

что она повернула голову в нашу сторону. Моргана не видела этого, да и все равно, мы уже зашли слишком далеко. Она придерживала меч, чтобы он не мешал мне, и одним сильным толчком я оказался на крыше. В этот момент Меера подняла тревогу, указывая на нас. Я наклонился и протянул Моргане руку, он уцепилась за нее, и я втащил принцессу наверх. В этот момент корабль резко дернулся.

Словно великан подхватил меня и швырнул вперед. Будто сокол, я прыгнул, ускоряя свой полет, несясь на крыльях любви и ненависти. Я не чувствовал веса Морганы, она была частью меня, и от этого сила, мчащая нас, становилась еще больше. Прямо перед собой я увидел Кулика, вскочившего и готового поймать Моргану. Я выпустил ее, и Марри крепко обхватил ее за колени.

Атакующий сокол не сводит глаз со своей добычи. Я упустил свою только на мгновение, когда от толчка Хастингс упал на колени. Я бросился на него, и лицо его было так близко, что я мог разглядеть каждый из девяти шрамов. Но я был у цели, и у меня не было времени. Я едва успел схватить рукоять меча и нанести удар.

Это было последнее, что я видел. Я провалился во тьму. Впоследствии гребцы, которые устояли на ногах и видели происходившее, рассказывали, что я летел вперед, зажав рукоять «Мстителя» в зубах, и лезвие походило на огромный клюв сокола-оборотня. Никто не заметил, как меч оказался в моей руке, и как я ударил. Но когда они посмотрели на Хастингса, придавленного моим телом, меч уже глубоко сидел у него в груди.

Глава девятнадцатая СУДЬБА

Когда я очнулся, мне стало страшно. Но мои глаза быстро прояснились, пелена расступилась. И тогда меня переполнило удивление, столь сильное, что оно походило на испуг. Хастингс лежал на спине, и в его груди торчал мой меч, раскачиваясь в такт его дыханию. Он был еще жив, и когда его глаза встретились с моими, я увидел в них что-то вроде приветствия.

В безотчетном страхе от того, что он может вытащить меч из груди и ударить меня, я откатился от него в такой спешке, что стоявшие вокруг викинги расхохотались. Этот звук, такой мирный, вернул мне способность нормально соображать. Я поверил в чудо своего избавления от Хастингса и попытался осмыслить происходящее.

У многих викингов текла кровь, но никто не был ранен серьезно, а двойной киль спас севший на мель корабль от сильных повреждений. Белая ряса брата Годвина предстала перед моим взором одновременно с черными кудрями Морганы. Он поднялся к нам с «Гримхильды» и встал с ней рядом, словно желая защитить. Энит одиноко стояла на коленях, молясь. Меера держалась возле Убби, ее глаза блестели, а лицо обрело какую-то странную, печальную красоту. Эгберт гордо выпрямился, пытаясь выглядеть как король, но я даже не повернул головы в его сторону.

— Вы смеетесь! — крикнула Меера своим звучным голосом. — Вы, викинги, всегда смеетесь, когда вам следовало бы плакать над своей глупостью! И ты, Убби, смеялся тоже — я видела.

— Я не мог удержаться, Меера! — Убби попытался придать своему лицу пристыженное выражение.

— Твой отец и твой брат убиты рабом-выскачкой Ты не только

дурак, но и трус. Почему бы тебе не вырезать ему Красного Орла, как хотел Хастингс?

— Заткнись, или я поступлю с тобой, как он. Говорят тебе, надо подождать! Я поговорю с Хастингсом, когда ему станет лучше. Он потерял не так уж много крови.

— Хастингс умрет, как только будет вынут меч, — заговорил Годвин, — ноя согласен с тобой, Убби, хватит убийств.

— Тогда я поговорю с Иваром и Бьёрном, — продолжал Убби, — мы должны это обсудить все вместе.

Бешеная жажда жизни, обретшей надежду, погнала горячую кровь в моих жилах, и я вскочил на ноги. У меня закружилась голова, но я все же сорвал с шеи Хастингса шнурок, на котором висела железная рыбка. Затем я встал рядом с ним и протянул руку к рукояти торчащего из его груди меча.

— Ударь его секирой, а то будет поздно, — крикнула Меера Убби.

Но прежде, чем он успел ответить, величественно, будто король, вперед выступил Эгберт.

— Нет, между ними будет перемирие, пока не соберется совет хёвдингов, — объявил он. — Оге, ты согласен?

— Да, и грудь Хастингса — это самые удобные ножны, которые я только мог пожелать своему мечу.

— Убби, ты согласен?

— Да, а если эта рыжая вновь откроет рот, я протащу ее на веревке за кораблем до самого Хамбера, — поклялся Убби.

— Я знаю способ получше заставить ее замолчать, — сказал я. Я взял веревку Куолы, завязал петлю и перекинул через ветвь дерева, нависшего над кораблем. — Но есть еще кое-кто, кого бы мы с удовольствием послушали. — Я продолжал, и губы мои дрожали от удовольствия. — Я не сомневаюсь, что он раскроет нам несколько королевских тайн. Он ведь объявил себя королем Англии всего час назад. Мы ждем, трепеща от ужаса, король Хастингс! — Я пнул его носком сапога.

— Король забыл, что обещал мне смерть от Красного Орла?

Хастингс промолчал и только слегка улыбнулся, словно ему и впрямь был известен какой-то секрет.

— Что с тобой, Хастингс? — с насмешливой озабоченностью вскричал я. — Тебе следует сидеть на троне вместе со своей короле-

вой, а твои товарищи будут преклонять колени перед тобой и подносить вино. Ты согласен, чтобы дочь Родри согревала твою ложе? Ты говорил мне, что у уэльских девушек горячая кровь. Но я уверен, что тебе придется спать в холоде.

Я взглянул на Алана, в его большие мягкие глаза. Я знал, что мои сейчас жесткие и колючие.

— Король не отвечает. Как вы думаете, если я поверну меч, он проснется и заговорит?

— Берегись, Оге, — тихо сказал Алан. — Ты или сошел с ума, или бросаешь вызов богам.

— И Китти говорила нечто подобное месяц назад. Она каркала, словно ворона, с тех пор, как я убил Рагнара. Сейчас два ее предсказания сбылись. Аэла мертв, и из Хастингса помаленьку вытекает кровь. Какое твоё третье предсказание, старая ведьма?

— Берегись, Оге, — повторил Алан, — кого боги хотят погубить, того они лишают разума.

Но я замолчал не из-за этих торжественных слов, а из-за слез Китти. Я увидел их третий раз в жизни, они катились из ее узких глаз по желтым щекам. Все молчали, как Кулик, и тут заговорила Моргана:

— Какое предсказание, Китти? Прошу тебя, скажи, ради любви, которую я питала к нему и теперь потеряла.

— Христианская принцесса просит предсказания от старой желтокожей женщины, — засмеялся я прежде, чем Китти смогла ответить. — Я сам скажу тебе, ради этой самой потерянной любви. Китти предсказала, что когда я убью Хастингса, из хель поднимется дракон и проглотит меня живьем.

— Пусть не оставит меня бог Песен, — крикнул Алан, — но я боюсь, что это может оказаться правдой.

— Где же дракон? — спросил я. — Хастингс, ты вернешь мне меч, чтобы сразаться с чудовищем? Это хороший меч, хоть у него плохая рукоять.

Я повернулся к побледневшим викингам.

— Дед Энит, великий эрл, завещал его самому могучему ее сыну, и Аэла первым носил его. Теперь король Хастингс носит его, хоть и не так, как нужно. Так какой король опоясается им теперь?

— Скажи нам, кто, Оге Кречет! — громко крикнул могучий Оффа.

— Бывший раб Рагнара, — ответил я, — он обменял кольцо не-

вольника на шее на корону. Это будет корона повелителя бриттов, а под его властью будет Эгберт, которому он обещал Нортумбрию. Правда, он сын кухарки, но будет править добытым мечом. Оффа, ты знаешь его имя и прозвище?

— Оге Дан! — раздался дружный крик.

— Вы пришли в Англию, чтобы остаться, и вы завоюете всю землю от моря до моря, — сказал я викигам. — Я провозглашу себя королем, и помажу на царство жиром датской селедки. Но пусть выбор будет за вами. Каков он?

— Оге Дан! — кричали команды трех кораблей. И от толпы, собравшейся на берегу у лагеря вернулось назад мощное эхо.

— Хотя я, может, и низкого происхождения, я возьму себе жену-королеву, чтобы она родила мне сыновей, которые унаследуют то, что я захвачу. Моргана Уэльская, если ты возьмешь мою руку, я сделаю тебя королевой Англии.

Она не отвечала. Ее глаза были полны слез, и я не знал, что это означает.

Я вновь обратился к ней, и неожиданно для в моем голосе прозвучала мольба.

— Моргана, ты должна дать ясный ответ.

Она дала его, медленно и обреченно покачав головой.

Наступила мертвая тишина. Я хотел нарушить ее грубой шуткой — в противном случае окружающие поймут, как я страдаю, и потеряют веру в меня. Но молчание прервал голос, который я уже не думал услышать.

— Оге, ты думаешь, потеря Морганы — это вся месть богов? — спросил Хастингс. — Она даже еще не началась.

— Я не знаю никаких богов, — не сознавая, что говорю, ответил я.

— Ты лжешь. Ты в ужасе ожидаешь их удар, и я тоже. Я не вижу дракона в тумане смерти. Но я знаю, что боги встали на мою сторону, когда удержали от твоего убийства и позволили мне пасть вместо тебя.

— Оге, Оге! — раздался отчаянный крик Морганы. — Я вижу!

— Что ты видишь?

— Тень дракона.

— Где он? — крикнул я в припадке безумия. — Я буду драться с ним мечом!

Тогда Энит поднялась с колен и встала передо мной.

— А разве рукоять не выскользнет из твоих рук, как из рук Аэлы? — спросила она слабым голосом. — Мне следовало догадаться, что «Мститель» повернется против того, кто владеет им не по праву, так что позаботься вернуть наверх на рукоять.

Я стоял неподвижно, и истина открывалась мне яркими вспышками, как молния в горах Тора. Меера вскрикнула.

— Где же наверх рукояти? — услышал я свой вопрос, уже зная ответ.

— На шнурке на твоей шее. Я повесила ее туда, чтобы можно было тебя узнать. Даже тогда я знала, что ты самый сильный из моих двух сыновей. Теперь я знаю, что ты самый сильный из сыновей Рагнара.

Глава двадцатая

ПРОЩАНИЕ

Когда два великих норманнских воина хотят биться насмерть, они обычно встречаются на необитаемых островке.

Жилища вельв тоже стоят на островках, которые считаются обиталищем духов природы и посещаются тенями умерших. Мне казалось, что драккар, севший на мель, стал таким островом на этой широкой реке, открытым для великих богов и для ударов Судьбы.

«Огненный Дракон» и «Гримхильда» встали рядом. Те из моих товарищей, кто случайно оказались со мной, перелезли через борта. Они не смотрели мне в глаза. Со мной остались Меера, Энит, Моргана, Китти, Хастингс, Алан, Марри и Куола. Я не мог сосчитать и увидеть, чьи души собрались здесь. Конечно, великого Рагнара. Наверное, Аэлы, хотя его тело уплыло вперед в гробу. Я вспомнил давно мучивший меня вопрос:

— Может ли душа, помнящая смертельный удар, нанесенный брату или полученный от него, найти покой?

Эгберт оставил нас, пока гнев языческих богов не обрушился, словно лавина, на невинных, виновных даже того, кто собирается стать королем.

— По правде говоря, его вид меня раздражает, — я вновь услышал голос Рагнара, сидящего в своем зале в ночь перед моим испытанием. — В его лице есть что-то, что вызывает у меня поток мыслей, которые крутятся и тянутся, словно нитка на веретено. Мне кажется, что его отец — мой смертельный враг.

Ты не ошибся, Рагнар! Ты сам во мне привел себя к гибели.

— Ивар, а ведь ты сам больше похож на дрожащего раба, чем на меня.

Так говорил Рагнар в ту ночь; и я не мог вспомнить других намеков на наше сходство. Но ему следовало бы догадаться по моему ответу:

— Рагнар не меня имеет в виду, Ивар, ведь я не дрожу.

Так я общался со своими родственниками, и, пока я размышлял, дракон не мог начать свой пир.

— Китти, когда мы были при дворе Аэлы, ты упала передо мной на колени. Я не мог этого вынести и поднял тебя. Ты умоляла отдать судьбу Рагнара в руки Аэлы. Если тогда тебе пришло в голову, что он мой отец, почему ты мне не сказала? Ты предала свою верность мне, и я хочу вонзить сталь в грудь, из которой я пил молоко.

— Оге Дан! — ответила она. — Мой взор бродил среди теней, но я не знала, что ты сын Рагнара.

— Я могу в это поверить и потому не совершу еще одно преступление. Но когда я хотел биться с Аэлой насмерть, ты умоляла отрубить ему руку и отпустить.

— Да.

— Когда я увидел тебя полумертвой, я спросил, что ты видишь. Ты сказала, что я проклят, и ты видишь дракона, который пожрет меня. Если тогда ты видела, что Аэла мой брат, твои глаза больше не увидят света.

— Они и так не видят света, мой родной, из-за твоей проклятой судьбы. Мне кажется, что ты убил своего отца и двух братьев, потому что такова была твоя Судьба. А Судьбе никто не может противиться.

— Мать моя Энит, ты ничего не говорила, когда Аэла хотел убить меня и отрубил мне руку. Ты знала тогда, что я твой сын?

— Нет, но мое сердце чувало беду.

— Ты узнала это сегодня, когда лгала перед своим Богом, чтобы защитить меня от мести Хастингса. Где доказательство?

— Я говорила с Морганой и заставила рассказать о твоём обереге.

— Ты бы открылась Хастингсу, чтобы попытаться спасти меня?

— Я не понимаю норманнов, но думаю, он вряд ли пощадил тебя, какое бы ужасное наказание его ни ждало. Так что у меня было другое средство.

— Какое?

— Убить его кинжалом.

— Но я убил Аэлу, твоего сына.

— Ты мой любимый сын.

— Ты продала его в рабство, — горько сказала Моргана. — Если бы он вырос при дворе, он стал бы христианином, англичанином.

— Придержи свой язык, — перебил я, — христианское молоко все равно сделало бы из меня Оге Дана.

— Я отвечу тебе, Моргана, — величественно сказала Энит. — Я сразу поняла, что этот сын будет великим — по его крику, по тому, как он сосал молоко. Нет, даже раньше.

— Когда?

— Когда его отец овладел мной.

— И ты все равно избавилась от него.

— Его прятала моя служанка от гнева моего мужа. Я решила отправить ребенка к своей сестре, в Кент, и послала с ним половину своих драгоценностей. Но кто-то узнал об этом, и ребенок попал к датским викингам.

— Не пора ли мне сказать? — спросила Меера сладким голосом, улыбаясь.

— Я думаю, сперва надо дать слово Хастингсу, так как его дыхание слабеет. — Я взглянул на него, и, увидев закатившиеся глаза, подумал, что он умирает. Вглядевшись пристальнее, я заметил, что «Мститель» все еще легонько качается.

— Хастингс! — позвал я. — Хастингс Девичье Личико!

Я вновь увидел его голубые глаза, которые только чуть-чуть потускнели.

— Да, Оге дан, — ясным шепотом отозвался он.

— Когда тебе привиделось, что тень Горма послал Рагнар, а не Эдит, это было правдой. Когда он просил тебя не мстить мне, это была не слабость перед христианским Богом — он оставался Рагнаром Бесстрашным. Бедная душа, он хотел спасти тебя от мести богов.

— А почему он не предупредил тебя?

— Кто знает? Наверное, он ненавидел меня слишком сильно.

— Не так сильно, как я. Но пусть говорит Меера. Мне очень больно, кровь, наверное, скоро вся вытечет.

Хотя он говорил очень тихо, даже слепой узнал бы голос Хастингса. Он почти не изменился, и его нельзя было спутать ни с каким другим голосом в мире.

— Честно говоря, я сомневаюсь, что в Вальгалле или в хель будет уж очень весело, так что мне хочется удовлетворить хотя бы свое любопытство.

— Меера, почему ты приложила столько сил, чтобы сделать меня рабом Рагнара?

— Пустяки. Это был мой каприз. Хотя тогда Север был для меня в диковинку, я увидела одно сходство между норманнами и теми, кто когда-то были моими соплеменниками. Иудеи тоже были рабами — в Египте и Вавилоне — и до сих пор помнят боль и стыд, так что я знала, какую ужасную цену заплатит Рагнар за цепи на своем сыне.

— А если бы я умер в канаве с водой? Или принял бы смерть от Красного Орла?

— Я думала об этом. Но я решила, что будет лучше столкнуть тебя с другим сыном, такое бы подняло волны вражды во всем вашем клане.

Мы слушали ее с широко раскрытыми глазами, не в силах вымолвить ни слова. Трудно было поверить, что она человек и живет в этом мире. Но мы не могли отвернуться и забыть о ее существовании. Она стояла, грациозно прислонившись к борту, заложив одну руку за спину, и пристально смотрела на нас своим пронзительным взглядом. Ее волосы были подобны пламени, и мы знали, что ее тело полно жизни. Вдруг я нашел слово для нее, которое ослабило бы наш ужас. Я точно не знал, что оно означает, но оно, несомненно, подходило ей, и освободило бы нас из оков кошмара.

— Меера, ты сумасшедшая.

— Нет, я переплыла Море Безумия и выбралась на другой берег.

— На что это похоже? — быстро спросил Алан.

— Тебе самому придется отправиться туда за ответом. Мой отец, рабби бен Гидеон, не учил меня верить в Хель, но, наверное, между двумя этими местами есть что-то общее.

— Но у тебя же были и другие цели, кроме уничтожения Рагнара и его детей, — крикнул я, — ты заставила его предоставить убежище Эгберту и отправить Хастингса захватывать Моргану. Я не вижу ...

— И никто не увидел бы, кроме Хастингса. Но я помогу тебе понять. Ты видел, как Эгберт и его эконом играют в шахматы. Они оба новички, а хороший игрок двигает фигуры не надеясь на быструю выгоду, а порой даже без ясной идеи о будущей пользе. Он двигает

их потому, что имеет некий план, и все его ходы, пусть отдаленно, но подчиняются этому плану. Так как Аэла и Эгберт были врагами, я подумала, что приютив Эгберта, Рагнар станет еще большим врагом Аэлы. Так бы и получилось, если бы я не нашла путь покороче.

— Ты узнала, что Моргана, дочь Родри, обручена с Аэлой? — спросил Алан.

— Я знала, что она самая завидная невеста во всей Англии. Аэла и его лорды ненавидели Рагнара из-за Энит. Если бы Рагнар похитил еще и невесту Аэлы, над Северным морем пронесся бы шквал ненависти. Еще я подумала, что Рагнар захотел бы Моргану для себя, или между его сыновьями вспыхнула бы вражда из-за нее. Но мне и не снилось, что оборванец, вроде Оге, нарушит все мои планы. Игра — моя жизнь, но она закончилась слишком рано.

— Ловко ты проделала все это, Меера, — голос Хастингса был неожиданно ясен и громок.

— Было бы лучше, если бы ты вытащил Оге из канавы? — спросила Меера. — Нет, Хастингс, игра не удалась. Правда, Рагнар умер от руки своего сына, но умер сражаясь. Твой брат нанес тебе смертельную рану, но твоя душа была проклята еще раньше. Вот если бы ты обрек Оге на смерть от Красного Орла, она бы корчилась в нескончаемых муках. А Рагнар должен был бы умереть последним.

— Тебе не удалось натравить на меня Убби, — сказал я, — но ведь есть еще Ивар, Бьёрн и Хальвдан.

— Когда они узнают, что ты сын Рагнара, они не поднимут на тебя руку. Ты оказался одним из них, а не безымянным рабом. Ты имел право на месть по рождению. Хастингс отправится в геенну огненную, а ты, словно Каин, будешь скитаться по земле. Но Рагнар пирует в Вальгалле, а трое его сыновей завоюют Англию. Вот так заканчивается игра, которая должна была уничтожить корни и ветви древа Рагнара.

— Она еще не совсем закончилась, — усмехнулась Китти.

Меера перевела взгляд на нее, а затем на ветви дерева над своей головой.

— Корень и ветвь, — прошептала она с широко раскрытыми глазами, и совсем по-детски засмеялась. — Китти права. Можно подумать, что это придумали хитрые греческие боги, а не ваши неуклюжие и потные боги Севера.

— Я вижу ветвь, — сказал Алан, — а где корень?

— Корень в Кордове, в моей молодости. Из-за страсти — или любви? — к Рагнару я привела его к сокровищам богатого иудея. Этим иудеем был Гидеон, торговец. Мой дед.

Стремительно и легко, словно подбираясь к добыче, она устремилась к навесу на корме.

— Ты куда? — спросил Алан.

Казалось, она не услышала. Взяв один конец веревки, которую я раньше перекинул через ветку, она прочно привязала его к борту. Со свободным концом в руке она вскарабкалась наверх. Словно кокетливая девушка, примеряющая дорогое ожерелье, она надела петлю на шею.

— Я спрашиваю, Меера, куда ты? — мягко повторил Алан.

Ее глаза расширились от удивления.

— Хотела бы я знать, — ответила она.

Она легко прыгнула вперед, словно беспокоясь об удобном приземлении. Но ее полет прервался, и она закачалась в воздухе. Веревка скрипела, волны шлепали берега нашего деревянного острова, Кулик издавал мягкие свистящие звуки, но казалось, будто наступила глубочайшая тишина, словно в звездной дали.

Шли долгие минуты — мне подумалось, что за такое время Локи мог бы порвать свои цепи и наступили бы Сумерки Богов, — и тут Хастингс глубоко вздохнул.

— Думаю, она уже далеко. Пора отправляться и мне, — сказал он.

— Ты очень торопишься? — спросил я.

— Да.

— Тебе, конечно, очень больно.

— Вообще-то нет.

— Я вытащу меч не из жалости к тебе. Просто от долгого пребывания в крови сталь может заржаветь.

— Оге! — мягко позвал Куола.

— Не тебе прерывать разговор хевдингов, — оборвал его я.

— Да, господин, но твои слова о мече заставили меня вспомнить о веревке. Она может перетереться о кору.

— Ты получишь свою веревку.

— С мечом ничего не случится, если мы подождем еще чуть-

чуть, Оге, — сказал Хастингс. — Хотя силы быстро покидают меня, мой разум ясен, а мое любопытство еще не удовлетворено.

— У нас теперь нет секретов друг от друга.

— Меера сказала, что теперь ты, словно Каин, обречен скитаться по свету. Но ты не найдешь забвения, пока не исполнится проклятие богов. Ты можешь совершить великие подвиги и даже задержать дракона на какое-то время. Ты в самом деле можешь стать повелителем бриттов.

Я кивнул, ожидая, когда он сможет продолжать.

— Думаю, Рагнар будет доволен, ведь это докажет силу его победителя и сына, — сказал Хастингс. — Может, этим ты хоть частично искупишь вину своего ужасного поступка.

— Это было бы неплохим оправданием. Ради такого стоило бы сражаться, словно берсерку, пока вся Англия не будет у моих ног.

— А ты хочешь оправдаться? — вмешалась Китти.

— Ты мешаешь разговору хевдингов, но я отвечу тебе. Мне не в чем оправдываться. Я Оге Дан.

— Тогда ответь великому Хастингсу.

— Хастингс, я нанес тебе смертельную рану, которую нельзя исцелить в мире людей, так что я покину его и отправлюсь на поиски Авалона.

— Тогда прощай, Оге.

Он стиснул рукоять «Мстителя» правой рукой и попытался вытащить его. Но силы быстро оставили Хастингса. Судорога свела его лицо, а затем на нем появилось выражение стыда от неудачи.

— Ты не смог избавиться от него, потому что у рукояти нет наверхия, — сказал я ему. — А так как ты, лежащий здесь между жизнью и смертью, неподходящая компания, я пощекочу тебя, чтобы разбудить.

Крепко взявшись за рукоять, я легонько повернул ее. Выступило немного крови, но недостаточно, чтобы отпустить его мучающуюся душу. После глубокого стоны лицо его просветлело, словно Молния богов осветила его.

— Я победил тебя, Оге, — сказал он, — теперь лезвие держится не так плотно.

Он вновь взялся за рукоять. Она медленно поднималась вверх, подчиняясь его яростной воле. Наши сердца замерли, словно молясь

неизвестным богам, сталь покинула плоть, и ярко-алый фонтан брызнул вверх. Он был ярче, чем рубины на коронах христианских королей. Кровь плясала и искрилась на солнце малиновой радугой.

— Прощай, Хастингс Девичье Личико! — крик мой, казалось, потряс небо.

— Прощай, Оге Дан! — откликнулась его отлетающая душа.

Было похоже, что собралось эхо со всего мира, повторяя:

— Прощай! Прощай!

Моргана подала мне руку, и я услышал ее голос:

— Я отправляюсь с тобой, Оге, искать Авалон.

ЭПИЛОГ

Однажды зимней ночью в королевском дворце у очага сидел седовласый певец, грея свои старые косточки. Он мечтательно смотрел в мерцающий жар углей.

— Что ты там видишь, Алан?

— Обрубок руки храбреца.

— Что?

— Прошу прощения. Я задремал. Пора проснуться и продолжить мое путешествие.

— Алан, ты что, проклятый дух, который не имеет права на отдых? Здесь тебя будут кормить и одевать до конца твоих дней!

— Нет, я благословенный дух, и потому я должен быть всюду, где люди имеют уши, чтобы слышать мои песни; и, значит, мое путешествие кончится только с моей смертью.

— Тогда спой нам еще одну песню, прежде, чем уйдешь.

— Я уже пел вам про то, как Оге Дан отправился на поиски Авалона, и как фея Моргана в облике смертной девушки взойшла на его корабль, чтобы указывать путь. Можно не сомневаться, что кольцо, которое она ему подарила, наделило Оге вечной молодостью, и, когда они нашли остров, она стала его невестой.

— Почему ты так уверен? Может, она привела его в волшебное царство на дне моря. Что-нибудь было слышно о корабле, на котором они отплыли?

— Мне это неизвестно, — улыбнулся Алан.

— Говорят, тебе довелось побывать в Исландии, а это на полпути к Авалону. Рассказывали также, что тебя туда привез корабль с запада, который потом отплыл обратно. Что ты там делал?

— Искал что-нибудь такое, о чем стоит слагать песни.

— И ты ничего не слыхал об Оге Дане?

— Налей мне чашу вина своей рукой, и я попробую вспомнить.

Алан выпил вино, и его ловкие пальцы забегали по струнам арфы. Он запел песню, которую никто из присутствующих раньше не слышал.

Вот песня, которую он пел под дикие мелодии своей арфы.

— Глядите, земля показалась уже!

Воскликнули спутники Дана Оге.

*— А может, то облако? В здешних морях
Никто не слыхал о больших островах.*

— Что скажешь, лапландка? Сомненья развеи.

— На облаке нет ни лесов, ни полей.

*Что хочешь поставлю и выиграю спор —
там что-то зеленое радует взор.*

— А может, ты чарами гонишь туманы? —

Оге Дан воскликнул, — а, фея Моргана?

*— Ты утром познаешь все чары мои
На ложе зеленом сей дальней земли.**

Рука Алана замерла и песня оборвалась.

— Это все, что я помню, — сказал он устало. — Так давно это было.

— Ты уверен, что земля, которую они нашли, действительно Авалон?

* Перевод стихов И Маневича

— Кажется, норманны называют ее «Длинные Берега». Там идут теплые дожди, но иногда выпадает и снег. Но я никогда не сомневался, что это Авалон, и у Оге Дана и его невесты были там удивительные приключения. Ведь если мы, певцы, начнем сомневаться, наступят Сумерки Богов.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Неважно. Мне пора идти.

— На острове жили другие люди? — не отпускал певца эрл.

— Какие-то жили, с красноватой кожей. Вэльва Оге, Китти, считала, что они отдаленно напоминают ее народ; и, кажется, ее племянник Куола женился на одной из их девушек. Если гребцы Оге остались с ним, они, наверное, позабыли своих жен и возлюбленных с Севера и сделали то же самое.

— Там были какие-нибудь животные?

Глаза Алана блеснули:

— Множество удивительных животных!

— Мне бы хотелось побывать там. Это последние известия об Оге и его людях?

— Говорят, что они направились в глубь острова, в страну Голубых Вод.

— Интересно, добрались ли они туда.

— Кто знает? Может, люди, которые когда-нибудь пойдут по их следам, найдут их руны, вырезанные на камнях.

Затем дочь короля, прекрасная девушка, подошла к певцу и, поцеловав его в щеку, повесила золотую цепь ему на шею. Он закутал арфу в плащ и ушел в темноту ночи.

Он не чувствовал холода, потому что на сердце его было тепло. Он вспомнил глаза девушки, которые напомнили ему Моргану. Это было давным-давно.

Тени скрыли его, и осталось только далекое эхо его песни.

ЭДИСОН МАРШАЛЛ

Викинг

Редактор

Н. Будур

Художественный редактор

Т. Хрычёва

Технический редактор

Г. Шитова

Корректор

Т. Иванова

Компьютерная верстка

Т. Дианова

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.

Подписано в печать 10.12.97 г.

Гарнитура Миньон. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 19,64. Цена 22 000 р.

(С 01.01.98 г. цена 22 р.).

Цена для членов клуба 20 000 р.

(С 01.01.98 г. цена для членов клуба 20 р.).

Издательский центр «ТЕРРА».

113184, Москва, Озерковская наб.,

18/1, а/я 27.

Маршалл Э.

М30 Викинг: Героическая сага о Любви и завоеваниях / Пер. с англ.
Л. Маневича. — М.: ТЕРРА, 1997. — 336 с.: ил. — (Викинги).

ISBN 5-300-01566-0

В романе «Викинг» рассказывается о периоде завоевания норвежскими викингами Нортумбрии, о гибели хёвадинга Рагнара Кожаные Штаны в змеином колодце правителя Йорка и о великой Любви бывшего раба и уэльской принцессы.

УДК 82/89

ББК 84 (7 США)

Вышли из печати:

«КОНУНГ»

В последней четверти XII века в Норвегии начинается период «гражданских войн», период глубокой внутренней распри.

В 1163 году в стране был принят закон о престолонаследии, и королем стал Магнус, сын ярла Эрлинга Кривого, которого поддерживали знать и высшее духовенство.

Права Магнуса на престол были весьма сомнительны, ибо его отец породнился с родом королей, женившись на дочери Сигурда Крестоносца.

Основным противником Магнуса стал самозванец Сверрир, который объявил себя сыном конунга Сигурда сына Харальда и внуком Магнуса Голоногого.

В результате длительной и кровопролитной войны Сверриру удалось завоевать престол в стране.

Талантливый военачальник, искусный политик, дальновидный государственный муж, конунг Сверрир сумел продержаться на троне двадцать пять лет.

В 1202 году он неожиданно умер.

В этот том вошли две первых части трилогии «Конунг» известного писателя, классика современной норвежской литературы Коре Холта, который, опираясь на материалы древней «Саги о Сверрире», сумел создать волшебную картину северного средневековья...

Вышли из печати:

«НАСЛЕДИЕ КОНУНГОВ»

Один из самых драматичных в истории Норвегии периодов — эпохой «гражданских» войн и «самозванничества» (XI—XII вв.).

В стране было два конунга — Сверрир и Магнус, причем первый имел на престол права весьма сомнительные.

Сверрир возглавлял войско биркебейнеров (букв. «березовоногие»), которые получили это прозвище за то, что пообносившись за время скитаний в лесах, завертывали ноги в бересту.

Против сторонников Сверрира выступали кукольщики (или плащ-сзики) и посошники.

Кукольщики приверженцев Магнуса называли из-за плаща без рукавов и с капюшоном, которые носили духовные лица, которые, в основном, и противились власти Сверрира.

Епископ Никлас даже собрал против самозванца войско, получившее прозвание посошники (от епископского посоха).

Об этом периоде и о борьбе за власть после смерти Сверрира пойдет речь в этой книге.

В том вошли заключительная часть трилогии Коре Холта «Конунг» и роман Харальда Тюсберга «Хакон. Наследство».

Вышли из печати:

«КОРНИ ИГГДРАСИЛЯ»

«Боевые раны до костей, праздничные здравицы допьяна, струны, лопающиеся под рукой всплывшего певца, кольчуга, разрывающаяся от порывистого дыхания разгневанного витязя...

Бесстрашное, презирающее смерть мужество, суровая доблесть и бодрая жизнерадостность; миросозерцание в высшей степени положительное и деятельное; и как идеал посмертного блаженства — не туманные чертоги расплывчатого созерцательного рая, а крытая золотыми щитами Валгалла, где властитель богов наделяет своих избранных добрым оружием и ежедневно водит их в битву, чтобы после жаркого боя вернуться в светлый чертог для веселого пира, для жен и мудрых бесед...» («Старшая Эдда»)

Таким был мир викингов, такими были и их предания, песни о богах и героях, хвалебные песни...

В очередной том нашей серии вошли лучшие образцы литературы «эпохи викингов» — избранные песни «Старшей Эдды», отрывок из «Младшей Эдды», некоторые саги и пряди об исландцах и, конечно, скальдическая поэзия.

Издание рассчитано на широкого читателя и снабжено комментариями.

Серия

рыцари

Рыцарство возникло у франков в VIII веке.

Военные заслуги рыцарей усилили значение рыцарства. Рыцари стали «залкнутым» сословием «благородных».

Для посвящения в рыцари необходимо было пройти через определенные, строго регламентированные обряды и церемонии. Рыцари давали обет защищать христианскую веру, угнетенных, сирых и вдов.

В поэзии труверов — трубадуров и миннезингеров воспевается идеальный рыцарь — верный делу, справедливый и бесстрашный, щедрый, преданный своему сюзерену и, конечно, бескорыстно служащий Прекрасной Даме.

Вот об этом все мы и прочтете в нашей серии.

Издания снабжены приложениями и комментариями.

В серии

рыцари

вышел том

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА

Нашу серию открывает том под названием «Прекрасная Дама», в который вошли два романа, основанные на материале средневековых рыцарских романов и эпоса.

Темы этих романов бедны эпическим содержанием, в них главенствует — Любовь. — Прекрасная, роковая, самозабвенная, страстная, платоническая, неистовая, торжествующая...

Вы можете заказать книги Издательства "Терра",
заполнив карточку и отправив ее по адресу:

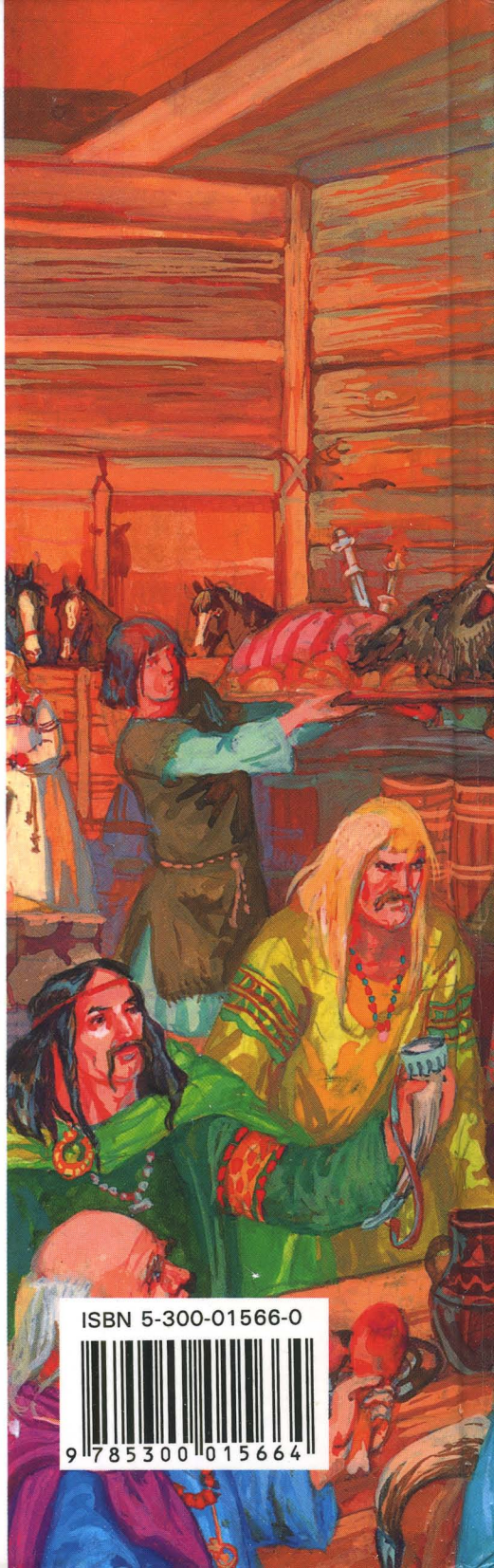
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА №7		Место для марки
Куда <u>150000, Ярославль</u>		
<u>ул. Павлика Морозова, 5. Почтамт, а/я 2.</u>		
Кому <u>"ТЕРРА"</u>		
	Индекс предприятия связи и адрес отправителя	
	Куда _____	
	Кому _____	

vikings

«Нортимбраландом называется пятая часть Англии... В Йорвиге... было раньше логово сыновей Рагнара Кожаные Штаны. Нортимбраланд большей частью заселен норвежцами, с тех пор как сыновья Рагнара Кожаные Штаны завоевали страну... Многие названия там даны на северном языке».

«Круг Земной», XII век

Впервые в мировой книгоиздательской практике «ТЕРРА» издает серию «Викинги», в которой представляет литературные произведения, повествующие о славных подвигах и приключениях морских разбойников Средневековья.

ISBN 5-300-01566-0

9 785300 015664